

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ.

МАЙ-ІЮНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Н. А. Иванцовъ. Основной принципъ красоты. В. И. Герье. Философія исторіи Гердера (<i>окончаніе</i>). Кн. С. Н. Трубецкой. Основанія идеализма (<i>продолженіе</i>). В. А. Гольцевъ. Н. Н. Страховъ, какъ художественный критикъ. В. Ф. Чижъ. Почему возвращенія пространства и времени постоянны и непремѣнны? Д. П. Конисси. „Книга о почитаніи родителей“. Баронъ Д. Г. Гинцбургъ. Каббала, мистическая философія евреевъ. Съ предисловіемъ В. С. Соловьева.	<p>Н. Д. Виноградовъ. Психофизиологическія изслѣдованія надъ микро-организмами.</p> <p>Критика и библиографія.
I. Обзоръ книгъ.
II. Обзоръ журналовъ.</p> <p>Психологическое Общество.</p> <p>В. Вальденбергъ. С. А. Бершадскій †.</p> <p>Извѣстія и замѣтки.</p> <p>А. А. Токарскій. Записки психологической лабораторіи Психіатрической клиники Императорскаго Московскаго Университета, стр. 125—204.</p> <p>Объявленія.</p> |
|---|--|

„Вопросы Философiи и Психологiи“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философiи и психологiи. Въ понятiя философiи и психологiи включаются: логика и теорiя знанiя, этика и философiя права, эстетика, исторiя философiи и метафизика, философiя наукъ, опытная и физиологическая психологiя, психопатологiя.
- 2) Критическiя статьи и разборы ученiй и сочиненiй западно-европейскихъ философовъ и психологовъ.
- 3) Обще обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философiи и библиографiя.
- 4) Философская и психологическая критика произведенiй искусства и научныхъ сочиненiй по различнымъ отдѣламъ знанiя.
- 5) Переводы классическихъ сочиненiй по философiи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (въ серединѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

Содержанiе книгъ журнала за 1895 и 1896 гг.

Январь (№ 26).—Пространство и время. В. Н. Чичерина.—Самуиль Пунфендорфъ. В. А. Гольцева.—Аскетическое начало нравственности. Вл. С. Соловьева.—Природа красоты. П. Д. Воборжика.—Происхожденiе и развитiе нравственныхъ чувствъ. А. А. Токарскаго.—Объ интеллектуальной сферѣ женщины. Л. О. Даршвейца.—По поводу статьи г. проф. А. И. Введенскаго: О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ. М. И. Каризскаго.—Критика и библиографiя и проч.

Мартъ (№ 27).—Устои нравственной жизни и дѣятельности. Н. Я. Грота.—Жизнь какъ нравственная борьба. П. А. Калезова.—Научная дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова. Кн. С. Н. Трубецкаго.—Отношенiя А. М. Иванцова-Платонова къ исторической наукѣ. М. С. Корелина.—Влiяние чувствованiй на теченiе времени. Н. В. Марина.—Анализъ основн. условiй при ассоциацияхъ идей. В. Р. Вудке.—Ив. Г. Шадъ. Ф. А. Зеленогорскаго.—Г. С. Сковорода, какъ богословъ. А. С. Лебедева.—Теорiя искусства съ точки зрѣнiя Тейхмюллера. А. А. Козлова.—Критика и библиографiя и проч.

Май (№ 28).—Генезисъ и развитiе музыки. В. А. Вагнера.—Анализъ „Хозяина и работника“ гр. Л. Н. Толстого. А. А. Козлова.—О добродѣтеляхъ. Вл. С. Соловьева.—Параллелистическая теорiя душевной жизни. Л. М. Лопатина.—Современное состоянiе экспериментальной психологiи, ея задачи и методы. В. Анри.—Психологiя въ исторiи. П. Н. Ардашева.—Критика и библиографiя и проч.

Сентябрь (№ 29).—Этический трактатъ Л. Валлы. М. С. Корелина.—Сознанiе Бога и знанiе о Богѣ. А. А. Козлова.—Мнимыя начала правильного поведенiя. Вл. С. Соловьева.—Этика и догматика. Кн. С. Н. Трубецкаго.—„Средина и постоянство“ Конфуция. Перев. Д. П. Кокисова.—Искусство и природа. Н. А. Иванцова.—Ученiе Канта о смѣнѣ душевныхъ явленiй. А. И. Введенскаго.—О прекрасномъ въ музыкѣ. В. А. Вагнера.—Критика и библиографiя и проч.

Ноябрь (№ 30).—Этический трактатъ Л. Валлы. М. С. Корелина.—Основанiя экспериментальной психологiи. Н. Я. Грота.—Явленiе и сущность въ жизни сознанiя. Л. М. Лопатина.—Безусловное начало нравственности. Влад. С. Соловьева.—Попытка научаго примиренiя моральныхъ разногласiй. Л. Е. Оболенскаго.—Памяти Гуго Гроция. В. А. Гольцева.—Ив. Г. Шадъ. Ф. А. Зеленогорскаго.—Критика и библиографiя и проч.

Январь (№ 31).—Отрывки изъ Упанишадъ. В. В. Джонстонъ.—Автономiя человѣка въ прогрессѣ и ея стади. Л. Е. Оболенскаго.—Основанiя идеализма. Кн. С. Н. Трубецкаго.—Дѣйствительность нравственнаго порядка. Влад. С. Соловьева.—Развитiе идей государственной необходимости и общественной правды въ Италiи. Ботеро и Кампанелла. М. М. Ковалевскаго.—О темпераментѣ. А. А. Токарскаго.—Критика и библиографiя и проч.

Мартъ-апрѣль (№ 32).—Философiя исторiи Гердера. В. И. Герье.—Автономiя человѣка въ прогрессѣ и ея стади Л. Е. Оболенскаго.—Основанiе идеализма. Кн. С. Н. Трубецкаго.—Понятiе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта. Л. М. Лопатина.—Памяти Н. Н. Страхова. Къ характеристикѣ его философскаго мiросозерцанiя. Н. Я. Грота.—Христанская гармонiя духа. Н. Н. Неждьева.—Мiръ звуковъ, какъ объектъ воспрiятiя и мысли. А. Н. Бернштейна.—Критика и библиографiя и проч.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ VII.

Книга 3 (33).

Подъ редакціей Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго.

МАЙ-ІЮНЬ 1896 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о,

Пименовская улица, собствен. домъ.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Основной принципъ красоты.— Н. А. Иванцова	337
Философія исторіи Гердера (<i>окончаніе</i>).— В. И. Герье . . .	374
Основанія идеализма (<i>продолженіе</i>).— Кн. С. Н. Трубец- кого	405
Н. Н. Страховъ , какъ художественный критикъ. — В. А. Гольцева	431
—	
Почему возрѣнія пространства и времени постоянны и не- премѣнны?— В. Ф. Чижа	229
„Книга о почитаніи родителей“, переводъ съ китайскаго.— Д. П. Конисси	265
Каббала, мистическая философія евреевъ.— Барона Д. Г. Гинцбурга , съ предисловіемъ Вл. С. Соловьева	277
Психофизиологическія изслѣдованія надъ микроорганиз- мами.— Н. Д. Виноградова	301

Критика и библиографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

F. A. Lange . Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart.— В. Саводника	331
И. Тэнъ . Французская философія первой половины XIX вѣка.— Ю. Айхенвальда	333
Armand Sabatier . Essai sur immortalité au point de vue du naturalisme evolutioniste.— Н. Д. Виноградова	336
В. А. Гольцевъ . Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка.— Ю. А.	343
Новыя книги и брошюры , полученныя редакціей	344

II. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Archiv für systematische Philosophie. B. I, Heft 1—4, 1895.—В. Саводника	346
Revue philosophique. 1895 г., №№ 1—6.—Ю. Айхен- вальда	352

Психологическое Общество (отчетъ о CXLV очередномъ засѣданіи и условія для соисканія преміи, учрежден- ной Д. А. Столыпинымъ)	358
† С. А. Бершадскій.—В. Вальденберга	361
Извѣстія и замѣтки	364

А. А. Токарскій. Записки психологической лабораторіи Психіа-
трической клиники Московскаго университета. Стр. 125—204.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Основной принцип красоты.

Есть много вещей, которыя практически извѣстны всѣмъ, но дать опредѣленіе которыхъ весьма трудно. Къ числу такихъ вещей относится *красота*. Всѣ мы на каждомъ шагу примѣняемъ этотъ терминъ, но весьма немногіе могли бы опредѣлить, что понимаютъ они подъ этимъ словомъ, и дать отвѣтъ на вопросъ, что именно красиво, въ чемъ собственно состоитъ красота. Настоящая статья имѣетъ въ виду сильное разрѣшеніе этого вопроса.

I.

Въ природѣ красоты не существуетъ. Красота есть чисто-субъективное чувство и составляетъ особый родъ удовольствія.

Существуютъ теоріи, по которымъ пріятное есть полезное, и хотя встрѣчается не мало исключеній изъ такого обобщенія, они поддаются объясненію, не нарушая самой теоріи. Красивое, какъ особый родъ пріятнаго, есть также полезное. Я не буду вдаваться здѣсь въ разборъ этихъ утилитарныхъ теорій красоты: замѣчу только, что въ сущности своей онѣ, по моему мнѣнію, справедливы. Нашъ предметъ составляетъ не то, откуда возникло чувство красоты, а что оно составляетъ, т.-е. какими общими свойствами обладаютъ внѣшнія явленія, производящія на насъ впечатлѣніе красоты.

Всякому извѣстно, что красота бываетъ самая разнообразная, и то, что является красивымъ въ одномъ отношеніи, можетъ быть безобразно въ другомъ, и наоборотъ. Линія, красивая сама по себѣ, вступая въ сочетаніе съ другими линіями, напримѣръ въ архитектурномъ фасадѣ, можетъ его обезобразить. Диссонансъ, самъ по себѣ безобразный, часто придаетъ особую красоту музыкальному произведенію. Такія безобразныя и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи личности, какъ Фальстафъ или Ричардъ III, становятся красивы въ изображеніи Шекспира, хотя онъ ихъ ни мало не прикрашиваетъ. Существуетъ даже такая странная красота, какъ „красота дьявольская“, т.-е. красота верха всякаго безобразія. Есть однако одинъ общій принципъ, опредѣляющій красоту всякаго явленія. Чтобы онъ былъ намъ совершенно ясенъ, начнемъ съ явленій наиболѣе простыхъ, а именно линій и ихъ сочетаній.

Всѣ согласятся, что линія, проведенная по линейкѣ, или кругъ, очерченный циркулемъ, красивѣе линіи и круга, сдѣланныхъ отъ руки. Почему? Потому что они правильны, и чѣмъ линія правильнѣе, тѣмъ она красивѣе. Итакъ, въ простыхъ линіяхъ красота есть ихъ правильность. Но что такое правильность? Правильно то, что слѣдуетъ извѣстному правилу, что сообразно съ извѣстнымъ закономъ или закономѣрно. Правило круга состоитъ въ томъ, что всѣ точки его находятся на одинаковомъ разстояніи отъ центра; правило прямой линіи въ томъ, что кратчайшее разстояніе между двумя ея любыми точками совпадаетъ съ самой линіей.

Но вѣдь неправильный кругъ и неправильная прямая линія, если можно такъ выразиться, также слѣдуетъ какому-либо правилу, которое могло бы быть выражено сложной математическою формулой. Почему же они не производятъ на насъ впечатлѣнія красоты? Отвѣтъ не трудень. Такъ какъ красота есть субъективное чувство, то и условіе ея должно существовать не само по себѣ, а для субъекта; линіи должны быть правильны *для насъ*, чтобы производить на насъ

впечатлѣніе красоты. Иными словами, линія кажется намъ красивѣе тогда, когда глазъ нашъ способенъ сразу открыть въ ней существованіе извѣстной закономерности, извѣстной правильности, даже не будучи пока въ состояніи дать себѣ отчетъ, въ чемъ именно состоитъ эта правильность. Правильность круга, начерченнаго циркулемъ, мы замѣчаемъ гораздо ранѣе, чѣмъ находимъ, что правильность эта или законъ круга состоитъ въ равномъ разстояніи всѣхъ точекъ окружности отъ центра. Наоборотъ, въ кругѣ, грубо нарисованномъ отъ руки, мы замѣчаемъ лишь приближеніе къ правильности. Мы видимъ, что въ подобной фигурѣ правильность могла бы быть, но ея нѣтъ. Чѣмъ отступленіе незначительнѣе, тѣмъ фигура кажется красивѣе; она радуется намъ своимъ приближеніемъ къ правильности. Чѣмъ отступленіе больше, тѣмъ фигура безобразнѣе; она насъ сердитъ своимъ нарушеніемъ правильности; законъ, которому должна бы слѣдовать линія, очевидно существуетъ, но онъ не исполняется. Такая линія не красива. Если линія настолько неправильна, что мы не улавливаемъ даже возможности ея закономерности, она является для насъ хотя и не красивой, но болѣе безразличной, чѣмъ въ послѣднемъ случаѣ.

Почему это такъ? Отвѣтъ можетъ быть двоякій, и я полагаю, что оба вѣрны.

Во-первыхъ, глазу легче слѣдить за правильною линіей, чѣмъ за неправильною, а легкая работа конечно пріятнѣе тяжелой и полезнѣе для организма. Процессъ зрѣнія можно уподобить ходьбѣ. Легко и пріятно идти по гладкому полу; трудно идти по неровной мостовой; но самое непріятное ходить по ровной дорогѣ, перерытой канавами тамъ, гдѣ ихъ не ожидаешь. Неожиданное нарушеніе правильности отзывается на насъ болѣзненнѣе, чѣмъ самая неправильность.

Во-вторыхъ, правильная линія легче запоминается, а запоминаніе весьма полезно для насъ, а потому и пріятно, такъ какъ увеличеніе нашего знанія увеличиваетъ нашу силу. Неправильное запоминается съ трудомъ, но изъ не-

правильнаго мы и не выводимъ никакихъ руководствъ для своей дѣятельности, а потому и не стараемся его запомнить. И ничто не заучивается такъ трудно, какъ исключенія, если сами они не приведены къ какому-либо правилу.

Быть-можетъ, читатель не согласится съ приведенными объясненіями и найдетъ свое. Тѣмъ лучше: все, что для насъ важно, это то, что красота простыхъ линій состоитъ въ ихъ правильности или законосообразности.

Если мы перейдемъ теперь отъ простыхъ линій къ ихъ сочетаніямъ, то здѣсь обнаруживается тотъ же самый законъ и притомъ съ такою очевидностью, что поддается экспериментальному доказательству. И здѣсь красота есть закономерность.

Сдѣлайте чернилами кляксъ на бумагѣ. У васъ получится некрасивое пятно. Перегните бумагу пополамъ, разотрите ее пальцами и разверните вновь—передъ вами довольно красивый симметричный рисунокъ. Другой примѣръ: я беру полоску бумаги, складываю ее нѣсколько разъ и, не имѣя подъ руками ножницъ, просто руками разрываю ее такимъ образомъ, чтобы получилась какая-либо фигурка, не имѣющая ни малѣйшей претензіи на изящество. Теперь я разверну эту полоску, и вы увидите бордюръ, правда не прихотливый, но вы врядъ ли станете спорить, что онъ до нѣкоторой степени красивъ. Въ обоихъ случаяхъ красота явилась только потому, что явилась извѣстная правильность, извѣстная закономерность въ размѣщеніи линій. Еслибы я разрѣзала свою полоску бумаги ножницами, линіи получились бы болѣе правильныя, и вы имѣли бы бордюръ еще болѣе красивый. Я расположу самыя линіи въ извѣстномъ порядкѣ, внесу въ нихъ извѣстный характеръ, опредѣленную изогнутость или ломанность, и достигну еще болѣе высокой степени красоты. Но первый примѣръ наиболѣе поучителенъ. Онъ показываетъ, что некрасивое можетъ стать элементомъ красоты, разъ оно подчиняется извѣстной закономерности.

Красоту линіи можно увеличить, помѣстивъ ее рядомъ

съ линіей еще менѣе правильной или слѣдующей противоположному правилу, вслѣдствіе чего правильность первой линіи покажется большею. Въ этомъ состоитъ дѣйствіе контраста, могущественнаго средства для достиженія красоты цѣлаго сочетанія.

Отъ линій и ихъ сочетаній мы могли бы перейти къ поверхностямъ и тѣламъ, но здѣсь тотъ же самый выводъ до такой степени очевиденъ, что останавливаться на его доказательствѣ нѣтъ надобности. Ограничусь однимъ указаніемъ. Всѣ слышали, вѣроятно, что произведенія Рафаэля отличались, между прочимъ, особенною красотой линій, подразумѣвая подъ красотой линій красоту формы. Посмотрите на его картины, а особенно на его рисунки, и вы убѣдитесь, что красота эта есть не что иное, какъ правильность. На нѣкоторыхъ эскизахъ Рафаэля можно видѣть, какъ онъ прямо добивался правильной округлой линіи. Я не хочу этимъ сказать, что у Рафаэля только это и было, или что достаточно вывѣрить слѣданный рисунокъ человѣческаго тѣла по циркулю и линейкѣ, чтобы быть Рафаэлемъ. Человѣческое тѣло есть явленіе болѣе сложное, чѣмъ тѣло геометрическое, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Примѣръ приведенъ лишь затѣмъ, чтобы показать, что и въ человѣческомъ тѣлѣ, хотя бы и въ изображеніи Рафаэля, поскольку оно есть тѣло геометрическое, красота и правильность одно и то же. Это впрочемъ настолько ясно, что вошло въ повседневный языкъ. Мы говоримъ: „ее нельзя назвать красивой; черты ея лица неправильны“, или „какая красота, какая правильность и пропорціональность линій!“

Если отъ линій и тѣлъ мы перейдемъ къ цвѣтамъ и звукамъ, то найдемъ то же самое.

Въ цвѣтахъ намъ наиболѣе нравятся цвѣта яркіе и простые, а простота и яркость есть также особый родъ законмѣрности. Звуки нравятся намъ такіе, которые подчиняются извѣстнымъ простымъ числовымъ законамъ. Физиологія органовъ чувствъ объясняетъ намъ, почему воспріятіе простыхъ цвѣтовъ и звуковъ доставляетъ намъ удовольствіе: имен-

но—эти цвѣта и звуки воспринимаются съ особенною легкостью, а слѣдовательно и легко запоминаются. То же касается яркости цвѣта и силы звука, пока онѣ не превосходятъ известной степени и не становятся болѣзненными. Такъ какъ простота цвѣта и его сила не всегда сопутствуютъ другъ другу, то одно можетъ замѣщать другое. Такъ, въ музыкѣ дикарей рѣзкость звуковъ съ успѣхомъ замѣняетъ чистоту нашихъ инструментовъ. Что красота цвѣта состоитъ въ его яркости и чистотѣ, доказательствомъ тому служатъ тѣ же дикари, пристрастіе которыхъ къ подобнымъ предметамъ всѣмъ известно, — а также національные костюмы едва ли не всѣхъ странъ. Если у болѣе цивилизованныхъ народовъ яркіе цвѣта замѣняются темными, и употребляются всѣ усилія, чтобы одежда не бросалась въ глаза, то причиной тому являются иныя условія, въ разсмотрѣніе которыхъ здѣсь входить не мѣсто.

Прекрасное подтвержденіе сказанному представляетъ также религиозная живопись Италіи XV-го вѣка. Итальянская живопись среднихъ вѣковъ до эпохи возрожденія весьма похожа на византійскую, знакомую намъ по иконамъ—тѣла деревянныя, темно-желтыя, одежды темныя. Такой характеръ живописи соотвѣтствовалъ общему характеру міровоззрѣнія: вниманіе обращалось на то, что считалось духомъ, — плоть была въ униженіи. Въ XIV вѣкѣ пробуждаются теченія болѣе естественныя, которыя отражаются и на религиозной живописи. Фигуры святыхъ становятся болѣе натуральными, является стремленіе къ ихъ украшенію и украшенію возможно лучшему, соотвѣтствующему достоинству изображаемыхъ лицъ. На иконахъ является много золота и тисненныхъ узоровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ одежды принимаютъ яркіе цвѣта—красный, желтый, зеленый, синій. Фра-Анжелико, Перуджино, Монако и другіе итальянскіе живописцы конца XIV и XV-го вѣка служатъ прекрасными тому примѣрами.

Въ сочетаніяхъ цвѣтовъ и звуковъ—то же самое. Дополнительные другъ къ другу цвѣта производятъ самое пріятное

впечатлѣніе. Какъ живописецъ, желая придать особенную красоту изображаемымъ предметамъ, совершенно безсознательно прибѣгаетъ къ дополнительнымъ цвѣтамъ, примѣромъ тому часто служитъ та же итальянская живопись начала эпохи возрожденія. Такъ, напримѣръ, у Гирляндайо въ его *La vergine col bambino*, находящейся во Флоренціи (Уффици, зала Монако) у мадонны лицо въ свѣтахъ имѣетъ розовый оттѣнокъ, въ полутонахъ—оно совершенно зеленое. То же самое часто встрѣчается позднѣе у Дольчи. Не простые цвѣта, но дополняющіе другъ друга, также кажутся красивыми, аналогично правильному размѣщенію неправильныхъ линий. Всякому извѣстна также красота изображеній въ калейдоскопѣ, возникающая единственно вслѣдствіе того, что кучка окрашенныхъ стеклышекъ отражается въ трехъ симметрично расположенныхъ зеркалахъ. Въ музыкѣ гармонія является тогда, когда сочетающіеся другъ съ другомъ звуки находятся между собою въ простыхъ отношеніяхъ. Далѣе, колоритная живопись и музыка съ такимъ же успѣхомъ пользуются контрастомъ, съ какимъ прибѣгаютъ къ нему въ простомъ рисункѣ.

Существуютъ явленія природы и произведенія искусства, въ которыхъ никакой другой красоты, кромѣ красоты линий, цвѣтовъ и звуковъ, не существуетъ. Такова красота кристалловъ, различныхъ узоровъ, скульптурныхъ украшеній, множества архитектурныхъ построекъ и музыкальныхъ произведеній. Высказывались даже мнѣнія, что вся музыка есть нечто иное, какъ математика звуковъ. Это не вѣрно. Есть красота высшая, чѣмъ только что разсмотрѣнная нами. Эта послѣдняя можетъ быть названа *красотой физической*, и закономерность ея сводится къ *правильности* въ разнообразныхъ ея формахъ. Если мы называемъ такую красоту физической, изъ этого не слѣдуетъ, что она ограничивается только физическимъ міромъ неодушевленныхъ предметовъ. Существа организованнаго и одухотвореннаго суть въ то же время тѣла физическія и, какъ таковыя, могутъ обладать физическою красотой. Встрѣчается не мало за-

мѣчательно красивыхъ лицъ, мужскихъ и особенно женскихъ, красота которыхъ чисто физическая. Но помимо ея есть красота болѣе высокаго порядка.

II.

Это прежде всего *красота органическая*.

Организмъ есть то, что состоитъ изъ органовъ, т.-е. изъ частей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое особое назначеніе по отношенію къ цѣлому, свое особое отправленіе въ общемъ раздѣленіи труда, свою частичную цѣль въ общей цѣли *). Такое соотношеніе между частями есть закономерность даннаго явленія, и если такая закономерность органическая легко бросается въ глаза, хотя бы на первыхъ порахъ и было невозможно опредѣлить, въ чемъ именно состоитъ она (какъ и въ случаѣ красоты физической),—то предметъ красивъ. Онъ можетъ быть не красивъ физически, его линіи могутъ быть неправильны и угловаты, цвѣта негармоничны:—тѣмъ не менѣе онъ красивъ. Красота его высшаго порядка. Это—красота организма.

Какъ красиво всякое живое существо, даже самое безобразное! Нѣтъ такого неуклюжаго, уродливаго, непропорціональнаго животнаго или растенія, которое не обладало бы нѣкоторою красотой. Но вотъ тоже животное или растеніе мертвое — издохшая собака, увядшая роза. Ихъ пропорціи, линіи, краски сохранились еще тѣ же самыя; они только перестали жить, перестали быть организмами, стали просто физическими тѣлами, и вмѣстѣ съ жизнью, вмѣстѣ съ органичностью исчезла и ихъ красота. Исчезли тѣ неуловимые и неопредѣлимые признаки, по которымъ мы сразу заключали, что передъ нами организмы. Если эти предметы, помимо красоты органической, обладали еще красотой физической, они и подъ прикосновеніемъ смерти

*) Подъ словомъ *цѣль* здѣсь разумѣется не какая-либо *causa finalis*, а лишь то особое соотношеніе между частями и цѣлымъ, которое на языкѣ естественныхъ наукъ носитъ названіе отправленія, функціи, раздѣленія труда и т. д.

сохраняють часть своей красоты; но это только часть, и часть наименѣ существенная. Это красота иммортели—цвѣтка, который и при жизни кажется мертвымъ, и который слѣдовало бы назвать не иммортелью, а инвивантомъ.

Органическая красота не ограничивается одними живыми тѣлами. Жизнь есть лишь частный случай организаци. Можно быть организмомъ и не обладая жизнью, хотя нельзя жить, не будучи организмомъ. Всякая машина, всякій сложный физическій инструментъ суть организмы, хотя они суть тѣла мертвыя. Это не мѣшаетъ имъ однако обладать органическою красотой, доступною, правда, лишь для того, для кого сколько-нибудь ясно соотношеніе между ихъ частями. Разберите машину на части, расположите ихъ какъ можно красивѣе, и красота ея, какъ организма, тѣмъ не менѣ исчезнетъ.

Философская система есть извѣстный организмъ, въ которомъ части взаимно дополняютъ другъ друга и стоятъ въ строго опредѣленномъ отношеніи къ цѣлому. Въ этомъ выражается внутренняя законмѣрность системы. И чѣмъ философская система органичнѣе, тѣмъ она „красивѣе“, что и служитъ объясненіемъ, почему часто трудно понятныя и туманныя философіи находятъ множество поклонниковъ. Про Гегеля рассказываютъ, что, умирая, онъ жаловался, что его никто не понялъ. Нельзя не согласиться, однако, что, несмотря на свою туманность и нелѣпости, система Гегеля была одной изъ наиболѣе органичныхъ философскихъ системъ. Въ этомъ была ея красота, которой объясняется въ значительной мѣрѣ ея распространеніе.

Многія художественныя произведенія, кромѣ чисто физической красоты, состоящей въ правильности линій, гармоничности цвѣтовъ и т. д., и даже помимо такой красоты, отличаются необыкновенной органичностью, и органичность цѣлаго есть одно изъ первыхъ требованій для всякаго художественнаго произведенія.

Почему красивъ удачный пейзажъ дождливой погоды? Почему то же самое явленіе, которое въ дѣйствительности

нагоняетъ скуку и не отличается ни малѣйшей эстетичностью, привлекаетъ наше вниманіе, будучи изображено на полотнѣ кистью художника, и заставляетъ находить красоту въ его произведеніи?

Потому, что въ дѣйствительности мы обращали вниманіе порознь на дождь, слякоть, туманъ, промоченныя ноги, насморкъ и кашель, и эти явленія были не красивы. Мы приурочивали ихъ къ самимъ себѣ и находили ихъ весьма неприятными. Художникъ представилъ ихъ намъ въ ихъ естественномъ цѣломъ, заставилъ насъ смотрѣть на дождь, слякоть, вѣтеръ, холодъ, туманъ не по отношенію къ намъ самимъ, а какъ на органическія части одного общаго явленія, и его картина, помимо другихъ причинъ, стала намъ нравиться и производить извѣстное впечатлѣніе красоты.

Почему Фальстафъ или Ричардъ III, еслибы мы встрѣтились съ ними въ дѣйствительности; произвели бы на насъ самое отталкивающее впечатлѣніе, и почему они красивы въ изображеніи Шекспира?

Потому, что Шекспиръ въ нихъ съ чѣмъ не сообразныхъ на первый взглядъ поступкахъ Фальстафа, въ злодѣяніяхъ Ричарда сумѣлъ найти извѣстную органическую законмѣрность и выразилъ ее съ опредѣленностью и ясностью, присущею его гению. Нравственная распушенность и беззаконіе, возведенныя на степень закона для явленія эстетическаго, дали въ рукахъ Шекспира художественныя произведенія. Духовное безобразіе для нашего чувства моральнаго, ясно и законмѣрно выраженное, производитъ впечатлѣніе извѣстнаго рода красоты.

Надѣюсь, изъ сказаннаго для читателя ясно, что я разумю подъ красотой органической. Однако, прежде чѣмъ мы пойдемъ далѣе, необходимо слѣдуетъ еще одно замѣчаніе.

Какъ естествоиспытатель все болѣе и болѣе приходитъ къ тому убѣжденію, что между міромъ живымъ и міромъ безжизненнымъ — природою органическою и чисто-физическою — нѣтъ принципиальнаго различія, что въ обоихъ дѣй-

ствують тѣ же общія причины, оба управляются одними и тѣми же законами,—точно также нѣтъ принципиальнаго различія между красотой физической и красотой органической, и рѣзкой границы между ними провести невозможно. И та, и другая суть извѣстныя закономерности, и мы видѣли, что физическая красота бываетъ различныхъ родовъ, такъ что линіи, некрасивыя сами по себѣ, могутъ быть красивы какъ части сложнаго цѣлаго. Точно такое же отношеніе существуетъ между красотой органической и красотой чисто физической. Красота органическая есть красота высшаго порядка, но по существу своему она не отлична отъ красоты физической.

III.

Однако и закономерность органичности не составляетъ еще послѣдняго слова красоты. Существуетъ высшій разрядъ красоты, или, вѣрнѣе сказать, въ области красоты органической есть особый высшій родъ, заслуживающій отдѣленія отъ всѣхъ прочихъ, хотя онъ и связанъ съ ними такими непосредственными переходами, что провести рѣзкой границы здѣсь невозможно.

Чѣмъ красиво звѣздное небо въ темную ночь? Чѣмъ красива буря, когда молніи ослѣпительно сверкаютъ, поминутно раздаются наводяшіе ужасъ удары грома, когда море реветъ и стонетъ и, кажется, нигдѣ нельзя найти надежной опоры? Чѣмъ красивы такія явленія природы, какъ изверженія огнедышащихъ горъ, когда исполинскій вулканъ треснетъ по всей длинѣ, и изъ трещины льются потоки пламени, клубится дымъ, и вы находите какое-то странное, тѣмъ не менѣе эстетическое удовольствіе идти по застывшей корѣ лавы, и въ трещинахъ подъ вашими ногами краснѣеть огонь, васъ обдаетъ жаромъ, вамъ горячо ступать, и вы каждую секунду рискуете, что земля подъ вашими ногами разверзнется и поглотитъ васъ въ своемъ огненномъ зѣвѣ? Или какая красота въ безконечной степи,

представляющей сплошное однообразіе зеленой волнующейся поверхности съ бѣлѣющими вихрами ковыля, куда ни кинешь взгляда?

Несомнѣнно, есть красота чисто физическая во многихъ изъ этихъ явленій. Но одной ея мало; не она привлекаетъ наше вниманіе. Красота органическая? Но ея часто нѣтъ совершенно, по крайней мѣрѣ той органической красоты, какую мы привыкли видѣть въ другихъ явленіяхъ. Тамъ красота органическая означаетъ собою порядокъ, единство въ разнообразіи. Здѣсь — или крайній хаосъ, или полное единообразіе.

Красота этихъ явленій въ томъ, что называли величественнымъ, высокимъ, возвышеннымъ, но что болѣе подходящимъ образомъ можно было бы назвать идейнымъ. Это *красота идейная*.

Не забудемъ, что красота есть чисто субъективное чувство, вызываемое въ насъ извѣстными явленіями, которыя мы называемъ поэтому красивыми. Идейною красотой обладаютъ тѣ явленія, которыя невольно пробуждаютъ въ насъ ту или другую идею. Звѣздное небо, степь вызываютъ въ насъ идею безпредѣльности; буря, изверженіе вулкана пробуждаютъ идею силы и могущества.

Явленія, которыя мы разсматривали раньше и которыя можно назвать органически прекрасными, также внушаютъ намъ извѣстную идею, но это есть идея частная, индивидуальная, ограниченная,—идея красоты женскаго тѣла, силы и ловкости мужчины, идея мирной деревенской жизни, величія властелина, прелести цвѣтка и т. д. Явленія идейно красивыя вызываютъ идею общую, или, какъ говорятъ, абстрактную—идею безпредѣльности, идею силы, идею чело-вѣчности или божественности, рока или необходимости, и тому подобное. При созерцаніи звѣзднаго неба съ ясностью предстаетъ идея безпредѣльности. Чего? Неба?—Нѣтъ. Человѣческаго духа?—Тоже нѣтъ. Того, кто или что сотворилъ или сотворило небо съ его звѣздами?—Тоже нѣтъ. Идея безпредѣльнаго самого по себѣ, безпредѣльнаго во-

обще. Я смотрю греческую трагедію. Какая общая идея пробуждается во мнѣ? Идея несчастій и страданій Эдипа?— Нѣтъ. Идея рока, идея необходимости, управляющей человѣческими дѣяніями и ведущей человѣка къ опредѣленному концу, помимо его воли и сознанія, такъ что даже его попытки избѣжать своей судьбы служатъ только для ускоренія послѣдней. Всякому приходилось, вѣроятно, встрѣчаться въ жизни или, по крайней мѣрѣ, въ литературѣ съ людьми, отъ которыхъ вѣетъ какимъ-то особеннымъ нравственнымъ величіемъ, дѣлающимъ ихъ нравственно прекрасными. Въ чемъ красота этихъ людей? Въ томъ ли, что они не лгутъ, не крадутъ, не лстятъ, не творятъ неправды, или въ томъ, что своею личностью внушаютъ идею нравственного долга не ихъ самихъ, а человѣка, и эта идея даетъ закономѣрность ихъ существованію?— Конечно, въ послѣднемъ.

Такъ какъ между частнымъ и общимъ рѣзкой границы не существуетъ, и то, что обще по отношенію къ болѣе частному, можетъ быть частнымъ по отношенію къ болѣе общему, то понятно, что между красотой органической и красотой идейной рѣзкую границу провести еще труднѣе, чѣмъ между красотой физической и красотой органическою. Чтобы явленіе производило впечатлѣніе идейной красоты, между его частями должно существовать извѣстное соотношеніе, онѣ должны извѣстнымъ закономѣрнымъ образомъ дополнять одна другую и вести къ одной цѣли; иными словами, красота идейная есть лишь высшій родъ красоты органической.

Это есть высшая степень красоты, которая, какъ мы видѣли, вездѣ еще не что иное, какъ наглядная закономѣрность явленія. Остановимся же нѣсколько долѣе на этой области и разберемъ нѣсколько явленій идейной красоты, взятыхъ на этотъ разъ не изъ области природы, а изъ области искусства. Подобныхъ явленій такъ мало, что они заслуживаютъ особеннаго вниманія. Свои примѣры я возьму изъ произведеній величайшихъ художниковъ новаго времени—Рафаэля, Микель Анджело и Шекспира.

IV.

Высшимъ произведеніемъ Рафаэля по всей справедливости считается Сикстинская Мадонна, находящаяся въ Дрезденской галлерей. О ней и будетъ здѣсь рѣчь.

Эта картина по снимкамъ извѣстна каждому. Согласно каталогу Дрезденской галлерей она изображаетъ слѣдующее.

„Сикстинская Мадонна. Марія паритъ на бѣлыхъ облакахъ въ золотистомъ сіяніи изъ ангельскихъ головокъ. Нагой младенецъ Христосъ возсѣдаетъ, какъ на тронѣ, на ея правой рукѣ. Оба смотрятъ прямо на зрителя серьезными большими глазами. Къ ихъ ногамъ преклоняютъ колѣна двѣ фигуры святыхъ на облакахъ: слѣва св. папа Сикстъ II, сложившій свою тройную корону на парапетъ спереди и съ умиленіемъ взирающій на Божию Матерь; справа смиренно смотрящая въ сторону св. Варвара, которая узнается по башнѣ съ ея правой руки. Посрединѣ спереди выглядываютъ изъ-за парапета два ангельчика, въ умиленіи взирающіе на небесное явленіе. Зеленый занавѣсъ сверху и парапетъ снизу отдѣляютъ явленіе отъ земного міра“.

Таковъ будто бы смыслъ картины. Въ небесахъ, отдѣленныхъ отъ земного міра зеленою занавѣской, происходитъ небесное явленіе. Марія ходитъ по облакамъ въ золотомъ сіяніи изъ ангельскихъ головокъ съ голымъ младенцемъ на рукахъ. Свидѣтелями этой прогулки являются папа Сикстъ, святая Варвара и два ангела, изъ которыхъ одинъ (посмотрите на любую фотографію) устался на Варвару, которая отвѣчаетъ ему взглядами, а другой смотритъ на Марію снизу вверхъ и кромѣ ногъ ничего не можетъ видѣть. Такъ толкуется обыкновенно картина лишь съ большими или меньшими прикрасами и подробностями. Если это такъ, то въ картинѣ Сикстъ и Варвара, повидимому, совершенно лишни, равно какъ и два ангела, и зеленая занавѣска, и парапетъ, на который облокотились ангелы, такъ какъ небесное явленіе съ удобствомъ могло бы происходить безъ всего этого. И если это такъ, то въ картинѣ нѣтъ ни ор-

ганической связи, ни общаго смысла. Но почему же Сикстинская Мадонна производит такое неотразимое впечатлѣніе на всякаго зрителя? Почему въ той комнатѣ, гдѣ она выставлена, говорятъ шепотомъ? Почему даже случайные туристы, попавъ въ эту залу, снимаютъ шляпы и останавливаются въ нѣмомъ изумленіи, какъ бы внезапно встрѣтившись съ чѣмъ-то священнымъ? Почему не бываетъ этого ни передъ Вознесеніемъ мадонны Тиціана, ни передъ подобными же картинами Мурильо въ другихъ галлереяхъ? Вѣдь они также изображаютъ „небесныя явленія“.

Дѣло въ томъ, что смыслъ картины скорѣе и яснѣе чувствуется, чѣмъ поддается объясненію. Для ума смыслъ картины утраченъ, и его въ ней нѣтъ, какъ нѣтъ ни смысла, ни жизни въ вырванномъ кускѣ мяса.

Мадонна Рафаэля такой же вырванный кусокъ мяса, въ которомъ всѣ части хороши лишь порознь, самі по себѣ, но между ними нѣтъ рacionales связи, и отдѣльныя фигуры живутъ такимъ же жалкимъ остаткомъ жизни, какимъ продолжаетъ биться вырванное сердце. Что Рафаэль создалъ въ этой картинѣ нѣчто великое, это можно понять лишь зная исторію картины, а именно, что она была написана для церкви св. Сикста въ Пьяченцѣ.

Воображеніе рисуетъ слѣдующее.

Италія, родина Рафаэля, гдѣ непривычныя для насъ яркія краски итальянскихъ мастеровъ кажутся столь же родными, какъ для насъ сѣрые тона нашихъ живописцевъ. Церковь св. Сикста въ Пьяченцѣ, съ религіозной живописью по стѣнамъ и потолку. Народъ, и мы въ томъ числѣ, стоимъ передъ алтаремъ и благоговѣнно, со страхомъ и трепетомъ, ждемъ жертвы, долженствующей совершить дѣло нашего искупленія. Колѣнопреклоненный епископъ передъ алтаремъ и духовенство въ богослужебныхъ ризахъ. Звуки органа и пѣснопѣній.

И вотъ разверзся занавѣсъ надъ алтаремъ, и въ ослѣпительномъ сіяніи шествуетъ небесная мать, несущая намъ своего сына для нашего избавленія. Облака служатъ ей

помостомъ и уже уперлись, клубясь какъ дымъ кадила, въ парапеть надъ алтаремъ. Папа Сикстъ и Варвара выступили изъ среды насъ къ ней на встрѣчу и умиленно склонились передъ нею. Они отъ насъ, они предстатели и посредники между нами и ею. Сикстъ лѣвую руку молитвенно прижалъ къ груди, а правой указываетъ на насъ, и вся его фигура говоритъ: „они ждутъ тебя“. Варвара умиленно скрестила руки, вся ея фигура выражаетъ стремленіе къ грядущей, а глаза смотрятъ внизъ на молящихся, говоря: „Вы счастливы, вы дождались“. На лицѣ идущей матери начертана ея любовь къ сыну, въ едва замѣтной улыбкѣ и задумчивыхъ глазахъ свѣтится ея любовь къ людямъ и сожалѣніе о гнетущемъ ихъ рабствѣ вмѣстѣ съ сознаниемъ близкаго избавленія, и на неподвижныхъ устахъ невольно читаешь: „Вотъ вамъ сынъ мой“. Чело младенца полно разума и мощи,—онъ знаетъ, что надо сдѣлать, и совершить, что надо, не остановясь ни передъ препятствіями, ни передъ жертвой самимъ собою. Хоръ ангеловъ слѣдуетъ сзади. Два изъ нихъ оперлись на парапеть и съ умиленіемъ смотрятъ на своды храма, расписанные изображеніями событій, являющихся предвареніями происходящаго... Земныя страсти смолкаютъ въ чаяніи грядущаго будущаго; всѣ мы братья, такъ какъ для всѣхъ и каждаго одинаково готовится великое дѣло. Еще шагъ, и Спаситель будетъ среди насъ, и совершится дѣло нашего избавленія. Можно прождать цѣлую вѣчность.

Вотъ что создалъ Рафаэль.

Но развѣ эта картина написана для нѣмецкой кунсткамеры, гдѣ она низведена на степень рѣдкой почтовой марки въ коллекціи, смотрѣть которую пускаютъ за деньги, и гдѣ я простой зритель, а не художественное звено самаго произведенія? Развѣ рамою ограничивается то, что создалъ Рафаэль? Стоить только смотрѣть на Мадонну такъ, какъ на нее приходится смотрѣть, и тогда въ ней, конечно, будетъ много лишняго и непонятнаго. Геній Рафаэля шагнулъ едва ли не до предѣловъ возможнаго для человѣка, а его заперли въ

узкую комнату. То, что имъ нарисовано и что намъ показываютъ, только часть того, что онъ создалъ, часть, теряющая свою жизненность, какъ скоро она вынута изъ живого организма.

Это есть по-истинѣ идейное произведеніе искусства. Его идея, хотя и выраженная въ католическомъ образѣ, есть идея всего человѣчества. Это—ожиданіе и вѣра въ высшую свободу и совершенство человѣка, достигаемая путемъ великой жертвы, чаяніе и стремленіе къ идеалу, вѣра въ возможность и близость его осуществленія, т. е. та идея, то дыханіе жизни, которое дѣлаетъ человѣка человѣкомъ и отличаетъ его отъ животнаго, и которая вѣчно остается живою и дѣйственною, выражена ли она тѣмъ или другимъ словомъ или образомъ, заключена ли въ узкія рамки вѣроисповѣднаго догмата или расплывается въ неопредѣленномъ туманѣ соціальныхъ мечтаній проповѣдниковъ естественныхъ правъ человѣка, свободы и добра, освобожденныхъ отъ національной и вѣроисповѣдной окраски. Рафаэль выразилъ эту идею на томъ языкѣ, который былъ для него роднымъ, но который знакомъ одинаково всѣмъ, ибо для каждаго онъ былъ по крайней мѣрѣ его материнскимъ языкомъ, при звукахъ котораго каждый приходитъ въ тотъ невольный трепеть, какой охватываетъ Фауста, когда онъ слышитъ забытые звуки отдаленнаго хора, поющаго о воскресеніи.

Не одно только то, что нарисовано, составляетъ внѣшнюю форму, въ которой выражена идея. Эта форма есть форма живая, которая вѣчно мѣняется, такъ какъ сама картина живетъ, захватывая и приобщая къ себѣ каждаго новаго зрителя. Что за дѣло до того, что впереди насъ стоитъ римскій папа, когда я самъ тутъ же въ средѣ человѣчества, для котораго должно совершиться дѣло искупленія, и въ обоихъ насъ горитъ одна и та же вѣра, только выраженная различнымъ языкомъ и различными символами? Геній Рафаэля сказался въ томъ, что онъ переступилъ за предѣлы всякаго отдѣльнаго рода искусства и матеріаломъ для вы-

раженія вѣчной идеи человѣчества взялъ не камень, не холстъ, не звуки музыкальныхъ инструментовъ, а главнымъ образомъ самого человѣка, ибо по его замыслу каждый, стоящій передъ картиной, долженъ быть ея органической частью, связанной со всѣми другими однимъ одухотворяющимъ идеаломъ...

Замѣчу кстати, что фигуры на картинѣ писаны въ натуральную величину, и, понятно, онѣ и не могли быть писаны иначе. Это едва ли не единственная картина, въ которой даже размѣры фигуръ вытекаютъ изъ ея внутренняго смысла. Не нарушая смысла, фигуры нельзя ни уменьшить, ни увеличить.

Всѣ другія картины Рафаэля, оставляя въ сторонѣ ихъ исполненіе и ихъ историческое значеніе, по своей идеѣ стоятъ гораздо ниже его Сикстинской Мадонны. Это безусловно лучшее произведеніе Рафаэля и едва ли не высшее произведеніе всей живописи.

V.

Еслибы меня спросили, какое высшее произведеніе Микель Анжело, отвѣтить на это мнѣ было бы такъ же трудно, какъ легко дать отвѣтъ на вопросъ, какое высшее произведеніе Рафаэля. Рафаэль весь вылился въ своей Сикстинской Мадоннѣ, геній Микель Анжело не нашель себѣ полного выраженія въ какомъ-либо одномъ произведеніи,—онъ во всемъ, что онъ создалъ. Потолокъ Сикстинской капеллы, Страшный судъ, Моисей, Піэта въ соборѣ Петра, Давидъ, гробницы Медичей, плѣнники въ Луврѣ, умирающій Адонисъ въ Национальномъ музеѣ во Флоренціи и всѣ его другіе статуи и рисунки, помимо идеи, особенной для каждого произведенія, проникнуты одной общей идеей, для которой они представляютъ такъ сказать лишь частные случаи или модусы. Если къ какому-либо художнику приложимъ эпитетъ божественнаго, то это именно къ Микель Анжело. Онъ какъ богъ твориль формы самыя разнообразныя, но

всѣ онѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ. Въ произведеніяхъ Рафаэля также есть общій характеръ, но этотъ общій характеръ есть округлость линій, мягкость тоновъ, органичность композиціи. У Микель Анжело общій характеръ его произведеніямъ придаетъ одна и та же общая идея, которая по самому существу своему не можетъ быть выражена всецѣло ни въ одномъ частномъ случаѣ, а требуетъ для себя разнообразія темъ или частныхъ идей, черезъ которыя она осуществляется.

Эта общая идея—въ пониманіи человѣка, человѣческаго тѣла, которое является непосредственнымъ объектомъ изображенія для живописца и скульптора.

Микель Анжело болѣе десяти лѣтъ изучалъ анатомію, и нѣкоторые критики видятъ въ его произведеніяхъ главнымъ образомъ знаніе анатоміи и нѣ котораго ради хвастовство этимъ знаніемъ, преувеличеніе мускулатуры и движенія. Къ этому и свелось дѣло у его мнимыхъ послѣдователей. Я говорю „мнимыхъ“, ибо Микель Анжело остался въ сущности непонятнымъ. Понимали его отдѣльныя произведенія—Моисея, Давида, статуи на гробницахъ Медичей и т. д.,—но самый духъ всѣхъ этихъ произведеній былъ выше пониманія послѣдующихъ художниковъ и нѣмецкихъ метафизиковъ, которые главнымъ образомъ занимались художественною критикой.

Микель Анжело былъ великій натуралистъ. Многимъ спеціалистамъ-анатомамъ приходилось удивляться его глубокому знанію анатоміи человѣческаго тѣла, изученію которой онъ посвятилъ такъ много времени. Но его знаніе человѣческаго тѣла не ограничивалось лишь тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ путемъ разсѣченія труповъ. Въ его произведеніяхъ на каждомъ шагу видны глубокія наблюденія надъ живымъ организмомъ, доведенныя до такихъ подробностей, которыя казались бы неважными и которыя могутъ обратить на себя вниманіе только спеціалиста. Во всякомъ случаѣ, еслибы онѣ не были соблюдены, этого никто бы не замѣтилъ. Укажу одинъ такой примѣръ.

Если вы опустите руку книзу, то вены, проходящія под кожей ея тыльной поверхности, вздуются отъ наполненія кровью. Если вы затѣмъ поднимете руку кверху, кровь черезъ нѣкоторое время снова отхлынетъ и вены перестанутъ быть замѣтны. Для насъ, знакомыхъ сколько-нибудь съ законами кровообращенія и знающихъ, что законъ тяжести имѣетъ свое мѣсто и въ живыхъ тѣлахъ, точно такъ же, какъ въ физической природѣ,—въ этомъ явленіи нѣтъ ничего страннаго. Но обращеніе вниманія на такую мелочь во времена Микель Анжело и притомъ въ такихъ высокыхъ произведеніяхъ, какъ Давидъ или Моисей, имѣющихъ въ виду другія цѣли, чѣмъ мелочное воспроизведеніе человѣческаго тѣла, по-истинѣ изумительно. Между тѣмъ въ этихъ статуяхъ указанная подробность соблюдена во всей точности. У Давида лѣвая рука поднята до уровня плеча, и въ ней онъ держитъ конецъ пращи со вложеннымъ въ нее камнемъ. Правая рука, держащая другой конецъ пращи, опущена внизъ. На правой рукѣ вены вздуты, на лѣвой онѣ пусты. Точно такъ же и у Моисея, съ тѣмъ различіемъ, что у него вены ясно выступаютъ и на правой, поднятой, рукѣ. Однако, здѣсь онѣ уже и менѣе наполнены, чѣмъ на опущенной лѣвой. Давидъ—юноша, его жилы молоды и упруги. Моисей—старикъ, и его вены уже подверглись особому старческому измѣненію, дѣлающему ихъ менѣе упругими, отчего онѣ замѣтны и на поднятой рукѣ.

Еще замѣчательнѣе умирающій Адонисъ, находящійся въ Национальномъ музеѣ во Флоренціи. Адонисъ изображенъ упавшимъ на землю послѣ нанесенной вепремъ раны. Его лѣвая рука опущена внизъ, правая закинута за голову и нѣсколько поднята. И здѣсь мы видимъ, повидимому, какъ разъ обратное тому, что должно было бы быть. На правой рукѣ, поднятой, вены наполнены, на лѣвой, опущенной, онѣ пусты. Но Микель Анжело зналъ, что для наполненія и опустѣнія вень требуется нѣкоторое время. Въ лѣвой рукѣ у Адониса — рогъ, въ который онъ только-что тру-

билъ, призывая собакъ на помощь; слѣдовательно, она была передъ этимъ поднята кверху. Въ правой — подобранная собачья сворка, которую онъ несъ, опутивъ руку книзу. Адонисъ только-что упалъ, сраженный вепремъ, который изображенъ тутъ же, и кровь не успѣла отхлынуть изъ вень. Наоборотъ, Давидъ и Моисей изображены присматривающимися, и ихъ руки дольше находились въ настоящемъ положеніи.

Еслибы Микель Анжело дѣлалъ своего Адониса только съ натурщика, онъ представилъ бы руки какъ разъ обратно. Нужна большая любовь къ человѣческому тѣлу и глубокое его знаніе, чтобы въ самыхъ высокыхъ произведеніяхъ обращать вниманіе на подобныя подробности: Такъ относится къ вещамъ только естествоиспытатель.

Ни у одного другого художника я не могъ замѣтить такого обращенія вниманія на руки и наполненіе ихъ сосудовъ въ связи съ ихъ положеніемъ; даже въ античныхъ статуяхъ нѣтъ ничего подобнаго.

Однако, натурализмъ Микель Анжело выражается не въ однихъ такихъ подробностяхъ. Это былъ натуралистъ глубокой, идейный. Натурализмъ въ искусствѣ не есть простая передача видѣннаго и замѣченнаго. Въ скульптурѣ это не есть простая анатомія человѣческаго тѣла, до какихъ бы тонкостей она ни была доведена. Натурализмъ въ искусствѣ выражается не въ подробностяхъ, а въ пониманіи тѣхъ общихъ законовъ, которымъ подчиняются эти подробности. Великій художникъ не тотъ, кто точно воспроизводитъ природу, но кто ищетъ въ ней смысла, кто, подобно великимъ ученымъ — Ньютону, Ляйэлю, Дарвину, — открываетъ въ ней общій законъ, который и выражаетъ въ своихъ произведеніяхъ.

Такимъ художникомъ былъ Микель Анжело. Помимо частныхъ идей отдѣльныхъ его произведеній, во всѣхъ нихъ есть одна общая идея, которая и придаетъ имъ одинъ общій характеръ. Эта идея состоитъ въ философскомъ пониманіи человѣческаго тѣла.

Для Микель Анжело человѣкъ былъ машиной, механизмомъ изъ мускуловъ и костей, который управляется своими собственными законами, но въ дѣйствиі котораго выражаются явленія духа. Движенія духа Микель Анжело считалъ возможными для передачи только черезъ движенія тѣла. Красота человѣческаго тѣла состояла для него не въ округлости и мягкости линій, а въ опредѣленности и отчетливости, съ какой оно способно передавать движенія души. Его красота тѣла есть красота физическаго инструмента. Долговременное изученіе Микель Анжело было направлено на то, чтобы узнать, какимъ душевнымъ движеніямъ соотвѣтствуетъ движеніе какихъ мускуловъ, изъ какихъ механическихъ подробностей слагается то общее, что называется выраженіемъ лица или тѣла. Гёте замѣтилъ о потолкѣ въ Сикстинской капеллѣ, что Микель Анжело изобразилъ людей не такими, какъ они есть, а такими, каковы они должны быть. Это едва ли вѣрно. Микель Анжело представилъ человѣка такимъ, какъ онъ его понималъ, — машиной, черезъ которую работаетъ духъ. Онъ по той же причинѣ бралъ для своего изображенія сильныя тѣла, по какой Шекспиръ бралъ своими героями королей. У обыкновенныхъ смертныхъ, по тогдашнимъ понятіямъ, и страсти были неизменные, а „подлое“, хилое тѣло для Микель Анжело не могло быть пригоднымъ орудіемъ сильной души, механизмомъ, черезъ который могли бы проявляться сильныя движенія сильнаго духа.

Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ также, почему Микель Анжело обращаетъ вниманіе на подробности, подобныя указанной выше. Въ механизмѣ человѣческаго тѣла нѣтъ ничего лишняго, и эти подробности, во-первыхъ, характерны для того или другаго тѣла, во-вторыхъ, онѣ указываютъ на извѣстное движеніе, а движеніе и есть именно то, что при такомъ пониманіи человѣка имѣетъ первенствующее значеніе.

Понятно также, почему Микель Анжело былъ главнымъ образомъ скульпторъ, и даже его картины имѣютъ харак-

теръ статуй. Скульптура передаетъ форму и движенія тѣла съ особенной ясностью. Понятна также его любовь къ нагому тѣлу, приводившая въ негодование многихъ его современниковъ, обвинявшихъ Микель Анжело въ кощунствѣ за то, что онъ рисовалъ нагое тѣло въ священныхъ изображеніяхъ, и надѣвавшихъ нижнюю одежду на его статуи (воскресшій Христосъ въ Madonna sopra Minerva). Для Микель Анжело человѣческое тѣло было машиной, а въ машинѣ нѣтъ ничего сквернаго или постыднаго.

Микель Анжело стоитъ одиноко во всей исторіи искусства, безъ предшественниковъ и безъ послѣдователей. Просматривая собраніе рисунковъ въ Уффици, расположенное въ хронологическомъ порядкѣ, вы видите, что Микель Анжело выдѣляется изъ всѣхъ другихъ художниковъ, составляющихъ болѣе или менѣе общее теченіе, являясь какимъ-то страннымъ перерывомъ. Его статуи и картины не имѣютъ себѣ подобныхъ. Микель Анжело произнесъ послѣднее слово въ изображеніи человѣческаго тѣла. Его, это тѣло, можно представить красивѣе физически, можно разнообразить отдѣльныя темы художественныхъ произведеній, но общій смыслъ остается тотъ же самый— тѣло есть машина, имѣющая свои собственные законы, въ работѣ которой духъ находитъ свое обнаруженіе. Современные Микель Анжело мастера смотрѣли на дѣло иначе. Тѣло было для нихъ или темницей, или, въ лучшемъ случаѣ, физической оболочкой духа. Единственно, на что обращалось вниманіе, было лицо — „зеркало души“. Въ ихъ изображеніи тѣло было или унижено, или красота его была чисто физическая. Въ античной скульптурѣ человѣческое тѣло было красивымъ органически. У Микель Анжело тѣло стало идейнымъ, оно стало такимъ же зеркаломъ души, какъ и лицо.

Микель Анжело остался непонятымъ послѣдующими художниками. Нѣкоторые изъ нихъ изображали также сильныя тѣла, любили наготу, преувеличивали мускулатуру, и это называлось манерой Микель Анжело. Но ничего обща-

го съ Микель Анжело здѣсь не было. Ихъ тѣла оставались мертвыми безъ всякаго проблеска мысли или душевнаго движенія, безъ всякихъ признаковъ той идейности, въ которой состоитъ недосягаемая мощь Микель Анжело.

VI.

У Шекспира, какъ и у Микель Анжело, есть одна общая идея, проходящая по всѣмъ его главнѣйшимъ произведеніямъ, независимо отъ частныхъ идей, выраженныхъ въ той или другой драмѣ въ отдѣльности.

Эта общая идея является полной противоположностью року греческой трагедіи.

Въ греческой трагедіи судьба человѣка не зависитъ ни отъ него самого, ни отъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ поставленъ, а отъ какой-то внѣшней силы, о которую разбиваются всѣ усилія человѣка.

У Шекспира какъ разъ наоборотъ. Жизнь и дѣйствія каждаго человѣка являются равнодѣйствующей двухъ, и только двухъ, причинъ—внутренней природы или характера даннаго человѣка и окружающей его среды или тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ поставленъ. Данный характеръ въ данныхъ условіяхъ можетъ дѣйствовать только такъ, а не иначе,—таковъ общій смыслъ трагедій Шекспира. У его героевъ нѣтъ свободной воли, но есть извѣстный характеръ, наперекоръ которому они поступать не могутъ, и, дѣйствуя сообразно ему, имъ лишь кажется, что они дѣйствуютъ вполнѣ свободно. Они могутъ хотѣть и дѣлать только то, что сообразно съ ихъ природой и наклонностями. Толчокъ къ дѣйствию всегда находится во внѣшней средѣ, въ поступкахъ и дѣйствіяхъ другихъ лицъ. Эта среда вліяетъ въ значительной степени и на самый характеръ. Онъ не остается неизмѣннымъ. Однѣ его стороны со временемъ ступшевываются, другія развертываются изъ едва замѣтнаго зародыша. Изъ принца Гарри выходитъ Генрихъ IV, Отелло гибнетъ подъ дѣйствіемъ страсти,

которая таилась въ немъ никому не извѣстная, Макбетъ становится тиранномъ, лишь благодаря извѣстному стеченію обстоятельствъ, а опьяненный своимъ царскимъ величіемъ король Лиръ, выгнанный дочерьми подъ дождь и вѣтеръ, научается снисходить къ людскимъ недостаткамъ и быть человѣчнымъ и умираетъ полной противоположностью тому, чѣмъ является передъ нами въ первой сценѣ.

Ничто сверхъестественное на судьбу человѣка не вліяетъ.

Читатель найдетъ, быть можетъ, такое утвержденіе невѣрнымъ и въ доказательство приведетъ сверхъестественныя явленія въ Гамлетѣ и Макбетѣ (Сонъ въ лѣтнюю ночь и Буря оставляются въ сторонѣ, такъ какъ они имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, здѣсь же идетъ рѣчь о высокихъ трагедіяхъ Шекспира).

Развѣ не явленіе тѣни отца заставило Гамлета подозрѣвать своего дядю въ убійствѣ, разыгрывать роль сумасшедшаго, случайно губить Полонія, привести этимъ Офелію къ сумасшествію и смерти и, наконецъ, погибнуть самому отъ отравленной шпаги, направленной на него рукою того, чьей смерти онъ искалъ?

Развѣ не вѣдмы, встрѣтившіяся Макбету и привѣтствовавшія его королемъ, заставили его добиваться короны, убить короля, Банко, совершить много другихъ преступленій и, наконецъ, пасть, не будучи въ силахъ удержать на своей головѣ короны, добытой преступленіемъ?

Но понимать такъ Гамлета и Макбета значитъ понимать ихъ ошибочно. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробный разборъ того, почему Шекспиръ вывелъ эти сверхъестественныя явленія. Отчасти это было сдѣлано потому, что о нихъ рассказывалось въ хроникахъ, изъ которыхъ Шекспиръ заимствовалъ свои сюжеты, отчасти какъ литературный пріемъ, чтобы не вводить лишнихъ сценъ и не растягивать дѣйствія. Сверхъестественныя явленія служатъ символически-осязательными изображеніями того, что происходитъ въ тайникахъ души. Сонъ Ричарда, явленія Юлія

Цезаря Бруту, явленіе тѣни отца Гамлету въ сценѣ съ матерью, сцена у вѣдьмъ въ IV дѣйствіи Макбета имѣютъ несомнѣнно такой характеръ. Здѣсь одно такое явленіе замѣняетъ собою цѣлые монологи. Шекспиръ зналъ также, что въ душѣ происходитъ многое такое, что, имѣя первенствующее значеніе, тѣмъ не менѣе едва достигнетъ сознанія. Форма сверхъестественнаго явленія была подходящимъ средствомъ для выраженія этого, и такой пріемъ былъ тѣмъ болѣе удобенъ, что согласовался съ общимъ суевѣріемъ его времени и потому не казался нелѣпымъ.

Наибольшее значеніе имѣютъ два явленія, а именно—явленіе тѣни убитаго отца Гамлету, повидимому, побуждающее его ко мщенію и обусловливающее весь дальнѣйшій ходъ пьесы, и предсказаніе вѣдьмъ Макбету, ведущее его къ царубійству и гибели. Но и эти явленія сами по себѣ не играютъ ровно никакой роли въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ и служатъ лишь символами. Гамлету, едва лишь онъ услышалъ о чудесномъ явленіи тѣни, немедленно приходитъ мысль:

Тѣнь моего отца—въ оружіи!.. Бѣдами
Грозитъ она—открытіемъ злодѣйства...
Злодѣйство встанетъ на бѣду себѣ,
И если ты его землей закроешь цѣлой,
Оно стряхнетъ ее и явится на свѣтъ!

Послѣ разсказа тѣни отца о томъ, какъ онъ былъ отравленъ, Гамлетъ восклицаетъ:

О ты, души моей предчувствіе, сбылось!

отъ исходный пунктъ ко всей дальнѣйшей драмѣ. Предчувствія души Гамлета, которыя зародились въ немъ немедленно послѣ смерти отца и послѣшней свадьбы матери, и которыми обстоятельства подавали прямой поводъ, заставляютъ его притвориться сумасшедшимъ, стараться уличить короля, представляя передъ нимъ убійство Гонзаго и т. д. Явленіе тѣни отца только передаетъ это „предчувствіе души“ въ болѣе живой, хотя и символической формѣ, не болѣе.

Точно также и въ Макбетѣ. По смерти Дункана престоль

должень былъ естественно перейти къ Макбету, какъ старшему въ родѣ. Ему невольно должна была приходиться соблазнительная мысль о насильственномъ ускореніи этой смерти. Предсказаніе вѣдьмъ только символъ этой тайной мысли. Если это не такъ, то почему же немедленно вслѣдъ за нимъ Макбетъ

такъ невольно

Прильнулъ къ мечтѣ, ужасной искушеньемъ?

Почему его первая мысль —

Убійство...; оно еще въ умѣ;
Но эта мысль встревожила всю душу!
Вся сила органовъ подавлена,
Исчезла истина и міръ видѣній
Меня объялъ?

Въ сценѣ передъ самымъ убійствомъ, когда лэди Макбетъ ободряетъ мужа, она говоритъ ему, между прочимъ:

Удобный часъ и ловкое мѣстечко—
Ихъ не было, ты ихъ создать хотѣлъ.
Теперь они столкнулись здѣсь случайно—
И ты ничто.

Но вѣдь Макбетъ вернулся домой передъ самымъ пріѣздомъ короля. Слѣдовательно, свою мысль объ убійствѣ Дункана онъ повѣрялъ женѣ раньше. Такимъ образомъ, предсказаніе вѣдьмъ въ дальнѣйшей судьбѣ Макбета не играетъ ровно никакой роли. Это предсказаніе есть въ сущности не что иное, какъ тайная надежда самого Макбета.

Что вѣдьмы не играютъ никакой роли въ судьбѣ Макбета, это Шекспиръ самъ указалъ въ словахъ Гекаты, въ пятой сценѣ третьяго акта:

Вашъ трудъ пропалъ:
Онъ и безъ васъ
Былъ гордъ и золъ,
И не для васъ
Къ убійству шелъ.
Въ немъ лучъ любви
Давно погасъ

И не для васъ
Въ людской крови
Онъ весь погрязъ.

VII.

Что связь причинъ и слѣдствій, внутреннихъ и внѣшнихъ, стояла для Шекспира на первомъ планѣ, на это указываетъ между прочимъ одно курьезное обстоятельство. Это странная двойственность времени, которая существуетъ во многихъ пьесахъ Шекспира, но съ особенною яркостью выражается въ Макбетъ и Отелло. Уже Wilson (въ New Shakespeare Society Transactions 1875—6) обратилъ вниманіе на это обстоятельство, но послѣ небольшой полемики оно прошло почти незамѣченнымъ, хотя и представляетъ существенный интересъ.

Я помню, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ поставленъ Макбетъ на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ съ г. Южинымъ въ заглавной роли. Въ первомъ дѣйствіи г. Южинъ явился человѣкомъ сравнительно молодымъ, такъ что г-жа Ѳедотова, игравшая роль лэди Макбетъ, скорѣе годилась ему въ матери. Затѣмъ по мѣрѣ хода дѣйствія г. Южинъ сталъ старѣть, сѣдѣть, а его усы мало-по-малу выросли чуть не до полуаршина. Умеръ онъ уже старикомъ, совершенно согласно со словами Макбета въ 3-ей сценѣ V-го акта: ‘

Довольно долго пожилъ я; мой май
Промчался быстро; желтыми листьями
Опаль моей весны увядшій цвѣтъ.
Но гдѣ же спутники преклонныхъ лѣтъ?
Любовь, почтеніе, кружокъ друзей—
Ихъ мнѣ не ждать. А вмѣсто нихъ—проклятыя
На днѣ сердце и лезвѣ на языкѣ;
Ихъ жалкій родъ и въ ней бы отказалъ мнѣ,
Когда бы смѣлъ.

Но сколько времени занимаетъ весь ходъ дѣйствія?

По Голиншедовой хроникѣ, послужившей Шекспиру матеріаломъ для созданія его великой драмы, царство-

ваніе Макбета продолжалось съ 1046 по 1057 годъ, т.-е. цѣлыхъ десять лѣтъ. И у Шекспира также можно найти довольно ясныя указанія на періодъ въ нѣсколько лѣтъ. Въ 3-ей сценѣ IV-го акта Макдуфъ, уговаривая Малькольма принять корону Шотландіи, рисуесть картину долгаго бѣдствія страны подъ игомъ тиранна:

Что новый день, то вопли новыхъ вдовъ,
И плачь сиротъ, и тяжкій стонъ несчастья...
Народъ несчастный, подъ кровавымъ скиптромъ
Тиранна страждущій, когда же снова
Увидишь ты дни счастья и покоя?..

Въ томъ же духѣ продолжаетъ Россѣ:

Страна несчастная! Увы, ей страшно
И оглянуться на себя. Для насъ
Она не мать, а темная могила.
Улыбки тамъ не встрѣтишь на лицѣ;
На стонъ и вопль, звучащій безъ умолку,
Никто не обращаетъ и вниманья;
Печаль слывесть за пошлое безумство;
При мрачномъ звукѣ похоронной мѣди
Едва-ль кто вздумаетъ спросить: по комъ?
И люди мрутъ, съ болѣзью не знакомясь,
Какъ вянетъ сорванный цвѣтокъ.

Въ 3-й сценѣ V-го акта Макбетъ, обращаясь къ доктору, говоритъ:

Если бы ты могъ
Узнать болѣзнь моихъ владѣній, докторъ,
И возвратить имъ крѣпость *прежнихъ* лѣтъ,
Я эхо пробудилъ бы славою твоей...

Совсѣмъ къ иному выводу мы придемъ, если прослѣдимъ ходъ дѣйствія сцену за сценой.

Въ первомъ дѣйствіи возставшимъ противъ Дункана танамъ дается сраженіе и они разбиты. Битва кончается вечеромъ. На это указываютъ вступительныя слова вѣдьмъ:

1-я вѣдьма. Когда сойдемся мы опять:

Опять ли въ бурю, въ дождикъ, въ градъ?

II-я вѣдьма. Когда кровавый стихнетъ бой.

III-я вѣдьма. Передъ вечернею порой.

По окончаніи битвы, послѣ сцены, въ которой вѣдьмы предсказываютъ судьбу Макбету, онъ вмѣстѣ съ Банко, Росссе и Ангусомъ отправляется въ близлежащей Форресъ, къ королю Дункану. Такимъ образомъ, 4-я сцена I-го акта происходитъ вечеромъ того же дня. Въ концѣ ея Дунканъ говоритъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Инвернесъ къ Макбету. Макбетъ спѣшитъ домой, чтобы предупредить короля; за нимъ вслѣдъ отправляется и Дунканъ.

Между этой сценой и остальными сценами того же акта—небольшой промежутокъ, занимающій столько времени, сколько надо, чтобы проѣхать отъ Форреса до Инвернеса, т.-е. нѣсколько часовъ. Дунканъ приѣзжаетъ къ Макбету на ночь. Въ эту же ночь онъ убить.

Второе дѣйствіе происходитъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Убійство Дункана стало извѣстно. Въ общемъ совѣтѣ, состоявшемся по этому поводу, Макбетъ избранъ королемъ и немедленно отправился въ Скоунъ короноваться. Малькольмъ и Дональдбайнъ, сыновья убитаго Дункана, бѣжали изъ Шотландіи.

Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ—промежутокъ, во время котораго Макбетъ успѣлъ короноваться, съ чѣмъ онъ естественнымъ образомъ долженъ былъ поспѣшить, и получилъ извѣстіе, что

преступные сыны
Въ Ирландію и Англію бѣжали
И дерзко передъ всѣми отрица
Жестокое отцеубійство, сѣютъ
Въ народѣ сказки.

Макбетъ по случаю великаго праздника своего избранія даетъ друзьямъ торжественный ужинъ, непосредственно передъ которымъ происходитъ убійство Банко. Послѣ потрясающей сцены ужина, за которымъ Макбету является тѣнь убитаго Банко, Макбетъ рѣшаетъ съ разсвѣтомъ идти къ волшебнымъ сестрамъ.

1-я сцена IV-го дѣйствія, въ которой Макбетъ приходитъ къ вѣдьмамъ гадать о своей судьбѣ, происходитъ на разсвѣтъ слѣдующаго дня за убійствомъ Банко. Сейчасъ же за этимъ Макбетъ нападаетъ на замокъ Макдуфа, бѣжавшаго въ Англію

молить святого короля

Помочь отечеству.

Въ послѣдней сценѣ акта Макдуфъ, пріѣхавшій въ Англію, проситъ Малькольма принять корону Шотландіи, Россѣ привозитъ извѣстіе объ убійствѣ жены и дѣтей Макдуфа. Сцена кончается словами Малькольма:

войска готовы.

Теперь простимся—и въ походъ. Макбетъ

Созрѣлъ для гибели—и мечъ небесный

Ужъ занесенъ: пусть доживаетъ день свой,—

Ночь безразсвѣтная близка.

Дѣйствіе пятое—гибель Макбета. Между нею и четвертымъ дѣйствіемъ—промежутокъ, необходимый для похода войскъ изъ Англіи въ Шотландію.

Согласно разсчету Wilson'a, время дѣйствія Макбета занимаетъ девять дней съ тремя промежутками—приблизительно въ двѣ недѣли между актомъ II и III, недѣли двѣ между IV, 2 и 3 (бѣгство Россѣ въ Англію) и двѣ или три недѣли на возвращеніе Малькольма въ Шотландію,—всего, слѣдовательно, около двухъ мѣсяцевъ.

За это время, поскольку мы узнаемъ изъ пьесы, Макбетъ, кромѣ Дункана и двухъ его служителей, успѣлъ убить только Банко и жену и дѣтей Макдуфа, а когда этотъ послѣдній, бѣжавшій въ Англію еще до убійства Банко, рисовалъ Малькольму картину несчастій Шотландіи:

Что новый день, то вопли новыхъ вдовъ,

И плачь сиротъ, и тяжкій стонъ несчастья

Восходятъ къ небу...—

ничего подобнаго не было, ибо Макбетъ только-что успѣлъ короноваться.

Такое вольное обращеніе съ временемъ доведено въ Отелло до крайности.

Отелло, едва успѣвъ обвѣнчаться съ Дездемоной, въ ту же ночь отдѣльно отъ нея долженъ отправиться на Кипръ. Всѣ послѣдующія сцены ревности и убійства, начиная съ 1-й сцены второго дѣйствія, разыгрываются на Кипрѣ, куда Кассіо, Отелло и Дездемона пріѣзжаютъ отдѣльно другъ отъ друга. Съ этого момента мы можемъ такимъ образомъ считать ходъ дѣйствія.

Черезъ какое время послѣ свадьбы человѣкъ, въ жилахъ котораго течетъ самая горячая кровь, можетъ изъ ревности убить свою жену? Читатель можетъ сокращать это время какъ угодно, но все же не дойдетъ до той крайности, до какой дошелъ Шекспиръ. Отелло задушилъ Дездемону на вторую ночь по пріѣздѣ на Кипръ. Всѣ сцены ревности, начиная отъ пераго ея зачатка до развитія въ бѣшеную страсть, занимаютъ ровно одинъ день. Это нелѣпо уже потому, что за это время не могло быть даже малѣйшаго предлога къ ревности. Между тѣмъ это такъ.

Въ первую же ночь по пріѣздѣ Отелло на Кипръ происходитъ пьяная сцена, въ которой Кассіо подрался съ Родриго и за это былъ отставленъ отъ должности лейтенанта Отелло. По совѣту Яго, онъ на слѣдующее же утро ѣдетъ умолять Дездемону похлопотать о немъ. Этою сценой свиданія съ Дездемоной, конецъ которой застааетъ Отелло, Яго пользуется какъ предлогомъ пробудить въ немъ страсть ревности. Въ теченіе одной сцены (сц. 3-я III-го акта) эта страсть разгарается до своего апогея. Заключительныя слова Отелло:

Прокляте ей, блудницѣ, о прокляте!
 . . . Подумать долженъ я,
 Гдѣ-бъ средства мнѣ найти, чтобъ поскорѣй
 Погибъ отъ нихъ прекрасный этотъ демонъ!

Сцена 4-я того же акта слѣдуетъ за 3-ей очень скоро (Дездемона спрашиваетъ здѣсь Отелло о головной боли, отъ которой въ 3-й сценѣ она хотѣла перевязать ему го-

лову платкомъ), а за нею немедленно 1-я сцена IV-го дѣйствія. (Въ концѣ 4-й сцены третьяго акта Кассіо провожаетъ Бьянку и возвращается назадъ въ серединѣ 1-ой сцены IV-го дѣйствія). Въ концѣ этой сцены Отелло рѣшаетъ въ эту же ночь задушить Дездемону. Трагическая развязка не заставила себя ждать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ различныхъ мѣстахъ пьесы можно найти довольно много брошенных мимоходомъ указаній, что дѣйствіе тянулось гораздо дольше. За это время Яго просилъ Эмилию „разъ сто“ украсть платокъ Дездемоны; Бьянка упрекаетъ Кассіо, пріѣхавшаго лишь наканунѣ:

Ну, можно ли, скажи,
Не навѣстить за цѣлую недѣлю,
Не приходитъ семь дней и семь ночей,
Сто шестьдесятъ часовъ?

Яго обѣщаетъ Отелло заставить Кассіо

повторить всю повѣсть: какъ, когда
И сколько разъ онъ былъ съ женою вашей
Наединѣ и будетъ сколько разъ?

И такъ далѣе. Наконецъ, Яго говоритъ Отелло:

Вѣдь обмануть умѣла
Она отца, когда пошла за васъ,
И между тѣмъ какъ всѣмъ казалось, будто
Вашъ даже взглядъ такъ страшень для нея—
Она его такъ горячо любила.

Отелло.

Да, да, ты правъ.

Яго.

Вотъ видите! Итакъ,

Когда она ужъ въ молодости первой
Умѣла такъ искусно притворяться,
Что ослѣпить ей удалось отца,
И мысль свою такъ затворила плотно,
Что колдовству все приписалъ старикъ,
Такъ ужъ теперь...

Итакъ, въ пьесахъ Шекспира одновременно встрѣчаются два времени—длинное и короткое. Когда это было указано, былъ произведенъ различными авторами анализъ времени

едвали не всѣхъ произведеній Шекспира, и оказалось, что у Шекспира время обыкновенно сокращено противъ времени хроники или исторіи. Отсюда заключили, что изъ двухъ временъ короткое время и есть настоящее шекспировское время, такъ какъ Шекспиръ былъ вообще склоненъ къ его сокращенію.

Но иное дѣло сокращеніе времени, иное дѣло его двойственность. По нашему мнѣнію, ни то, ни другое время не есть истинно шекспировское. Время не играло для Шекспира никакой роли. Его пьесы писаны, можно сказать, внѣ времени. Все его вниманіе было обращено на причинную связь душевныхъ явленій человѣка, и изъ-за нея онъ нерѣдко впадалъ въ грубые хронологическіе промахи.

VIII.

Такова общая основная идея главнѣйшихъ произведеній Шекспира.

Если не самымъ совершеннымъ, то наиболѣе идейнымъ изъ нихъ является Гамлетъ.

Въ чемъ собственно идея этой великой пьесы?

Гамлета растолковывали неоднократно. Видѣли въ немъ и принца, благороднаго душой, но оттертаго отъ трона, и меланхолика, человѣка склоннаго къ рефлексіи, но слабого волей; былъ даже критикъ, утверждавшій, что Гамлетъ есть датскій Обломовъ. Во всѣхъ этихъ критикахъ есть доля правды, но ни одна изъ нихъ, какъ мнѣ кажется, не затрогиваетъ сущности дѣла. Если Гамлетъ просто меланхоликъ, человѣкъ рефлексіи, то почему же именно Гамлетъ сдѣлался повсюду любимой пьесой Шекспира? Почему всякій малю-мальски мечтающій о себѣ актеръ стремится сыграть именно Гамлета? Потому, что онъ лучше его понимаетъ? Нѣтъ; потому, что онъ, выступая въ Гамлетѣ, хочетъ *доказать* другимъ что-то такое, что онъ чувствуетъ, хотя ясно и не понимаетъ умомъ, что скрыто гдѣ-то тамъ въ тайникахъ его души, чего прочіе не видятъ, но что отличаетъ его отъ многихъ.

Что же это такое? Въ чемъ трагизмъ Гамлета?

Трагизмъ Гамлета вовсе не въ слабости его воли, а въ его особомъ отношеніи къ средѣ, въ которую онъ поставленъ.

Его дядя отравилъ его отца. Его мать, похоронивъ своего мужа, немедленно вышла за его убійцу. Дѣвушкѣ, которую Гамлетъ любитъ, ничего не стоитъ обмануть его и способствовать тому, чтобы его могли подслушать. Друзья его дѣтства за особую честь считаютъ играть при немъ роль шпионовъ и даже сдѣлаться его палачами. Первый совѣтникъ короля—выживающій изъ ума придворный льстецъ, готовый при случаѣ на всякую низость. Благородный юноша Лаертъ не задумывается поразить своего противника изъ-за угла отравленною шпагой... Одинъ изъ первыхъ придворныхъ, Озрикъ—воплощенная пошлость. Вся атмосфера дышетъ подлостью, развратомъ, преступленіемъ, звѣрствомъ.

Гамлетъ провелъ свою юность въ чужихъ краяхъ, занимаясь философіей и науками. Въ немъ развились лучшія чувства человѣка. И вотъ судьбѣ угодно было бросить его въ прежнюю обстановку, въ которой онъ чувствуетъ себя чуждымъ, отторгнутымъ отъ окружающей жизни, не отвѣчающей тѣмъ интересамъ, которыми онъ привыкъ жить. Мало того, судьба хочетъ сдѣлать его участникомъ въ игрѣ тѣхъ страстей, которыя онъ считаетъ низкими. Гамлетъ почти увѣренъ, что его дядя убилъ его отца. Но что же ему дѣлать? Съ одной стороны, онъ не можетъ отнестись къ убійству своего отца спокойно, онъ старается убѣдиться въ немъ, настроить себя на месть. Съ другой стороны, отмстить значитъ убить, значитъ самому окунуться въ ту жизнь, которую онъ считаетъ столь недостойной. Колебаніе между тѣмъ и другимъ и составляетъ трагизмъ положенія Гамлета. Какой же изъ него выходъ? Или окончательно рѣшиться на месть, или оставаться въ постоянномъ колебаніи, или, наконецъ, дать восторжествовать высшимъ человѣческимъ чувствамъ—простить и уйти, сказавъ:

Идите вы, куда влекутъ желанья и дѣла,—
 У всякаго есть дѣло, есть желанье,—
 А я пойду, куда велить мой жалкій жребій,
 Пойду—молиться.

На послѣднее Гамлетъ не способенъ. Отмстить, т.-е. убить, самому окунуться въ общій омутъ мерзости и преступлений, ему мѣшаютъ его развитія человѣческія чувства. Остается одно—постоянное колебаніе и нерѣшительность,—не результатъ слабой воли, но выраженіе существующаго разлада между идеаломъ и дѣйствительностью. Но бездѣйствіе не можетъ продолжаться долго. Гамлетъ и дѣйствительность, въ которой онъ вращается, находятся въ антагонизмѣ между собою, какъ звѣрское и человѣческое, и въ данномъ случаѣ, какъ это часто бываетъ, звѣрь оказался сильнѣе человѣка. Онъ не ждетъ. Онъ или поработитъ человѣка, или его уничтожитъ. Его вліяніе уже начало сказываться. Среда уже начала затягивать Гамлета. Найдя короля на-единѣ и не убивъ его потому, что убійство было противно его душѣ, Гамлетъ уже оправдываетъ себя тѣмъ, что тотъ молится, и убійство было бы благодѣяніемъ, а не мезтью. Отправивъ на эшафотъ своихъ палачей, онъ началъ уже биться съ враждебною средой ея же оружіемъ. Онъ рѣшилъ уже:

Нѣтъ! отъ сей поры
 Кровь будетъ мысль единая—иль вовсе
 Во мнѣ не будетъ мысли ни единой!

И счастье для него, какъ для человѣка, что звѣрь не захотѣлъ ждать и растерзалъ его раньше, чѣмъ онъ утратилъ свой возвышенный образъ.

Въ этомъ идея Гамлета, сквозящая во всякомъ его словѣ—благородное назначеніе человѣка и его поправаніе на каждомъ шагѣ и возникающая отсюда трагическая борьба идеала и дѣйствительности.

Какое величіе являетъ собою человѣкъ!
 Какое благородство въ его умѣ, безконечность въ способностяхъ, прелесть въ

формахъ — это духъ небесный, украшение
свѣта, образчикъ остальной природы!...

И своему покойному отцу Гамлетъ не знаетъ лучшей похвалы, какъ сказать:

Человѣкъ онъ былъ...

Но въ дѣйствительности:

Боже мой, великій Боже!
Какъ гнусны, бесполезны, какъ ничтожны
Дѣянья человѣка на землѣ!..
. . . Что ты человѣкъ,
Когда ты только означаешь дни
Сномъ и обѣдомъ? Звѣрь—не больше ты!...

Звѣрь безъ разума и чувства
Грустилъ бы болѣе!

воскликаетъ онъ о своей матери.

Ты погубила вѣру въ душу человѣка,
говоритъ онъ ей, и все его стараніе,

Чтобъ матери отдать вновь чувства человѣка.

Полевой въ своемъ переводѣ вложилъ Гамлету въ сценѣ съ матерью слова, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, но которыя всего лучше выражаютъ весь смыслъ трагедіи:

Страшно...
За человѣка страшно мнѣ.

Гамлетъ—это великая жизненная трагедія непротивленія злу насиліемъ, помимо сознанія вкоренившагося въ самое существо человѣка: въ этой идеѣ и состоитъ непреходящее значеніе Гамлета на всѣ времена.

Н. А. Иванцовъ.

Философія історіи Гердера.

(Окончаніе *).

II.

Въ своихъ философскихъ „Идеяхъ“ о природѣ и объ історіи, Гердеръ постоянно высказывается противъ всякой телеологіи, т.-е. всякой попытки объяснить явленія какъ средства для какой-нибудь отдаленной цѣли или указать на ихъ такъ-называемыя *конечныя причины*. Гердеръ восхваляетъ Спинозу именно за то, что онъ изгналъ изъ изученія природы вопросъ о конечныхъ причинахъ. Переносъ его методъ изученія природы на історію, Гердеръ и здѣсь отвергаетъ телеологію, т.-е. объясненіе историческихъ фактовъ какимъ-нибудь затаеннымъ планомъ Провидѣнія, такъ какъ всякій старается разгадать этотъ планъ и опредѣлить его по своимъ субъективнымъ соображеніямъ, симпатіямъ и потребностямъ. „Философія конечныхъ цѣлей, — говоритъ онъ, — не принесла естественной історіи никакой пользы и удовлетворяла любителей такой философіи лишь мнимыми истинами и бреднями; насколько же менѣе пригодна подобная философія для історіи человѣчества съ ея тысячами разнообразныхъ, обуславливающихъ другъ друга, цѣлей“?

Естественная історія научила Гердера двумъ выводамъ, примѣнимымъ къ історіи: она устранила изъ дѣйствительности понятіе чуда, т.-е. событія, совершившагося съ на-

* См. „Вопр. Фил. и Псих.“, 1896 г., № 2 (32), мартъ—апрѣль.

рушенієм естественнихъ законівъ бытія, и идею конечной цѣли, которая также какимъ-то чудеснымъ, непонятнымъ образомъ* вліяеть назадъ на факты и направляетъ ихъ. Такія конечныя цѣли,—по Гердеру *),—могутъ только быть измышляемы; изслѣдуемы же могутъ быть лишь причины *предшествовавшія* факту. Въ силу этого, вопросъ „зачѣмъ“ долженъ быть удаленъ изъ области исторіи, такъ же какъ онъ устранинъ изъ естественной исторіи и замѣненъ вопросомъ „почему?“

„Вслѣдствіе этого, говоритъ Гердеръ, мы въ особенности и болѣе всего будемъ остерегаться, чтобы не видѣть въ явленіяхъ исторіи выраженія сокровеннаго и неизвѣстнаго намъ міроваго плана или даже магическаго вліянія неизвѣстныхъ духовъ, о которыхъ никто и не рѣшается упомянуть при объясненіи явленій природы. Почему Александръ Македонскій отправился въ Индію? Потому что онъ былъ Александръ, сынъ Филиппа, и вслѣдствіе характера своего народа, своего собственнаго характера и возраста, чтенія Гомера и проч., ничего лучшаго не придумаль. Если мы будемъ приписывать быстрое рѣшеніе его намѣреніямъ верховной силы, а смѣлые подвиги его—помощи фортуны, тогда мы подвергнемся опасности объяснять самые непростительныя, безразсудныя поступки его божественной волей, и уменьшать, съ другой стороны, его собственную отвагу и военныя способности, и вообще лишимъ цѣлое явленіе настоящаго его значенія. Кто въ естественной исторіи сталь бы воображать, будто невидимые духи румянятъ розу или опускаютъ въ ея чашечку серебряную росу, будто маленькіе духи свѣта поселяются въ тѣмъ свѣтляка или играютъ на хвостѣ павлина,—тотъ можетъ быть искуснымъ поэтомъ, ни но никогда онъ не отличится ни какъ естествоиспытатель, ни какъ историкъ“.

Отвергая конечныя цѣли, Гердеръ, однако, не изгоняеть понятія цѣли изъ міра и изъ исторіи; напротивъ, только

*) Haym. Herder II, 234.

опредѣленіе цѣли выясняетъ смыслъ явленія. Но дѣло въ томъ, что человѣкъ, какъ и всякій другой организмъ, носить въ самомъ себѣ свою цѣль.

Какова же цѣль человѣка и человѣчества на землѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Гердеру та же природа, которая открыла ему длинный рядъ все болѣе и болѣе совершенныхъ формъ отъ низшихъ организмовъ до человѣка. „Оставимъ въ сторонѣ,—говоритъ Гердеръ,—всякую метафизику и будемъ исключительно руководиться физиологіей и опытомъ“. Самое физическое строеніе человѣка, его отличительный признакъ отъ другихъ существъ уже опредѣляютъ его назначеніе.

Выпрямленный станъ человѣка кореннымъ образомъ измѣняетъ все строеніе и положеніе тѣла и отношеніе отдѣльных частей его и органовъ: ступня становится шире и прочнѣе, спинной мозгъ съ своей системой нервовъ поднимается подобно цвѣтку къ верху, грудь выступаетъ впередъ и расширяется, органы питанія, ротъ и челюсти уменьшаются и занимаютъ менѣе выдающееся мѣсто; голова, понурая у животнаго, становится вѣнцомъ строенія; вмѣстѣ съ тѣмъ мозгъ получаетъ возможность развиваться и выпуклѣе выступаетъ полный мысли лобъ. Органъ слуха, торчащій у животныхъ надъ головой, опускается ниже, органъ зрѣнія получаетъ самое видное мѣсто, и человѣкъ становится существомъ, озирающимся широко вокругъ себя и поднимающимъ взоръ выше себя.

Измѣнившееся строеніе тѣла измѣнило и отношеніе человѣка къ ему подобнымъ. Въ поэтическихъ выраженіяхъ проводитъ Гердеръ эту мысль и рисуетъ картину материнской заботы о новорожденномъ человѣкѣ. Но не только въ любви и въ злѣбѣ все измѣнилось: строеніе человѣка даетъ ему силу для защиты, но предоставляетъ ему меньше средствъ для нападенія, чѣмъ животному; онъ занимаетъ своимъ тѣломъ меньше мѣста на землѣ и потому менѣе уязвимъ,—положеніе его рукъ даетъ ему возможность защитить почти все свое тѣло и въ особенности самые важные

органы; для нападенія же ему не достаточно природныхъ средствъ, и онъ долженъ прибѣгнуть къ искусству, — такимъ образомъ, самое строеніе предназначаеъ его къ миролюбію.

Преимущество физической организаціи человѣка проявляется еще дальше; Гердеръ приводитъ съ нею въ связь даръ *рѣчи*. Давній споръ—обусловливалъ ли даръ рѣчи у человѣка развитіе его разума или наоборотъ,—Гердеръ разрѣшаетъ въ первомъ смыслѣ. „Только рѣчь,—говоритъ онъ, пробуждаетъ дремлющій разумъ“. Указавъ еще цѣлый рядъ послѣдствій физической организаціи человѣка относительно развитія въ немъ способностей, болѣе утонченныхъ потребностей и нравственныхъ свойствъ, Гердеръ приходитъ къ выводу, что человѣкъ предназначенъ и организованъ къ развитію разума и къ свободѣ.

Ребенокъ,—поясняетъ Гердеръ,—родится на свѣтъ только съ зачатками тѣхъ силъ и способностей, которыя должны въ немъ развиться. При такихъ условіяхъ онъ принужденъ своей организаціей всему научиться; онъ привыкаетъ напрягать свои чувства—слухъ, зрѣніе, онъ научается ходить, онъ научается разуму, и подобно тому какъ ребенокъ, падая, навикаетъ ходить, тогда какъ дѣтеныши животныхъ тотчасъ пріобрѣтаютъ силу и способность движенія, такъ и человѣкъ, посредствомъ заблужденій, идетъ къ истинѣ. Онъ „первый вольноотпущенный творенія“; взвѣшиваніе добра и зла, истины и лжи зависитъ отъ него, ему дана возможность изслѣдовать, онъ долженъ производить выборъ. Такимъ образомъ, въ человѣкѣ лежитъ цѣлый рядъ задатковъ къ высшему развитію—какъ физическому, такъ и духовному: сумму этихъ задатковъ и цѣлей, достиженіе которыхъ только и дѣлаеъ человѣка настоящимъ человѣкомъ, Гердеръ обозначаетъ словомъ *Humanität* — *человѣчность*. Итакъ, человѣчность есть цѣль и земная задача человѣка,—цѣль не извнѣ и искусственно ему навязанная, а обусловленная его организаціей, всѣмъ его бытіемъ.

Здѣсь въ „Идеяхъ“ Гердера, выступаетъ особенно наглядно одинъ достойный вниманія моментъ, рѣзко отличающій его

философію природы отъ современныхъ взглядовъ. И у Гердера челоѡкъ какъ бы естественно вырастаетъ изъ стоящаго подъ нимъ органическаго міра, отдѣляемый отъ него лишь мало замѣтными переходами; челоѡкъ—одно изъ звеньевъ, восходящей цѣпи усовершенствованныхъ созданій природы. Но въ дѣйствительности положеніе челоѡка въ глазахъ Гердера совершенно иное. Челоѡкъ, правда, только послѣдняя ступень на лѣстницѣ твореній, но та, къ которой ведутъ всѣ остальные; съ этой верхней ступени всѣ низшія, уже пройденныя, представляются устроенными ради верхней. Природа трудилась, создала, усовершенствовала свою работу лишь для того, чтобы поскорѣе достигнуть самаго совершеннаго изъ своихъ произведеній. Такой взглядъ, въ которомъ мелькаетъ какъ бы прежняя телеологія, ясно проходитъ по тѣмъ главамъ „Идей“, которыя посвящены челоѡку. Гердеръ указываетъ, на примѣръ, на то, что въ мірѣ челоѡческомъ (im Menschenreich) царствуетъ величайшее разнообразіе склонностей и задатковъ, которымъ мы съ изумленіемъ дивимся и нерѣдко признаемъ какъ бы противоестественными, не понимая ихъ. Но такъ какъ и они не могли явиться безъ органическихъ причинъ, то,—если дозволено, какъ оговаривается Гердеръ, высказывать догадки относительно тайны творенія,—можно смотрѣть на челоѡчество какъ на великое стеченіе низшихъ органическихъ силъ, которыя въ немъ должны достигнуть *челоѡчности*.

Изъ этого видно, что философія природы Гердера имѣетъ еще *антропоцентрической* характеръ. Жизнь и творчество природы вращаются около челоѡка: на челоѡка направлены всѣ усилія природы; къ нему ищутъ подняться всѣ низшія органическія силы, всѣ грубыя неорганическія частицы, чтобы въ немъ преобразиться, достигнуть высшаго своего назначенія—*челоѡчиться*. Какъ бы ни была справедлива критика этихъ взглядовъ съ точки зрѣнія современныхъ естественныхъ наукъ, нельзя не признать, что великая культурная идея *челоѡчности* никогда не утверждалась на такомъ величественномъ основаніи. Вся органиче-

ская природа, со всѣмъ изумительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ своихъ процессовъ, съ необозримымъ и стройнымъ усовершенствованіемъ своихъ явленій, объявляла человѣку скрытое въ ней откровеніе, что онъ созданъ для осуществленія идеала человѣчности.

Что же это такое—человѣчность?

Предназначеніе человѣка къ человѣчности не тавтологія; это, правда, понятіе нѣсколько не опредѣленное, но растяжимое, и оно тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе человѣкъ способенъ въ него внести. „Я желалъ бы,—говоритъ Гердеръ,—быть въ состояніи вложить въ слово *Humanität* все, что я сказалъ о развитіи человѣка къ разуму и свободѣ, къ утонченности органовъ и потребностей, къ самому нѣжному и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкому сложенію, къ обладанію всѣмъ земнымъ шаромъ, ибо у человѣка нѣтъ болѣе благороднаго слова для своего назначенія, чѣмъ онъ самъ, на комъ отпечатлѣлся образъ Творца земли, насколько онъ могъ здѣсь обнаружиться.

Не даромъ,—говоритъ Гердеръ въ другомъ мѣстѣ,—люди не въ состояніи представить себѣ божество иначе, чѣмъ въ человѣческомъ образѣ, причемъ чувственные народы обоготворяли людей, болѣе идеальные же очеловѣчивали божество. Стремиться къ раскрытію этой человѣчности—*dieser Humanität nachzuforschen*—есть настоящая человѣческая философія, обнаруживающаяся какъ въ нравахъ, такъ и въ политикѣ, въ наукахъ и искусствахъ. Но если цѣль человѣка заключается въ стремленіи къ полной человѣчности, то такова же цѣль и совокупности всѣхъ людей, и, дѣйствительно, Гердеръ признаетъ человѣчность назначеніемъ человечества и конечнымъ результатомъ его исторіи. Такимъ образомъ, основнымъ принципомъ исторіи становится развитіе человѣчности, т.-е. прогрессъ. Какія же однако у Гердера доказательства на то, что это дѣйствительно такъ? Гердеръ доказываетъ свое положеніе частью общими соображеніями о цѣляхъ и цѣлесообразности, частью фактическими данными.

Основной принципъ всего существующаго, по его мнѣнію,

заключается въ томъ, что вездѣ на землѣ совершается то, что должно сбыться, частью по условіямъ и потребностямъ мѣста, частью по обстоятельствамъ и условіямъ времени. Это общій законъ природы и исторіи. Какъ въ природѣ изъ зерна должно произрасти дерево, заключающееся въ его зародышѣ, такъ неминуемо совершается и развитіе людей и народовъ.

Или же Гердеръ старается доказать прогрессъ человѣчности изъ понятія цѣли. „Цѣль каждаго предмета, — говоритъ онъ, — который не есть только мертвое средство, должна заключаться въ немъ самомъ. Еслибы мы были сотворены для того, чтобы, подобно магниту, обращающемуся къ сѣверу, стремиться вѣчно напрасными усиліями къ достиженію такого пункта совершенства, который лежитъ внѣ насъ, то это было бы совершенно несомѣстимо ни съ природою человѣка, ни съ понятіемъ о божествѣ“, какъ его себѣ представляетъ Гердеръ.

Такая аргументація имѣетъ, конечно, лишь субъективный характеръ; но Гердеръ утверждаетъ, что „цѣль человѣческаго рода на землѣ самымъ очевиднымъ способомъ доказываетъ его природою и исторіей“. Все, что въ этомъ случаѣ сказано о природѣ, т. е. о физической организаціи человѣка, уже было выяснено Гердеромъ и нами приведено по поводу назначенія отдѣльнаго или индивидуальнаго человѣка къ развитію человѣчности. Новы здѣсь доказательства, которыя приводятся изъ коллективной жизни людей. Ради развитія человѣчности (Humanität), — говоритъ Гердеръ, — введены всѣ способы быта человѣческаго, всѣ виды человѣческаго общества. Ради нея человѣкъ изобрѣталъ многоразличные законы и правительственныя формы, которыя всѣ имѣли цѣлью — доставить человѣку возможность упражнять свои силы безъ обиды со стороны другихъ, для того чтобы обезпечить за собою болѣе свободное, гармоническое наслажденіе жизнью. Ради этого была обезпечена собственность, были обезпечены — трудъ, искусство, торговля, общеніе между людьми, были изобрѣтены наказанія для преступни-

ковъ, награды для добродѣтели, были установлены тысячи обычаевъ семейной и общественной жизни для водворенія нравственности и религіи. Для этого, наконецъ, велись войны, заключались договоры, постепенно было организовано извѣстное право войны и мира; было установлено право для международныхъ сношеній и торговли, чтобы человѣкъ пользовался безопасностью и почетомъ и внѣ предѣловъ своего отечества. Итакъ, все, что творилось хорошаго въ исторіи, то было сдѣлано ради человѣчности; что въ ней проявилось неразумнаго, преступнаго и отталкивающаго, было совершено противъ человѣчности.

* * *

Гердеръ, однако, не ограничился указаніемъ на то, что уже по своей природѣ человѣкъ принужденъ идти по пути усовершенствованія; за нимъ нужно признать и ту заслугу, что онъ сдѣлалъ попытку научнымъ образомъ опредѣлить этотъ путь и установить первые, такъ называемые *историческіе законы*, чтобы съ ихъ помощью водворить въ хаосъ историческихъ событій такой же порядокъ, какой царствуетъ въ жизни природы.

Правда, эти законы природы—*Naturgesetze*, о которыхъ Гердеръ говоритъ съ такимъ удареніемъ, нерѣдко ближе къ нравственнымъ разсужденіямъ, чѣмъ къ законамъ, т.-е. неизмѣннымъ отношеніямъ явленій, эмпирически наблюдаемымъ. Таковъ, на примѣръ, первый законъ природы, указанный Гердеромъ,—законъ, который онъ называетъ столь же простымъ, сколько достойнымъ божества и плодотворнымъ для человѣческаго рода.

Законъ этотъ формулированъ у Гердера такъ: тогда какъ всѣ прочія существа, руководящіяся инстинктомъ, остались тѣмъ, чѣмъ были въ началѣ творенія,—божество „вложило въ самого человѣка принципъ его дѣятельности и съ самага начала привело эту дѣятельность въ движеніе внутренними и внѣшними потребностями человѣческой природы. Человѣкъ не былъ въ состояніи жить и сохраниться, не научив-

шись руководиться своимъ разумомъ; какъ скоро онъ сталъ имъ пользоваться, предъ нимъ, правда, раскрылась дверь къ тысячамъ заблужденій и неудачъ, но въ то же время, благодаря именно этимъ заблужденіямъ и неудачамъ, открылся путь къ лучшему пользованію разумомъ. Если люди заблуждались или останавливались на полдорогѣ, они страдали отъ послѣдствій своихъ заблужденій и платились за собственную вину. Никогда божество не приходило къ нимъ на помощь чудесами, но черезъ послѣдствія этихъ ошибокъ научало людей исправлять ихъ. Чѣмъ скорѣе люди сознавали эти ошибки, чѣмъ энергичнѣе они принимались исправлять ихъ, тѣмъ дальше шли они, тѣмъ болѣе развивалась ихъ человѣчность—и они должны развивать ее далѣе или цѣлые вѣка стонать подъ бременемъ собственныхъ ошибокъ.

„Удивительно примиряетъ насъ,—говоритъ Гердеръ,— принципъ этого прекраснаго божественнаго закона природы, не только съ тѣмъ обликомъ, который принялъ родъ человѣческой на обширной землѣ, но и со всѣми переменами, совершившимися въ немъ на протяженіи вѣковъ. Вездѣ человечество представляетъ собою то, что оно могло изъ себя сдѣлать, что оно имѣло охоту и силу сдѣлать“.

Другой законъ природы, установленный Гердеромъ гласитъ, что: „всѣ разрушительныя силы природы не только должны съ теченіемъ времени уступить охранительнымъ силамъ, но въ концѣ сами служить развитію цѣлаго“. Въ доказательство Гердеръ приводитъ фактъ превращенія хаоса въ міровой порядокъ и прекращенія на земномъ шарѣ тѣхъ геологическихъ переворотовъ, которые предшествовали установленію теперешняго устройства земной поверхности. Примѣненіе же этого общаго принципа къ исторіи Гердеръ усматриваетъ въ слѣдующихъ трехъ историческихъ положеніяхъ:

1. Среди людей нарождается больше охранителей, чѣмъ разрушителей. Доказательствомъ Гердеру служитъ фактъ, что въ числѣ правителей завоеватели рѣже, чѣмъ миролюбивые монархи; а доказательствомъ служитъ постепенное

преобладаніе культуры надъ варварствомъ. Подобно тому, какъ породы дикихъ животныхъ исчезли въ Европѣ и уменьшились даже въ Африкѣ, такъ съ расширеніемъ культуры суживается пустыня и рѣдѣють ея дикія племена. Въ культурныхъ же странахъ люди постепенно утрачиваютъ съ звѣриною силой тѣла задатки дикихъ страстей и вырабатываютъ въ себѣ болѣе тонкую организацію.

2. вмѣстѣ съ развитіемъ разума и истинной человѣчности это движеніе къ ограниченію разрушительныхъ силъ должно пойти все быстрѣе. Даже наша скоротечная исторія ясно показываетъ, что съ просвѣщеніемъ народовъ счастливо уменьшились враждебныя людямъ безчисленныя разрушенія.

Со времени паденія Рима въ Европѣ не возникало другого государства, которое направляло бы всю свою организацію на войны и завоеванія. По мѣрѣ того, какъ развивается разумъ, люди съ дѣтства научаются *болѣе* цѣнить полезныя культурныя стремленія, чѣмъ мнимое величіе завоеваній и разрушенія, и убѣждаются въ томъ, что, въ силу физическаго закона, всякое нарушеніе равновѣсія обращается во вредъ нарушителя.

Можно ли сомнѣваться въ томъ, спрашиваетъ Гердеръ, что чѣмъ яснѣе будетъ познанъ этотъ законъ, тѣмъ сильнѣе будетъ его практическое и культурное вліяніе? То, что можетъ быть доказано съ математическою достовѣрностью, то рано или поздно должно сдѣлаться обще-признанною истиной.

3. Усовершенствованіе въ области изобрѣтеній и учреждений даетъ человѣчеству все возрастающія средства ограничивать и сдѣлать безвреднымъ то, что сама природа не была въ состояніи устранить. Бури на морѣ неизбежны, но человѣкъ изобрѣлъ для побѣды надъ ними корабль, строительное искусство и компасъ.

Такъ стоитъ дѣло и съ человѣческими страстями, этими разрушительными бурями на океанѣ исторіи. Развивая эту мысль, Гердеръ указываетъ, какъ усовершенствованія въ

военномъ дѣлѣ сократили и ограничили войны; какъ еще болѣе трудное искусство—политическое—усовершенствовало государственное устройство и этимъ создало новыя гарантіи мира и культурнаго развитія. Еще очевиднѣе польза человѣческихъ успѣховъ въ области народнаго хозяйства, торговли, права, наукъ и промысловъ. Вездѣ усовершенствованіе разума упрочиваетъ культуру, и самое зло заставляетъ служить благой цѣли человечества.

Другой еще законъ — и, на этотъ разъ, дѣйствительно доказанный законъ—заимствуетъ Гердеръ изъ жизни мірозданія и примѣняетъ его къ исторіи. Это такъ называемый законъ Ламбера—о равновѣсіи силъ. Онъ формулированъ у Гердера въ видѣ трехъ положеній или отдѣльныхъ законовъ. Во-первыхъ, для продолжительнаго существованія (Beharungszustand) какого бы то ни было предмета, необходимъ извѣстный максимумъ или минимумъ, т.-е. извѣстное равновѣсіе дѣйствующихъ въ немъ силъ. Во-вторыхъ, всякое совершенство и всякая красота сложныхъ явленій или системъ основаны на такомъ равновѣсіи. И въ-третьихъ, если какой-нибудь предметъ или же система выведены изъ своего равновѣсія, на которомъ основана ихъ истина, совершенство или красота, то они въ силу внутренней косности снова къ нему приближаются, путемъ колебаній или *асимптотой* *), такъ какъ внѣ этого равновѣсія не могутъ существовать. Чѣмъ многообразнѣе и живѣе силы, тѣмъ значительнѣе колебанія, необходимыя для возстановленія нарушеннаго равновѣсія. Такимъ образомъ, и человечество какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, обществахъ и націяхъ представляетъ собою прочную, естественную систему самыхъ разнообразныхъ живыхъ силъ, которыя борются другъ съ другомъ въ смутномъ хаосѣ, пока, по непреложнымъ законамъ природы, противоположности не ограничатъ другъ дру-

*) Асимптотой (т.-е. *не совпадающей*) называется линія (прямая или кривая), идущая рядомъ съ какою-нибудь другою кривою линіею такъ, что разстоянія между ними все уменьшаются, никогда однако не исчезаю.

га и не установится извѣстное равновѣсіе или гармонія движеній.

Каждый народъ представляет собою извѣстное равновѣсіе свойственныхъ ему силъ, видоизмѣняющихся по времени, мѣсту и національному характеру; каждый достигаетъ своего совершенства, и потому переносить мѣрку совершенства съ одного на другой было бы самымъ обманчивымъ заблужденіемъ. И, однако, черезъ всѣ образованные народы проходитъ одна цѣпь культуры, хотя соединяющая ихъ линія представляет собою кривую съ рѣзкими уклоненіями. Но *одинъ* принципъ господствуетъ у всѣхъ, а именно: единый человѣческій разумъ, стремящійся создать изъ смуты порядокъ, изъ разнообразія силъ и стремленій нѣчто цѣльное въ гармоническомъ равновѣсіи. Это гармоническое равновѣсіе—не что иное какъ человѣчность, т.-е. разумъ и справедливость по отношенію ко всѣмъ классамъ и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ.

Эта справедливость, говоритъ Гердеръ въ другомъ мѣстѣ, не что иное какъ нравственное равновѣсіе разума (*ein moralisches Ebenmass der Vernunft*), формула равновѣсія силъ, „на гармоніи которыхъ основано все міроздание“.

Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же законъ простирается отъ солнца и отъ всѣхъ другихъ солнцъ къ мельчайшимъ человѣческимъ дѣйствіямъ; одно единое поддерживаетъ всѣ существа и всѣ ихъ системы—гармоническое отношеніе ихъ силъ къ установленію періодическаго покоя и порядка. На этомъ міровомъ законѣ основано и счастье людей; разуму и справедливости должны они болѣе всего научиться; если они въ нихъ будутъ успѣвать, то шагъ за шагомъ волеется свѣтъ въ ихъ душу и доброта въ ихъ сердце, совершенство водворится въ государствѣ и счастье въ жизни.

И Гердеръ не сомнѣвается, что такое преуспѣяніе дѣйствительно. Ходъ культуры на земномъ шарѣ представляется ему не спокойнымъ теченіемъ, а бурнымъ потокомъ съ рѣзкими поворотами и большими изгибами. Причину этого Гердеръ видитъ въ страстяхъ людскихъ, но для него вмѣ-

стѣ съ тѣмъ очевидно, что весь строй человѣческаго рода рассчитанъ на такія чередующіяся колебанія.

Какъ наша походка не что иное какъ постоянное паденіе то вправо, то влѣво, и мы все-таки съ каждымъ шагомъ поднимаемся впередъ, такъ совершается и прогрессъ культуры. Какъ въ механизмѣ нашего тѣла, такъ и въ мірѣ чрезъ необходимый антагонизмъ силъ творится дѣло вѣковъ въ интересахъ человѣческаго рода. Въ какихъ бы уклоненіяхъ ни изгибался потокъ человѣческаго разума, онъ получилъ свое начало въ вѣчномъ источникѣ истины и потому, въ силу своей природы, на своемъ пути не можетъ затеряться. И кто изъ него черпаетъ, тотъ черпаетъ силу и жизньъ.

* * *

Такимъ образомъ, въ философіи исторіи Гердера человѣку и человечеству былъ поставленъ новый идеаль—идеаль, болѣе высокій и обширный, чѣмъ тотъ, который заключался въ идеѣ прогресса просвѣтительной философіи.

Въ послѣдней исключительно преобладала разсудочная сторона. Не даромъ однако во второй половинѣ XVIII вѣка на ряду съ разсудкомъ заявило о своихъ правахъ, въ лицѣ Руссо, чувство. Права сердца и принципъ морали нашли въ Гердерѣ восторженнаго сторонника. Не столько умственное развитіе (*Ausbildung des Witzes* — въ смыслѣ французскаго *esprit*), сколько воспитаніе сердца стоятъ для него на первомъ планѣ. „Очищеніе сердца и облагороженіе души со всѣми ея стремленіями и потребностями,—таковъ выводъ одного изъ его діалогическихъ разсужденій,—вотъ въ чемъ заключается настоящее возрожденіе жизни“—*Palingenesie des Lebens*.

Не даромъ также взялся за проповѣдь новаго идеала, въ лицѣ Гердера, поэтъ, который такъ живо чувствовалъ красоту народной поэзіи и въ то же время умѣлъ цѣнить эстетическіе идеалы Винкельманна, Лессинга и своего друга Гёте. Понятіе — *Humanität* — человѣчности, которое Гердеръ сдѣлалъ девизомъ философіи исторіи, заключало въ

себѣ всестороннее развитіе вложенныхъ въ человѣческую природу духовныхъ стремленій.

Идеаль, поставленный Гердеромъ, имѣлъ еще другое достоинство; онъ былъ основанъ на гармоническомъ сочетаніи двухъ элементовъ, входящихъ въ жизнь человѣка — матеріи и духа, природы и исторіи. Въ этомъ отношеніи заслуга Гердера не всегда достаточно оцѣнивается. Его современники обвиняли его въ томъ, — и этотъ упрекъ слышится до нашихъ дней, — что онъ духъ слишкомъ подчинялъ природѣ или, какъ выразился Лоранъ въ своей философской исторіи человѣчества, „вѣрилъ въ роковое вліяніе природы на исторію“ *). Съ бѣльшимъ основаніемъ можно было бы упрекнуть Гердера въ томъ, что онъ въ объясненіе физическихъ явленій вносилъ апріористическій методъ и метафизическія понятія. Но такія противорѣчія были совершенно неизбѣжны при высокой цѣли, которую онъ преслѣдовалъ; эту цѣль нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ его заслуги, а не недостатки, проявившіеся при исполненіи трудной задачи.

Значеніе философіи исторіи Гердера заключается въ великой попыткѣ понять цѣль и законы исторіи въ связи съ общимъ строемъ мірозданія, насколько этотъ строй былъ доступенъ его наблюденіямъ. Помимо всѣхъ положительныхъ результатовъ, достигнутыхъ этимъ путемъ, самая постановка такого вопроса представляла собою великій результатъ для исторической науки. Восхищаясь необъятностью вселенной и стройностью міровыхъ законовъ, Гердеръ одухотворилъ исторію и вывелъ ее изъ лабиринта мелкихъ интересовъ и страстей людскихъ, поглощавшихъ все вниманіе историковъ; прослѣдивъ во всемъ органическомъ мірѣ законъ непрерывнаго усовершенствованія, онъ поставилъ принципъ прогресса въ исторіи на незыблемую почву. Природа такимъ образомъ не подавляла исторіи, а становилась въ служебное отношеніе къ ней. Гердеръ до-

*) Laurent. Etudes. T XI p. 135, „mais il croit aussi à l'influence fatale de la nature. Le fatalisme de la nature le domine sans qu'il se rende compte des conséquences funestes de cette doctrine“. p. 137.

вель животный міръ, насколько для него было возможно, близко къ человѣку, но не для того, чтобы принизить человѣка и доказать его звѣроподобіе, а для того, чтобы заставить всю природу убѣдительно и властно твердить человѣку: совершенствуйся и стань вполне человѣкомъ.

III.

Въ своей философіи исторіи Гердеръ побѣдилъ великую антиномію матеріи и духа, природы и исторіи, объединивъ ихъ въ идеѣ постоянного усовершенствованія, представивъ прогрессъ въ человѣкѣ и въ исторіи естественнымъ послѣдствіемъ прогресса въ природѣ, поступательнаго движенія ея въ усовершенствованіи органическихъ формъ.

Но на этой почвѣ предъ нимъ должна была раскрыться другая антиномія. Если природа организовала родъ человѣческой для прогрессивнаго развитія, для достиженія одной, отдаленной цѣли, то всѣ поколѣнія людей—не что иное какъ ступени, по которымъ грядетъ впередъ духъ исторіи, то всѣ они лишь средства для этой цѣли, то всѣ они живутъ для другихъ и трудятся на пути прогресса для того, чтобы другіе наслаждались плодами этихъ трудовъ. Гуманная натура Гердера не мирилась съ такимъ рѣшеніемъ вопроса. Та же гуманность, побудившая его признать идеальной цѣлью исторіи понятіе „человѣчности“ — Humanität, мѣшала ему приносить индивидуальность, т.-е. отдѣльнаго человѣка, поколѣніе или народъ—въ жертву общему, коллективному понятію человѣчества. Живая симпатія Гердера ко всему одаренному жизнью понуждала его видѣть реальное бытіе и истинную цѣль творенія въ каждомъ отдѣльномъ субъектѣ—человѣкѣ или народѣ, а не въ жизни вида, или всей человѣческой породы. Сердце подсказывало Гердеру, какъ и поэту, что „жизнь для жизни всѣмъ дана“.—Жизнь для cadaго есть цѣль, а не средство; природа сотворила всѣхъ для того, чтобъ они наслаждались жизнью. Итакъ, счастье или благо cadaго является лозунгомъ природы и человѣческой исторіи—и руководящій исторіей у Гердера

принципъ прогресса уступаетъ мѣсто такъ называемому эвдемоническому, т.-е. принципу блага. Гердеръ былъ тѣмъ болѣе склоненъ поддаться вліянію эвдемонизма; что въ немъ былъ слабо развитъ политическій инстинктъ и ему потому не доставало настоящаго пониманія того міра, въ которомъ нагляднѣе всего проявляется гармонія между индивидуальнымъ и коллективнымъ началомъ, т.-е. *государства*. При отсутствіи политическаго интереса Гердеръ видѣлъ въ государствахъ лишь искусственныя машины, приводимыя въ движеніе рукою одного или немногихъ дѣятелей, и не замѣчалъ въ государствахъ взаимной солидарности и взаимодѣйствія его членовъ.

Къ тому же Гердера при его гуманности отталкивали всякая тираннія правителей и завоевательныя стремленія, и нужно сказать, что и современныя Гердеру государства, даже государство короля-философа Фридриха Великаго—представляли много свойствъ, которыя поддерживали въ Гердерѣ его антипатію къ политическому элементу въ исторіи.

Къ этому всему, наконецъ, присоединилась полемика между Гердеромъ и Кантомъ въ промежуткѣ между появленіемъ первой и второй части „Идей“, очень раздражившая впечатлительнаго Гердера. Кантъ въ своей критикѣ „Идей“ противопоставилъ *его* идеалу другой, основанный на политической идеѣ; коңечнымъ результатомъ историческаго прогресса Кантъ признавалъ наисовершеннѣйшій политическій строй, въ которомъ гармонически улаживались противорѣчивыя интересы индивидуумовъ. Гердеръ не былъ въ состояніи примириться съ этимъ идеаломъ. Представленіе, будто вся тысячелѣтняя трудовая исторія челоуѣчества лишь медленное приближеніе къ отдаленному идеалу, которымъ вполнѣ воспользуется лишь послѣднее изъ челоуѣческихъ поколѣній, возмущало его.

„Какъ!—воскликаетъ онъ,—неужели тысячи существовали лишь для одного, всѣ прошлыя поколѣнія жили лишь для послѣдняго, всѣ индивидуумы были созданы лишь для пользы вида, т.-е. въ интересахъ отвлеченнаго образа и названія?“.

„Какъ! материнское сердце природы имѣло въ виду лишь благо одного изъ тысячъ людскихъ поколѣній, а всѣ прочія поколѣнія не что иное, какъ орудіе для того, чтобы обезпечить благо своихъ послѣднихъ потомковъ?“

Итакъ, мысль о противоположности между благомъ индивидуумовъ и прогрессомъ цѣлаго поразила воображеніе Гердера и стала поперекъ его пути. Подъ ея вліяніемъ стародавняя идея объ антагонизмѣ между счастьемъ и культурой, идея, которою Руссо произвелъ такой переворотъ въ строеніи европейскаго общества, снова проснулась въ Гердера. Вторая часть его „Идей“ написана подъ впечатлѣніемъ этой мысли: общечеловѣческая идея „гуманитета“ блѣднѣетъ и затуманивается, и на ея мѣсто выступаетъ идея о личномъ благѣ индивидуумовъ и народовъ въ исторіи.

Въ чемъ же заключается благо или блаженство—*Glückseligkeit*—и кому оно на землѣ предназначено? Эти два вопроса сливаются у Гердера въ одинъ и разрѣшаются имъ подъ исключительнымъ вліяніемъ гуманнаго чувства. Это чувство устраняетъ всякое рѣшеніе вопроса, которое сдѣлало бы блаженство достояніемъ или привилегіей немногихъ. Блаженство признается имъ прежде всего индивидуальнымъ благомъ, органически связаннымъ съ мѣстными условіями. Отсюда слѣдуетъ, что счастье можетъ быть повсемѣстно. „Безумно-высокомѣрно, — говоритъ Гердеръ, — было-бы предположеніе, что обитатели другихъ материковъ должны сдѣлаться европейцами, чтобы быть счастливыми; вѣдь и мы, европейцы, могли сдѣлаться таковыми только въ Европѣ. Всѣ люди имѣютъ одинаковое право находить наслажденіе въ земной жизни!“

Это право всѣхъ на счастье не только теоретическое,— оно осуществляется уже и потому, что мѣра и опредѣленіе счастья относительны, т.-е. въ связи съ ощущеніями каждаго. Итакъ, счастье можетъ быть не только подъ всѣми климатами и во всѣхъ поясахъ земли, но и въ жизни каждаго человѣка.

Чтобы, однако, счастье действительно было всё́мъ доступнымъ, Гердеръ все болѣе и болѣе упрощаетъ это понятіе. Первое необходимое условіе счастья есть здоровье, а здоровье поддерживается трудомъ и работою; поэтому, какъ говорили, греки, боги за трудъ все продавали смертнымъ: поэтому самое лишеніе побуждаетъ къ укрѣпляющему труду бодрого духомъ бѣдняка. Поэтому европейцы такъ часто съ изумленіемъ встрѣчаютъ постоянное довольство и веселость на лицѣ у народовъ, не знакомыхъ съ ихъ тревожными стремленіями; поэтому счастье жизни нигдѣ не заключается въ разнообразіи роящихся чувствъ и мыслей, а въ непосредственномъ наслажденіи самимъ существованіемъ и тѣмъ, что мы считаемъ присущимъ нашему существованію. Гердеръ и отождествляетъ счастье съ простымъ, глубокимъ и ничѣмъ не замѣнимымъ сознаніемъ своего существованія. Гердеръ идетъ еще дальше въ упрощеніи. Все живущее, говоритъ онъ, радуется своей жизни, не спрашивая и не углубляясь въ вопросъ, зачѣмъ оно живетъ; его жизнь служить ему цѣлью и его цѣль въ томъ, чтобы жить.

Sein Dasein ist ihm Zweck und sein Zweck das Dasein.

Въ доставленіи человѣку такого чувства наслажденія жизнью сердце играетъ болѣе важную роль, чѣмъ разумъ; „такъ какъ, говоритъ Гердеръ, наше блаженство (Wohlsein) скорѣе тихое ощущеніе, чѣмъ ясная мысль, то сердечныя чувства гораздо болѣе награждаютъ насъ любовью къ жизни и наслажденіемъ ею, чѣмъ сила глубоко-мысленнаго разума“. Условіемъ счастья, наконецъ, признается даже отсутствіе развитія. Гердеръ восхваляетъ природу за то, что она у большинства народовъ и общественныхъ слоевъ связала душевныя силы въ крѣпкій мотокъ и разматываетъ его только тамъ, гдѣ это требуется нуждою. Большая часть народовъ на землѣ дѣйствуютъ и фантазируютъ, любятъ и ненавидятъ, надѣются и страшатся, смѣются и плачутъ какъ дѣти; поэтому они, по крайней мѣрѣ, и могутъ наслаждаться блаженствомъ дѣтскихъ мечтаній. Горе бѣднягъ, которому приходится глубокомысленно додумываться до наслажденія жизнью!“

Мало-по-малу представление о блаженствѣ принимаетъ у Гердера враждебный культурѣ оттънокъ. Мы встрѣчаемъ у него отголоски обоихъ принциповъ, во имя которыхъ отрицалась культура: протестъ во имя пролетариата, которому, по его общественному положенію, недоступны блага высшей культуры, и протестъ во имя той массы, которой по ея умственнымъ средствамъ непосильно высшее духовное развитіе.

„Печальный опытъ“ научаетъ Гердера, что не всякая утонченность развитія даетъ счастье. „Философское размышленіе напримѣръ, можетъ доставлять удовольствіе лишь немногимъ, досужимъ людямъ; даже и для нихъ оно, подобно упоенію опиумомъ на Востокѣ, обезсиливаетъ, изнуряющее и усыпляющее удовольствіе въ какомъ-то полубреду. „Не вѣрьте, люди, чтобы не своевременное, безмѣрное развитіе было блаженствомъ, или чтобы мертвый перечень (номенклатура) всѣхъ наукъ и акробатское (seiltänzerischer) упражненіе во всѣхъ художествахъ „научали живое существо смыслу жизни“. Гердеръ благословляетъ Провидѣніе за то, что оно не одарило родъ человѣческой излишнею тонкостью и отнюдь не предназначило земной шаръ слѣдаться ученой аудиторіей. А въ другомъ мѣстѣ, критикуя утонченность европейской культуры и нравовъ, Гердеръ восклицаетъ: „но мнѣ скажутъ, что все это служить къ отличію сословій и благоденствію народовъ!“ „Къ благоденствію? Зачѣмъ же голодаетъ бѣднякъ и принужденъ въ трудѣ и въ поту, съ притупленными чувствами вести самую жалкую жизнь? Для того ли, чтобы вельможи и богачи, лишены вкуса, притупляли для вѣчнаго поддержанія своей грубости (Butalität) болѣе утонченнымъ способомъ свои чувства?“

Съ этой точки зрѣнія Гердеръ доходитъ уже и до идеализаціи дикаря; онъ превозноситъ даже уродливыя украшенія и извращеніе тѣла, къ которымъ прибѣгаютъ дикари, надъ „вычурами“ и искусственнымъ образомъ жизни цивилизованныхъ европейцевъ. Мало того,—въ заключеніе даже ока-

зывается, что дикарь въ простотѣ своихъ помысловъ, въ несложности своихъ привязанностей, вѣрнѣе и лучше осуществляетъ идеалъ челоуѣчества, великій завѣтъ, который философія Гердера признавала вѣнцомъ всего историческаго прогресса. „Дикарь, восклицаетъ Гердеръ, любящій себя, жену и дѣтей спокойною любовью и въ своемъ ограниченномъ кругу дѣятельности пламенѣющій для блага своего племени, не менѣе чѣмъ для собственной жизни, — какъ мнѣ кажется — болѣе заслуживаетъ того, чтобы его считали настоящимъ челоуѣкомъ (ein wahres Wesen), чѣмъ та цивилизованная тѣнь, которая восторгается любовью къ тѣни всего рода челоуѣческаго, т.-е. къ одному лишь имени (für einen Namen). Въ своей бѣдной хижинѣ первый находитъ мѣсто для всякаго чужестранца, котораго онъ принимаетъ съ равнодушною добротой, какъ брата, даже не спрашивая, кто онъ такой; заплывшее же (verschwemmte) сердце досужаго космополита ни для кого не представляетъ убожища“.

Въ этой выходкѣ противъ космополитовъ заключается намекъ на Канта и его общественный идеалъ. Еще менѣе, чѣмъ предназначеніе челоуѣчества для утонченной культуры, „можетъ понять“ Гердеръ мысль, „чтобы челоуѣкъ былъ созданъ для государства и въ его строѣ находилъ первыя необходимыя условія истиннаго своего счастья“. Для Гердера очевидно, что съ объемомъ государства и сложностью искусственнаго строя должно неизбѣжно и безпредѣльно возрастать число несчастныхъ. Въ большихъ государствахъ сотни должны голодать для того, чтобы одинъ могъ расточать и роскошничать; десятки тысячъ находятся въ неволѣ и посылаются на смерть для того, чтобы коронованный безумецъ или мудрецъ осуществлялъ свои фантазіи. И, наконецъ, такъ какъ согласно съ мнѣніемъ всѣхъ публицистовъ всякое благоустроенное государство должно быть машиною, которой управляетъ мысль одного, то неужели нѣтъ высшаго счастья, чѣмъ служить бессмысленнымъ орудіемъ въ такой машинѣ? „Нѣтъ, если мы люди, то будемъ благодарны Провидѣнію за то, что оно не въ этомъ усматривало общую цѣль челоуѣ-

чества. Милліоны живутъ на земномъ шарѣ безъ государствъ, и въ самомъ искусственномъ государствѣ тотъ, кто хочетъ быть счастливымъ, долженъ искать его тамъ же, гдѣ и дикарь, т.-е. ожидать здоровья и душевныхъ силъ, благоденствія своего дома и сердца не отъ государства, а отъ себя. Итакъ, милостиво было Провидѣніе, которое предпочло искусственнымъ цѣлямъ обширныхъ обществъ легче достижимое блаженство отдѣльныхъ людей и, насколько могло, избавило міръ отъ этихъ дорогихъ государственныхъ машинъ". Съ протестомъ противъ государственнаго начала на землѣ у Гердера связанъ протестъ противъ мнѣнія, что счастье зависитъ отъ успѣховъ прогрессирующей культуры. „Слабо и ребячески поступила бы творческая мать, восклицаетъ Гердеръ, еслибы она обусловила настоящее и единственное предназначеніе своихъ дѣтей -- быть счастливыми—искусными приспособленіями нѣсколькихъ запоздалыхъ потомковъ и отъ ихъ рукъ ожидала бы опредѣленія цѣли всего земного творенія. Неужели же, вы, обитатели другихъ материковъ, въ теченіе тысячелѣтій, промелькнувшихъ на землѣ, вовсе не жили или же прахомъ вашимъ только удобряли землю, для того чтобы въ концѣ вѣковъ ваши потомки были осчастливлены европейскою культурой? Чего недостаесть этой надменной мысли, чтобы быть оскорбленіемъ величія природы?

„Нѣтъ, если есть счастье на землѣ, то оно въ каждомъ чувствующемъ существѣ и должно быть присуще его природѣ; и даже вспомогательное искусство, чтобы доставлять счастье, должно обратиться въ природу. Отъ природы же всякій человѣкъ носитъ въ себѣ самомъ мѣру своего блаженства и только въ предѣлахъ той формы, для которой онъ созданъ, онъ можетъ найти счастье. Именно потому природа исчерпала на землѣ всѣ человѣческія формы, для того чтобы имѣть наготовѣ для каждой, сообразно съ ея временемъ и мѣстомъ, то наслажденіе, которымъ она манитъ смертныхъ чрезъ всю ихъ жизнь" (durchs Leben hindurch täuschte).

Такъ рѣзко формулированъ Гердеромъ антагонизмъ между единичнымъ счастьемъ и общею культурою въ одной изъ главъ второй части *).

Этотъ антагонизмъ такъ и не примиренъ у Гердера, ю онъ ослабленъ въ дальнѣйшихъ частяхъ его труда. Гердеръ механическимъ сочетаніемъ соединяетъ обѣ цѣли—личное благо и развитіе человѣчности. Въ чемъ же, спрашиваетъ онъ однажды, заключается цѣль человѣчности?—въ человѣчности и благоденствіи на томъ мѣстѣ, на той ступени, которую каждый занимаетъ въ качествѣ того, а не иного звена въ общей цѣпи развитія.

Идея счастья однако потомъ снова все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто понятію человѣчности, которая развивается вмѣстѣ съ подъемомъ культуры. Слѣдя за развитіемъ идеала человѣчности, Гердеръ даже дѣлаетъ, какъ мы видѣли, уступку политическому принципу и вносить въ понятіе человѣчности идею „справедливости ко всѣмъ классамъ и слоямъ“, что, конечно, не возможно внѣ усовершенствованнаго общественнаго и государственнаго строя. Однако, забота о счастьѣ всѣхъ, независимо отъ ихъ культуры, выражается и здѣсь у Гердера въ симпатіи къ низшимъ формамъ человѣчности. Человѣчность оказывается достояніемъ всѣхъ. „Близко къ обезьянѣ поставила природа негра и отъ разумнѣя негра до самого утонченнаго мозга культурнаго человѣка она предоставила всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ разрѣшать свою великую проблему человѣчности“.

Но при такомъ взглядѣ на дѣло совершенно исчезаетъ единство культуры и общность цѣлей въ человѣчествѣ. Гердеръ тѣмъ болѣе подвергался опасности потерять эту нить Ариадны въ лабиринтѣ человѣческой исторіи, что вниманіе его постоянно отвлекалось отъ общей цѣли человѣчества симпатіей Гердера къ индивидуальному характеру націй. Его интересъ къ народной поэзіи и къ языку рано пріучили его дорожить націями, какъ живыми индивидуальностями. „Нельзя причинить націи

*) Пятая глава VIII книги.

большаго вреда,—писаль онъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ сочиненій,—какъ похищая у нея національный характеръ, особенности ея духа и языка“ *). А въ своемъ первомъ опытѣ философіи исторіи онъ утверждалъ, что „всякая нація имѣеть въ самой себѣ центръ своего счастья, какъ всякій шаръ свой центръ тяжести“.

Эту аналогію онъ постоянно проводилъ и въ „Идеяхъ“. Но при такомъ важномъ значеніи автономныхъ, національных элементовъ, общая идея человѣчества грозитъ распасться: каждый народъ по своей индивидуальности осуществляетъ идею человѣчности, и исторія человѣчества не что иное, какъ собирательная исторія отдѣльныхъ націй. Этотъ индивидуальный или національный элементъ беретъ иногда у Гердера верхъ даже тамъ, гдѣ онъ имѣеть въ виду выразить общечеловѣческую идею. Такъ, на примѣръ, онъ сравниваетъ исторію культурныхъ народовъ съ состязаніемъ „изъ-за вѣнка лучшей человѣчности“. Идея солидарности высказана въ этомъ образѣ, но въ сущности одной изъ націй предназначается пальма побѣды, и за побѣдительницей признается преимущество, что она одна предъ всѣми другими осуществила идеаль человѣчности.

Подобнымъ образомъ Гердеръ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „все обновляясь въ своихъ формахъ, расцвѣтаетъ геній человѣчности и, возрождаясь, проходитъ (geht palingenetisch weiter) по народамъ и поколѣніямъ.

* * *

Итакъ, единство человѣческой исторіи, повидимому, разбивается антиноміей между отдѣльными поколѣніями и народами, которые всѣ служатъ сами себѣ цѣлью, всѣ имѣють свой собственный идеаль человѣчности. Но безъ единства въ цѣли и въ развитіи не можетъ быть философіи исторіи. И Гердеръ снова обрѣтаетъ это единство и указываетъ его въ исторіи. Это единство не отвлеченный принципъ, кото-

*) Biedermann II, 2 p. 123.

рый берется извне и искусственно вносится въ построение человѣческой исторіи. Напротивъ, Гердеръ выводитъ его изъ самой природы человѣка. Это принциць солидарности, взаимной связи людей въ ихъ духовномъ развитіи.

Напрасно мнить человѣкъ въ мечтахъ своей жизни, говорить Гердеръ, что всѣмъ, что онъ есть, онъ сталъ изъ самого себя; какъ бы человѣкъ ни мечталъ быть творцомъ самого себя, онъ зависитъ отъ другихъ въ развитіи своихъ способностей. Такая мечта понятна въ человѣкѣ. Чувство самодѣятельности, вложенное въ него природою, вызываетъ его на дѣйствія и вознаграждаетъ его пріятнымъ сознаниемъ имъ самимъ совершеннаго поступка. Онъ забываетъ о годахъ своего дѣтства; воспринятыя имъ тогда задатки и тѣ, которые онъ постоянно вновь воспринимаетъ, дремлютъ въ его душѣ: онъ не сознаетъ ихъ въ себѣ и наслаждается лишь плодами развившихся въ немъ душевныхъ силъ; но мыслитель, который знаетъ по опыту ходъ отдѣльной человѣческой жизни и въ состояніи прослѣдить всю цѣпь человѣческой исторіи,—ясно видитъ сомкнутыя звенья этой цѣпи, заключающейся во взаимной зависимости людей и людскихъ поколѣній.

На самомъ дѣлѣ, такъ же мало какъ человѣкъ по своему физическому рожденію происходитъ отъ самого себя, онъ и въ духовномъ отношеніи можетъ быть признанъ самородкомъ (ein Selbstgeborner). Нами унаслѣдованы не только зародыши нашихъ духовныхъ свойствъ, но и самое развитіе ихъ въ зависимости отъ окружающей среды. По самой природѣ своей человѣкъ предназначенъ въ долгомъ дѣтствѣ своемъ къ пользованію чужою помощью. Вся жизнь человѣка въ этотъ періодъ заключается въ живомъ воспріятіи впечатлѣній изъ этой окружающей среды и въ подражаніи. Даже разумъ въ извѣстномъ смыслѣ (Vernunft = Vernommenes) не что иное, какъ агрегатъ уразумленныхъ, усвоенныхъ понятій—сумма воспитанія, которое воспитуемый, наконецъ, самостоятельно завершаетъ въ себѣ по даннымъ ему образцамъ.

Въ этомъ взаимодействіи людей и заключается тотъ принципъ въ исторіи человѣчества, безъ котораго и не было бы такой исторіи. Еслибы человѣкъ все получалъ изъ себя и развивался независимо отъ окружающей его среды, была-бы возможна исторія человѣка, но не человѣческаго рода.

А такъ какъ отличительное свойство человѣка состоитъ именно въ томъ, что, являясь на свѣтъ почти безъ инстинкта, мы только черезъ пожизненное упражненіе развиваемся до человѣчности и на этомъ основана какъ способность къ усовершенствованію (Perfectibilität), такъ и возможность паденія и извращенія, то именно въ силу этого исторія рода человѣческаго становится единымъ цѣлымъ, т. е. „цѣпью общенія и культурной преемственности отъ перваго до послѣдняго звена“.

На этомъ основаніи Гердеръ признаетъ и идею „воспитанія человѣчества“; признаетъ ее именно потому, что человѣкъ только въ силу воспитанія становится человѣкомъ. При этомъ онъ дѣлаетъ оговорку противъ слишкомъ отвлеченнаго пониманія этой идеи.

Нельзя говорить, замѣчаетъ Гердеръ, о воспитаніи рода человѣческаго въ томъ смыслѣ, какъ понимали, напримѣръ, это послѣднее понятіе Аверроисты, приписывавшіе роду человѣческому одну единую душу; воспитывается не родъ человѣческой, а каждый отдѣльный членъ этого рода. Но если бы кто съ другой стороны сталъ видѣть въ человѣчествѣ лишь индивидуумъ и отрицать взаимное сцѣпленіе этихъ индивидуумовъ и связь ихъ съ цѣлымъ, то это было бы въ противорѣчьи какъ съ природою человѣка, такъ и съ яснымъ свидѣтельствомъ его исторіи; ибо ни одинъ изъ насъ не сталъ изъ себя человѣкомъ. Въ своемъ развитіи къ человѣчности человѣкъ связанъ посредствомъ воспитанія съ родителями, учителями, друзьями, со своимъ народомъ и предшествовавшими поколѣніями этого народа, наконецъ, со всею цѣпью человѣческаго рода, повліявшаго чрезъ каждое изъ этихъ звеньевъ на его душевныя силы.

Въ виду этого, весь земной шаръ преобразовывается въ глазахъ Гердера въ воспитательное учрежденіе всей человѣческой семьи, со многими отдѣленіями и классами, но съ однимъ общимъ планомъ ученія; воспитаніе человѣчества, а съ нимъ и философія исторіи становятся для него столь же достовѣрною истиной, какъ и существованіе самого человѣчества, т. е. взаимодействія человѣческихъ индивидуумовъ, „которое одно только и сдѣлало насъ людьми“. Признаніемъ взаимнаго духовнаго вліянія людей и воспитанія человѣчества Гердеръ внесъ новый и важный факторъ въ философію исторіи. Допущеніе этого принципа кореннымъ образомъ измѣняетъ исторію человѣка и положеніе его въ мірѣ. Исторія человѣка является продолженіемъ органической природы; но въ нее входитъ съ появленіемъ духовной культуры новый самостоятельный принципъ. Въ органической природѣ усовершенствованіе происходитъ посредствомъ физическихъ процессовъ; организмы усовершенствуются средою, въ которой они живутъ; прогрессъ приходитъ къ нимъ извнѣ. Въ историческомъ мірѣ этотъ способъ усовершенствованія отстываетъ на задній планъ; настоящий прогрессъ возможенъ только изнутри, посредствомъ сознательнаго акта, посредствомъ внутренняго желанія усовершенствоваться и потянуться къ свѣту, который блещетъ въ исторіи.

У историческаго человѣка двойное происхожденіе: онъ дитя природы, но онъ въ то же время сынъ духа. Онъ преемникъ и законный наслѣдникъ всего великаго, что творилось въ исторіи, лишь бы онъ пожелалъ принять это наслѣдство.

Усовершенствованіе человѣка осуществляется посредствомъ воспріятія результатовъ чужого развитія, переданнаго ему, т. е. дошедшаго до него путемъ преданія и воспитанія. Это воспріятіе не механической процессъ, не слѣпое подражаніе, а творческой актъ. Подражающій долженъ обладать силами, чтобы принять передаваемое ему, усвоить его и дретворить въ свою духовную природу. Отъ кого

онъ перенимаетъ, что и сколько онъ въ себя принимаетъ, какъ онъ себѣ это усвоиваетъ, какъ примѣняетъ усвоенное и какую пользу изъ него извлекаетъ—все это опредѣляется силами воспринимающаго.

Итакъ, какова культурная традиція, вліяющая на человѣка и какъ онъ воспринимаетъ это вліяніе, таковымъ становится человѣкъ.

Такимъ образомъ, въ идею усовершенствованія, которую человѣкъ выноситъ изъ всей органической природы, вносится новое начало, которое ставитъ историческій прогрессъ выше всякаго прогресса въ органическомъ мірѣ: человѣкъ совершенствуется благодаря усовершенствованію всей группы, которой онъ состоитъ членомъ или всего рода человѣческаго; и усовершенствованіе отдѣльнаго человѣка не остается безъ вліянія на общій ходъ прогресса.

Удивительныя перспективы открываются вслѣдствіе этого на жизнь человѣка и человѣчества: смыслъ этой жизни возвышается и въ прекрасныхъ выраженіяхъ раскрываетъ Гердеръ этотъ смыслъ. *Счастливымъ* называетъ онъ смертнаго, кто своими помыслами и стремленіями или хотя бы тихими лучами своего бытія содѣйствовалъ развитію лучшей человѣчности среди своихъ братьевъ. Не иначе, говоритъ Гердеръ, вліяетъ Господь на землю, какъ чрезъ избранныхъ лучшихъ людей. Тѣло наше истлѣваетъ въ могилѣ, и имя наше проходитъ быстрою тѣнью по землѣ; только въ голосѣ божьемъ, т.-е. въ культурной традиціи, можемъ мы и въ безыменномъ вліяніи жить и дѣйствовать въ душахъ людей.

Еще болѣе чѣмъ цѣна отдѣльной жизни,—выигрываетъ отъ культурной традиціи смыслъ всей исторіи:

„Золотая цѣпь культуры,—воскликаетъ Гердеръ,—охватывающая землю и простирающаяся черезъ всѣ индивидуумы до престола Провидѣнія, съ тѣхъ поръ какъ я тебя узрѣлъ и прослѣдилъ въ твоихъ лучшихъ звеньяхъ, исторія перестала мнѣ казаться, какъ прежде, мерзостью запустѣнія на святой землѣ. Философія исторіи, слѣдящая за цѣпью

культуры вносить смыслъ въ разрозненныя явленія, примиряетъ съ тѣмъ, что въ нихъ уродливо извращено, и утѣшаетъ относительно мимолетности всего великаго и прекраснаго. Путемъ историческаго развитія человѣкъ только *становится* человѣкомъ; поэтому на пути этомъ такъ много уклоненій; поэтому нѣтъ нелѣпости, которая бы не появилась въ исторіи; поэтому всѣ пороки и преступленія исчерпываются въ ней; но тихо среди всего этого созрѣваетъ благородный ростокъ культуры. Поэтому и революціи уже не пугаютъ Гердера, — онѣ необходимы человѣческому роду, чтобы его движеніе не остановилось, подобно потоку въ стоячемъ болотѣ. Поэтому въ исторіи и не можетъ быть ничего неподвижнаго. Никакой памятникъ человѣческихъ рукъ не можетъ вѣчно уцѣлѣть на землѣ потому, что въ потокѣ поколѣній всякое сооруженіе человѣка служить только для потребностей извѣстнаго времени и тотчасъ становится вреднымъ потомству, какъ скоро для него уже не нужно или задерживаетъ его движеніе впередъ.

Но изъ этихъ развалинь и обломковъ, какъ говорить Гердеръ, цѣпь культурной традиціи слагаетъ одно цѣлое, въ которомъ образы людей исчезаютъ, но духъ человѣчскій безсмертно живетъ и дѣйствуетъ.

Поэтому, слѣдящая за цѣпью культурной традиціи философія исторіи собственно и есть, по Гердеру, настоящая человѣческая исторія. Преемственность культуры *одна* дѣлаетъ возможною исторію, ибо связываетъ въ одно духовное цѣлое всѣ поколѣнія людей отъ первыхъ проблесковъ культуры до самыхъ отдаленныхъ проявленій ея въ будущемъ. Преемственность культуры въ духовномъ мірѣ то же, что законъ сохраненія энергіи или силъ въ мірѣ физическомъ, ибо, благодаря преемственности культуры, не пропадаетъ даромъ духовная дѣятельность людей, творчество гениевъ услаждаетъ позднѣйшія поколѣнія людей, а нравственный подвигъ остается вѣчнымъ образцомъ и неизсякаемымъ источникомъ новыхъ нравственныхъ силъ для потомства.

На этой почвѣ гармонически разрѣшается антиномія между индивидуальнымъ благомъ и общею цѣлью, предъ которою остановился Гердеръ. Пусть жизнь будетъ дана для жизни, пусть благо каждаго творенія будетъ цѣлью природы,—сознаніе, что жизнь не замкнута въ себѣ, что трудъ и усилія жизни служатъ на пользу другимъ, конечно, не умаляетъ наслажденія жизнью, а возвышаетъ его и имѣетъ не объективную только цѣну, но и субъективную, т.-е. для самого сознающаго лица.

На этой почвѣ могла бы разрѣшиться и другая антиномія— между національнымъ принципомъ и общечеловѣческимъ, ибо ихъ отношенія аналогичны отношенію индивидуума и его личнаго блага къ тому коллективному цѣлому, котораго онъ состоитъ членомъ. Пусть народъ цѣнитъ свою индивидуальность, пусть онъ сознаетъ, что общій идеаль—человѣчность—онъ можетъ осуществить лишь въ національных формахъ. Но если онъ поднялся на степень культурнаго народа, то онъ будетъ внимать назиданію исторіи и извлечетъ изъ нея три основныхъ положенія: что онъ обязанъ своей культурой длинному ряду предшествовавшихъ ему людскихъ поколѣній и народовъ, что прогрессъ въ культурѣ совершается посредствомъ взаимодѣйствія и общей солидарности другихъ народовъ и, наконецъ, что ему поставлена исторіей та же цѣль, какъ и другимъ—развитіе человѣчности. Пусть человѣчность преломляется въ призмѣ національнаго бытія,—иначе и быть не можетъ; но было бы самообольщеніемъ утверждать, что какая-либо національность представляетъ собою полное осуществленіе человѣчности. Гердеръ близокъ къ такому рѣшенію вопроса, хотя и не разрѣшаетъ его методически и не приводитъ къ опредѣленной формулѣ. Но усвоивъ себѣ принципъ преемственности культуры и взаимной связи людскихъ поколѣній въ культурной работѣ, Гердеръ вышелъ на настоящій путь.

Рѣшительно высказывается онъ противъ заблужденія, будто индивидуумъ сталъ всѣмъ, что онъ есть, благодаря

самому себѣ. Только подь вліяніемъ челоуѣка развивается челоуѣкъ до челоуѣчности. То, что здѣсь сказано объ индивидуумѣ, примѣнимо и къ народамъ. Только подь вліяніемъ другихъ народовъ, участвовавшихъ своей духовной работой въ созиданіи культуры и наложившихъ на нее свою печать, воспитывается къ челоуѣчности каждый народъ. Поэтому и Гердеръ, возстававшій противъ безплоднаго космополитизма и настаивавшій такъ усиленно на необходимости разработки національной исторіи Германіи, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе другихъ содѣйствовалъ гуманизированію историческаго идеала и выясненію идеи всемірной исторіи.

Въ усвоенномъ Гердеромъ понятіи — „общенія и развивающагося культурнаго преданія отъ перваго поколѣнія до послѣдняго“ — заключалось разрѣшеніе вопроса объ объединеніи всѣхъ въ идеаль челоуѣчности. Гердеръ прямо и безусловно призналъ это единство. Цѣль преданія смыкала въ его глазахъ всѣ обломки прошлаго въ одно цѣлое, въ которомъ людскіе образы исчезаютъ, духъ же челоуѣчества продолжаетъ безсмертно жить и дѣйствовать. А духъ челоуѣчества не что иное, какъ поставленная исторіи цѣль развитія полной челоуѣчности.

„Челоуѣчность“ оказывается у Гердера общимъ завершеніемъ всемірно-историческаго процесса. Она есть вѣнецъ этого процесса: „ея распространеніе, — говоритъ Гердеръ, — есть установленіе божескаго царства на землѣ“.

Между понятіемъ „божескаго царства“, какъ оно было формулировано Августиномъ при паденіи Рима и языческаго міра, и указаніемъ на него Гердеромъ, — тянется главный отдѣлъ всемірной исторіи, лежитъ весь смыслъ и вся судьба европейской цивилизаціи. Какое глубокое различіе, какая противоположность стремленій и идеаловъ раскрывается предъ нами при сопоставленіи этихъ понятій! Въ первомъ случаѣ высшимъ жизненнымъ идеаломъ признается отреченіе отъ всего челоуѣческаго; во второмъ, идеаломъ признается именно челоуѣчность, осуществленіе всѣхъ культурныхъ задатковъ, вложенныхъ природою въ челоуѣка.

Идеаль Августина ведетъ къ пренебреженію всѣми земными интересами и потребностями,—идеаль XVIII вѣка, высказанный Гердеромъ, ведетъ къ гармоническому, безостановочному усовершенствованію. Первый лежитъ въ основаніи средневѣкового аскетизма и папской теократіи, второй—обнимаетъ всю совокупность человѣчества во всѣхъ его культурныхъ формахъ въ одно солидарное, связанное между собою общимъ духомъ „братство“.

И однако, при всемъ этомъ различіи, какое внутреннее сходство и можно сказать тождество! Болѣе ранній идеаль служилъ корнемъ для позднѣйшаго и исторія европейской культуры, указываетъ посредствующія между ними звенья. Въ основаніи обоихъ міровоззрѣній лежитъ принципъ идеала, т. е. стремленіе къ высшему и лучшему, къ усовершенствованію. Одинъ идеаль, обращаясь къ грубой природѣ человѣка, твердилъ ему: „чтобы сдѣлаться совершеннымъ, отбрось все, что тебя привязываетъ къ физическому міру и задерживаетъ твое духовное развитіе“. Другой идеаль, обращаясь къ болѣе зрѣлому человѣку, указываетъ ему, что въ самой природѣ его заключаются задатки его духовнаго развитія, лежитъ принципъ и законъ усовершенствованія.

Въ этомъ идеалѣ находится и отвѣтъ на вопросъ, *почему* имѣетъ значеніе, и *какое* значеніе, изученіе біологическихъ процессовъ въ кругу историческихъ наукъ. Какъ выяснилъ уже Гердеръ, прогрессъ человѣчества есть осуществленіе общаго мірового закона, дѣйствующаго какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ мірѣ; но то усовершенствованіе, которое въ области животныхъ организмовъ происходитъ посредствомъ физическихъ, независимыхъ отъ *особи* процессовъ, становится въ области исторіи сознательнымъ творческимъ актомъ, нравственнымъ закономъ и источникомъ блаженства для человѣка.

В. Герье.

Основанія идеализма *).

Третья ступень идеализма. Вѣра какъ факторъ знанія.

1.

Мы не только ощущаемъ явленія, мы также познаемъ ихъ. Міръ не есть простая совокупность ощущаемыхъ событий, но связанная, закономѣрная послѣдовательность чувственныхъ явленій. Но и этого мало: міръ не только чувствуется и познается, — онъ существуетъ; точнѣе, въ мірѣ существуютъ реальныя существа, подобныя намъ и вмѣстѣ отличныя отъ насъ, которыя не сводятся ни къ чувственному явленію, доступному нашимъ воспріятіямъ, ни къ идеямъ или понятіямъ.

Еслибы не существовало ничего, кромѣ понятій и представлений, наше опредѣленіе сущаго, какъ мыслимаго и какъ являющагося, какъ объективнаго представления и объективнаго понятія или идеи — было бы полнымъ, исчерпывающимъ опредѣленіемъ. Но поскольку мы признаемъ, что существуетъ нѣчто такое, что не сводится къ нашей мысли и воспріятію — именно, совокупность реальныхъ существъ внѣ насъ — сущее не можетъ опредѣляться нами, какъ идея или представленіе, простой предметъ мысли и чувства. Реальныя существа внѣ насъ не суть «вещи въ себѣ», — они являются намъ, мыслятся нами; и въ то же время мы вѣримъ, что они существуютъ для себя, независимо отъ

*) См. 32 книгу „Вопросовъ философіи и психологіи“.

нашей мысли и чувства. Откуда же мы знаемъ о такомъ существованіи? Мы можемъ испробовать всевозможныя психологическія объясненія этой вѣры во внѣшнюю реальность, но во всякомъ случаѣ мы должны допустить, что *признаніе* реальности внѣшнихъ явленій и въ особенности тѣхъ самобытныхъ, независимыхъ отъ насъ живыхъ существъ, для которыхъ эти явленія существуютъ такъ же помимо насъ,—признаніе такой реальности не имѣетъ достаточнаго логическаго основанія ни въ нашемъ чувствѣ, взятомъ само по себѣ, ни въ нашей *отвлеченной* мысли: оно есть актъ вѣры—третьяго фактора нашего познанія. Сущее опредѣляется, слѣдовательно, не только какъ предметъ чувства и мысли, но и *какъ предметъ вѣры*.

Мое чувство ограничено мною, «моей кожей», какъ выражался Кондильякъ. Мое субъективное состояніе не заключаетъ въ себѣ достаточнаго основанія для утвержденія чего-либо внѣ его. Моя мысль, взятая отвлеченно, чистое понятіе—такъ же не заключаетъ въ себѣ достаточнаго основанія для перехода къ дѣйствительному сущему путемъ какого-либо «онтологическаго умозаключенія». Поэтому для человѣка, который бы вздумалъ усомниться въ реальности внѣшняго ему міра, повидимому не можетъ существовать никакихъ рациональныхъ доказательствъ противнаго. Гдѣ переходъ отъ логической необходимости—къ реальной? Всякое доказательство предполагаетъ достаточное основаніе: такимъ достаточнымъ основаніемъ для допущенія реальности міра, или внѣшнихъ мнѣ существъ, можетъ служить, очевидно, только сама *эта* реальность—никакъ не ограниченная реальность моего чувства, моей отвлеченной мысли или мышленія. Откуда же мы знаемъ о такой реальности?

Положимъ, что въ дѣйствительности всякое субъективное состояніе обусловливается или сопровождается элементомъ реального взаимодействія; положимъ, что и самая мысль предполагаетъ отношеніе къ реальному сущему, какъ это было показано выше. Все это не объясняетъ однако, откуда мы знаемъ о такой реальности, какимъ образомъ она

дается нашему духу и сознается как *данная*? Пусть мысль и чувство суть отношенія; но чтобы понять отношеніе, мы должны знать соотносящіеся термины. И если намъ данъ одинъ терминъ въ нашемъ сознаниі, какимъ образомъ намъ можетъ быть данъ другой терминъ—то реальное, что есть внѣ нашего сознания?

Всякое чисто-психологическое объясненіе здѣсь, очевидно, не достаточно; а еслибы даже такое доказательство могло быть достаточнымъ, оно вело бы прямо къ отрицанію реальности, т.-е. къ превращенію ея въ чисто-психологическое явленіе, въ простой фактъ нашего сознания. Это во всякомъ случаѣ противно предположенію, такъ какъ я естественно предполагаю въ моихъ читателяхъ или собесѣдникахъ нѣчто большее, чѣмъ факты моего сознания. Да и здравая психологія, тамъ, гдѣ она хочетъ быть научной и не переходитъ въ не-критическую метафизику, не задается этой проблемой—о реальной сущности вещей. Исходя изъ предположенія, что міръ дѣйствительно существуетъ, или что есть реальные живыя существа внѣ насъ, мы можемъ пытаться объяснить психологію нашего воспріятія, нашего познанія этихъ существъ, нашей вѣры въ ихъ дѣйствительное, независимое отъ насъ существованіе. И чтобы рѣшать эту столь сложную задачу, психологъ долженъ тщательно обособить отъ нея всякія метафизическія проблемы. Каковы бы ни были его философскія воззрѣнія, онъ можетъ свободно оставаться на почвѣ *эмпирическаго реализма*, изучая психическія явленія въ ихъ соотношеніи съ внѣшними явленіями.

Во всякомъ случаѣ, попытка объяснить внѣшнюю реальность въ качествѣ простого факта сознания равносильна отрицанію этой реальности. Реальность міра или внѣшнихъ мнѣ существъ дана въ моемъ чувствѣ и мысли, но не сводится къ этому чувству и мысли: она столь же несомнѣнна для меня, какъ и моя собственная реальность. И если мое чувство предполагаетъ реальность моего существа, которое въ немъ ощущается, то моя объективная мысль предпола-

гаетъ реальность и другихъ существъ или вещей, къ которымъ она относится, которыя она сознаетъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что реальность въ самомъ сознаниіи моемъ обосновываетъ и обусловливаетъ мое чувство и мою мысль.

Если моя вѣра во внѣшнюю моему ограниченному субъекту реальность меня обманываетъ, то придется все-таки допустить, что только эта вѣра обусловливаетъ мою мысль во всѣхъ ея категоріяхъ; она обусловливаетъ весь мой опытъ, т.-е. внутренній міръ и внѣшній міръ, какъ онъ создается мною. Вѣра имманентна всему моему сознанию, поскольку оно относится къ сущему.

И если я не могу отрѣшиться отъ этой вѣры,—отъ того, что обосновываетъ все являющееся, все, что я мыслю, чувствую, дѣлаю,—то придется допустить, что само сущее метафизически обосновываетъ эту мою вѣру, а съ нею вмѣстѣ мою мысль и чувство, мое познание, точно такъ же, какъ и весь являющійся міръ.

Каковы *физическія* условія такого воспріятія реальности,—это намъ совершенно неизвѣстно, точно также какъ самая психическая дѣятельность нашей нервно-мозговой системы представляется намъ еще тайной, которая врядъ ли когда будетъ вполнѣ обнаружена. Логически несомнѣнно одно,—что реальность нельзя объяснить безъ реальности. Внѣ меня есть реальныя существа, которыя только *отчасти* являются мнѣ и познаются мною. И если ни въ моемъ субъективномъ чувствѣ, ни въ моихъ представленіяхъ и понятіяхъ не можетъ заключаться достаточнаго основанія для какого-либо онтологическаго доказательства независимой отъ нихъ реальности—то признаніе такой реальности представляется трансцендентнымъ, поскольку оно выходитъ за предѣлы нашей мысли и чувства, взятыхъ въ ихъ отвлеченности. Но такъ какъ дѣйствительная мысль и чувство никогда не могутъ быть вполнѣ абстрактны (всякая абстракція условна), они всегда предполагаютъ нѣкоторую реальность, къ которой они относятся. Какъ мы видѣли, отвлеченная мысль противорѣчитъ себѣ безъ предположенія такой реальности. Но если призна-

ніе такой реальности логически необходимо, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы эта познаваемая нами реальность создавалась или полагалась нашимъ сознаниемъ, нашею мыслью: она предполагается прежде всего какъ нѣчто отъ нея независимое, досознательное, данное ей извнѣ, сущее внѣ ея, или до нея. Такое предположеніе, разсматриваемое съ точки зрѣнія психологіи или теоріи познанія, есть актъ вѣры—не одной мысли или чувства. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что все наше знаніе и опытъ, поскольку они относятся къ реальному сущему, предполагаютъ вѣру и обусловливаются ею а ргіогі, хотя эта вѣра и не сознается иначе, какъ въ формѣ мысли и чувства.

2.

Человѣческая душа не есть существо исключительно мыслящее или чувствующее; она есть также существо волящее, утверждающая себя энергія: быть можетъ вѣра, при чисто-психологическомъ анализѣ ея, окажется познавательною функціей воли. Но, не вдаваясь въ психологію, мы должны признать, что въ живой познавательной дѣятельности человѣка вѣра, чувство и мысль—нераздѣльны, хотя и могутъ быть различаемы путемъ анализа. Чувство, поскольку оно служитъ познанію, относится мыслью къ тому или другому внѣшнему или внутреннему предмету; мысль, отвлекаясь отъ чувственныхъ данныхъ, въ самой основѣ своей предполагаетъ сущее, къ которому она относится. Но если это реальное сущее не тождественно ни съ нашимъ чувствомъ, ни съ мыслью, ни съ представленіемъ, или понятіемъ, въ которыхъ оно познается, то самое убѣжденіе въ такой реальности предполагаетъ непосредственный актъ познающаго духа, не сводимый ни къ чувству, ни къ мысли (хотя и не отдѣлимый отъ нихъ)—непосредственную *вѣру*, которая всегда такъ или иначе объективируется, опредѣляется въ сознаниіи посредствомъ мысли и чувства, утверждая реальность того или другого предмета. Этой вѣрѣ какъ бы имманентна эта реаль-

ность, являющаяся внѣшней съ точки зрѣнія отвлеченнаго сенсуализма или отвлеченнаго рационализма. И сознание этой реальности, этого *внутренняго существованія* предмета для себя самого—дается нашею вѣрой въ объективномъ воспріятіи предмета.

Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая наши познавательные процессы, мы убѣждаемся въ томъ, что вѣра дѣйствительно служить факторомъ всего нашего познания, будучи имманентна и мышленію, и чувству. Какъ мы видѣли въ предшествовавшей части нашего изслѣдованія, самое мышленіе въ своихъ логическихъ категоріяхъ *предполагаетъ* данное ему сущее; въ свою очередь, чувственный опытъ, воспріятіе внѣшняго міра предполагаетъ логическія категоріи. И если такимъ образомъ въ самомъ процессѣ чувственнаго воспріятія участвуетъ интеллектуальный, логическій элементъ, мы должны признать еще и этотъ третій элементъ, не сводимый ни къ чувству, ни къ мысли,—реальность предполагаемую ими, предполагаемую *вѣрой*, данную *вѣрѣ* и познаваемую чувствомъ и мыслью. Мало того, самыя формы нашихъ чувственныхъ воспріятій—время и пространство—предполагаютъ наполняющую ихъ реальность внѣ сферы нашего личнаго опыта—реальное безконечное сосуществованіе внѣ насъи реальную безконечную послѣдовательность внѣ настоящаго ощущаемаго нами состоянія. Каковы бы ни были наши философскія убѣжденія относительно времени и пространства, мы въ дѣйствительности убѣждены въ реальномъ сосуществованіи и послѣдовательности въ пространствѣ и времени,—вѣримъ въ реальность событій и существованій внѣ нашего настоящаго мѣста и времени.

Эту реальность предполагаютъ всѣ наши познавательные процессы. Новѣйшіе психологи, исходя изъ наблюдаемой ими быстроты въ смѣнѣ состояній сознания, любятъ указывать на мимолетность объектовъ опыта во времени, которая уже одна отличаетъ ихъ отъ пребывающей реальности. Но отдѣльныя быстро смѣняющія другъ друга воспріятія фиксируются мыслью въ образуемомъ ею понятіи или идеѣ дан-

наго предмета, который предполагается пребывающим: образуется как бы устойчивая объективная *схема*, въ которую укладываются соотвѣтственные представленія при ихъ повтореніи. „Объектъ“ въ этомъ смыслѣ перестаетъ быть мимолетнымъ и какъ бы изъемлется нашею мыслью изъ теченія времени посредствомъ отвлеченія—частью искусственнаго, частью даже совершенно безотчетнаго. Такой мыслимый объектъ есть однако не болѣе, какъ идея или умственная схема, которая сама по себѣ очевидно не имѣетъ никакой реальности. Но этотъ объектъ, эта идея или схема въ свою очередь относится нами къ реальности, уже не мыслимой только черезъ ея посредство, но *предполагаемой* нашею мыслью, сознаваемой нашею вѣрой, которая нераздѣльно связана со всякимъ движеніемъ нашей мысли.

Познаніе природы есть познаніе причинной связи явленій, и въ этомъ познаніи участвуютъ всѣ три способности нашего духа: посредствомъ чувствъ я воспринимаю послѣдовательныя явленія, посредствомъ мысли я познаю ихъ въ объективно-логической связи, посредствомъ вѣры понимаю эту связь какъ существенную, реальную, независимую отъ моего сознанія. Мои воспріятія, сужденія, убѣжденія могутъ обманывать меня эмпирически, т.-е. въ отдѣльныхъ случаяхъ; но я вѣрю въ ихъ непреложную истинность, поскольку они свидѣтельствуютъ о реальномъ мірѣ дѣйствующихъ силъ и существъ, являющихся мнѣ во времени и пространствѣ. Не трудно убѣдиться въ томъ, что самое представленіе наше о причинности, а слѣдовательно, и о дѣйствительности есть продуктъ нашихъ трехъ познавательныхъ способностей: оно распадается, какъ только мы отвлечемся отъ одного изъ этихъ источниковъ познанія.

Данное *чувственное* явленіе, воспринимаемое мною, я *принимаю* какъ *дѣйствіе*, т.-е. я мыслю его при помощи *понятія* причинной связи, умозаключая къ его *причинѣ*, которую я *предполагаю* реальной и независимой отъ меня. Нѣкоторыя явленія я отношу къ себѣ, какъ *причинѣ*, т.-е. понимаю ихъ какъ мои реальные дѣйствія; но для этого я долженъ

отличать отъ себя нѣкоторое реальное „не-я“, на которое мое дѣйствіе направлено. Такой процессъ, разумѣется, возможно разсматривать какъ чисто-раціональный, логическій; но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что самая категорія причинности представляется намъ обоснованною реальнымъ дѣйствіемъ или взаимоотношеніемъ; понятие причины заключаетъ въ себѣ реальное *предположеніе*, само по себѣ выходящее за предѣлы всякаго отвлеченнаго понятія.

3.

Повидимому, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы понимаемъ тѣ или другія явленія какъ дѣйствія нашего собственнаго „я“, реальная причина этихъ дѣйствій дана намъ непосредственно въ нашемъ самосознаніи. По мнѣнію нѣкоторыхъ мыслителей, наше самосознаніе и служитъ источникомъ нашихъ представлений о дѣйствующей причинности, которыя мы распространяемъ на другія явленія лишь посредствомъ аналогій. Въ области самосознанія наше „я“ представляется намъ непосредственно извѣстнымъ; оно является предметомъ опыта, или знанія, никакъ не предметомъ вѣры. Но стоить взглянуть внимательнѣе въ процессъ нашего самосознанія, чтобы убѣдиться, что и здѣсь дѣло не ограничивается чувствомъ и мыслью, что и сознаніе нашего собственнаго реальнаго существа не исчерпывается ими.

Въ самомъ дѣлѣ, наше „я“, понимаемое какъ реальный *субъектъ* дѣйствія, чувства, мысли, не есть очевидно простой *объектъ* мысли и чувства; а слѣдовательно мысль и чувство сами по себѣ еще не достаточны для его познанія. Положимъ, что мы знаемъ объ этомъ субъектѣ лишь постольку, поскольку онъ такъ или иначе *объективируется* въ нашемъ сознаніи; но поэтому можно сказать, что наше самопознаніе или отвлеченно, или ограничено, т.-е. что наше „я“ никогда не исчерпывается явленіями нашего сознанія. Отсюда именно и возникаетъ представленіе о душѣ какъ особенной самобытной субстанціи. Но такая субстанція, поскольку она представляется намъ сверхъ-феноменальной,

т.-е. стоящей за душевными явлениями и обуславливающей ихъ,— есть прежде всего предметъ вѣры,— если даже такая вѣра и не исключаетъ познаваемости своего предмета.

Правда, по мнѣнію весьма многихъ современныхъ психологовъ, мы можемъ изучать и объяснять душевныя явленія безъ всякаго отношенія къ ихъ сущности — душѣ, и даже безъ предположенія ея существованія. Духъ съ этой точки зрѣнія разрѣшается въ преемственный рядъ явленій, въ послѣдовательную нить связанныхъ между собою состояній сознанія. На что нанизываются эти состоянія, что обуславливаетъ ихъ связь, и какъ я могу сознать себя въ нихъ— остается невыясненнымъ. Непонятно, какимъ образомъ „рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ состояній“ сознаетъ собственную послѣдовательность, превращается въ субъектъ, относящій эти состоянія къ „себѣ“, различающій настоящія состоянія отъ прошедшихъ и будущихъ. Непонятно ни самосознаніе, ни сознаніе времени въ этомъ рядѣ смѣняющихся другъ друга настоящихъ мгновений.

Если я могу относить свои состоянія къ прошедшему и будущему, свои настоящія представленія къ прошедшимъ событіямъ, которыхъ нѣтъ уже, или къ будущимъ, которыхъ нѣтъ еще, то уже одно это показываетъ намъ, что нашъ духъ не ограниченъ никакими временными состояніями или фактами сознанія, заключая въ себѣ сознаніе того пребывающаго, сверхъ-временнаго субъекта всѣхъ нашихъ душевныхъ состояній, который обуславливаетъ собою все, что мы сознаемъ. Это «я» или субъектъ всѣхъ нашихъ психическихъ актовъ не есть очевидно ни состояніе, ни простой (или сложный) фактъ сознанія, ни какое либо обобщеніе или абстракція подобныхъ фактовъ, будучи ихъ общимъ внутреннимъ условіемъ *). Это «я» ощущается нами во всѣхъ нашихъ состояніяхъ; и оно мыслится нами какъ субстанція этихъ состояній. Но поскольку оно само

*) Ср. прекрасную статью Л. М. Лопатина: Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта. Вопр. Философіи. Мартъ—Апрѣль 1896.

чувствуетъ и само мыслить въ нашемъ чувствѣ и мысли, поскольку оно сознается какъ сушій субъектъ сознанія, оно очевидно не можетъ быть познано ни какъ чувственный, ни какъ мыслимый объектъ. Оно непосредственно полагаетъ, утверждаетъ себя въ сознаніи какъ его внутренняя реальность. И непосредственное признаніе этой реальности, обусловливающей все наше сознаніе, мы опредѣляемъ какъ вѣру. Такимъ образомъ, въ самыхъ нѣдрахъ нашего духа вѣра оказывается факторомъ, условіемъ нашего самосознанія, — поскольку оно не исчерпывается явленіями мысли и чувства, относится къ самому реальному существу нашего духа, нашего «я». Сознаніе времени, воспоминаніе о нашемъ реальномъ прошломъ и ожиданіе будущаго доказываютъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что я не только знаю свое настоящее существованіе или чувствую его, но прямо вѣрю въ него и предполагаю его въ моемъ чувствѣ, представленіяхъ и понятіяхъ.

Эти соображенія помогутъ намъ точнѣе выяснить характеръ третьяго источника познанія, который мы называемъ вѣрой отчасти лишь за неимѣніемъ лучшаго термина. Мы думаемъ, что терминъ этотъ вполне точенъ, но недостатокъ его заключается въ связанныхъ съ нимъ постороннихъ ассоціаціяхъ, которыми нерѣдко злоупотребляли.

Объектомъ нашего самосознанія является наше „я“ въ совокупности нашего внутренняго опыта; но, становясь объектомъ, наше «я» тѣмъ самымъ отличается отъ субъекта. — Это не простая игра словъ: то, что мыслить, чувствуетъ, дѣйствуетъ въ насъ — отлично отъ чувства, мысли и дѣйствія (хоть и не отдѣльно отъ нихъ). Не высказывая никакихъ недоказанныхъ предположеній, оставаясь въ сферѣ дѣйствительнаго опыта, мы называемъ это начало мысли, чувства сознанія — ихъ *субъектомъ*: *id videndum non est et omnia videt; id audiendum non est et omnia audit; intelligendum non est, omnia intelligit*. Критическій анализъ опыта, какъ и всего нашего возможнаго знанія, убѣждаетъ насъ въ томъ, что этотъ субъектъ обусловливаетъ весь нашъ опытъ

и знаніе. Объектъ предполагаетъ субъектъ, и объектъ различается отъ субъекта даже въ самосознаніи нашемъ, какъ глазъ, видимый нами въ зеркалѣ, отличенъ отъ того глаза, который на него смотритъ, или, точнѣе, какъ представленіе—хотя бы абсолютно вѣрное—отлично отъ самого представляемаго предмета. Правда, что въ самосознаніи представляемое и представляющее суть едино: постольку мы и признаемъ тожество субъекта и объекта, ихъ конкретное единство; но въ то же время въ самомъ этомъ тожествѣ мы признаемъ и различіе между представляющимъ и представляемымъ, субъектомъ и объектомъ.

На этомъ основаніи критическая философія справедливо заключаетъ, что „субъектъ“ не есть представленіе, не есть простое объективное явленіе и потому не допускаетъ возможности эмпирическаго познанія. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы „субъектъ“ былъ идеей или чистымъ рациональнымъ понятіемъ, ибо понятіе есть такой же объектъ мысли, какъ представленіе есть объектъ нашего воображенія или явленіе—объектъ опыта. То, что ощущаетъ, мыслитъ, дѣйствуетъ въ насъ, не есть ни представленіе, ни понятіе; поскольку субъектъ отличенъ отъ объекта, онъ не есть ни явленіе, ни идея, хотя, разумѣется, мы имѣемъ относительно него объективныя представленія и понятія, безъ посредства которыхъ мы не могли бы и думать о немъ: ибо всякая мысль заключаетъ въ себѣ отношеніе къ объекту и постольку объективируетъ все то, что она мыслитъ или представляетъ.

Но въ самыхъ этихъ частныхъ явленіяхъ, въ самыхъ этихъ объективныхъ выраженіяхъ духа мы находимъ непосредственное внутреннее сознаніе субъекта, отношеніе субъекта къ самому себѣ. Правда, такое отношеніе предполагаетъ раздвоеніе: если объектъ предполагаетъ отношеніе къ субъекту, то и субъектъ, въ своемъ самосознаніи или рефлексіи, предполагаетъ объектъ,—хотя и въ иномъ смыслѣ, непрестанно возвращаясь отъ своего объективнаго проявленія къ своему существу,—отъ себя, какъ объекта, къ себѣ,

какъ субъекту. Такъ, напримѣръ, въ Декартовой формулѣ: „я мыслю, слѣдовательно я существую“ — мы наблюдаемъ возвращеніе субъекта отъ одного изъ своихъ объективныхъ проявленій (въ мышленіи) къ своему существу—активному источнику всѣхъ возможныхъ проявленій. Оба момента—объективный и субъективный—психологически нераздѣльны, и самая попытка логически различить ихъ нерѣдко приводила къ искаженію фактовъ самосознанія.

Тѣмъ не менѣе философу приходится сознательно прибѣгать къ подобнымъ попыткамъ чисто-условнаго отвлеченія. Такъ, мы признали всѣ три фактора нашего познанія совершенно нераздѣльными въ живой дѣятельности нашего разума, въ его конкретномъ мышленіи. Но чтобы различить ихъ функціи, мы попытались искусственно обособить ихъ. Обособивъ первыя двѣ функціи мысли и чувства, мы приходимъ къ тому заключенію, что субъектъ, какъ таковой, не исчерпывается ими, не покрывается никакимъ объектомъ, никакимъ объективнымъ представленіемъ или понятіемъ. А потому, если субъектъ и можетъ быть познанъ черезъ ихъ посредство, то это лишь потому, что онъ непрестанно предполагается нашею мыслью и чувствомъ, и предположеніе это носить не разсудочный характеръ умозаключенія, но характеръ непосредственнаго убѣжденія или реальной вѣры. Субъектъ познается мыслью и чувствомъ лишь въ объектѣ, т.-е. въ объективныхъ проявленіяхъ своихъ, все равно внѣшнихъ или внутреннихъ. Но самыя эти проявленія, слѣдующія другъ за другомъ во времени, относятся имъ къ самому себѣ (какъ субъекту)—опять-таки лишь въ силу непосредственнаго сознанія своего реальнаго сверхъ-временнаго существа.

4.

Итакъ, сущее въ самомъ нашемъ самосознаніи опредѣляется, не только какъ предметъ понятія и представленія, но и какъ предметъ вѣры. Этотъ выводъ находитъ косвенное подтвержденіе и въ доктринѣ эмпирической психологіи, которая изслѣдуетъ одни психическія явленія, признавая ихъ реальный

субъектъ чѣмъ-то лежащимъ за предѣлами явленія и постольку совершенно проблематичнымъ. На самомъ дѣлѣ эта доктрина силится совершенно искусственно обособить явленіе отъ его субъекта, между тѣмъ какъ психическая жизнь именно и состоитъ въ непрестанной объективаци субъекта, который возвращается къ себѣ изъ своихъ проявленій; но, допустивъ основную посылку эмпирической психологіи—возможность чисто-внѣшняго изученія и пониманія психическихъ фактовъ безъ отношенія къ ихъ реальному субъекту,— намъ придется вмѣстѣ съ нею признать проблематичность самого этого субъекта, который дѣйствительно не исчерпывается никакимъ явленіемъ.

Столь же проблематичнымъ представляется этотъ субъектъ и съ точки зрѣнія раціоналистическаго критицизма, поскольку онъ признается лежащимъ не только за предѣлами явленія, но и за предѣломъ отвлеченныхъ понятій, а постольку и всякаго знанія. Какъ источникъ всего мышленія (точно такъ же, впрочемъ, какъ и воли и чувства), онъ дѣйствительно не исчерпывается тѣми понятіями, въ которыхъ онъ мыслится, и всякое умозаключеніе отъ понятій къ чему-то большему, чѣмъ понятія, представляется трансцендентнымъ и незаконнымъ. На дѣлѣ, какъ мы старались доказать, и самая мысль, самая логика нашего мышленія предполагаетъ *реальное* основаніе, данное до всякой мысли. Но если стать на точку зрѣнія отвлеченнаго раціонализма и признать чистую мысль за нѣчто абсолютное и безотносительное, то придется признать самый субъектъ этой мысли за простое понятіе, изъ котораго нельзя строить никакихъ выводовъ.

Такимъ образомъ, сущее, непосредственно данное намъ, какъ субъектъ нашего сознанія, обосновывающій всю нашу психическую дѣятельность, представляется проблематичнымъ и съ точки зрѣнія отвлеченнаго эмпиризма, и съ точки зрѣнія отвлеченнаго раціонализма. И если мы, тѣмъ не менѣе, непосредственно убѣждены въ реальности нашего „я“, то такое убѣжденіе не обосновывается ни отвлечен-

ными понятіями или представленіями, ни отдѣльными нашими чувствами.

Но самое рѣшительное доказательство въ пользу самостоятельнаго значенія вѣры въ познаніи субъекта представляетъ наше убѣжденіе въ реальности другихъ субъектовъ, отличныхъ отъ нашего и существующихъ для себя самихъ. Ибо одни наши чувства, понятія, представленія и даже самое существованіе нашего „я“ еще не даютъ намъ логическаго основанія для признанія такихъ субъектовъ, а между тѣмъ ихъ существованіе столь же несомнѣнно для насъ, какъ существованіе нашего собственнаго „я“.

Въ признаніи реальности такихъ субъектовъ, точно также какъ и въ признаніи реальности нашего собственнаго „я“, отнюдь не слѣдуетъ видѣть простой постулатъ „практическаго разума“ или внушеніе „нравственнаго чувства“, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые послѣдователи Канта. Нравственность дѣйствительно предполагаетъ въ насъ сознаніе другихъ субъектовъ, съ которыми мы вступаемъ въ общеніе. Нравственныя чувства стыда, жалости, справедливости, почтенія предполагаютъ въ насъ убѣжденіе въ существованіи нашего собственнаго субъекта и другихъ субъектовъ различныхъ порядковъ—низшихъ меня, равныхъ мнѣ, высшихъ меня. Но не нравственность поражаетъ такое убѣжденіе, а скорѣе наоборотъ—нравственныя чувства и обязанности обуславливаются этимъ убѣжденіемъ, которое можетъ существовать и помимо всякой нравственности, до нея, или вопреки ея отсутствію. Я признаю существованіе другихъ людей не потому, что я сознаю свои обязанности передъ ними, а, наоборотъ, я признаю обязанности по отношенію къ нимъ потому, что вижу въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ мои представленія, сознаю въ нихъ реальные субъекты, „цѣли въ себѣ“. Я имѣю къ нимъ „нравственное чувство“, поскольку въ самомъ имманентномъ воспріятіи чужого существа *предложено* сознаніе моей солидарности съ нимъ. Но я могу вовсе не имѣть никакого нравственнаго чувства и не признавать никакихъ обязанностей, и все-таки созна-

вать внутри себя реальность своего собственного субъекта и чужихъ субъектовъ.

Разсмотримъ это положеніе въ связи съ тѣмъ, что было установлено нами ранѣе. Сущее, т.-е. реальныя существа не суть только объекты мысли и представленія, не суть простые объекты другого отличнаго отъ нихъ субъекта. Таково отрицательное опредѣленіе сущаго, какъ предмета нашей непосредственной вѣры. Имѣетъ ли оно другія положительныя опредѣленія? Повидимому оно способно получать ихъ: такъ, въ нашемъ внутреннемъ опытѣ, въ нашемъ самосознаніи сущее сознается какъ *субъектъ*. Посмотримъ, допустимо ли логическое обобщеніе такого опредѣленія, распространимо ли оно внѣ нашего самосознанія на сущее вообще, т.-е. на другія существа, поскольку они составляютъ предметъ нашей вѣры? Сущее обосновываетъ нашу мысль и чувство какъ ихъ *субъектъ*. Не приводитъ ли насъ вѣра—третій факторъ нашего знанія—къ новому пониманію внутренняго тождества объектовъ съ субъектомъ?

Сущее, какъ предметъ вѣры.

1.

Если мы рассмотримъ различныя формы *религіозной вѣры*, начиная отъ самыхъ грубыхъ и до самыхъ возвышенныхъ, то не найдемъ въ ней другого содержанія, кромѣ вѣры въ реальную, конкретную духовную силу, выражающуюся въ дѣйствительномъ явленіи, но, тѣмъ не менѣе, не исчерпывающуюся имъ. Начиная отъ священнаго камня—этого воплощеннаго *ens realissimum* первобытныхъ народовъ, отъ ихъ фетишей, мертвецовъ, тотемовъ и демоновъ и кончая современнымъ утонченнымъ протестантскимъ піэтизмомъ—наиболѣе стерилизованною формой религіи,—мы всюду находимъ именно это содержаніе. Первобытные народы поклоняются тѣмъ предметамъ или явленіямъ, которые кажутся имъ *реальнѣе* другихъ—большимъ старымъ деревьямъ, солнцу, грозѣ, горамъ, морю, рѣкамъ или какимъ-либо особо блестящимъ камнямъ,

фетишамъ, надѣленнымъ магическими свойствами. Во всѣхъ этихъ предметахъ однако предполагается независимая, само-бытная живая „сила“, которая и составляетъ предметъ поклоненія и опредѣляется какъ *духъ*. Этотъ духъ и связанъ съ своимъ видимымъ вмѣстилищемъ, и въ то же время отличенъ отъ него настолько, что можетъ порвать эту связь, переселиться изъ своей стихіи и совершать дѣйствія, совершенно чуждыя тому предмету, который онъ собою олицетворяетъ, въ которомъ онъ живетъ. Иногда вѣра въ религіозномъ культѣ сосредоточивается на одномъ или немногихъ такихъ духахъ, долженствующихъ пересилить всѣхъ другихъ духовъ, всякую другую вѣру; тѣ или другіе демоны или духи опредѣляются какъ *боги*, которые подчиняютъ себѣ всѣхъ другихъ духовъ, побѣждаютъ ихъ, ограждаютъ отъ нихъ міръ. Иногда вѣра обобщается, вѣра во всеединую духовную реальность всего міра поглощаетъ въ себѣ всякую другую ограниченную вѣру, какъ, напримѣръ, въ индійскомъ спиритуалистическомъ пантеизмѣ, который развился изъ неограниченнаго стихійнаго многобожія. Это—вѣра въ всемірный всеединный духъ, который понимается какъ субъектъ міра (*атманъ*), доступный лишь религіозному вѣдѣнію: сосредоточиваясь въ нѣдрахъ собственнаго духа, втягивая въ себя всѣ свои чувства и свою мысль, умирая для внѣшняго явленія и размышленія, индійскій подвижникъ обрѣтаетъ въ себѣ всереальную духовную „самость“ міра, возвышаясь надъ всякимъ знаніемъ, всякою вѣрой, всякимъ ограниченнымъ духомъ.— Въ другихъ религіяхъ мы находимъ другія положительныя опредѣленія духа, какъ Божества. Но всѣ эти опредѣленія, все это внутреннее развитіе религіозной вѣры и ея богословія—составляетъ предметъ философіи религіи. Насъ интересуетъ здѣсь только самый общій результатъ ея, поскольку онъ касается метафизики — науки о сущемъ: съ точки зрѣнія религіозной вѣры, то сущее, на которое она направляется, опредѣляется какъ *духъ*, каковы бы ни были его особенности. Вѣра всегда воплощается въ тѣхъ или другихъ образахъ, понятіяхъ, представленіяхъ. Но мы беремъ

здѣсь лишь это самое общее опредѣленіе ея предмета: явленіе, поскольку оно сводится къ субъективному ощущенію или представленію, или отвлеченная идея, поскольку она мыслится нами,—еще не суть сами по себѣ предметы вѣры.

2.

Повидимому, вѣра, какъ неизбежный элементъ нашего чувственного и рациональнаго познанія, имѣетъ другой предметъ, отличный отъ духа: она убѣждаетъ насъ въ реальности внѣшняго міра, въ реальности предметовъ чувства и разума. Мы вѣримъ въ реальность другихъ существъ внѣ насъ, которыя мы признаемъ либо на основаніи чувственного опыта, либо на основаніи логическихъ умозаключеній отъ такого опыта. Разсмотримъ же, что собственно составляетъ предметъ этой конкретной вѣры въ области знанія.

Мы вѣримъ въ реальность внѣшнихъ предметовъ, въ реальное не-я, отличное отъ нашей мысли и чувства. Но, спрашивается, что есть реальнаго во внѣшнихъ предметахъ? На этотъ вопросъ, какъ извѣстно, существуетъ много различныхъ отвѣтовъ: въ нихъ реальны атомы, матерія, силы и т. д. Чувственные формы этихъ предметовъ, напримѣръ, моего деревяннаго лакированнаго письменнаго стола, покрытаго сукномъ, или синяго неба, видимаго мною въ окно—совершенно нереальны, поскольку эти чувственные формы не существуютъ сами по себѣ помимо моего воспріятія, помимо моей или чьей-нибудь другой чувственности, все равно—индивидуальной или всемірной. А между тѣмъ, оказывается, я наивно вѣрю въ объективную реальность именно этихъ чувственныхъ формъ, осязаемыхъ, зрительныхъ и другихъ, въ реальность свѣта, звука, красокъ и т. д.: безъ такой вѣры никакая практическая дѣятельность невозможна. И если всѣ эти чувственные формы суть лишь психическіе факты,—оказывается, что я вѣрю въ объективную, независимую отъ меня реальность психическихъ фактовъ, т.-е. представленій или явленій.

Но разсудочная философія признаетъ такую вѣру ложной и обманчивой,—относительной во всякомъ случаѣ,—въ чемъ она совершенно права. Реально существуетъ не сукно, не письменный столъ, не солнце, не мое тѣло, а матерія, ихъ составляющая, или физическія силы, находящіяся въ сложномъ взаимодействіи между собою. Никто не рѣшится сказать однако, что моя вѣра въ реальность внѣшняго міра относится въ дѣйствительности къ атомамъ или силамъ его составляющимъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ въ видѣ опыта попытаться перенести нашу вѣру, нашъ реализмъ на эти атомы или силы, какъ они тотчасъ же обратятся въ ничто. Я уже не говорю о томъ, что до сихъ поръ не существуетъ теоріи вещества, которая могла бы притязать на общее признаніе, но я считаю положительно доказаннымъ критическою философіей, что всякая теорія, принимающая матерію въ абсолютномъ смыслѣ, т.-е. какъ безотносительную реальность, есть *ложная* теорія. Наука можетъ и хочетъ знать матерію лишь какъ чувственное *явленіе*, а всякое явленіе предполагаетъ субъектъ, которому оно является, все равно, будь то ограниченный или универсальный субъектъ. Матерія, движущаяся въ пространствѣ и времени, есть предполагаемая нами „чувственная форма“, и потому вѣра въ такую матерію есть опять-таки вѣра въ независимую отъ насъ объективную реальность психическихъ фактовъ или психическихъ началъ. Допустимъ однако, что матерія не есть явленіе, не есть представленіе или обнаруженіе какого-либо субъекта или субъектовъ, и дадимъ какое-нибудь отвлеченное опредѣленіе матеріи, исключющее всякое возможное отношеніе къ явленію. Но такая совершенно непознаваемая и ненужная для эмпирической науки матерія есть лишь отвлеченное метафизическое предположеніе, исключющее опытъ. И вѣра въ такое предположеніе есть вѣра въ отвлеченное понятіе, которая оказывается совершенно несостоятельной при философскомъ анализѣ этого понятія. Для такой критики можно обойтись даже и безъ Канта и его теоріи пространства и времени, — достаточно ограни-

читься діалектикой древняго Зенона, чтобы показать, что *всякое* отвлеченное понятіе о матеріи неизбежно ведетъ къ внутреннимъ проиворѣчіямъ, т.-е. равно допускаетъ противуположныя опредѣленія: и это по той причинѣ, что матерія есть явленіе, реальное объективное явленіе, а не отвлеченное понятіе.

То же самое показали древніе діалектики и новѣйшіе идеалисты и относительно другихъ отвлеченныхъ положеній реализма. Такъ, напримѣръ, вѣра въ безотносительную реальность причинной связи явленій ведетъ къ внутреннему противорѣчію, такъ какъ всякое дѣйствіе признается обусловленнымъ причиной, и въ то же время вся безконечная цѣпь причиннаго слѣдованія признается безначальной, т.-е. ничѣмъ не обусловленной. *Вѣра въ безотносительную, т.-е. ничѣмъ не обусловленную реальность внѣшняго міра, въ реальность матеріи—не выдерживаетъ никакой философской критики.*

3.

Существуетъ ли, въ такомъ случаѣ, такая форма вѣры въ реальность, про которую мы могли бы сказать, что она безусловно насъ не обманываетъ? Если вѣра въ явленіе или въ отвлеченную идею оказывается относительной или ошибочной, то вѣра въ реальное начало сознанія и мышленія, во всякомъ случаѣ, для насъ несомнѣнна. Въ моемъ самосознаніи предметъ вѣры, чувства, мысли совпадаетъ въ одно. Я мыслю, я чувствую, я есмь; это „есмь“, очевидно, не исчерпывается мыслью и чувствомъ, поскольку я прежде всего сознаю себя какъ духовную энергію или силу, какъ *волю*. Точно такъ же есть еще другая форма вѣры, которая въ общемъ положеніи своемъ оказывается безусловно истинной: это—вѣра въ реальныя живыя существа внѣ насъ. Я могу ошибаться въ отдѣльныхъ случаяхъ, предполагая реальныя существа тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, ложнымъ образомъ олицетворяя явленія, или принимая мои представленія за дѣйствительность; тѣмъ не менѣе общій „догматъ“ моей

вѣры въ реальность другихъ существъ внѣ меня является мнѣ непогрѣшимымъ.

Эта вѣра въ реальность моего чувствующаго и мыслящаго субъекта и другихъ подобныхъ субъектовъ естественно принимается за основаніе всякой другой вѣры въ реальность тѣхъ или другихъ фактовъ или явленій. То, что реально для всякаго сознанія, объектъ, который существуетъ не для меня одного, но для всѣхъ, имѣетъ общую реальность, засвидѣтельствованъ всѣми. Такъ, міръ явленій имѣетъ всеобщую реальность для всякаго сознанія и отличается отъ галлюцинаціи единичнаго воображенія. Правда, и этотъ критерій нерѣдко насъ обманываетъ: часто люди принимаютъ за „всѣхъ“ лишь свою ближайшую среду, нѣкоторыхъ своихъ современниковъ. Но, какъ бы то ни было, основною формой всякой человѣческой вѣры является вѣра въ собственное реальное существо и въ другія реальныя существа внѣ его.

Если мы спросимъ себя, къ чему относится такая вѣра, что есть realнаго въ насъ и въ другихъ существахъ, то насъ и здѣсь ждутъ значительныя затрудненія. Прежде всего такая вѣра не можетъ относиться къ одной „чувственной формѣ“ такихъ существъ, къ ихъ тѣлу, которое мы признаемъ реальнымъ столько же и съ такимъ же основаніемъ, какъ и всякую другую чувственную форму; и она относится не къ отвлеченному понятію о ихъ личности или душѣ, такъ какъ это понятіе можетъ отсутствовать вовсе и первоначально (у дѣтей, напримѣръ) совершенно отсутствуетъ. Она относится къ ихъ предполагаемой внутренней индивидуальности, къ ихъ чувству, мысли, волѣ и, притомъ, къ самому субъекту этой воли, мысли и чувства, — словомъ, *къ тому же самому, къ чему относится наша вѣра въ нашу собственную реальность.* Наша вѣра въ реальность чужого существа не есть вѣра въ реальность тѣла, доказательствомъ чего можетъ служить вѣра въ это чужое существо, переживающая разрушеніе его тѣла, — общераспространенная вѣра въ жизнь послѣ смерти. И вмѣстѣ съ тѣмъ наша вѣра въ чужую

душу не есть вѣра въ отвлеченное понятіе, доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что многіе вовсе отрицаютъ *понятіе* души и отвергаютъ въ принципѣ безсмертіе (хотя и не могутъ отказаться отъ неизбежной вѣры въ реальность чужого «я»). Вѣра относится не къ отвлеченному принципу и не къ чувственному явленію, а къ самой *реальности* чужого существа, которое существуетъ для себя такъ же, какъ я для себя существую, т.-е. къ его мыслящей, чувствующей, дѣйствующей силѣ, къ его *являющейся индивидуальности* или субъекту и ни къ чему другому.

Единственная реальность, которая дана непосредственно моему сознанию, есть реальность моего субъекта, и потому я естественно *понимаю* всякую другую реальность черезъ эту и по аналогіи этой. И дѣйствительно, не трудно убѣдиться, что наше *понятіе* о реальномъ существѣ имѣетъ корень въ представленіи о живомъ существѣ, т.-е. о психической силѣ въ ея явленіи,—объ „энергіи“, какъ выразился Аристотель.

Вначалѣ между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, между жизнью и бытіемъ, существомъ и вещью—вовсе не кладется различія: все, что сознается реальнымъ, непосредственно олицетворяется, о чемъ свидѣлствуютъ психологія, антропологія, языкъ всѣхъ народовъ. Лишь постепенно человѣкъ научается различать *вещь* какъ *фиктивное существо* отъ дѣйствительнаго индивидуальнаго существа. Но, тѣмъ не менѣе, онъ никогда не можетъ обойтись безъ олицетворенія, все равно фиктивнаго или безсознательнаго. Какъ дикарь и ребенокъ принимаютъ вещи за существа, такъ и мы обыкновенно придаемъ вещамъ какъ бы призрачную индивидуальность въ нашемъ воображеніи. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ во всякой вещи мы имѣемъ представленіе, чувственный образъ, психическій фактъ, который какъ бы материализуется въ ней, получаетъ въ ней независимую отъ насъ реальность.

И даже тамъ, гдѣ мы силимся возможно яснѣ провести

границу между существомъ и вешью, мы совершенно не въ силахъ обойтись безъ индивидуализаціи, олицетворенія, какъ только мы признаемъ данную вещь реальной. Все то, что не есть простой объектъ, который существуетъ только для какого-нибудь субъекта,—или ни для кого не существуетъ, или, существуя для другихъ, существуетъ и *для себя*, т.-е. будучи объектомъ, есть въ то же время *субъектъ*.

Возьмемъ наше понятіе *вещества*, которое въ механическомъ міросозерцаніи всего болѣе стараются противополать понятію существа. Повидимому, признавая реальность вещества, мы всего энергичнѣе противорѣчимъ всякой идеалистической гипотезѣ. Однако, какъ мы старались показать, вещество есть *явленіе* и признавать это явленіе реальнымъ, независимымъ отъ нашего ограниченнаго субъекта значить лишь видѣть въ немъ объектъ всеобщаго сознанія, всеобщей чувственности, обусловленный субъектомъ высшаго порядка *). Если же, тѣмъ не менѣе, мы видимъ въ матеріи нѣчто большее, чѣмъ простой объектъ сознанія, больше, чѣмъ простую видимость, миражъ чувствующаго субъекта; если мы вѣримъ, что въ такомъ явленіи нашему субъекту дѣйствительно *является* нѣкоторое реальное сущее,—мы по необходимости признаемъ эту реальность существующею не только для насъ, но и для себя самой, т.-е. не только какъ объектъ, но и какъ *субъектъ*. И въ такомъ случаѣ мы можемъ мыслить этотъ признаваемый нами субъектъ во всевозможныхъ категоріяхъ сущаго: какъ единый универсальный субъектъ; какъ одну міровую силу, являющуюся нашему сознанію; какъ множество отдѣльныхъ взаимодействующихъ субъектовъ-монадъ или живыхъ центровъ силъ, или какъ множе-

*) Уже въ первой части нашего разсужденія мы стремились показать совершенную немыслимость понятія „вещей о себѣ“ (Ding an sich) или „существованія о себѣ“ (an sich sein), т.-е. такихъ вещей или такого бытія, которое не существуетъ ни для себя, ни для кого либо другого. Это понятіе представляется особенно нелѣпымъ въ приложеніи къ чувственной реальности матеріи, являющейся необходимо во времени и пространствѣ.

ство такихъ относительныхъ центровъ, объединенныхъ въ одномъ субъектѣ высшаго порядка и т. п.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ реальность представляется какъ реальное существо, какъ субъектъ, какъ *воля* — единственная сила, извѣстная намъ непосредственно. И тамъ, гдѣ мы говоримъ о вещахъ, какъ индивидуальныхъ предметахъ, мы олицетворяемъ ихъ путемъ сознательной или безсознательной фикции.

4.

Такимъ образомъ, между религіозною вѣрой и той вѣрой, которая является основнымъ началомъ нашего познания, не лежитъ непроходимой бездны, поскольку предметъ той и другой имѣетъ одно и то же общее опредѣленіе — сущее, какъ реальный, являющій себя невещественный субъектъ. Правда, задачи религіи и философіи различны, точно такъ же, какъ и способы познаванія. Но въ принципѣ противорѣчія между ними нѣтъ. Въ своихъ „Основныхъ началахъ философіи“ Гербертъ Спенсеръ высказываетъ подобное же положеніе: онъ признаетъ вѣру въ реальную Силу, лежащую за предѣлами явленія, основнымъ общимъ даннымъ религіи и науки, причемъ онъ опредѣляетъ эту Силу какъ абсолютное непознаваемое. Но мы уже видѣли, что наука и философія опредѣляютъ эту „силу“ какъ *являющееся и мыслимое*, какъ *явленіе и идею*. Что же касается до религій, то нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая признавала бы предметомъ своей вѣры Силу какъ таковую: въ религіи сила опредѣляется какъ тотъ или другой духъ. Въ то же время, анализъ нашей вѣры въ являющуюся реальность убѣждаетъ насъ въ томъ, что и эта вѣра такъ же не заключаетъ ничего иного, кромѣ сознанія сушаго, какъ дѣйствующаго существа, какъ являющагося субъекта: въ этомъ общемъ опредѣленіи — все возможное содержаніе вѣры.

Дѣйствительно, нельзя указать другое несомнѣнное содержаніе вѣры въ собственномъ смыслѣ этого слова. Вся-

кая другая вѣра оказывается или производною, коренящеюся въ этой вѣрѣ, или же совершенно мнимой. Такъ, я могу ошибочно смѣшивать вѣру съ знаніемъ и чувствомъ, поскольку элементъ вѣры присутствуетъ въ обоихъ. Или же я могу вѣрить въ тѣ или другія положенія, т.-е., выражаясь точнѣе, считать ихъ истинными или вѣроятными по тѣмъ или другимъ основаніямъ; но, въ концѣ концовъ, такая вѣра либо оказывается ложной, либо производится отъ знанія, либо, наконецъ, производится изъ основного факта вѣры, изъ сознанія существа, какъ дѣйствующаго субъекта, понимаемаго и чувствуемаго въ его явленіи.

Только такая вѣра въ сущее, какъ духовное начало, какъ субъектъ, имѣетъ въ себѣ внутреннее оправданіе. Если сущее есть только явленіе или идея, то вѣра не нужна. Если оно есть непознаваемая вещь въ себѣ, абсолютно чуждая чувству и мысли,—чуждая и внѣшняя какъ субъекту или духу, такъ и объекту или явленію,—то такая вѣра опять-таки сводится къ совершенно праздному и, вдобавокъ, нелогичному отвлеченному предположенію. При такомъ предположеніи вѣра все равно не можетъ служить воспріятіемъ реальности, абсолютно чуждой и внѣшней нашему духу. Какъ реальное, подлинное воспріятіе сущаго, вѣра мыслима лишь въ томъ случаѣ, если это сущее есть нѣчто сродное нашей подлинной реальности, нашему духовному существу. И, какъ мы видѣли, то положеніе, въ которомъ совпадаютъ вѣра, чувство и мысль состоитъ именно въ признаніи реальныхъ независимыхъ отъ насъ и вмѣстѣ соотносящихся съ нами существъ или субъектовъ, иначе—въ сознаніи *сущаго*, какъ конкретнаго существа, какъ объективирующей себя *самости*.

Предьдушія опредѣленія сущаго, какъ являющагося и какъ мыслимаго, не только не противорѣчатъ этому послѣднему опредѣленію, но, напротивъ, только въ немъ находятъ свое полное обоснованіе. Ибо міръ, какъ явленіе и какъ идея, какъ чувственный объектъ и мыслимый логическій объектъ—предполагаютъ чувствующій субъектъ и

мыслящій субъектъ. И, съ другой стороны, объективно мыслимо и чувствуемо можетъ быть лишь то, что сродно мысли и чувству, т.-е. объектъ, тождественный по существу съ своимъ субъектомъ. Поэтому сущее и можетъ быть предметомъ конкретнаго, объективнаго знанія.

5.

Если вѣра даетъ намъ непосредственное воспріятіе сущаго, то лежитъ ли въ ней самостоятельный источникъ абсолютнаго вѣденія, какъ то признавали мистики различныхъ временъ и народовъ? Не должны ли мы по ихъ рецепту и на основаніи ихъ многовѣковаго опыта развивать въ себѣ исключительно эту способность непосредственнаго воспріятія сущаго, постепенно умерщвляя свою чувственность и приводя въ молчаніе самую мысль свою? Не должны ли мы отвлечься отъ внѣшняго воспріятія, отъ самой мысли нашей, чтобы въ нѣдрахъ нашего духа найти „самость“, абсолютный субъектъ сущаго, его „атманъ“, какъ выражаются Упанишады? Не лежитъ ли въ немъ и принципъ вѣдѣнія и начало бытія?

Мы приходимъ такимъ образомъ къ *мистическому идеализму*, который встрѣчается въ различныхъ формахъ у многихъ мыслителей нашего вѣка, исходившихъ изъ критики отвлеченнаго раціонализма и искавшихъ въ вѣрѣ и откровеніи—восполненія разсудочной философіи.

Но если чистый отвлеченный раціонализмъ представляется намъ несостоятельнымъ, то имѣетъ ли мистицизмъ болѣе прочныя основанія? Если наша мысль обусловлена имманентной ей вѣрой во всей своей дѣятельности—во всякомъ приложеніи категорій, понятій и представленій къ сущему, отдѣлима ли вѣра отъ чувства и мысли въ познавательномъ процессѣ? Можетъ ли она сама по себѣ служить самодовлѣющимъ источникомъ вѣдѣнія, помимо рефлектирующаго мышленія и чувственнаго опыта?

Пусть въ нашей вѣрѣ выражается внутреннее, централь-

ное отношеніе нашего познающаго духа къ другимъ существамъ. Но если такъ, то какъ возможна ложная вѣра и гдѣ критерій истинной вѣры въ отличіе отъ вѣры ложной? Фактически существуетъ такое множество различныхъ, противоположныхъ вѣрованій въ области религіи, въ области мысли, во всѣхъ сферахъ жизни человѣческой, что едва ли въ самой вѣрѣ можно искать такого критерія. Опытъ и размышленіе обличаютъ, а слѣдовательно и исправляютъ ошибочныя вѣрованія. Правда мы уже видѣли, что и опытъ, и размышленіе обосновываются вѣрою, которая имъ имманентна. Но если поэтому ни субъективное чувство, взятое само по себѣ, ни отвлеченная мысль не заключаютъ въ себѣ критерія истиннаго знанія, то слѣдуетъ ли искать такого критерія въ слѣпой, неразумной вѣрѣ? Не заключается ли онъ въ томъ сознаніи реальной соотносительности нашего существа съ другими существами, въ которомъ участвуютъ нераздѣльно и вѣра, и чувство, и мысль, которое проникаетъ и обуславливаетъ собою всю нашу душевную жизнь и познаніе, составляя его общую трансцендентальную форму и его основное данное?

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Кн. С. Н. Трубецкой.

Н. Н. Страховъ, какъ художественный критикъ *).

Высокообразованный и талантливый писатель, характеристикъ котораго, какъ мыслителя, была посвящена въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ **) статья Н. Я. Грота, выступалъ въ нашей литературѣ и какъ художественный критикъ.

Н. Н. Страховъ признаетъ себя послѣдователемъ Аполлона Григорьева. Григорьевъ, по его мнѣнію, —лучшій нашъ критикъ, дѣйствительный основатель русской критики. «Ему принадлежитъ единственный существующій у насъ *полный взглядъ* на русскую литературу, т.-е. взглядъ, объемлющій одною мыслью всѣ ея явленія и направленія, —взглядъ, вѣрный до сихъ поръ, блистательно подтверждаемый такими произведеніями, какъ *Война и миръ*».

«Общія начала критики Григорьева, говоритъ Н. Н. Страховъ, просты и общеизвѣстны: это тѣ глубокія начала, которыя завѣщаны намъ нѣмецкимъ идеализмомъ, единственною философіей, къ которой до сихъ поръ должны прибѣгать всѣ, желающіе понимать исторію или искусство. Этихъ началъ держатся, напримѣръ, Ренанъ, Карлейль; эти самыя начала въ послѣднее время съ такимъ блескомъ и съ немалымъ успѣхомъ приложилъ Тэнъ къ исторіи англійской литературы». Отмѣчу мимоходомъ странность причисленія Тэна

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Психологическаго Общества 11 апрѣля 1896 г.

**) См. „Вопросы философіи и психологіи“ 1896 г., № (32), мартъ—апрѣль.

къ послѣдователямъ нѣмецкаго метафизическаго идеализма и перейду къ указаніямъ Н. Н. Страхова на содержаніе *простыхъ взглядовъ* А. Григорьева. Отъ критики этихъ взглядовъ я уклонюсь, такъ какъ объ Аполлонѣ Григорьевѣ мною напечатана была статья въ первомъ томѣ Почина (*Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности*) и мнѣ пришлось бы повторять сказанное тамъ.

«Каждое художественное произведеніе, говорить Н. Н. Страховъ, представляетъ отраженіе своего вѣка и своего народа. Принципъ національности господствуетъ въ искусствѣ и литературѣ, какъ и во всемъ». Всѣ явленія литературы имѣютъ общій корень, представляютъ многообразныя попытки выразить все одно и то же—душевную сущность этого народа; въ цѣломъ же человѣчествѣ они составляютъ выраженіе вѣчныхъ требованій души человѣческой, ея неизмѣнныхъ законовъ и стремленій». Въ русской литературѣ Григорьевъ видѣлъ постоянную борьбу европейскихъ идеаловъ, чуждой нашему духу поэзіи, съ стремленіемъ къ самобытному творчеству, къ созданію чисторусскихъ идеаловъ и типовъ. Къ чужимъ типамъ, какъ извѣстно, Григорьевъ причислялъ типы блестящіе, сильные, героическіе,—*хищные*, по терминологіи этого критика. Русская натура, по его мнѣнію, раскрывается въ типахъ простыхъ и смиренныхъ (Бѣлкинъ у Пушкина, Максимъ Максимычъ у Лермонтова). То же самое видитъ Н. Н. Страховъ и у Л. Н. Толстого (Каратаевъ, Кутузовъ).

Разбирая *Войну и миръ*, Н. Н. Страховъ только примѣняетъ къ оцѣнкѣ этого произведенія идеи Григорьева,—нашего единственнаго критика, по мнѣнію автора *Борьбы съ Западомъ*. Григорьевъ замѣтилъ, что графъ Толстой впадаетъ въ односторонность, видя въ русской жизни только отрицательный типъ простого и смирнаго человѣка, не придавая значенія блестящему *дѣйствительно*, страстному *дѣйствительно* и хищному *дѣйствительно* типу. Еслибы такихъ типовъ не существовало, то мы были бы весьма не щедро одареннымъ народомъ. Кромѣ того, замѣчаетъ Григорьевъ, въ чуж-

дой жизни сложившіеся типы не чужды намъ: «вѣдь тургеневскій Василій Лучиновъ—XVIII вѣкъ, но русскій XVIII вѣкъ, а ужъ его, напримѣръ, страстный и беззаботно прожигающій жизнь Веретьевъ—и подавно».

Вооружась этими взглядами, Н. Н. Страховъ приступилъ къ разбору *Войны и мира*, которому онъ придаетъ первенствующее значеніе въ ряду своихъ критическихъ статей. Нѣкоторая двойственность, которая была допущена Григорьевымъ, благодаря признанію *русскимъ* и *хищнаго* типа, обнаружилась и у его послѣдователя. Вообще, въ опредѣленіяхъ *русскаго самобытнаго* у обоихъ писателей много произвольнаго. Такъ, Н. Н. Страховъ довольно наивно спрашиваетъ: «Не вправѣ ли мы заключить, что къ числу существеннѣйшихъ элементовъ нашей жизни принадлежитъ двоякая связь: связь съ семействомъ и связь съ государствомъ?» У какого же народа нѣтъ этой двоякой связи?

Философское міропониманіе, слѣдованіе за Григорьевымъ въ опредѣленіи истинно русскаго духа приводятъ Страхова къ тому, что онъ становится на совершенно ложную точку зрѣнія при эстетической оцѣнкѣ художественныхъ произведеній. Если, по мнѣнію критика, міропониманіе художника неправильно, т.-е. не сходится съ образомъ мыслей самого критика, то и художественное произведеніе окажется несовершеннымъ. Графъ Л. Н. Толстой вѣруеть въ семью и не вѣруеть въ страсти. Допустимъ, что онъ правъ; но въ художникѣ необходима объективность въ изображеніи жизни, упомянутыя же вѣра и невѣріе могутъ помѣшать такой объективности. Н. Н. Страховъ признаетъ у графа Толстого *глубокое нерасположеніе къ блестящему типу*. Вслѣдствіе этого, по словамъ самого Н. Н. Страхова, Наполеонъ въ *Войнѣ и мирѣ* изображенъ односторонне: «художникъ схватилъ въ немъ все то, что такъ противно русской натурѣ, такъ возмущаетъ ея простые инстинкты; но нужно думать, что эти черты въ своемъ, т.-е. французскомъ, мірѣ не представляютъ той неестественности и рѣзкости, какія въ нихъ видятъ русскіе глаза. Должно быть, въ томъ мірѣ была своя красота, свое величіе».

На это слѣдуетъ замѣтить, что можно и русскими глазами правильно видѣть нерусское. Вспомнимъ хоть *Скупого рыцаря* или *Каменную гостя* у Пушкина. Кромѣ того, *глубокое нерасположеніе къ блестящему типу* почти неминуемо ведетъ къ нѣскольکو пристрастному его изображенію—въ лучшемъ случаѣ, къ совершенно неправильному его освѣщенію—въ другихъ случаяхъ. А между тѣмъ Н. Н. Страховъ такъ опредѣляетъ достоинства *Войны и мира*: «Полная картина человѣческой жизни. Полная картина тогдашней Россіи. Полная картина того, что называется исторіей и борьбою народовъ. Полная картина всего, въ чемъ люди полагаютъ свое счастье и величіе, свое горе и униженіе. Вотъ что такое *Война и миръ*». Гиперболы и произвольныя утвержденія нерѣдко встрѣчаются въ статьяхъ Н. Н. Страхова, для котораго, напримѣръ, обновленіе Пьера Безухова есть олицетвореніе обновленія всей Россіи, «то раскрытіе духовныхъ силъ, которое должно было послѣдовать за испытаніями и борьбою». «Задача художника, говоритъ Н. Н. Страховъ про *Войну и миръ*, состояла въ томъ, чтобы изобразить истинное величіе такъ, какъ онъ его понимаетъ, и противопоставить его ложному величію, которое онъ отвергаетъ. Толстой изображаетъ въ своемъ произведеніи идеаль русскихъ людей, который, «по формулѣ, данной самимъ авторомъ, состоитъ въ простотѣ, добрѣ и правдѣ». И несмотря на то, что намъ было сказано ранѣе о *Войнѣ и мирѣ*, что этотъ романъ—полная картина русской жизни, исторіи, человѣческой жизни вообще,—Н. Н. Страховъ черезъ нѣскольکو страницъ опять подтверждаетъ *нѣкоторую односторонность* автора, «выкупаемую тѣмъ большею пронизательностью и глубиною относительно той стороны, въ которую обращены его симпатіи».

«Изъ *Войны и мира*, говоритъ Н. Н. Страховъ, ясно, что каждый солдатъ, повиновавшийся силѣ исторіи и потому содѣйствовавший событію, которое она совершала, былъ въ этомъ отношеніи выше Наполеона, который ничего не сдѣлалъ ни въ пользу событія, ни противъ него». Я имѣю въ виду

представить нѣсколько замѣчаній лишь о Н. Н. Страховѣ, какъ художественномъ критикѣ, и поэтому не буду останавливаться на его философіи исторіи, которую считаю ошибочною. Не могу не замѣтить, однако, что ниже стоявшій, по этой философіи, Наполеонъ уложилъ въ могилу сотни тысячъ выше его стоявшихъ солдатъ.

Н. Н. Страховъ раздѣляетъ мысль графа Толстого, который говоритъ, что у Николая Ростова «былъ здравый смыслъ посредственности, который показывалъ ему, что было должно». Уважать человѣка, видѣть его цѣну мы, по мнѣнію Н. Н. Страхова, должны за то и въ томъ, чѣмъ человѣкъ ограниченъ и тупой равняется величайшему умнику. Это будутъ, конечно, пресловутыя доброта, простота и смиреніе. Крѣпкими, истинно живыми сферами этихъ добродѣтелей Н. Н. Страховъ признаетъ, по Толстому, семейную и «настоящую военную, т. е. армейскую жизнь». Критикъ не предвидѣлъ эволюціи въ міровоззрѣніи графа Л. Н. Толстого, который со всею силой своего авторитета, пылко и внушительно выступилъ противъ этихъ сферъ, въ особенности, разумѣется, противъ послѣдней.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что при разборѣ произведеній Л. Н. Толстого Н. Н. Страховъ постоянно выходитъ изъ роли художественнаго критика и выражаетъ сочувствіе и восхищеніе идеямъ разбираемаго имъ автора. Смѣшеніе этихъ двухъ задачъ, я думаю, вредно отражается на достоинствахъ критическаго труда.

Непріятно читать, въ особенности у писателя, который смиреніе считаетъ существеннѣйшимъ и прекраснѣйшимъ свойствомъ русскаго духа, вѣчное превознесение этого духа, вѣчную похвальбу передъ другими народами. Можно ли серьезно утверждать такія, на примѣръ, вещи: «Вопросъ о національностяхъ былъ поставленъ на Бородинскомъ полѣ, и русскіе рѣшили его здѣсь въ первый разъ въ пользу національностей?»

Приходится отмѣтить и несправедливость критика по отношенію къ писателямъ другого лагеря. Н. Н. Страховъ утверж-

даеть, что графа Л. Н. Толстого «не только не поняли, но даже вовсе о немъ не говорили» (кромя, разумѣется, Григорьева). Это писалъ критикъ въ 1869 году. А вотъ что писалъ о Л. Н. Толстомъ Чернышевскій въ 1856 году. Приведа сцену изъ Севастопольскихъ разсказовъ, Чернышевскій говоритъ: «Это изображеніе внутренняго монолога надобно, безъ преувеличенія, назвать удивительнымъ. Ни у кого другого изъ нашихъ писателей не найдете вы психическихъ сценъ, подмѣченныхъ съ этой точки зрѣнія». «Есть живописцы, которые знамениты искусствомъ уловлять мерцающее отраженіе луча на быстро катящихся волнахъ, трепетаніе свѣта на шелестящихъ листьяхъ, переливы его на измѣнчивыхъ очертаніяхъ облаковъ: о нихъ по преимуществу говорятъ, что они умѣютъ уловлять жизнь природы. Нѣчто подобное дѣлаеть графъ Толстой относительно таинственнѣйшихъ движеній психической жизни. Въ этомъ состоитъ, какъ намъ кажется, совершенно оригинальная черта его таланта. Изъ всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей онъ одинъ мастеръ на это дѣло».

Это ли не великая похвала, это ли не тонкое критическое пониманіе? И замѣтите, что Чернышевскій писалъ статью въ началѣ литературной дѣятельности графа Толстого. Приведу еще нѣсколько строкъ изъ этой статьи, чтобы вполне убѣдиться въ высокоумѣнной несправедливости Н. Н. Страхова.

«Вѣроятно, пишетъ Чернышевскій, графъ Толстой напишетъ много такого, что будетъ поражать каждаго читателя другими, болѣе эффектными качествами: глубиною идеи, интересомъ концепцій, сильными очертаніями характеровъ, яркими картинами быта,—и въ тѣхъ произведеніяхъ его, которыя уже извѣстны публикѣ, этими достоинствами постоянно возвышался интересъ; но для истиннаго знатока всегда будетъ видно,—какъ очевидно и теперь,—что знаніе человѣческаго сердца — основная сила его таланта». Далекое ли впередъ ушелъ отъ этихъ мыслей Н. Н. Страховъ, когда онъ писалъ, что особенная, ярко выступающая черта

таланта Л. Н. Толстого состоитъ въ необыкновенно тонкомъ и вѣрномъ изображеніи душевныхъ движеній?

Еще болѣе несправедливъ Н. Н. Страховъ къ Тургеневу. Въ концѣ статьи о пятомъ и шестомъ томѣ *Войны и мира* находятся такія строки: «Если братья-славяне попросятъ теперь у насъ книгъ, то мы не будемъ, *скръпя сердце*, посылать имъ Тургенева, Островскаго, Некрасова; нѣтъ, мы пошлемъ имъ этихъ писателей спокойно и безбоязненно, потому что вмѣстѣ съ ними пошлемъ и *Войну и миръ*. Свѣтъ, которымъ сіяетъ произведеніе гр. Л. Н. Толстого, такъ силенъ, что при немъ не страшны всѣ эти меньшія свѣтила, озаряющія нашу жизнь такимъ слабымъ и неровнымъ, а часто даже совершенно неправильнымъ свѣтомъ».

Признаюсь, мнѣ эти слова кажутся возмутительными, въ особенности если вспомнить, что самъ Н. Н. Страховъ писалъ о Тургеневѣ въ своей лучшей критической статьѣ объ *Отцахъ и дѣтяхъ*. Тонко и вѣрно отмѣчаетъ здѣсь Н. Н. Страховъ несравненные достоинства этого произведенія. «Если романъ Тургенева, пишетъ онъ, повергаетъ читателей въ недоумѣніе, то это происходитъ по очень простой причинѣ: онъ приводитъ къ сознанию то, что еще не было сознаваемо, и открываетъ то, что еще не было замѣчено». Тургеневъ—«образецъ писателя, одареннаго совершенной подвижностью и вмѣстѣ глубокою чуткостью, глубокою любовью къ современной ему жизни». «Базаровъ, читаемъ мы далѣе, есть первое сильное лицо, первый цѣльный характеръ, явившійся въ русской литературѣ въ средѣ такъ называемаго образованнаго общества. Кто этого не цѣнить, кто не понимаетъ всей важности такого явленія, тотъ пусть лучше не судить о нашей литературѣ». Золотыя слова!... Но какже можно было послѣ нихъ написать, что Тургенева мы посылаемъ братьямъ-славянамъ, *скръпя сердце*?

И замѣйте при этомъ, что Базаровъ, по мнѣнію Страхова, «такъ сказать, *больше русскій* (курсивъ автора), чѣмъ всѣ остальные лица романа». Мы далеки такимъ образомъ отъ апофеозы смиренія, хотя статья написана уже въ 1862 году.

«Живой, цѣльный человѣкъ схваченъ авторомъ, говоритъ Н. Н. Страховъ, въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ движеніи Базарова». А въ статьѣ, написанной послѣ похоронъ Тургенева, Н. Н. Страховъ въ образахъ Тургенева видитъ только *акварели*,—въ нихъ нѣтъ, будто бы, ни выпуклости, ни плоти, ни душевной глубины! Такъ неправильное міропониманіе и предвзятая идеи исказили художественное пониманіе критика.

Приведу еще нѣсколько фразъ изъ статьи объ *Отцахъ и дѣтяхъ*, потому что эта статья заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. «Тургеневъ имѣлъ притязаніе и дерзость создать романъ, имѣющій *всевозможныя* направленія; поклонникъ вѣчной истины, вѣчной красоты, онъ имѣлъ гордую цѣль во временномъ указать на вѣчное и написалъ романъ не прогрессивный и не ретроградный, а такъ сказать—*всёгдашній*». «Созданіе такихъ лицъ, какъ отецъ и мать Базарова, есть истинное торжество таланта!» Тургеневъ удивительно раскрылъ богатство *простыхъ* человѣческихъ чувствъ. «Какая глубина и ширина душевныхъ явленій среди обыденнѣйшей жизни, не поднимающейся ни на волосъ выше самаго низменнаго уровня!» Вотъ какими достоинствами обладалъ Тургеневъ въ 1862 году и вотъ чего лишалъ его Н. Н. Страховъ своими послѣдующими статьями*).

Въ общемъ результатъ оказывается, что художественная критика Н. Н. Страхова, несмотря на его обширное образованіе, аналитическій умъ и большое эстетическое пониманіе, отличается не малыми противорѣчіями и неправильными сужденіями. Н. Н. Страховъ, на примѣръ, называетъ такой романъ, какъ *Анна Каренина*, прологомъ къ разсказу *Чѣмъ люди живы*. Тайна объясняется, когда вы услышите, что дѣло идетъ совсѣмъ не о художественномъ творчествѣ, а о развитіи

*) Восхваленіями Тургенева наполнена и статья Н. Н. Страхова: *Новое художественное произведеніе и наша критика (Изъ исторіи литературнаго нигилизма)*.

нравственно-религіозныхъ идей графа Л. Н. Толстого. Смѣшеніе этихъ двухъ процессовъ составляетъ капиталнѣйшую ошибку Н. Н. Страхова. По его теоріи, истинный, великій поэтъ, — русскій, конечно, — обязанъ раздѣлять міровоззрѣніе критика, иначе будетъ, какъ Тургеневъ, лишень этого достоинства. Изображайте съ любовью смиренный русскій типъ, — вы будете признаны истиннымъ выразителемъ національнаго духа; попробуйте теперь дать типъ хищный, что-либо вродѣ Базарова, который, однако, былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ, — и вы этимъ обнаружите и бѣдность таланта, и отчужденность отъ народа. Такой пріемъ, такое пристрастіе и односторонность, очевидно, совсѣмъ искажаютъ задачи художественной критики.

Теорія Аполлона Григорьевана только не получила въ статьяхъ Н. Н. Страхова дальнѣйшаго развитія, но сдѣлала шагъ назадъ. А. Григорьевъ смотрѣлъ шире и глубже Н. Н. Страхова, постоянно требуя обращенія къ Пушкину и Бѣлинскому, тогда какъ для Н. Н. Страхова Бѣлинскій былъ человѣкомъ, который «не имѣлъ твердыхъ взглядовъ, какихъ-нибудь прочныхъ основаній для своей умственной дѣятельности». Высокомѣрный защитникъ смиреннаго русскаго типа прибавляетъ, что единственная сила Бѣлинскаго «заключалась въ любви къ литературѣ и удивительномъ эстетическомъ вкусѣ. Когда же онъ пересталъ руководиться этою любовью и этимъ вкусомъ, онъ потерялъ всякую точку опоры и сталъ блуждать по вѣянію вѣтра».

Этого несправедливаго приговора, какъ я уже упомянулъ, вовсе не раздѣлялъ Аполмонъ Григорьевъ, а его Н. Н. Страховъ называетъ единственнымъ нашимъ критикомъ. Въ настоящее время стараются унижить Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова и всячески превознести Григорьева и Страхова. Не отрицая заслугъ двухъ послѣднихъ критиковъ, въ особенности перваго изъ нихъ, я убѣжденъ, однако, что *борьба съ Западомъ* уже кончается пораженіемъ «смиреннаго типа». Въ глубинѣ русскаго общества завершается процессъ усвоенія общечеловѣческаго, правиль-

нѣе—общеевропейскаго, причемъ нѣкоторыя національныя особенности отмечаютъ, а другія преобразовываются. Для художественной критики всегда было открыто широкое поле. Никакая публицистическая критика не стѣсняла ея дѣятельности. Но для плодотворнаго развитія этой художественной критики необходимо ея освобожденіе отъ націоналистическихъ и религіозныхъ односторонностей. Въ этомъ отношеніи, если исключить статью объ *Отцахъ и дѣтяхъ*, Н. Н. Страховымъ почти ничего сдѣлано не было.

В. Гольцевъ.

Почему воззрѣнія пространства и времени постоянны и непремѣнны?

I.

Хотя физиологія органовъ чувствъ вообще представляетъ собою подтвержденіе и развитіе философіи Канта, современное ученіе объ образованіи воззрѣній пространства и времени можетъ однако казаться несогласнымъ съ идеями Канта объ этихъ воззрѣніяхъ. Современное ученіе объ образованіи пространства и времени, дѣйствительно, не вполне согласно съ ученіемъ Канта, а именно мы до сихъ поръ не имѣемъ физиологическаго обоснованія главнаго свойства этихъ воззрѣній — постоянства, непремѣнности. Такъ какъ современное ученіе объ этихъ воззрѣніяхъ стремится объяснить ихъ образованіе такъ же, какъ и всѣхъ другихъ представленій и понятій, то является, дѣйствительно, не совѣмъ понятнымъ, почему, какимъ образомъ эти воззрѣнія такъ существенно отличаются отъ всѣхъ представленій и понятій? Не уяснивъ себѣ, въ чемъ состоитъ основное отличіе въ способѣ образованія воззрѣній пространства и времени отъ всего остальнаго содержанія сознанія, мы не можемъ понять, почему эти воззрѣнія отличаются по существу отъ остальнаго содержанія сознанія.

Цѣль настоящей работы, — объяснить физиологическую сторону, физиологическій субстратъ главнаго свойства воззрѣній пространства и времени и такимъ образомъ установить, что физиологическая психологія вполне подтверждаетъ ученіе Канта.

Я не буду излагать ученія объ образованіи пространства и времени, но ограничусь объясненіемъ, почему эти воззрѣнія посто-

яны для нашего сознанія и непремѣнны, почему мы не можемъ представить себѣ чего-либо внѣ пространства и времени. Оставляя въ сторонѣ метафизическую сторону вопроса, я ограничусь разборомъ психофизиологическихъ процессовъ, участвующихъ въ образованіи пространства и времени, опишу тѣ мои опыты и наблюденія, съ помощью которыхъ, какъ я думаю, можно отвѣтить на поставленный вопросъ.

Физиологическая сторона образованія воззрѣній пространства и времени до весьма недавняго времени не могла быть объяснена, несмотря на громадныя успѣхи физиологіи органовъ чувствъ и анатоміи головного мозга. Если мы возьмемъ, на примѣръ, учебники физиологической психологіи Вундта, Цигена, Кюльпе, то мы найдемъ тамъ вполнѣ убѣдительное объясненіе физиологической стороны образованія воззрѣній пространства и времени,—особенно же полно изучено образованіе пространства; но нигдѣ мы не находимъ указанія физиологическаго процесса, обусловливающаго постоянство и непремѣнность воззрѣній пространства и времени.

Постоянство и непремѣнность пространства и времени суть основныя признаки этихъ воззрѣній; самыя рѣшительныя противники Канта не отрицаютъ этого основнаго свойства воззрѣній пространства и времени. Между тѣмъ, если мы признаемъ, что принятое въ современной наукѣ ученіе вѣрно и закончено, то для насъ должно быть вполнѣ непонятно, чѣмъ же отличаются безусловно апіорныя воззрѣнія пространства и времени отъ всѣхъ другихъ представленій и идей,—вѣдь они образуются такъ же, какъ и всѣ представленія, ощущенія, и остаются, поэтому, необъясненными главныя свойства этихъ воззрѣній—постоянство и непремѣнность. Едва ли нужно доказывать, что пока не будетъ объяснена физиологическая сторона образованія этихъ свойствъ воззрѣній пространства и времени, до тѣхъ поръ все ученіе объ образованіи воззрѣній пространства и времени не можетъ считаться не только законченнымъ, но даже и вполнѣ обоснованнымъ, такъ какъ ученіе, не объясняющее главнаго свойства, такъ сказать—сущности явленія,—не можетъ претендовать на точность. Апіорность пространства и времени такъ очевидна, математика такъ существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ наукъ,—между тѣмъ по ученію современной физиологической психологіи воззрѣніе пространства образуется такъ же, какъ и зрительныя представленія, а воззрѣніе

времени представляетъ въ сущности сужденіе о смѣнѣ представлений *).

Очевидна необходимость объяснить главный признакъ возврѣній пространства и времени, найти въ процессѣ образованія этихъ возврѣній существенныя отличія отъ процесса образованія всѣхъ ощущений вообще, не имѣющихъ свойствъ непремѣнности и постоянства. Физиологическая психологія должна въ процессѣ образованія этихъ возврѣній найти новое подтвержденіе ученію блаж. Августина и Канта, выдѣлившихъ пространство и время изъ всѣхъ остальныхъ представлений, должна объяснить, что въ процессѣ образованія этихъ возврѣній существенно отличаетъ ихъ отъ всѣхъ остальныхъ ощущений.

Въ современной физиологической психологіи этотъ вопросъ совершенно не разъясненъ, что можно судить по крайней несостоятельности только-что даннаго М. Герцомъ **) объясненія физиологической подкладки постоянства возврѣнія пространства. Въ своемъ почтенномъ трудѣ, основанномъ на многолѣтнемъ изученіи философіи, психологіи и психіатріи, этотъ авторъ, какъ истинный ученый, оцѣнившій величіе философіи Канта, пытается найти въ физиологіи объясненіе постоянства возврѣнія пространства. Онъ говоритъ такъ: «Свойство пространства, состоящее въ томъ, что оно остается одно, когда абстрагируется все остальное содержаніе сознанія, должно намъ помочь обосновать физиологически его природу, такъ какъ основная функція нашего разума должна быть, какъ основной принципъ, выведена изъ организаціи мыслящей субстанціи, или, наоборотъ, безусловно необходимо возврѣніе пространства принимать какъ функцію мыслящей субстанціи». Если мы вообразимъ себѣ, что съ мозговой коры сняты всѣ ощущенія, доставляемые органами чувствъ и представленія, то «передъ нами мозговая кора будетъ пуста и одинакова, и какъ мы знаемъ по собственному опыту, останется только представленіе безконечнаго *пустого* пространства. Понятіе пространства есть нечто другое, какъ абсолютный *покой* мыслящей субстанціи,—оно есть *органическое чувство* покойнаго мозга. Въ сущности этотъ покой есть равномерное движеніе»...

*) Наприм., Вундтъ (Grundzüge der Physiologie. Psychologie. 1893. Bd. II, S. 411) говоритъ: «Возврѣніе времени въ сущности есть фактическая форма, въ которой намъ дана связь сознательныхъ процессовъ».

**) Docent Max Herz. Kritische Psychiatrie. Wien. 1895 г., S. 73.

Я привелъ это объясненіе Герца, чтобы показать, что даже столь явно несостоятельное, просто непонятное объясненіе возможно въ современной наукѣ,—что, конечно, доказываетъ отсутствіе въ современной наукѣ правильного объясненія постоянства воззрѣнія пространства.

Десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ, дѣйствительно, мы не могли, вслѣдствіе несовершенства нашихъ познаній о двигательныхъ ощущеніяхъ и представленіяхъ, объяснить постоянство воззрѣнія пространства. Тогда для насъ мышечныя ощущенія ничѣмъ *существенно* отъ другихъ ощущеній не отличались. За послѣдніе годы цѣлый рядъ работъ психологовъ и физиологовъ выяснилъ намъ высокую важность двигательныхъ ощущеній. Напомню, что самая крупная заслуга принадлежитъ патологу Штрикеру. Теперь для насъ несомнѣнно, что двигательное ощущеніе—*нефривольный* элементъ всякаго впечатлѣнія, всякаго представленія и даже, какъ показали извѣстныя изслѣдованія Рибо *), всякой абстрактной идеи. Двигательное ощущеніе входитъ во всѣ впечатлѣнія и представленія настолько, что не можетъ быть ни одного образа въ нашемъ сознаніи безъ участія двигательнаго ощущенія; онѣ *всегда* имѣются въ нашемъ сознаніи.

Этотъ фактъ теперь настолько общеизвѣстенъ, что нѣтъ надобности излагать ученіе объ этомъ вопросѣ и упоминать о работахъ, ему посвященныхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ такъ новъ и мало понятенъ, что такъ называемые «угадыватели мыслей» крайне заинтересовали собою общество. Оказалось, что при весьма посредственной остротѣ осязанія можно очень легко отгадывать мысли по незамѣтнымъ для непривычныхъ наблюдателей мышечнымъ движеніямъ, сопряженнымъ съ мыслями, и, напримѣръ, Бишопъ, несмотря на глубокую старость и потому потерю эластичности мышцъ Вильгельма I, легко отгадалъ задуманное послѣднимъ число—1870.

Такъ какъ опытъ всегда убѣдительнѣе наблюденія, то самое убѣдительное доказательство постоянства и непремѣнности мышечныхъ ощущеній представляютъ собою опыты надъ загнипнотизированными. Въ лучшей монографіи по гипнотизму, представляющей собою полный критически разработанный сводъ всей

*) «Второй международный конгрессъ экспериментальной психологіи въ Лондонѣ». («Вопросы Философіи» кн. 15.).

литературы предмета, д-ръ Янушкевичъ *) вполне основательно утверждаетъ, что «галлюцинаціи въ области мышечнаго чувства въ *строгомъ смыслѣ слова* внушать нельзя». Дѣйствительно, если мышечныя представленія составляютъ необходимую составную часть каждаго воспріятія, то, быть-можетъ, потому-то именно они и не появляются въ сознаніи сами по себѣ, какъ нѣчто самостоятельное, въ той хотя бы мѣрѣ, въ какой бывають самостоятельными представленія зрительныя или слуховыя. Да и независимо отъ этого, когда галлюцинація какого-либо чувства, внушенная гипнотику, дополняется имъ, то въ возникающемъ сложномъ воспріятіи имѣется множество отчасти галлюцинаторныхъ, отчасти иллюзорныхъ элементовъ въ области всѣхъ другихъ чувствъ, и только мышечный элементъ, только одно сопутствующее галлюцинаціи мышечное ощущеніе является не галлюцинаторнымъ, а дѣйствительно реальнымъ. Гипнотику внушаютъ, чтобы онъ выпилъ стаканъ вина, стоящій передъ нимъ (котораго въ дѣйствительности нѣтъ): зрительное, вкусовое, обонятельное ощущенія, появляющіяся при этомъ—галлюцинаціи. Осязательное ощущеніе руки, подносящей воображаемый стаканъ ко рту—тоже. Рука эта находится въ такомъ положеніи, какъ бы держала стаканъ, пальцы *не могутъ* быть сжаты, потому что субъектъ ощущаетъ сопротивленіе [осязаніе+чувство усилія—sense of effort (Bain), Innervationsempfindung (Wundt)] стакана; ощущеніе сопротивленія тоже галлюцинація, но положеніе руки, ощущаемое гипнотикомъ субъективно, отвѣчаетъ объективной дѣйствительности и не есть галлюцинація. Существуютъ однако наблюденія, доказывающія возможность внушить мышечныя ощущенія съ болѣе убѣдительнымъ галлюцинаторнымъ характеромъ. Гипнотику внушаютъ, что онъ танцуетъ на балу; въ дѣйствительности онъ неподвижно сидитъ на стулѣ; но вотъ мало-по-малу дыханіе его учащается, появляется одышка, лицо краснѣетъ и т. д. (Beaunis назвалъ такія внушенія *suggestions motrices*). Мышечныя ощущенія движенія, при неподвижности въ дѣйствительности, въ данномъ случаѣ были; дѣло въ томъ, однако, что и здѣсь они соотвѣтствовали дѣйствительнымъ измѣненіямъ иннерваціи и тонуса мышцъ лишь незамѣтнымъ для глазъ и субъективно преувеличеннымъ. Къ тому же можно думать, что первично внушеніе вызвало не эти ощущенія, а зри-

*) Реальная Энциклопедія. т. 4. стр. 561—662.

тельные и слуховыя галлюцинаціи, соотвѣтственно внушенію, что субъектъ находится на балу (стр. 604).

Въ 1892 году я былъ настолько счастливъ, что изучилъ всѣ гипнотическія явленія подъ руководствомъ самыхъ авторитетныхъ представителей двухъ школъ—Бернгейма и Шарко, видѣлъ опыты Дельбефа, Крафтъ-Эбинга и т. д.; при этомъ я вполне убѣдился, что дѣйствительно двигательныхъ галлюцинацій въ *строю* смыслъ слова вызвать невозможно; также невозможно вызвать полную анестезію, уничтожить, подавить двигательныя ощущенія при всякомъ проявленіи психической жизни; разъ сознание не вполне отсутствуетъ, то гипнотизированный имѣетъ двигательныя ощущенія. Къ сожалѣнію, на этотъ фактъ не было обращено должнаго вниманія, хотя лица наиболѣе изучившія гипнотизмъ и не отрицаютъ его. Какъ вполне точно установлено, у нѣкоторыхъ загипнотизированныхъ можно вызвать полную анестезію, подавить, уничтожить тѣ или другія впечатлѣнія, напримѣръ, кожныя, слуховыя, уничтожить цѣлые ряды представлений; наконецъ, даже—хотя, конечно, на время—задержать или вызвать чисто-животныя функціи, но положительно невозможно при малѣйшемъ, слабѣйшемъ проявленіи психической жизни подавить мышечныя ощущенія. Есть лица, произвольно прекращающія, т. е. задерживающія, сердцебіеніе и дыханіе, напримѣръ, извѣстный генераль Ермоловъ, но ни въ нормальномъ, ни въ гипнотическомъ состояніи нельзя хотя бы на короткое время подавить, уничтожить двигательныя ощущенія*).

Хотя наблюденія надъ тяжело-больными и не имѣютъ большой убѣдительности, но такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, мои наблюденія въ этомъ отношеніи совершенно новы, упомяну о нихъ. Я замѣтилъ, что послѣ удара больные, повидимому въ безсознательномъ состояніи, очень часто еще имѣютъ двигательныя ощущенія; эти ощущенія исчезаютъ послѣ всѣхъ другихъ при глубокомъ коматозномъ состояніи. Если колоть, напримѣръ, при подкожномъ впрыскиваніи лѣкарствъ, раздражать кожу у такого больного, онъ ничѣмъ не реагируетъ на раздраженія и, вообще, сколько мы можемъ судить, никакія раздраженія на сознание его не воздѣйствуютъ; но если мы положимъ его въ непривычномъ для него положеніи, онъ

*) Наиболѣе обстоятельное описаніе опыта съ остановкой сердцебіенія дано Тархановымъ. Сборникъ въ честь Глѣбова. 1881.

обнаруживаетъ безпокойство и, по мѣрѣ своихъ силъ, старается принять привычное ему положеніе. Я помню больного въ коматозномъ состояніи, котораго я, въ виду крайняго малокровія мозга, старался уложить такъ, чтобы подъ головой была одна подушка; больной не реагировалъ ни на какія раздраженія, но когда у него вынули двѣ изъ трехъ подушекъ, на которыхъ онъ привыкъ спать, онъ сталъ такъ безпокоиться, что пришлось уложить его голову на трехъ подушкахъ; на другой день при моихъ посѣщеніяхъ утромъ и вечеромъ мои попытки были безуспѣшны; то же утромъ на третій день; наконецъ, вечеромъ, когда больной былъ уложенъ на одну подушку, онъ ничѣмъ не обнаружилъ неудовольствія; въ общемъ состояніе его за эти двое сутокъ не измѣнилось, и черезъ восемь часовъ послѣ моего послѣдняго посѣщенія больной умеръ. Очевидно, что только за нѣсколько часовъ передъ смертью мышечныя ощущенія исчезли окончательно; до того времени,—хотя, сколько можно судить, уже никакія раздраженія съ органовъ чувствъ не воздѣйствовали на мозговую кору,—мышечныя ощущенія, вызванныя непривычнымъ положеніемъ головы, а, слѣдовательно, шеи и верхней части туловища, все-таки, хотя и смутно, достигали коры головного мозга и обусловливали оборонительныя движенія. Такихъ наблюденій я могъ бы привести много, и я увѣренъ, что всякій врачъ, желающій ихъ провѣрить, получить тѣ же результаты, то-есть убѣдится, что мышечныя ощущенія существуютъ тогда, когда всѣ остальные уже исчезли. Я также могъ убѣдиться, что при улучшеніи состоянія такихъ больныхъ, то-есть когда вполнѣ безсознательное состояніе переходитъ мало-по-малу въ сознательное, прежде всего появляются мышечныя ощущенія,—больной начинаетъ приводить свое тѣло въ наиболѣе привычное и удобное ему положеніе.

Такъ какъ эти наблюденія подтверждаютъ современное ученіе о значеніи мышечныхъ ощущеній, стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ опытами надъ гипнотизированными, то, несмотря на малую ихъ доказательность, все-таки заслуживаютъ вниманія, почему я и почелъ необходимымъ ихъ упомянуть.

Такимъ образомъ, можно считать доказаннымъ, что мышечныя, или двигательныя, ощущенія суть *постоянное* явленіе въ нашемъ сознаніи. Я не буду останавливаться на различіи между мышечными и двигательными ощущеніями; обычно они употребляются

какъ синонимы, хотя, конечно, мышечныя ощущенія составляютъ лишь часть двигательныхъ; также не буду говорить объ ощущеніяхъ равновѣсія, столь прекрасно изученныхъ В. М. Бехтеревымъ *) и обратившихъ на себя настолько вниманіе психологовъ, что, напримѣръ, Кюльпе **) выдѣляетъ ихъ въ особую группу.

Двигательныя ощущенія не только постоянно занимаютъ наше сознаніе, но они и непремѣнны въ томъ смыслѣ, что ни одно впечатлѣніе, ни одно представленіе, ни одна идея не могутъ быть безъ двигательныхъ ощущеній. Конечно, нельзя представлять себѣ дѣло такъ, что мышечное ощущеніе есть признакъ, свойство всякаго ощущенія или представленія; Вундтъ вполне правъ, утверждая, что воззрѣніе пространства не есть свойство ощущеній въ томъ смыслѣ, какъ качество или количество ***). Ощущенія, какъ фиктивные, самостоятельно не существующія въ дѣйствительности состоянія сознанія, дѣйствительно не содержатъ въ себѣ мышечнаго ощущенія, но впечатлѣнія и представленія, какъ простѣйшіе дѣйствительные элементы сознанія, всегда *непремѣнно* содержатъ въ себѣ двигательныя ощущенія; двигательныя представленія и впечатлѣнія могутъ быть чистыми, т.-е. не содержатъ въ себѣ какихъ-либо другихъ ощущеній, но никакія впечатлѣнія и представленія не могутъ быть безъ участія двигательныхъ ощущеній, которыя такимъ образомъ составляютъ непремѣнное и обязательное условіе для возникновенія и существованія всѣхъ элементовъ психической жизни. Если нѣтъ двигательныхъ ощущеній, — никакихъ впечатлѣній, представленій и идей быть не можетъ; мы даже не можемъ представить себѣ какого-либо психическаго образа безъ двигательныхъ ощущеній: они никогда не покидаютъ сознанія, пока оно не угасаетъ, они составляютъ непремѣнную составную часть сознанія, покидаютъ его послѣдними и, повидимому, появляются первыми при возвращеніи сознанія. Въ этомъ состоитъ существенное отличіе остальныхъ впечатлѣній и представленій отъ двигательныхъ, которыя одни имѣютъ свойство быть постоянными и непремѣнными.

Двигательныя ощущенія постоянно наполняютъ нашу душу, двигательныя импульсы постоянно достигаютъ мозговой коры.

*) Теорія образованія нашихъ представленій о пространствѣ. 1884.

**) Külpe: Grundriss der Psychologie. 1893, S. 154—158.

***) Op. cit., S. 282.

Это постоянство и непремѣнность двигательныхъ ощущеній вполнѣ соотвѣтствуютъ постоянству, непремѣнности воззрѣнія пространства. Въ виду общеизвѣстности современнаго ученія о двигательныхъ ощущеніяхъ, я могу ограничиться лишь объясненіемъ вышеуказаннаго свойства двигательныхъ ощущеній.

Столь же постоянно функционируютъ центральные органы равновѣсія; мы не можемъ себѣ представить, чтобы хотя на моментъ эти органы прервали свою дѣятельность, безъ того, чтобы сознание не узнало объ этомъ. Органы равновѣсія функционируютъ всегда; ихъ дѣятельность безусловно необходима для сознательной жизни; малѣйшее нарушеніе вызываетъ такія тягостныя явленія, что мышленіе становится фактически невозможнымъ; въ этомъ могъ убѣдиться каждый, кто испыталъ головокруженія, морскую болѣзнь и т. п. Какъ мы не можемъ представить себя иначе, какъ въ пространствѣ, такъ не можемъ представить себѣ прекращенія функціи органовъ равновѣсія. Основное свойство функціи этихъ органовъ есть именно непрерывность, постоянство; мы не знаемъ, на какомъ мѣсяцѣ нашей жизни начинаютъ функционировать эти органы, когда у насъ являются ощущенія равновѣсія, но несомнѣнно, что эта функція прерывается только при полной потерѣ сознанія. Во снѣ, какъ я въ томъ убѣдился по собственному опыту, органы равновѣсія продолжаютъ работать: я отлично переношу морскую качку, по крайней мѣрѣ не особенно сильную; качка не мѣшаетъ мнѣ заниматься; можетъ быть именно работа и предохраняетъ меня во время качки отъ морской болѣзни, но спать во время качки я хорошо не могу; крайне тягостныя сновидѣнія, общее подавленное состояніе, частыя пробужденія заставляли меня половину ночи проводить безъ сна. Эти явленія, которыя наблюдали на себѣ и другіе во время качки, можно объяснить тѣмъ, что днемъ, обладая всѣми своими душевными силами, я могъ подавить воздѣйствія на организмъ и на мою душу нарушенія въ отправленіяхъ органовъ равновѣсія, но во снѣ, когда психическая жизнь значительно ослаблена, раздраженія, воздѣйствовавшія на органы равновѣсія, отражались на всемъ моемъ состояніи.

Нарушеніе дѣятельности органовъ равновѣсія ставитъ насъ въ фактическую невозможность жить психическою жизнью; до сихъ поръ мы не знаемъ ни одного случая, чтобы у больного при прекращеніи дѣятельности органовъ равновѣсія сохранилась пси-

хическая жизнь. Точно также неизвѣстно ни одного случая полного отсутствія всѣхъ двигательныхъ ощущеній; строго говоря, такіе случаи такъ же невозможны, какъ продолженіе жизни при продолжительномъ прекращеніи сердцебіенія, между тѣмъ, какъ извѣстно, всѣ остальные ощущенія вовсе не необходимы для продолженія нашего существованія. Двигательныя ощущенія и ощущенія равновѣсія, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ ощущеній, постоянны, непремѣнны и не могутъ отсутствовать, не могутъ быть изъяты,—точно какъ же постоянно, непремѣнно не можетъ отсутствовать, не можетъ быть отнято, отвлечено воззрѣніе пространства.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что главное свойство, главный атрибутъ воззрѣнія пространства вполне объясняется главнымъ свойствомъ двигательныхъ ощущеній и ощущеній равновѣсія, изъ которыхъ образуется воззрѣніе пространства. Воззрѣніе пространства останется въ мозговой корѣ, если мы снимемъ съ нея всѣ представленія, потому что, еслибы мы могли лишить мозговую кору всѣхъ представленій, выработанныхъ изъ ощущеній, полученныхъ съ органовъ чувствъ, въ мозговой корѣ останутся двигательныя ощущенія и ощущенія равновѣсія и потому воззрѣніе пространства. Въ каждый данный моментъ въ мозговой корѣ должны быть двигательныя ощущенія и ощущенія равновѣсія, потому что наши органы движенія и органы равновѣсія всегда функционируютъ. Признавъ справедливымъ современное ученіе объ образованіи воззрѣнія пространства и дополняя его вышеизложеннымъ объясненіемъ фізіологической причины главныхъ свойствъ этого воззрѣнія, мы можемъ считать ученіе объ образованіи пространства, по крайней мѣрѣ, его фізіологической стороны, вполне обоснованнымъ и полнымъ.

II.

Общепринятое ученіе объ образованіи воззрѣнія времени уже давно представлялось мнѣ не совсѣмъ вѣрнымъ, а именно я имѣлъ основанія сомнѣваться, что время, какъ говоритъ Вундтъ, есть форма, въ которой намъ дана связь сознательныхъ процессовъ. Какъ сторонникъ Канта, я полагаю, что воззрѣніе времени, такъ же какъ и воззрѣніе пространства, предшествуетъ всѣмъ представленіямъ, составляетъ необходимое условіе для ихъ возникно-

венія и такимъ образомъ никакъ не можетъ быть результатомъ, послѣдствіемъ впечатлѣній и представлений, не можетъ быть послѣ нихъ, какъ бы сужденіемъ о нихъ; въ такомъ случаѣ воззрѣніе времени не имѣло бы апіорнаго характера. Воззрѣніе времени предшествуетъ сознательнымъ процессамъ, составляетъ для нихъ непремѣнное условіе; безъ него не могутъ возникнуть и протекать сознательные процессы; оно должно быть и тогда, когда нѣтъ сознательныхъ процессовъ — нѣтъ впечатлѣній, представлений и идей,—а между тѣмъсовременная наука принимаетъ воззрѣніе времени какъ послѣдствіе, какъ выводъ изъ представлений.

Во всей современной наукѣ я не могъ найти подтвержденія ученія Канта до опубликованія опытовъ надъ гипнотизированными, опытовъ, которые показали, что гипнотизированные исполняли данныя имъ въ гипнотическомъ состояніи приказанія нѣсколько дней спустя, причемъ въ нормальномъ состояніи совершенно не помнили внушенныхъ имъ приказаній. Такъ какъ истерички очень склонны обманывать экспериментаторовъ, то вполне довѣрять этимъ опытамъ нельзя. Гораздо убѣдительнѣе опыты Дельбѣфа, сообщенные на второмъ конгрессѣ экспериментальной психологіи въ Лондонѣ *), потому что онъ экспериментировалъ надъ необразованными, не умѣющими хорошо считать женщинами; тѣмъ не менѣе, черезъ назначенный промежутокъ, напримѣръ, 3.300 минутъ, онѣ исполняли данное приказаніе, о которомъ не помнили въ нормальномъ состояніи. Съ того времени, сколько мнѣ извѣстно, не было опубликовано опытовъ, опровергающихъ результаты Дельбѣфа, высокая авторитетность котораго не подлежитъ сомнѣнію. Такъ какъ опыты надъ загипнотизированными, несмотря на всю поразительность результатовъ Дельбѣфа, не достаточны для рѣшенія столь важнаго вопроса, то я рѣшилъ предпринять надъ собою опыты для провѣрки результатовъ этого ученаго.

Съ осени 1892-го по ноябрь 1895-го года я сто разъ, ложившись спать, назначалъ себѣ проснуться въ опредѣленное время съ точностью въ четверть часа, напримѣръ, въ $3,5\frac{3}{4}$, $6\frac{1}{2}$ и т. п. Чтобы обставить эти опыты по возможности полнѣе, я ихъ дѣлалъ въ различное время, при различныхъ настроеніяхъ, при

*) „Вопросы Философіи“. Кн. 15, стр. 37.

различной степени утомленія, въ различныхъ состояніяхъ здоровья. Предварительно я убѣдился, что въ состояніи бодрствованія я могу опредѣлять время съ точностью не болѣе 15 минутъ, т.-е. въ данное время могу опредѣлить, что теперь около половины девятого — ошибка оказалась шестнадцать минутъ. За это время два раза я въ состояніи бодрствованія забылъ сдѣлать назначенное мною въ опредѣленное время дѣло, а именно по средамъ въ три часа дня во время каникулъ зайти въ клинику—въ теченіе семестра по средамъ я хожу туда въ половинѣ пятого. Между тѣмъ я ни разу не забылъ проснуться въ назначенное время; нужно прибавить, что опытовъ было сдѣлано сто тридцать четыре, а не сто, но тридцать четыре раза я или имѣлъ сновидѣнія, или, какъ это часто случалось въ началѣ, волновался и нѣсколько разъ просыпался до назначеннаго времени, при чемъ, однако, всегда твердо зналъ, что назначенное время не настало; хотя и въ этихъ тридцати четырехъ опытахъ ошибка была около четверти часа, я ими не пользуюсь въ виду указанныхъ причинъ.

Сто чистыхъ опыта дали въ среднемъ ошибку тринадцать минутъ; я всегда просыпался раньше назначеннаго времени, что вполне совпадаетъ съ результатами моихъ опытовъ съ маятникомъ *); таковъ мой характеръ, какъ это проявилось въ этихъ двухъ столь разнородныхъ опытахъ. Наибольшая ошибка была 32 минуты, наименьшая четыре минуты, ни разу я не проснулся позже назначеннаго времени; съ теченіемъ времени, т.-е. съ навыкомъ, ошибки дѣлались значительно меньше. Въ теченіе этихъ ста ночей я пятьдесятъ два раза проснулся гораздо ранѣе назначеннаго времени, независимо отъ сдѣланнаго мною себѣ приказанія — чаще всего для исполненія нужды; всякій разъ я вполне точно сознавалъ, что пробужденіе обусловлено не приказаніемъ, а другимъ обстоятельствомъ (естественною потребностью, бессонницей и т. п.), всегда смотрѣлъ на часы, чтобъ окончательно удостовѣриться, что еще времени для пробужденія въ назначенный моментъ не наступило, и всегда оказывалось, что я не ошибся. И при этихъ пробужденіяхъ я довольно точно могъ опредѣлить время, но замѣчательно, что ошибки были въ

*) Ueber die Zeitverhältnisse der Apperception einfacher und zusammengesetzter Vorstellungen untersucht mit Hilfe Complicationsmethode (Philosophische Studien, Bd. 11).

обѣ стороны, а именно 29 разъ я опредѣлилъ время въ общемъ на 21 минуту ранѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности, и 23 позднѣе, въ общемъ съ ошибкой въ 9 минутъ. Послѣ такого пробужденія я засыпалъ до назначеннаго момента; ночи съ пробужденіемъ нѣсколько разъ до назначеннаго момента вошли въ число 34, которыхъ я не описываю. Для полноты нужно прибавить, что я вообще сплю довольно крѣпко, пользовался удовлетворительнымъ здоровьемъ и эти опыты нисколько меня не утомляли—на другой день я ничего особеннаго не чувствовалъ; сплю около 8 часовъ.

Я не считаю полученныхъ мною результатовъ удивительными, странными и т. п., такъ какъ давно замѣтилъ, что за исключеніемъ крайняго утомленія, опьяненія и т. п., интеллигентные люди вообще спятъ не настолько глубоко, чтобы вполнѣ прекращалась душевная жизнь. Укажу на общеизвѣстный фактъ: женщина, ставъ матерью, спитъ такъ чутко, что слышитъ самый слабый крикъ ребенка. Говорятъ, что много работающіе, неинтеллигентные люди спятъ такъ крѣпко, что у нихъ во снѣ утрачивается всякая психическая жизнь, но это еще не доказано, и во всякомъ случаѣ указываетъ или на ихъ беспечность, или на истощеніе организма отъ непосильной работы *).

Какъ бы то ни было, мои опыты вполнѣ подтверждаютъ результаты, полученные Дельбѣфомъ. Они съ несомнѣнностью устанавливаютъ, что во снѣ, вполнѣ нормальномъ, *безъ сновидѣній*, лицо, привыкшее довольно точно опредѣлять время и желающее быть точнымъ, можетъ измѣрять время не менѣе, а даже и нѣсколько болѣе точно, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи. Можетъ быть, при большемъ навыкѣ можно еще болѣе точно, чѣмъ удавалось мнѣ, опредѣлять время; для меня же результаты оказались вполнѣ

*) Я имѣю два точныхъ наблюденія, доказывающія, что и неинтеллигентные люди могутъ жить во снѣ психическою жизнью. Въ домѣ моихъ знакомыхъ была служанка, спавшая такъ крѣпко, что разбудить ее было крайне трудно; когда она вышла замужъ и родила ребенка, то несмотря на то, что ей пришлось работать гораздо больше, чѣмъ когда она жила на мѣстѣ, она просыпалась при малѣйшемъ пискѣ ребенка. Въ другомъ знакомомъ домѣ тупая, вялая дѣвушка крѣпко спала, пока ей былъ порученъ здоровый пятилѣтній ребенокъ; когда же ей поручили двухлѣтняго болѣзненнаго ребенка, она прекрасно ухаживала за нимъ по ночамъ и ни разу не заспалась: она была предана господамъ и искренно желала помочь имъ выходить больного ребенка.

согласными съ моимъ характеромъ и что особеннo важно — ни разу во снѣ я не забылъ даннаго себѣ приказанія.

Сонъ еще изученъ такъ мало, что результаты моихъ опытовъ не могутъ быть вполне объяснены, да здѣсь я и не намѣренъ пользоваться моими результатами для разъясненія природы сна; эти результаты доказываютъ лишь то, что даже точное опредѣленіе времени возможно при отсутствіи сознательной жизни. Я настолько привыкъ къ самонаблюденію, занимаясь болѣе двѣнадцати лѣтъ психологіей, что могу вполне увѣренно утверждать, что въ теченіе этихъ ста ночей у меня не было сознательныхъ процессовъ, не было сознанныхъ и хотя бы смутно запомнившихся впечатлѣній и представленій. Если же у меня за эти ночи и были какія-либо проявленія психической жизни, то моя память о нихъ мнѣ ничего не сохранила, слѣдовательно, — для меня они не существовали. Отсутствіе сознательныхъ процессовъ мнѣ, также какъ и объектамъ опытовъ Дельбёфа, нисколько не помѣшало точно измѣрять время.

Прежде чѣмъ перейти къ объясненію результатовъ, Дельбёфа и моихъ, опишу рядъ другихъ наблюдений, сдѣланныхъ мною для разъясненія того же вопроса.

Когда въ 1884 году, въ лабораторіи Вундта, я участвовалъ въ опытахъ Мейнерта объ ощущеніи времени, я замѣтилъ, что, если мнѣ удавалось подавить звуковыя впечатлѣнія, не имѣть представленій, — я опредѣлялъ время гораздо точнѣе, чѣмъ когда слышалъ шумъ или въ моемъ сознаніи возникали представленія*). Въ 1892-мъ году, заинтересовавшись опытами Дельбёфа, я попробовалъ повторить опыты для опредѣленія ощущенія пустого времени, отмѣчая звукомъ начало и конецъ періода (я пользовался камертономъ, время колебанія котораго мѣнялось). Опыты эти я произвелъ на себѣ и на интеллигентной дѣвушкѣ 47 лѣтъ. Я однако не могъ сдѣлать чистыхъ опытовъ, потому что никому изъ насъ не удавалось каждый разъ произвольно подавлять представленія между двумя ударами камертона, и потому я называю свои попытки наблюдениями. Иногда, и то случайно, удавалось не имѣть представленій въ теченіе 0,5, 0,7, 1,0, 1,2, 1,5 секунды, иногда при всемъ напряженіи это не удавалось; слѣдовательно, это были не опыты — условія не были устанавливаемы по желанію, а про-

*) M. Mehnert: Zur Lehre vom Zeitsinn. Philos. Stud. Bd. 2, 3.

сто *случайныя* наблюденія, доказательность которыхъ не можетъ равняться таковой настоящихъ опытовъ. Поэтому я не буду приводить отдѣльныхъ таблицъ, а ограничусь лишь сообщеніемъ общаго вывода: когда между звуками сознаніе было пусто, время опредѣлялось точнѣе, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда между двумя ударами возникало, противъ воли, какое-либо представленіе. Было сдѣлано 823 наблюденія; изъ нихъ лишь 221 удачныхъ, т.-е. между двумя звуками не возникло представлений.

Итакъ, еще одно подтвержденіе результатовъ Дельбѣфа; какъ я уже сказалъ, я не придаю большаго значенія этимъ моимъ наблюденіямъ, но такъ какъ они лишь подтверждаютъ уже установленные болѣе доказательными опытами факты, то и они могутъ имѣть нѣкоторое значеніе. Всѣ эти опыты и наблюденія доказываютъ, что сознательные процессы—не необходимы для опредѣленія времени; напротивъ, время опредѣляется точнѣе при отсутствіи сознательныхъ процессовъ; эти послѣдніе только затрудняютъ точное опредѣленіе или измѣреніе времени и безспорно не облегчаютъ намъ точно измѣрять время. Ежедневное самонаблюденіе учитъ насъ, что мы опредѣляемъ величину времени вообще крайне неправильно въ зависимости отъ тѣхъ процессовъ, которые наполняютъ наше сознаніе.

Чтобы нѣсколько точнѣе формулировать этотъ фактъ, я за послѣдніе три года произвелъ надъ собою болѣе пяти тысячъ наблюденій, слѣдующимъ образомъ: посмотрѣвъ на часы, я закрывалъ глаза и останавливалъ секундную стрѣлку, когда, по моему мнѣнію, истекло назначенное для опредѣленія время—10, 20, 30, 40, 50, 60, 120 секундъ. Главная цѣль этихъ наблюденій состояла въ томъ, чтобы опредѣлить, отчего зависитъ величина ошибки, чѣмъ она обусловлена. Этихъ наблюденій я тоже не называю опытами, потому что не могъ измѣнить произвольно условій изслѣдованія. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, я останавливалъ секундомѣръ ранѣе, чѣмъ истекло назначенное заранѣе количество секундъ, т.-е., напримѣръ, когда было назначено 20 секундъ, мнѣ казалось, что 20 секундъ прошли тогда, когда протекло всего 18, и т. п.; только 684 раза я остановилъ часы позже. Послѣ продолжительнаго навыка (числа наблюденій во время пріученія себя къ этимъ наблюденіямъ я тутъ не привожу) я достигъ того, что при промежуткахъ не болѣе 40 секундъ, ошибка была до 10%, при большихъ проме-

жуткахъ не болѣе 15⁰/₁₀. Удачными я считаю тѣ наблюденія, при которыхъ въ сознаниі не возникали представленія, не было впечатлѣній; само собою разумѣется, что точно опредѣлить, не было ли чего-либо въ сознаниі, очень трудно; иногда возникали какія-то смутныя представленія, неясныя чувствованія удовольствія или неудовольствія. Наблюденій, при которыхъ сознание оставалось какъ бы пустымъ, я насчиталъ 821. Въ остальныхъ наблюденіяхъ ошибка была гораздо значительнѣе, и даже были случаи, въ которыхъ время опредѣлялось въ два раза менѣе, чѣмъ это было въ дѣйствительности: такъ, напримѣръ, я полагалъ, что прошло уже 30 секундъ, въ дѣйствительности прошло всего 16. При этомъ я могъ вполне точно опредѣлить причины, вліяющія на величину ошибки. Чѣмъ представленія, возникавшія въ сознаниі въ измѣряемый промежутокъ, были многочисленнѣе, чѣмъ они были яснѣе, живѣе, такъ сказать, интереснѣе для меня, тѣмъ ошибка была больше; напротивъ, если въ сознаниі мелькали отрывочныя представленія, вяло смѣнявшія другъ друга, ошибка была меньше.

Въ тѣхъ наблюденіяхъ, въ которыхъ я активно управлялъ ходомъ моихъ мыслей, величина ошибки была крайне непостоянна; среднія уклоненія при этомъ были очень велики,—то я почти вѣрно отгадывалъ продолжительность промежутка, то, напротивъ, ошибался почти вдвое; большинство наблюденій, въ которыхъ промежутки опредѣлялись продолжительнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, именно падаютъ на наблюденія, при которыхъ я активно направлялъ ходъ мыслей; я или резюмировалъ только что прочитанное, или анализировалъ состояніе больныхъ, видѣнныхъ мною въ тотъ день. Я скоро замѣтилъ, что я въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ легко давался выводъ, опредѣлялъ моментъ истеченія промежутка очень рано; напротивъ, если приходилось долго обсуждать вопросъ, представленія вяло возникали въ сознаниі, промежутокъ казался продолжительнымъ, и я останавливалъ секундомѣръ близко къ дѣйствительному моменту или даже запаздывалъ. Наблюденія, при которыхъ я произвольно направлялъ ходъ мыслей, привели меня къ заключенію, что собственно при такихъ условіяхъ опредѣлять время невозможно, по крайней мѣрѣ, для меня, хотя я всегда при самомъ активномъ размышленіи ясно сознавалъ, что долженъ опредѣлить данное количество секундъ.

Можетъ быть, другіе наблюдатели, болѣе внимательные или болѣе спокойные, чѣмъ я, придутъ къ другимъ заключеніямъ, но я въ лабораторіи Вундта считался очень хорошимъ объектомъ для опытовъ. Когда я обдумывалъ, то я опредѣлялъ время по той быстротѣ, съ которой я обсуждалъ заданный вопросъ, по тому количеству представлений, которыя я вызывалъ въ моемъ сознаниі, слѣдовательно опредѣлялъ время посредственно, косвенно, на основаніи усвоеннаго въ жизни вывода: чѣмъ больше у меня было представлений, чѣмъ больше я обдумалъ, чѣмъ больше напряженія я сдѣлалъ, тѣмъ больше протекло времени. Собственно, времени я опредѣлить не могъ: я *заключалъ* по ходу моихъ мыслей, сколько времени *должно* протечь, пока я обдумалъ данный вопросъ; разъ онъ мнѣ казался труднымъ, обсужденіе его тяжелымъ, но правильнымъ, я считалъ, что времени прошло много; если вопросъ казался легкимъ, обсужденіе его было легко, мнѣ казалось, что времени прошло мало; если мнѣ не удавалось прійти къ заключенію, мысли путались, и обсужденіе медленно двигалось впередъ, протекшія 60 секундъ мнѣ казались 80-тью. Вообще, при произвольномъ размысленіи точно опредѣлять время нельзя, даже столь короткіе промежутки, какіе я избралъ для своихъ наблюденій.

Еслибы я могъ произвольно вызывать тѣ или другія чувствованія, то, конечно, какъ мы это знаемъ изъ ежедневнаго опыта, ошибки были бы еще больше; я это заключаю изъ того, что въ тѣ часы, когда я былъ чѣмъ-нибудь огорченъ или вообще чувствовалъ себя нехорошо, былъ утомленъ, промежутки представлялись мнѣ всегда длиннѣе, чѣмъ въ тѣ часы, когда пользовался хорошимъ настроеніемъ духа; въ хорошемъ настроеніи мнѣ всегда казалось время гораздо короче, чѣмъ было въ дѣйствительности. Настроеніе оказывало такое вліяніе на опредѣленіе времени какъ при наблюденіяхъ съ пустымъ сознаниемъ, такъ и съ теченіемъ представлений, не управляемыхъ мною.

Эти наблюденія вполнѣ согласуются съ нашими ежедневными наблюденіями надъ собой. Само собою разумѣется, что и этимъ наблюденіямъ, несмотря на ихъ совпаденіе съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ на себѣ ежедневно при опредѣленіи времени, я не придаю рѣшающаго значенія; я счелъ о нихъ нужнымъ сказать потому, что они нуждаются въ провѣркѣ другими наблюдателями. Они мнѣ еще разъ указали, что точность опредѣленія вре-

мени обратно пропорціональна интенсивности сознательной жизни, что сознательные процессы, особенно болѣе сложные, затрудняютъ опредѣленіе времени, что чѣмъ точнѣе опредѣленіе времени, тѣмъ менѣе сознательна жизнь, тѣмъ менѣе сознательные процессы занимаютъ нашу душу. Мои наблюденія привели меня къ заключенію, что ясно сознанными произвольными представленіями нельзя непосредственно опредѣлить время, что когда мы ими опредѣляемъ время, то *въ сущности* мы опредѣляемъ не ими непосредственно, а путемъ слѣдующаго заключенія: я прожилъ, т.-е. продумалъ много, слѣдовательно прошло много времени; я продумалъ мало,—значитъ прошло мало времени. Такъ какъ судить самому о своихъ мысляхъ, даже при самомъ напряженномъ вниманіи и при большомъ навыкѣ къ этимъ наблюденіямъ, очень трудно, то опредѣленія времени оказываются очень ошибочны. Я положительно при такихъ наблюденіяхъ сознавалъ, что я не опредѣляю, а угадываю величину времени, — непосредственного возрѣнія у меня, какъ то мнѣ казалось, не было. Совсѣмъ иначе я опредѣлялъ время, когда мнѣ удавалось ничего не думать, просто ждать конца промежутка: при этихъ наблюденіяхъ я ясно сознавалъ, что протекла данная величина времени; и въ этихъ случаяхъ, насколько я могъ подмѣтить, настроеніе, общее физическое состояніе имѣло вліяніе на величину ошибки; вслѣдствіе вышеописаннаго свойства моего характера наиболѣе точныя опредѣленія бывали въ тѣ часы, когда я чувствовалъ себя нехорошо, настроеніе было дурное. Совершенно подавить настроеніе, физическое самочувствіе я не могъ, чѣмъ и объясняю, что не достигъ умѣнья совершенно точно опредѣлять время. Самое ясное, несомнѣнное возрѣніе времени у меня было только тогда, когда ни представленія, ни ясно выраженное настроеніе не отвлекали моего я отъ воспріятія времени.

Какъ объяснить мои опыты и наблюденія? Еще разъ повторяю, что доказательными я считаю только опыты съ пробужденіями въ назначенное время; наблюденія же могутъ имѣть значеніе, лишь какъ подтвержденіе уже установленнаго объясненія. Очевидно, что я пробуждался почти въ назначенное время, потому что въ моей мозговой корѣ происходили измѣненія, отмѣчавшія, такъ сказать, протекшее время. Никакихъ раздраженій, за исключеніемъ кожныхъ, мышечныхъ и съ внутреннихъ органовъ, быть не могло; часы, по которымъ я опредѣлялъ время, лежали

въ ящикѣ ночного стола на толстомъ кускѣ ваты, такъ что положительно я не могъ слышать ихъ тиканіе; сновидѣній тоже не было въ теченіе этихъ ста ночей, — тѣмъ не менѣе время опредѣлялось не менѣе точно, чѣмъ днемъ, когда я очень часто смотрю на часы. О томъ, почему во снѣ я не забывалъ даннаго себѣ приказанія, я здѣсь говорить не буду. Гораздо важнѣе выяснитъ, что же собственно опредѣляло время — какія раздраженія, какія измѣненія въ организмѣ могли такъ воздѣйствовать на мозговую кожу, что она очень точно регистрировала время.

Прежде всего, конечно, нужно напомнить извѣстный фактъ, что кровообращеніе и дыханіе во снѣ совершаются однообразнѣе, потому что менѣе чѣмъ днемъ измѣняется воздѣйствіемъ душевной жизни; я провѣрялъ этотъ фактъ на дѣтяхъ и убѣдился, что число ударовъ сердца и дыханій во время сна у нихъ почти постоянное, между тѣмъ днемъ число ударовъ сердца и дыханій у нихъ вообще легко измѣняется отъ многихъ причинъ: душевное волненіе, усиленныя движенія, ѣда — суть главныя между ними. Едва ли можно отрицать, что дыханіе и кровообращеніе оставляютъ слѣды на мозговой корѣ, а слѣдовательно и въ душевной жизни. Напомню, что вполне доказаны въ мозговой корѣ центры дыханія и кровообращенія, и потому, конечно, эти процессы оставляютъ слѣды въ мозговой корѣ. Мы вообще не сознаемъ въ нормальномъ состояніи сердцебиенія и дыханія, но это вѣдь вовсе не доказываетъ, что эти процессы проходятъ безслѣдно для психической жизни; трудно даже себѣ представить, чтобы ихъ присутствіе или отсутствіе, — конечно, я не говорю о послѣдствіяхъ въ организмѣ, — были безразличны для психической жизни. Наконецъ, по крайней мѣрѣ, дыханіе очень не рѣдко нами сознается, а при нѣкоторомъ навыкѣ, какъ въ томъ я убѣдился самонаблюденіемъ, легко ощущать удары сердца, даже вполне здороваго.

Какъ извѣстно, болевья раздраженія, столь слабыя, что каждое изъ нихъ само по себѣ не возбуждаетъ боли, причиняютъ значительную боль, когда число ихъ доходитъ до извѣстнаго предѣла; очевидно, что раздраженія, предшествовавшія тому раздраженію, которое вызвало боль, какъ-то вліяли на нашу душу. То же самое слѣдуетъ предполагать относительно сердцебиенія и дыханія; во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія фізіологической психологій, нельзя допустить, чтобы столь важные процессы, оставляющіе

слѣды во всемъ организмѣ и въ мозговой корѣ, не воздѣйствовали на нашу душу. Такъ какъ во снѣ эти процессы совершаются правильноѣ, *регулярнѣ*, то понятно, что во снѣ опредѣленіе времени можетъ быть даже точнѣ, чѣмъ въ состояніи бодрствованія.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно вообще физиологическихъ процессовъ, безспорно совершающихся во время сна. Пищевареніе, выработка мочи, анаболическіе и катаболическіе процессы *) во снѣ совершаются не менѣе правильно, чѣмъ въ состояніи бодрствованія и, конечно, также не остаются безслѣдными для психической жизни. Едва ли можно оспаривать, что измѣненія организма оставляютъ слѣдъ, вліяютъ на психическую жизнь.

Извѣстенъ старый парадоксъ, что человекъ думаетъ иначе лежа, чѣмъ сидя; нельзя отрицать, что онъ содержитъ истину; по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, есть лица, которыя могутъ наилучшимъ для нихъ образомъ думать только при извѣстномъ положеніи тѣла, въ опредѣленные часы дня, въ зависимости отъ времени принятія пищи; напримѣръ, Ницше всегда обдумывалъ свои сочиненія гуляя, Дюма-отецъ—сидя и т. д. При современномъ состояніи физиологии мы не можемъ вполнѣ объяснить этихъ фактовъ, но они указываютъ, что физиологическіе процессы несомнѣнно воздѣйствуютъ на нашъ мозгъ и на нашу душу такимъ очевиднымъ образомъ, что мы даже не можемъ подавить, уничтожить этого воздѣйствія.

Напомню, что измѣненіе погоды вообще несомнѣнно дѣйствуетъ на нашу душевную жизнь даже раньше, чѣмъ мы органами чувствъ замѣчаемъ эти измѣненія; слѣдовательно, они воздѣйствуютъ на нашъ организмъ и, уже обусловивъ пока неизвѣст-

*) Значеніе, и притомъ весьма крупное, анаболическихъ и катаболическихъ процессовъ уже оцѣнено въ наукѣ, наприм., Fouillée. *Temperament et Caractère* 1895. Колебанія апперцепціи, такъ прекрасно изученныя Ланге (*Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit. Philos. Stud. Bd. IV*), по всей вѣроятности, именно зависятъ отъ смѣны этихъ процессовъ въ нейронахъ головного мозга. Въ обыденной жизни, а не въ тѣхъ искусственно созданныхъ условіяхъ, въ которыхъ производились, по необходимости, опыты Ланге, колебанія ясности сознанія далеко не такъ правильны, и иногда удается подмѣтить ихъ связь съ состояніемъ организма—вдыханіе чистаго воздуха, переходъ изъ тѣни на солнце сопровождаются проясненіемъ сознанія, повышеніемъ воспримчивости.

ныя намъ измѣненія фізіологическихъ процессовъ, съ помощью послѣднихъ воздѣйствуютъ на нашу душу *).

Громадное вліяніе фізіологическихъ процессовъ на нашу душу доказывается вліяніемъ физическаго утомленія на психическіе процессы, что такъ хорошо изучено Моссо. Наконецъ, общеизвѣстно, что утромъ человѣкъ разсуждаетъ лучше, чѣмъ вечеромъ,—утро вечера мудренѣе; конечно, въ теченіе ночи человѣкъ не обогащается новыми свѣдѣніями, но тѣ измѣненія, которыя произошли за ночь въ организмъ и въ мозговой корѣ, такъ существенны, что почти всѣ утромъ разсуждаютъ лучше, чѣмъ вечеромъ; Лотце **), со свойственной ему геніальностью, вполне правильно объяснилъ это измѣненіями въ двигательной сферѣ.

Какъ сильно воздѣйствуютъ фізіологическіе процессы, особенно же дыханіе и сердцебіеніе, на мозговую кору, видно изъ того, что очень многіе положительно не могутъ спать на лѣвомъ боку и на спинѣ; по всей вѣроятности, стѣсненіе сердца мѣшаетъ спать на лѣвомъ боку; почему не всѣ могутъ спать лежа на спинѣ—я не вполне понимаю. Я могу спать сидя, но въ теченіе трехъ лѣтъ не могъ приучить себя спать на лѣвомъ боку или на спинѣ,—очевидно, эти положенія настолько неблагоприятны для фізіологическихъ процессовъ, что защищающій себя организмъ не дозволяетъ такого положенія. Опять-таки нельзя допустить, чтобы столь важные для всего спящаго организма процессы не оставляли никакихъ слѣдовъ въ психической жизни.

Такъ какъ вообще очень трудно разъединить кожныя ощущенія отъ мышечныхъ, то мы не можемъ со всею точностью опредѣлить вліяніе кожныхъ и мышечныхъ раздраженій на мозговую кору спящаго человѣка. Что кожныя ощущенія воспринимаются спящимъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но они, конечно, не вліяютъ на образованіе возрѣнія времени. Также несомнѣнно,

*) Д-ръ Нижегородцевъ доказалъ это съ несомнѣнностью относительно душевно-больныхъ (Труды V съѣзда русскихъ врачей. 1894). Я въ большинствѣ случаевъ наканунѣ уже предчувствую перемену погоды по измѣненію самочувствія, живости мышленія и фантази; конечно, погода не дѣйствуетъ непосредственно на мою душу, а вызываетъ незамѣчаемая мною измѣненія фізіологическихъ процессовъ.

***) Medicinische Psychologie. 518.

что двигательныя ощущенія воспринимаются спящимъ даже при глубокомъ снѣ. Это, конечно, прежде всего доказывается тѣмъ, что почти всѣ не могутъ спать хорошо иначе, чѣмъ лежа, и притомъ въ извѣстномъ положеніи; невозможность спать на спинѣ, скорчившись и т. п., конечно, больше всего зависитъ отъ обусловливаемыхъ этими положеніями мышечныхъ ощущеній. Нельзя однако думать, что при самомъ удобномъ, неизмѣняемомъ во всю ночь положеніи тѣла, спящій не воспринимаетъ двигательныхъ ощущеній. Лица, привыкшія спать на мягкой постели, съ трудомъ привыкаютъ къ жесткому ложу, и наоборотъ; привыкнувъ спать на перинѣ, плохо спится на самомъ лучшемъ французскомъ матрацѣ, и наоборотъ; наконецъ, просто на новомъ матрацѣ спится иначе, чѣмъ на старомъ, уже не говорю о подушкахъ, ихъ качествѣ и числѣ. Конечно, молодые, вполне здоровые люди, очень утомившись, спятъ прекрасно и на полу; но вѣдь это исключеніе, и вполне понятное, а не правило *).

Двигательныя ощущенія существуютъ и при покоѣ, котораго въ строеніи смысла слова не можетъ быть для нашего тѣла; мы даже представить себѣ не можемъ, какъ не можемъ представить себѣ отсутствіе пространства, такое положеніе тѣла, при которомъ не было бы двигательныхъ импульсовъ, необходимыхъ для сохраненія этого положенія, для огражденія тѣла отъ механическаго воздѣйствія окружающей среды. Въ отдѣльности всѣ эти двигательныя импульсы, можетъ быть, и не достигаютъ мозговой коры, но въ совокупности, конечно, оставляютъ въ ней весьма опредѣленные, точно измѣримыя измѣненія. Если въ теченіе часа двигательныя импульсы, необходимые для сохраненія тѣла въ принятомъ при засыпаніи положеніи, имѣли опредѣленную величину и произвели опредѣленной величины измѣненіе въ мозговой корѣ, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія, почему послѣ двухъ часовъ эти обѣ величины не будутъ въ два раза больше.

Что этимъ измѣненіямъ въ мозговой корѣ соотвѣтствуютъ измѣненія въ психической сферѣ, доказывается наблюденіями тѣхъ

*) Генераль Анучинъ, описывая, какъ онъ усталъ на Шипкѣ, упоминаетъ, что на другой день, проснувшись, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что его ноги лежать выше, чѣмъ голова. Очевидно, такое явленіе такъ исключительно, что почтенный авторъ нашелъ нужнымъ упомянуть о немъ („Русская Старина“ 1894).

милліоновъ, которые пробуждаются, не имѣя часовъ, именно тогда, когда слѣдуетъ приниматься за работу, и моими наблюденіями.

Какую громадную роль имѣютъ на спящаго двигательныя ощущенія, можно видѣть и изъ слѣдующихъ моихъ, правда, немногочисленныхъ, опытовъ. Когда мнѣ случалось въ вагонахъ спать сидя, я приказывалъ себѣ просыпаться черезъ 5—10 минутъ; такъ какъ за эти три года мнѣ всего нѣсколько разъ случалось спать въ вагонѣ сидя, то я всего могъ сдѣлать 23 отдѣльныхъ наблюденія; вообще, я очень точно измѣрялъ время, и ошибки были ничтожны. Можно объяснить эту точность въ опредѣленіи времени чуткостью сна, но вѣдь сонъ въ сидячемъ положеніи отличается отъ сна въ лежащемъ, главнымъ образомъ, мышечными ощущеніями, что еще разъ доказываетъ постоянное во снѣ воздѣйствіе на мозговую кору и на психическую жизнь двигательныхъ ощущеній. Даже крѣпко спящіе люди реагируютъ на измѣненіе въ положеніи своихъ членовъ; спящій или измѣняетъ неловко лежащій членъ, или наконецъ просыпается; многихъ крѣпко спящихъ нельзя разбудить уколами, щипаніемъ и т. п., но почти всегда можно разбудить, придавъ ихъ тѣлу неловкое, непривычное положеніе.

Я давно обратилъ вниманіе на то, что въ сновидѣніяхъ не бываетъ настоящихъ двигательныхъ воспріятій; напримѣръ, я ни разу не видѣлъ себя во снѣ ѣдущимъ верхомъ, танцующимъ; активныя сложныя движенія не играютъ роли въ сновидѣніяхъ; сновидѣніе кончается или измѣняется, когда наступаетъ моментъ для сложныхъ двигательныхъ представленій *). Самое большее, если я вижу во снѣ, что я хожу, беру что-либо и т. п.; при этомъ однако двигательныя представленія далеко не такъ живы, какъ другія представленія; я спрашивалъ своихъ знакомыхъ, и тѣ вполне подтвердили этотъ фактъ. По всей вѣроятности, онъ объясняется именно тѣмъ, что двигательныя ощущенія, хотя и очень смутно, воспринимаются спящимъ; дѣйствительныя ощущенія вытѣсняють иллюзорныя; другіе же органы чувствъ во снѣ бездѣйствуютъ.

Довольно обычное у молодыхъ людей сновидѣніе—паденіе съ горы, паденіе съ высотъ, по всей вѣроятности, обуславливается

*) То же самое утверждаетъ Lauptus. Le fonctionnement cérébral pendant le rêve. Annales medico-psychologiques. 1895.

измѣненіемъ кровообращенія и у меня, по крайней мѣрѣ, сопровождалось, сознаниемъ, что я вижу это во снѣ.

Мы вообще такъ мало знаемъ физиологію сна, что пока возможны только предположенія о тѣхъ или другихъ процессахъ во время сна, но, насколько мы можемъ судить, мы не можемъ отрицать существованія во снѣ двигательныхъ ощущеній, не можемъ допускать, что двигательныя ощущенія совершенно отсутствуютъ во время сна. Всѣ мои другія наблюденія вполне подтверждаютъ такое заключеніе и указываютъ, что время очень точно измѣряется безъ участія сознательныхъ процессовъ.

Сновидѣнія, какъ извѣстно, даютъ самое ложное понятіе о протекаемъ времени; иногда минуты въ сновидѣніи намъ кажутся часами; образы, наполняющіе наше сознаніе въ сновидѣніяхъ, положительно затрудняютъ намъ точное измѣреніе времени; это даетъ намъ намекъ, что собственно сами по себѣ представленія недостаточны для измѣренія времени; пока, какъ извѣстно, мы не имѣемъ научнаго объясненія, почему въ сновидѣніи мы такъ неправильно измѣряемъ время.

Я вполне понимаю, что самонаблюденія далеко не безупречный методъ изслѣдованія, но, насколько я могу довѣрить собственнымъ наблюденіямъ, я пришелъ къ заключенію, что впечатлѣнія, представленія и идеи не облегчаютъ, а положительно затрудняютъ опредѣленіе времени; кто внимательно отнесется къ тому процессу, съ помощью котораго онъ опредѣляетъ время, тотъ убѣдится, что онъ опредѣляетъ время или такъ сказать непосредственно, — ему кажется, и почти всегда вѣрно, что прошло столько-то, — или же косвенно, путемъ вычисленія, сколько онъ передумалъ и перечувствовалъ въ данное время. Еслибы дѣйствительно люди опредѣляли время только сознательными процессами, опредѣленіе времени было бы крайне несовершенно, между тѣмъ миллионы до сихъ поръ прекрасно выполняютъ сложныя земледѣльческія работы, не имѣя часовъ, да и большая часть обладателей часовъ не пользуются этимъ инструментомъ, отлично зная всегда, какой именно теперь часъ.

Дѣло въ томъ, что смѣна представленій происходитъ такъ неравномѣрно, что положительно нѣтъ возможности представленіями измѣрять время. Мои опытыя изслѣдованія *) показали,

*) „Измѣреніе времени элементарныхъ психическихъ процессовъ („Вѣст-

что даже при сильнѣйшемъ напряженіи вниманія въ искусственныхъ условіяхъ опытовъ «время ассоціаціи» колеблется отъ 0,3 до 3 секундъ; очевидно, при обычномъ ходѣ мыслей величина времени для каждаго отдѣльнаго представленія еще болѣе непостоянна; одни представленія занимаютъ собою доли секунды, а другія цѣлыя минуты. Я не могу понять, какимъ образомъ смѣна представленій, совершающаяся столь неодинаково, можетъ служить намъ для правильнаго измѣренія времени. Для измѣренія времени, какъ и всякаго явленія и предмета, необходима какая-либо опредѣленная, постоянная единица, и таковой какъ во смѣ, такъ и на яву могутъ служить совершенно правильно, періодически повторяющіяся сердцебіеніе, дыханіе, физиологическіе процессы вообще и, наконецъ, двигательныя ощущенія. Вотъ что создаетъ воззрѣніе времени, а не сознательные процессы.

Такимъ образомъ,—правда, въ видѣ только весьма вѣроятнаго предположенія,—мы можемъ заключить, что физиологически воззрѣніе времени происходитъ, благодаря равномернымъ, правильно-періодическимъ физиологическимъ процессамъ и двигательнымъ ощущеніямъ. Воззрѣніе времени образуется не вслѣдствіе слуховыхъ ощущеній, не на счетъ сознательныхъ процессовъ, какъ это принято въ современной наукѣ, а имѣется уже ранѣе ихъ. Особенно невѣроятно громадное участіе слуховыхъ ощущеній въ образованіи воззрѣнія времени; вѣдь глухіе и глухонѣмые имѣютъ столь же точное воззрѣніе времени, такъ же прекрасно его измѣряютъ, какъ и самые гениальные музыканты. Еслибы воззрѣніе времени было результатомъ слуховыхъ ощущеній и сознательныхъ процессовъ, животныя не могли бы такъ точно опредѣлять время, какъ они это дѣлаютъ *). Извѣстно, что люди,

никъ Психіатріи“ 1885). «Время ассоціаціи у здоровыхъ и душевно-больныхъ» („Нейрологическій Вѣстникъ“ 1894).

*) Я вполне согласенъ съ Вундтомъ, что къ наблюденіямъ надъ животными нужно относиться очень осторожно, тѣмъ не менѣе можно считать доказаннымъ, что нѣкоторыя собаки очень правильно измѣряютъ время. Я имѣлъ собаку, которая, если я опаздывалъ на четверть часа противъ обычнаго времени вернуться домой изъ больницы, ждала меня въ передней, выбѣгала навстрѣчу, бросалась къ окнамъ и т. п. Замѣчательно, что то же бывало и по ночамъ: она спала спокойно до того момента, въ который я обычно возвращался разъ или два въ недѣлю,—остальные вечера я проводилъ дома,—но потомъ не выходила изъ передней и прислушивалась къ каждому проѣзжающему экипажу. Необходимо замѣтить, что по возвращеніи изъ больницы и

не имѣющіе часовъ, контролируютъ собственные опредѣленія времени наблюденіями надъ поведеніемъ животныхъ, которыя съ непостижимою, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи науки, точностью засыпаютъ, просыпаются, погружаются въ спячку и т. п. Люди, мало живущіе психическою жизнью, нерѣдко бываютъ точны, какъ часы. Очевидно, что для образованія воззрѣнія времени необходимы не сознательные процессы, а правильно, регулярно повторяющіеся фізіологическіе процессы, двигательныя ощущенія, смутно сознаваемые, можетъ быть даже почти не сознаваемые, но тѣмъ не менѣ существующія для нашей души.

Я рѣшигельно не понимаю, какимъ образомъ воззрѣніе времени можетъ образоваться изъ послѣдовательности сознательныхъ процессовъ: вѣдь несомнѣнно, что воззрѣніе времени предшествуетъ первому сознательному представленію. Воззрѣніе времени, очевидно, имѣется тамъ, гдѣ нѣтъ сознательныхъ процессовъ,—во снѣ, у животныхъ,—но безспорно, что не можетъ быть сознанія безъ предварительнаго воззрѣнія времени. Самая напряженная фантазія не можетъ намъ представить отсутствіе времени, а всѣмъ намъ даже на-яву приходилось переживать отсутствіе сознательныхъ процессовъ. Еслибы воззрѣніе времени образовалось на счетъ, или—иначе говоря—изъ сознательныхъ процессовъ, тогда, конечно, мы могли бы представить себѣ отсутствіе времени, какъ можемъ представить себѣ отсутствіе всѣхъ сужденій изъ нашихъ сознательныхъ процессовъ.

Гельмгольцъ *) совершенно убѣдительно объяснилъ громадную разницу между воззрѣніемъ времени и закономъ причинности. Намъ, пользуясь успѣхами фізіологіи и психологіи со времени трудовъ Гельмгольца, остается только разъяснить фізіологическую сторону образованія воззрѣнія времени. Это воззрѣніе, также какъ и воззрѣніе пространства, *постоянно, непрерывно*, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку наша мозговая кора способна функционировать. Всѣ остальные психическія явленія непостоянны, т. е. они исчезаютъ и появляются вновь, лишь воззрѣнія пространства и времени постоянно наполняютъ нашу душу, даже во снѣ. Для того чтобы

ночью я никогда не кормилъ собаки; опоздываніе завтрака и обѣда ея не безпокоило.

*) Ueber das Sehen des Menschen. 1856. Die Thatsachen der Wahrnehmung. 1879. Schwertschlager, Kant und Helmholtz. 1883.

эти возврѣнія постоянно находились въ душѣ, они, конечно, должны доходить до мозговой коры другими путями, чѣмъ ощущенія пяти органовъ чувствъ. Непостоянство, въ смыслѣ временнаго отсутствія тѣхъ или другихъ ощущений, дано строеніемъ самыхъ органовъ чувствъ,—всѣ они и даже органы осязанія могутъ функционировать лишь короткое время: ухо не можетъ постоянно слышать, глазъ—смотреть и т. п.; возврѣніе времени постоянно, непрерывно, потому что оно образуется никогда не прекращающимися, никогда не прерывающимися процессами; какъ не можетъ быть сознательной жизни безъ возврѣнія времени, такъ этого возврѣнія не можетъ быть безъ физиологическихъ процессовъ и двигательныхъ ощущений, составляющихъ физиологическій субстратъ, необходимый для образованія возврѣнія времени. Эти процессы только тогда *могутъ* не образовать возврѣнія времени, когда мозговая кора, напримѣръ, въ эпилептическомъ припадкѣ, совершенно не воспринимаетъ, такъ сказать, умираетъ.

Я нахожу нужнымъ сказать о припадкахъ *полнаго* прекращенія сознанія, чтобы предупредить возможныя недоразумѣнія. Эпилептическіе и имъ подобные припадки съ перваго взгляда какъ бы доказываютъ, что безъ сознательной жизни нѣтъ возврѣнія времени, но, во-первыхъ, при такихъ состояніяхъ мозговая кора ничего не воспринимаетъ, не работаетъ, а потому можетъ и не воспринимать тѣхъ физиологическихъ процессовъ, которые служатъ для образованія возврѣнія времени. Во-вторыхъ, мы еще мало знаемъ эти припадки,—по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемомъ отношеніи; когда больной начинаетъ сознавать себя, онъ можетъ судить, сколько прошло времени отъ начала припадка по времени дня, по состоянію организма, и потому очень трудно рѣшить, насколько онъ судить о продолжительности припадка по внѣшнимъ признакамъ и насколько—непосредственно. Нѣкоторые интеллигентные больные говорили мнѣ, что они хотя и смутно, но ощущаютъ продолжительность припадка; какое-то неясное ощущеніе подсказываетъ имъ, какъ долго тянулся припадокъ. Поэтому, можетъ быть, эпилептики не вполнѣ утрачиваютъ возврѣніе времени, даже при припадкахъ полной потери сознанія.

Больные съ «частичной утратой сознанія», въ «сумеречномъ» состояніи, съ различною степенью «помраченія сознанія», какъ я неоднократно слышалъ отъ интеллигентныхъ больныхъ, не те-

ряютъ воззрѣнія времени, но почти всегда крайне невѣрно измѣряютъ время: то цѣлыя часы имъ кажутся секундами, то секунды для нихъ кажутся часами *). Если уже пользоваться этими наблюдениями, то они только подтверждаютъ защищаемое мною положеніе: глубокое разстройство физиологическихъ процессовъ, служащихъ для образованія воззрѣнія времени, обусловливаетъ самое большое нарушеніе правильнаго опредѣленія времени. Дѣйствительно, никогда при правильномъ ходѣ физиологическихъ процессовъ не можетъ быть столь неправильнаго опредѣленія времени, какъ при вышеупомянутыхъ патологическихъ состояніяхъ.

Физиологическіе процессы и двигательные импульсы, конечно, существуютъ раньше, чѣмъ органы чувствъ способны функционировать: воззрѣніе времени имѣется раньше, чѣмъ первое впечатлѣніе, полученное чрезъ органы чувствъ.

Строго говоря, мы не можемъ себѣ представить ощущенія безъ постоянного обмѣна вещества, для котораго необходимы физиологическіе процессы, также какъ мы не можемъ себѣ представить впечатлѣній безъ предварительнаго существованія воззрѣнія времени.

Я, конечно, вполне понимаю, что мы не можемъ себѣ совершенно отчетливо объяснить, какъ именно, какимъ образомъ несознаваемая нами раздраженія создаютъ столь ясныя и отчетливыя воззрѣнія. Но вѣдь такъ же мы не можемъ объяснить, какъ, какимъ образомъ ребенокъ, живущій уже конечно безсознательной жизнью, изъ мышечныхъ ощущеній создаетъ воззрѣніе пространства, а изъ слуховыхъ ощущеній—воззрѣніе времени. Это такъ непонятно, какъ и многое въ психологіи, что Вундтъ вполне основательно указываетъ на возможность нативистическую, эмпирическую, генетическую теоріи; дѣйствительно, всѣ эти ученія одинаково неубѣдительны **).

Если ребенокъ въ теченіе первыхъ пяти-семи лѣтъ своей жиз-

*) Общеизвѣстны эпилептоподобные припадки Магомета. Достоевскій описалъ такіе припадки у Кирилова („Бѣсы“).

***) Ор. cit. Bd. II, 33—41. И до настоящаго времени остаются вполне вѣрными слова Гельмгольца (Handbuch d. physiol. Optik. 1867. S. 796). „Наши познанія о явленіяхъ, относящихся къ этому предмету, еще слишкомъ не полны для того, чтобы допускать только одну какую-нибудь теорію и исключать всякую другую“.

ни изъ бессознательныхъ процессовъ вырабатываетъ по истинѣ громадный запасъ представлений, идей и суждений, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что изъ несознаваемыхъ нами раздраженій онъ вырабатываетъ возвращенія пространства и времени.

Въ физиологической психологіи общепризнано, что глазныя мышцы играютъ выдающуюся роль въ образованіи возвращенія пространства, между тѣмъ иннервационныя импульсы этихъ мышцъ нами не сознаются въ обыденныхъ условіяхъ; безспорно, что дыханіе и сердцебиеніе сознаются нами гораздо отчетливѣе, чѣмъ ощущенія глазныхъ мышцъ, и потому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ томъ періодѣ жизни, когда создается возвращеніе времени, дыханіе, сердцебиеніе и физиологическіе процессы мало понятнымъ намъ образомъ воздѣйствуютъ на мозговую кору и создаютъ въ нашей душѣ возвращеніе времени. Если мы допускаемъ, — а мы должны сдѣлать это допущеніе, въ виду очевидности факта, — что возвращенія времени и пространства имѣются въ самомъ раннемъ возрастѣ, то мы можемъ допустить, что эти возвращенія имѣются до перваго раздраженія органовъ чувствъ. Последнее допущеніе мы обязаны сдѣлать, потому что не можемъ себѣ представить, чтобы было впечатлѣніе или представленіе ранѣе возвращеній пространства и времени; въ самомъ дѣлѣ, еслибы у человѣка могло бы быть хотя одно впечатлѣніе безъ предварительнаго существованія возвращеній пространства и времени, было бы невозможно, пользуясь выраженіемъ Герца, лишить мозговую кору *всѣхъ* впечатлѣній и представлений, — причѣмъ въ ней оставались бы возвращенія пространства и времени, и, главное, эти возвращенія не имѣли бы характера апіорности. Мы необходимо должны допустить, что возвращенія пространства и времени имѣются до перваго впечатлѣнія, полученнаго черезъ органы чувствъ.

Такое допущеніе, по меньшей мѣрѣ, правдоподобно; въ самомъ дѣлѣ, если ребенокъ уже въ первыя недѣли своей жизни воспринимаетъ ощущенія черезъ органы чувствъ, то почему въ первые дни жизни его мозговая кора не можетъ воспринимать только двигательныя ощущенія, — ощущенія, обусловленныя физиологическими процессами.

Точно также мы должны допустить, что въ утробной жизни физиологическіе процессы, двигательныя импульсы воздѣйствуютъ на мозговую кору и непонятнымъ для насъ образомъ оставляютъ въ ней слѣды.

Эмбриологія центральной нервной системы нисколько не опровергаетъ такого предположенія; напротивъ, установлено, что чувствительные пути спинного мозга развиваются сравнительно рано. Изученіе послѣдовательности въ обкладкѣ мѣлиномъ отдѣльныхъ путей въ центральной нервной системѣ указываетъ на удивительную целесообразность этого процесса: тѣ пути, какъ напримѣръ, двигательный, пирамидный, которые не функционируютъ въ началѣ жизни, обкладываются мѣлиномъ сравнительно поздно *). Относительно раннее обложеніе мѣлиномъ чувствительныхъ путей спинного мозга указываетъ на то, что они сравнительно рано начинаютъ функционировать, т. е. проводить импульсы раздраженія, обусловленные фізіологическими процессами, до мозговой коры. Созданныя этими импульсами и раздраженіями измѣненія мозговой коры могутъ составить фізіологическій субстратъ, фізіологическую подкладку возрѣнія пространства и времени, такъ же какъ и не сознаваемая ребенкомъ иннервационныя раздраженія въ глазныхъ мышцахъ.

Такимъ образомъ, мы вполне правдоподобно, — по крайней мѣрѣ, вполне согласно съ данными анатоміи и фізіологіи, — можемъ объяснить тотъ безспорный фактъ, что ребенокъ, получая первое впечатлѣніе черезъ органы чувствъ, имѣетъ уже возрѣнія пространства и времени.

Замѣчу кстати, что анатомія, эмбриологія, фізіологія, насколько онѣ намъ уясняютъ общій планъ строенія и функций мозговой коры, положительно не допускаютъ предположенія, что мозговая кора получаетъ только импульсы отъ органовъ чувствъ; такое предположеніе положительно неправдоподобно, и потому мы обязаны допускать, что фізіологическіе процессы, двигательныя раздраженія постоянны и, что самое главное, ранѣе, чѣмъ органы чувствъ, посылаютъ импульсы къ мозговой корѣ и получаютъ импульсы изъ мозговой коры.

Правда, намъ не совсѣмъ ясно значеніе этихъ импульсовъ; но, зная ихъ значеніе въ образованіи возрѣнія времени, мы тѣмъ самымъ допускаемъ, что мозговая кора функционировала въ связи съ этими процессами ранѣе, чѣмъ на нее воздѣйствовали импульсы со стороны органовъ чувствъ.

*) Начало этимъ изслѣдованіямъ положено моимъ учителемъ - Флексигомъ. Лучшая монографія по этому вопросу: Бехтеревъ—«Проводящіе пути мозга». 1893.

Мы должны согласиться, что ребенокъ родится съ воззрѣніями пространства и времени, или, по крайней мѣрѣ, очень скоро послѣ рожденія уже имѣетъ воззрѣнія пространства и времени, которыя и служатъ ему навсегда основными, постоянными формами, въ которыя укладываются всѣ впечатлѣнія.

Конечно, я понимаю, что такимъ образомъ не объяснена психологическая сторона образованія воззрѣній пространства и времени, какъ не была она объяснена и до сихъ поръ. Какъ я уже сказалъ, по моему убѣжденію, и нативистическая, и эмпирическая, и генетическая теоріи одинаково не могутъ объяснить самой сущности дѣла; мы вообще рѣшительно не понимаемъ, какъ воспринимаетъ, запоминаетъ и, главное, судить ребенокъ. Тѣмъ болѣе важно объяснить физиологическую сторону этой непонятной для насъ душевной дѣятельности, хотя предлагаемое здѣсь объясненіе и не можетъ, конечно, претендовать на разъясненіе по существу непонятной намъ задачи—возникновенія перваго ощущенія *).

Я лишь указываю, что ранѣе ощущеній со стороны органовъ чувствъ въ мозговой корѣ были элементы для образованія воззрѣній пространства и времени. Насколько отличаются ощущенія, воспріятыя органами чувствъ, отъ элементовъ, образующихъ воззрѣнія пространства и времени, настолько отличаются всѣ психическіе процессы, возникшіе изъ ощущеній отъ апріорныхъ, постоянныхъ, непремѣнныхъ воззрѣній пространства и времени.

Ощущенія, данныя черезъ органы чувствъ, возникаютъ позже, чѣмъ элементы, служащіе для образованія воззрѣній пространства и времени; для осуществленія первыхъ необходимо уже существованіе послѣднихъ; первые возникаютъ и исчезаютъ на время или совершенно; наконецъ, духовное развитіе можетъ достигать высокаго совершенства при полномъ отсутствіи большей части этихъ ощущеній: извѣстная Лаура Бриджмэнъ была высоко-развитой личностью, несмотря на то, что была слѣпа, глуха и не имѣла обонянія.

Воззрѣнія пространства и времени, такъ же какъ и тѣ процессы, которые даютъ элементъ для образованія этихъ воззрѣній, даны человѣку ранѣе перваго ощущенія, имѣются постоянно и непремѣнно въ нашей душѣ, какъ постоянны и непремѣнны тѣ про-

*) Du-Bois-Reymond: «Ueber die Grenzen des Naturerkennens».

цессы, воздѣйствія которыхъ на мозговую кору составляютъ физиологическую сторону воззрѣній пространства и времени. Эти процессы необходимы для возникновенія впечатлѣній и представлений, необходимы для ихъ существованія такъ же, какъ воззрѣнія пространства и времени. Доказано, что двигательныя ощущенія составляютъ *необходимую* непремѣнную составную часть всѣхъ впечатлѣній и представлений; почти доказано постоянное участіе физиологическихъ процессовъ въ нашей душевной жизни. Извѣстныя изслѣдованія Моссо установили, что не только душевныя волненія, но даже объективное мышленіе, на примѣръ, рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ, сопровождается измѣненіемъ кровообращенія. Несомнѣнно, хотя мы этого не можемъ доказать, благодаря несовершенству нашихъ методовъ изслѣдованія, психическіе процессы сопровождаются химическими, трофическими измѣненіями въ нашемъ организмѣ и въ нашей мозговой корѣ; эти измѣненія должны оставлять слѣды на нашей душѣ, можетъ быть, столь же неясныя, какъ и иннервационныя импульсы глазныхъ мышцъ.

III.

Все вышеизложенное можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. Двигательныя ощущенія, какъ то установлено психологіей и физиологіей и доказывается опытами надъ загипнотизированными и угадываніемъ мыслей, а равно и наблюденіями надъ больными, также какъ и ощущенія равновѣсія, постоянны и непремѣнны, почему и воззрѣніе пространства постоянно и непремѣнно.

Воззрѣніе времени, какъ то доказывается опытами Дельбёфа и моими, а равно подтверждается моими наблюденіями и вышеприведенными соображеніями, образуется, главнымъ образомъ, изъ двигательныхъ ощущеній и неясно сознаваемыхъ ощущеній, обусловленныхъ физиологическими процессами—дыханіемъ, сердцебиеніемъ, анаболическими и катаболическими процессами.

Воззрѣнія пространства и времени, образующіяся, главнымъ образомъ, изъ вышеназванныхъ процессовъ, даны ребенку ранѣе, чѣмъ ощущенія органовъ чувствъ; они образуются, по всей вѣроятности, уже въ утробной жизни и въ первые дни внѣутробнаго существованія; какъ у ребенка изъ раздраженій двигательныхъ, со стороны органовъ равновѣсія и съ органовъ фи-

зіологическихъ процессовъ, безсознательно складываются воззрѣнія пространства и времени, имѣющіяся въ душѣ ребенка до перваго ощущенія со стороны органовъ чувствъ,—мы не понимаемъ.

Существенное, коренное отличіе всѣхъ представленій отъ воззрѣній пространства и времени вполнѣ объясняется существеннымъ различіемъ въ путяхъ и способахъ образованія представленій изъ ощущений, данныхъ черезъ органы чувствъ, и воззрѣній пространства и времени, данныхъ процессами, имѣющимися до перваго ощущенія въ органахъ чувствъ, никогда не прекращающимися, т.-е. постоянными, составляющими непремѣнное условіе всякаго представленія, всѣхъ сознательныхъ процессовъ.

Какъ мы не въ состояніи подавить, прекратить тѣ процессы, подъ импульсомъ которыхъ образуются воззрѣнія пространства и времени, такъ мы не можемъ подавить, уничтожить въ своемъ сознаніи этихъ воззрѣній, т.-е не можемъ представить себѣ чего-либо внѣ пространства и времени.

Съ вышеизложенными дополненіями и измѣненіями ученіе объ образованіи воззрѣнія пространства и времени является лишь подтвержденіемъ ученія Канта и Иоганна Мюллера. Этотъ великій фізіологъ, послѣдователь Канта, формулировалъ ученіе слѣдующимъ образомъ: «понятіе о пространствѣ не можетъ быть продуктомъ воспитанія; напротивъ того, представленіе пространства и времени есть необходимое предположеніе, форма воззрѣнія для всѣхъ ощущений; ощущение немислимо внѣ этой формы воззрѣнія». Къ тому же самому заключенію приводитъ и меня изученіе и изслѣдованіе фізіологической стороны образованія этихъ воззрѣній,—они образуются изъ элементовъ, имѣющихся въ мозговой корѣ ранѣе ощущений, полученныхъ черезъ органы чувствъ, и потому не могутъ быть продуктомъ воспитанія; напротивъ, они имѣются до перваго ощущенія и безъ нихъ невозможны всѣ ощущенія и представленія.

Точно также ученіе объ образованіи воззрѣній пространства и времени, съ вышеизложенными дополненіями, вполнѣ согласно съ положеніями Канта. «Не будь пространство (а также и время) простою формой вашего воззрѣнія, которое содержитъ условія à priori,—только при нихъ вещи и могутъ быть для васъ внѣшними предметами, которые безъ этихъ субъективныхъ условій сами по себѣ ничто,—вы не были бы въ состояніи синтетически ничего ровно подѣлать à priori съ внѣшними предметами». Ученіе

Канта о пространствѣ резюмируется такъ: пространство не есть эмпирическое понятие, которое отвлечено отъ внѣшнихъ опытовъ; ибо представленіе пространства должно уже лежать въ основѣ всякой конкретной локализации *); пространство есть необходимое представленіе à priori, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ внѣшнихъ воззрѣній, ибо никогда нельзя составить себѣ представленія о томъ, что нѣтъ пространства, хотя, конечно, можно представить себѣ, что въ немъ нѣтъ никакихъ предметовъ **). «Пространство есть необходимое априорное воззрѣніе, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ идей. Нельзя представить себѣ, что пространство не существуетъ, но мы очень легко можемъ мыслить отсутствіе предметовъ въ пространствѣ. Оно представляется такимъ образомъ, какъ условіе возможности явленій, а не какъ зависимое отъ нихъ опредѣленіе» ***).

Все сказанное Кантомъ вполне подтверждается изложеннымъ въ настоящей работѣ; дѣйствительно, безъ двигательныхъ ощущеній нѣтъ и не можетъ быть представленій о внѣшнихъ предметахъ; невозможны эти послѣднія безъ ощущеній равновѣсія и тѣхъ смутныхъ ощущеній, которыя даны физиологическими процессами; внѣшніе предметы для насъ не существовали бы, еслибы въ нашей мозговой корѣ не было бы элементовъ, изъ которыхъ образуются воззрѣнія пространства и времени. Пространство, дѣйствительно, не есть понятие отвлеченное отъ ощущеній, данныхъ черезъ органы чувствъ; воззрѣніе пространства, въ силу вышеизложенныхъ физиологическихъ условій, должно лежать въ основѣ всякаго впечатлѣнія.

Пространство не есть понятие объ отношеніи вещей вообще, но чистое воззрѣніе, потому что оно образуется не изъ ощущеній, обусловленныхъ внѣшними вещами, т. е. раздраженіями, дѣйствующими на органы чувствъ; мы, дѣйствительно, можемъ себѣ представить только одно пространство, частями котораго являются такъ называемыя пространства, потому что въ воззрѣніе пространства не входятъ ощущенія съ органовъ чувствъ, а одно-

*) Zur Vergleichenden Physiologie des Gesichtsinns, S. 54.

***) Пользуюсь «Исторіей новой философіи» Ибервегъ-Гейне, въ виду ясности и краткости изложенія въ этой книгѣ ученія Канта.

****) Kritik der reinen Vernunft. Herausg. Kehrbach. 2. Aufl. S. 51, 52.

родныя (только въ трехъ измѣреніяхъ) двигательныя ощущенія и ощущенія равновѣсія.

Наконецъ, дѣйствительно, пространство есть необходимое априористическое воззрѣніе, лежащее въ основаніи всѣхъ нашихъ идей, потому что двигательныя ощущенія и ощущенія равновѣсія непремѣнны, составляютъ постоянное обязательное для нашей души; безъ двигательныхъ ощущеній не можетъ быть идей.

Нельзя представить себѣ, что пространство не существуетъ, потому что душевная жизнь невозможна безъ двигательныхъ ощущеній и ощущеній равновѣсія, но мы легко можемъ мыслить объ отсутствіи предметовъ въ пространствѣ, потому что ни одинъ органъ чувствъ не функционируетъ постоянно; ихъ функціи не составляютъ необходимаго условія психической жизни. Дѣйствительно, пространство есть условіе возможности представленій, потому что двигательныя ощущенія суть непремѣнный элементъ представленій; воззрѣніе пространства не есть зависимое отъ представленій ихъ опредѣленіе, потому что двигательныя ощущенія независимы отъ ощущеній съ органовъ чувствъ, даны ранѣе этихъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ, ученіе о пространствѣ, въ философскомъ отношеніи установленное Кантомъ, а въ физиологическомъ его учениками—физиологами и психологами, въ настоящіе время, можетъ считаться законченнымъ; намъ теперь все въ этомъ ученіи понятно, и мы можемъ гордиться имъ, какъ однимъ изъ завоеваній человѣческаго ума.

Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про ученіе о времени; и теперь мы должны повторять сказанное св. Августиномъ: *Quid est tempus? Si nemo ex me quaerat, scio, si quaerenti explicare velim, nescio* *); знаніе физиолого-психологическихъ условій образованія времени вполнѣ объясняетъ намъ глубокую правду словъ св. Августина; воззрѣніе времени образуется изъ столь смутныхъ, мало сознаваемыхъ элементовъ, что, дѣйствительно, болѣе вѣрно, чѣмъ св. Августинъ, мы опредѣлить время не можемъ; мы чувствуемъ, неясно его сознаемъ, даже во снѣ, но не знаемъ его истинной природы.

Ученіе Канта о воззрѣніи времени вполнѣ подтверждается данными физиологіи и психологіи, въ такой же мѣрѣ, какъ и

*) Confessions, lib. XI, ch. XIV.

его учение о пространствѣ, но все это не объясняетъ намъ доказанныхъ Кантомъ эмпирической реальности и трансцендентальной идеальности времени и, по моему глубокому убѣжденію, по отношенію къ сущности времени мы должны повторить слова св. Августина: *Exarsit animus meus nosse istud implicatissimum aenigma. Noli claudere, Domine Deus, bone pater; per Christum obsecro, noli claudere desiderio meo ista et usitata et abdita, quominus in ea penetret, et dilucessant allucente misericordia tua, Domine* *).

В. Ф. Чижъ.

*) Op. cit, ch. XXII.

„Книга о почитаніи родителей“.

«Книга о почитаніи родителей», переводъ которой я предлагаю читателямъ, составляетъ одну изъ популярнѣйшихъ книгъ въ Китаѣ. Каждый китаецъ читаетъ ее и почерпаетъ изъ нея моральныя правила для своей жизни.

Въ этой книгѣ заключается часть ученія Конфуція (551—479 до Р. Хр.) объ общественной и семейной морали, исходною точкой которой служить «почитаніе родителей». Нужно замѣтить, что мораль «почитанія родителей» не есть самостоятельное созданіе Конфуція, а является отраженіемъ чисто-народныхъ нравственныхъ возрѣній. Она очень ясно выражена въ древнѣйшихъ народныхъ пѣсняхъ и гимнахъ, которые вошли въ составъ «Сикингъ», Конфуцій же только развилъ ее и старался обосновать ея истинность и общеобязательность.

Правда, мораль «почитанія родителей» не оригинальна и не нова, но все-таки она имѣетъ жизненное значеніе для древнихъ и современныхъ китайцевъ. Прочность социальнаго и семейнаго строя въ Срединной имперіи объясняется тѣмъ, что народъ всецѣло преданъ этой морали. Вотъ почему представляетъ собою большой интересъ книга, которая ясно показываетъ намъ основной принципъ жизни 400-милліоннаго народа.

О происхожденіи «Книги о почитаніи родителей» китайскіе ученые говорятъ слѣдующее:

«Ученіе «о почитаніи родителей»,—пишетъ Токумей,—Конфуцій устно изложилъ для Сò-Синъ (или Сò-Си), который передалъ его своимъ ученикамъ, впоследствии изложившимъ его письменно. Во время царствованія императора Сей (221—209 гг. до Р. Хр., изъ династіи «Синъ») эта книга подверглась преслѣдо-

ванію: всѣ варианты ея были собраны и сожжены вмѣстѣ съ другими книгами. Но, благодаря старанію Ганъ-Си изъ области Междурѣчія, одинъ изъ ея вариантовъ былъ спасенъ отъ гибели». «Она, — говоритъ Денъ, — во второмъ году «Тень-хо» (743 г. по Р. Хр.) была истолкована, напечатана и разслана по всей землѣ».

Большинство китайскихъ ученыхъ признаетъ подлинность «Книги о почитаніи родителей», но нѣкоторые подвергаютъ ее строгой критикѣ: они утверждаютъ, что «ученіе, заключающееся въ этой книгѣ, — позднѣйшее измышленіе». Но противъ этого нужно замѣтить, что ученіе «о почитаніи родителей» носитъ на себѣ явную печать истиннаго духа Конфуція, поэтому оно и могло быть преподано имъ самимъ, хотя, быть-можетъ, письменное было изложено позже. «Трудно признать, — пишетъ знаменитый китайскій философъ Сю-Ки (XII в. по Р. Хр.), что оно — позднѣйшее измышленіе; но если оно въ самомъ дѣлѣ измышленіе, то нельзя не удивляться тому, что такъ вѣрно понимали древніе (китайцы) сущность ученія (Конфуція)».

Точно опредѣлить время написанія нашей книги довольно трудно, но, тѣмъ не менѣе, есть основаніе думать, что она появилась очень рано. Въ сборникѣ сочиненій неизвѣстныхъ авторовъ времени построенія первыхъ китайскихъ стѣнъ (III в. до Р. Хр.) помѣщена одна статья подъ заглавіемъ: «О почитаніи родителей». Неизвѣстный авторъ этой статьи проникнутъ идеями нашей книги. Такъ, онъ пишетъ: «Начало всякой добродѣтели должно быть общее для всѣхъ. Такимъ началомъ можетъ быть принципъ почитанія родителей.... Наше тѣло — это даръ родителей, поэтому разрушающій его нарушаетъ обязанность почитанія родителей; невѣрный государю также нарушаетъ обязанность почитанія родителей»...

Такимъ образомъ, мораль «Книги о почитаніи родителей» извѣстна въ Китаѣ уже раньше III в. до Р. Хр.

Переводъ этой книги сдѣланъ съ китайскаго подлинника.

Д. Конисси.

Японія. Токіо.
25 ноября 1895 г.

I.

Когда Чіу-зи*) сѣлъ, то приступилъ къ нему Сѡ-си**).

— Древніе цари были высоконравственными людьми, — говорилъ Конфуцій:—и знали «Тао»***); поэтому имъ охотно повиновался весь міръ, при нихъ народъ былъ миролюбивъ, и никто не ненавидѣлъ ближнихъ. Ты знаешь ли, отчего это было такъ?

Сѡ-си всталъ съ своего мѣста, желая выразить уваженіе (къ своему учителю).

— Я неучень, отвѣтилъ онъ, поэтому не могу объяснить, отчего это было такъ.

— Почитаніе родителей (pietas), говорилъ Конфуцій, это—начало добродѣтели, изъ котораго вытекаетъ все прочее нравственное.

Сѡ-си сѣлъ (на прежнее мѣсто).

— Я говорю тебѣ, продолжалъ Конфуцій, что человѣкъ получаетъ отъ родителей свое тѣло, волосы и органъ осязанія, не повредить которыхъ—первый шагъ къ почитанію родителей. Составить свою карьеру, творить дѣла, согласныя съ «Тао», и получить славное имя, которое передавалось бы отъ рода въ родъ,—это результатъ «почитанія родителей». Отсюда видно, что начало добродѣтели—почитаніе родителей; середина—вѣрное служеніе царю и, наконецъ, заключеніе—составленіе своей собственной карьеры.

II.

— Царя, который любитъ своихъ родителей, училъ Конфуцій, люди будутъ любить; человѣка (царя), который уважаетъ своихъ родителей, люди будутъ уважать.

— Любить и уважать своихъ родителей, давать всѣмъ земледѣльцамъ****) высоконравственное наставленіе—сущность (морали такъ называемаго) почитанія родителей.

— Радость одного человѣка (царя), говорится въ Сикингѣ, радость всѣхъ людей.

*) Имя Конфуція.

**) Ученикъ Конфуція.

***) Тао—нравственныя нормы.

****) Китайцы, какъ извѣстно, народъ земледѣльческій, и поэтому въ древности «земледѣльцами» называлась масса народа.

III.

— Кто, стоя во главѣ общества (или будучи княземъ), не гордится, тотъ никогда не подвергнется опасности гибели *). Кто (изъ князей) живетъ по закону и соблюдаетъ бережливость, тотъ будетъ богачомъ, ибо онъ не допуститъ себѣ никакихъ излишествъ.

— Что значитъ: «не подвергнется опасности гибели?» Это значитъ, что (высоконравственный князь) долго будетъ поддерживать свое высокое положеніе.

— Что значитъ: «будетъ богачомъ, ибо онъ не допуститъ себѣ никакихъ излишествъ»? Это значитъ, что онъ никогда не потеряетъ своего состоянія.

— Кто занимаетъ высокое положеніе и обладаетъ богатствомъ, тотъ можетъ хорошо управлять обществомъ и способствовать утвержденію мира въ народѣ.

— Вотъ это и есть почитаніе родителей, приличное князьямъ.

— (Такой человекъ) очень внимательно относится къ себѣ, — говорится въ Сикингѣ, — какъ люди, стоящіе надъ глубиной и ходящіе на тонкомъ льду.

IV.

— Почитаніе родителей высокими сановниками состоитъ въ слѣдующемъ:

— Высокіе сановники должны надѣвать на себя форменныя одѣянія, установленныя блаженнѣйшими царями, говорить слова, которыя одобрены ими, и дѣлать то, чему они учили людей.

— Отсюда ясно, что высокіе сановники не должны говорить тѣ слова, которыя осуждены блаженнѣйшими царями, и дѣлать то, что запрещено ими.

— Кто поступаетъ такъ, тотъ никогда не будетъ заблуждаться, ибо ему извѣстно, что нужно дѣлать и что говорить; поэтому слова его могутъ направить, и дѣла его не будутъ знать осужденія.

— Соблюдать все это и усердно совершать приношенія въ

*) Когда это было сказано, въ Китаѣ господствовалъ феодализмъ; феодалы же безпрестанно враждовали другъ съ другомъ.

семейномъ святилищѣ — почитаніе родителей, приличное высокимъ сановникамъ.

— День и ночь (онъ) служить царю, говорится въ Сикингѣ: ему чужда всякая медлительность.

V.

— Каждый просвѣщенный человѣкъ долженъ любить свою мать и уважать своего господина, какъ своего отца.

— Итакъ, слѣдуетъ любить мать и уважать господина, но отецъ совмѣщаетъ въ себѣ то и другое.

— Служащій господину по принципу «почитанія родителей» — вѣрный слуга; уважающій начальника по тому же принципу — смиренный мужъ. Вѣрный и смиренный человѣкъ не сдѣлаетъ ошибки въ своей служебной дѣятельности.

— Такой человѣкъ долго будетъ поддерживать свое положеніе и совершать приношенія въ семейномъ святилищѣ.

— Онъ встаетъ рано, говорится въ Сикингѣ, и ложится спать поздно; онъ же не сдѣлаетъ обиднаго для своихъ родителей.

VI.

— Простые люди должны стараться проводить въ жизнь небесное «Тао», благоразумно пользоваться тѣмъ, что даетъ имъ наша земля, и соблюдать воздержаніе и бережливость.

Это — почитаніе родителей, приличное для простыхъ людей.

Итакъ, отъ царей до простолюдина всѣ, безъ исключенія, должны творить добрыя дѣла. Вѣдь намъ извѣстно, что горе и печаль постигаютъ людей безъ исключенія.

VII.

— О, велика, воскликнулъ Со-Си, мораль «почитанія родителей»!

— Мораль почитанія родителей, — говорилъ Конфуцій, — принципъ неба, правда земли и то, что человѣкъ долженъ дѣлать (какъ человѣкъ).

— Люди потому должны почитать родителей, что это прин-

цпкъ неба и правда земли; всѣ потому сознають необходимость творить добрыя дѣла, что это свѣтъ неба и польза земли.

— Нравственные люди ведутъ не строгую жизнь, но они легко творять добрыя дѣла. Хотя они не будутъ стремиться успѣшно управлять страной, но управление ихъ будетъ благоуспѣшно само собою.

— Блаженнѣйшіе цари были твердо убѣждены въ томъ, что людей можно учить и просвѣщать. Когда люди увидѣли, что (блаженнѣйшіе цари) любятъ ихъ неліцемѣрно, то они стали любить своихъ родителей (или ближнихъ); когда они увидѣли, что (блаженнѣйшіе цари) справедливы и совершаютъ добрыя дѣла, то и они стали справедливыми и совершать добрыя дѣла; когда они увидѣли, что (блаженнѣйшіе цари)—люди, нищіе духомъ, то они перестали ссориться другъ съ другомъ; когда (блаженнѣйшіе цари) ввели обряды, выражающіе глубокое уваженіе, и музыку, то люди стали мирными; когда (блаженнѣйшіе цари) показали имъ, что нужно любить, что ненавидѣть, то люди ясно узнали, что имъ запрещено дѣлать, а что нѣтъ.

— О, величавъ Си-инъ *), говорится въ Сикингѣ: на него смотреть весь міръ.

VIII.

— Когда царствовали древніе мудрые и добродѣтельные цари, то всѣ подданные получали должное: даже незначительные слуги не забывались ими, тѣмъ болѣе—князья и вельможи. Они совершали свое служеніе добрыми дѣлами,—поэтому они были любимы людьми.

— Они особенно много заботились о бѣдныхъ сиротахъ, вдовахъ; они также не оставляли всѣхъ просвѣщенныхъ и простыхъ людей безъ надлежащихъ заботъ,—поэтому они были любимы всѣми людьми.

— Господа также были добры: заслуживали привязанности слугъ и служанокъ. Они же были любимы женами и дѣтьми. Это потому, что они служили родителямъ посредствомъ дѣланія добрыхъ дѣлъ.

— Въ древности все было благоустроено; поэтому человекъ всегда пользовался помощью своихъ родителей, и жертва охот-

*) Одинъ изъ мудрыхъ сановниковъ династіи Сіу.

но принималась богами. Отсюда—вся земля была благополучна и управлялась мирно,—не бывало ни бѣды, ни беспорядковъ.

— Это потому было такъ, что страна управлялась принципомъ морали «почитанія родителей».

— (Царь) совершаетъ только добрыя дѣла, говорится въ Синкингѣ, поэтому ему повинуются всѣ края земли *).

IX.

— Въ чемъ заключается, спросилъ Со-Си(у Конфуція), добродѣтель святыхъ **)? Ужели нѣтъ добродѣтели выше почитанія родителей?

— Изъ всѣхъ существъ, находящихся между небомъ и землей, отвѣтилъ Конфуцій, нѣтъ ничего выше человѣка. Изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ нѣтъ ничего выше почитанія родителей, но слѣдуетъ замѣтить, что почитаніе отца должно быть выше, нежели почитаніе матери; почитаніе же неба ***)) должно быть выше, нежели почитаніе отца. Все это исполнялъ одинъ только Сиу ****).

— Въ древности самъ Сиу совершалъ загородное жертвоприношеніе, чтобы чтить Небо; онъ также совершалъ приношеніе въ честь покойнаго царя Бу въ храмѣ «Свѣта» (семейномъ святилищѣ), дабы угодить Небесному Царю. Отсюда всѣ стали приносить жертву, смотря по своему состоянію.

— Добрыя дѣла святыхъ сами по себѣ нравственны, но почитаніе родителей выше ихъ.

— Достижніи совершеннолѣтія дѣти должны совершать дѣла, угодныя своимъ родителямъ,—это есть порядокъ вещей. На основаніи принципа почитанія родителей святые учатъ людей уваженію ближнихъ; на основаніи любви къ родителямъ они учатъ людей любви (къ ближнимъ).

— Ученіе святыхъ кажется несовершеннымъ, но на самомъ дѣлѣ оно совершенно; политика ихъ кажется не стоящею вниманія, но она легко достигаетъ мира.

*) По подлиннику, четыре страны, т.-е. Востокъ, Западъ, Сѣверъ и Югъ.

**)) Святыми называются блаженнѣйшіе цари, осуществлявшіе принципъ «почитанія родителей».

***)) Древніе китайцы называли небомъ сверхчувственное бытіе, которое есть духъ, небесный царь, рокъ и пр.

****)) Царь Китая, жившій въ IX в. до Р. Хр.

— И такъ, нравственность основана на почитаніи родителей. Отношенія между родителями и дѣтьми опредѣлены Небомъ.

— Дѣти потому должны повиноваться своимъ родителямъ, что они рождены ими; слуги потому должны повиноваться своимъ господамъ, что они обезпечены ими.

— Отсюда ясно, что кто ненавидитъ своихъ родителей и любить другихъ, тотъ нарушаетъ «Тао»; кто презираетъ своихъ родителей и уважаетъ другихъ, тотъ нарушаетъ долгъ приличія.

— Если царь (человѣкъ — по подлиннику) будетъ принуждать народъ къ повиновенію, то народъ возстанетъ противъ него, ибо насиліе (дѣло — по подлиннику) его безнравственно. Если онъ будетъ управлять страной, то, хотя бы и былъ мудрецъ между его приближенными, онъ ничего не сдѣлаетъ.

— Мудрый царь поступаетъ иначе: онъ говоритъ только то, что ему прилично; дѣлаетъ только то, что радуетъ его и превозноситъ правду и добро; поэтому подвиги его дѣлаются примѣромъ нашего поведенія, наружность его получаетъ величавый видъ, и ходитъ онъ впередъ и назадъ по правиламъ, установленнымъ святыми.

— Мудрецъ избѣгаетъ быть правителемъ страны, — поэтому народъ всегда любитъ его и повинуется ему со страхомъ. Онъ можетъ осуществить на дѣлѣ ученіе о «почитаніи родителей», и политическія его мѣропріятія достигнуть добраго результата съ успѣхомъ.

— Смирный мудрецъ, говорится въ Сикингѣ, не нарушитъ установленія (блаженнѣйшихъ царей).

Х.

— Добродѣтельныя дѣти, — говорилъ Конфуцій, — почитаютъ своихъ родителей безъ малѣйшаго лицемерія; они постоянно стараются веселить ихъ сердца; когда родители больны, — они душевно страдаютъ; когда родители умрутъ, — они совершаютъ поминовеніе очень торжественно.

— Кто поступаетъ такъ, тотъ истинно нравственный мужъ (т.-е. исполняющій мораль почитанія родителей). Такой человекъ никогда не гордится своимъ высокимъ положеніемъ; онъ никогда не позволитъ себѣ того, что могло бы быть началомъ

смуть и безпорядковъ. Когда онъ живетъ во время смуть и безпорядковъ, — онъ не ссорится ни съ кѣмъ. Кто гордится своимъ высокимъ положеніемъ, тотъ погибнетъ; кто, находясь въ низкомъ положеніи, производитъ безпорядки, тотъ будетъ наказанъ; если такой человѣкъ живетъ во время смуть, то сдѣлается виновникомъ войны.

— Если въ странѣ существуетъ безнравственность, то ученіе о почитаніи родителей никогда не найдетъ примѣненія въ жизни.

XI.

— Степеней наказанія пять, говорилъ Конфуцій, видовъ преступленій триста, но нѣтъ преступленія тяжелѣе непочтенія къ родителямъ.

— Для отвергающаго царя нѣтъ верховной власти; для злословащаго святыхъ нѣтъ закона; для отрицающаго почитаніе родителей нѣтъ ничего святого. Такой человѣкъ сдѣлается проводникомъ безнравственности.

XII.

— Чтобы народъ сдѣлался человѣколюбивымъ, училъ Конфуцій, прежде всего нужно учить его почитанію родителей. Чтобы народъ добросовѣстно исполнялъ (установленные святыми) обряды, прежде всего нужно учить его снисхожденію къ младшимъ. Чтобы не было дурныхъ нравовъ и обычаевъ въ народѣ, прежде всего нужно учить его музыкѣ.

— Благочиніе и благополучіе высокопоставленныхъ и спокойствіе народа зависятъ отъ того, какъ люди исполняютъ обряды, въ которыхъ выражается благоговѣйное чувство народа (передъ высочайшимъ).

— Когда родители получаютъ отъ дѣтей надлежащее почитаніе, то и дѣти будутъ рады; когда старшіе получаютъ отъ младшихъ должное, то и младшіе будутъ счастливы; когда царь пользуется надлежащимъ почетомъ, то всѣ подданные будутъ довольны.

— Итакъ, радость немногихъ (одного человѣка—по подлиннику) будетъ радостью многихъ (десять тысячъ человѣкъ—по подлиннику); мало уважаемыхъ, но много уважающихъ.

XIII.

— Ученіе мудреца о почитаніи родителей, говорилъ Конфуцій, не скоро получаетъ широкое распространеніе. Мудрецъ учить людей нравственности, чтобы они почитали своихъ родителей, чтобы старшіе были снисходительны къ младшимъ и слушающіе были вѣрны господамъ (но это ученіе исполняется людьми очень неуспѣшно).

— Любвеобильный царь, говорится въ Сикингѣ, родитель народа, но если онъ безнравственный человѣкъ, то онъ не заслужитъ довѣрія народа.

XIV.

— Мудрецъ точно и строго исполняетъ ученіе о почитаніи родителей, училъ Конфуцій; поэтому онъ вѣрный слуга царя; онъ снисходителенъ къ младшимъ, — поэтому, онъ можетъ быть начальникомъ; онъ превосходный домоправитель, — поэтому онъ можетъ быть правителемъ страны; онъ же — высоконравственный мужъ, — поэтому славное его имя будетъ предметомъ похвалы на долгое время.

XV.

— Любящій и уважающій ближнихъ, говорилъ Сò-Си (Конфуцію), пріобрѣтаетъ славное имя — это правда. Но въ чемъ же состоитъ почитаніе родителей? — не въ томъ ли, чтобы безпрекословно исполнять волю родителей?

— Знаешь ли ты, — отвѣтилъ Конфуцій, — что въ древности цари имѣли по семи цензоровъ своихъ дѣяній (которые указывали имъ, что хорошо дѣлать и что нѣтъ); поэтому тогда, хотя и бывали безнравственные цари, но царство было благополучно; князья имѣли по пяти цензоровъ, — поэтому они никогда не лишались своихъ удѣловъ; высокопоставленные сановники имѣли по три цензора, — поэтому, они никогда не сдѣлали такого, что обезчестило бы ихъ; просвѣщенные имѣли друзей, которые были цензорами другъ для друга; отцы имѣли сыновей-цензоровъ, поэтому, они никогда не совершали ничего безнравственнаго.

— Изъ сказаннаго видно, что дѣти должны наблюдать за тѣмъ, чтобы отцы ихъ не допускали безнравственныхъ дѣяній; слу-

ги должны бодрствовать, чтобы господа ихъ не сдѣлали явныхъ несправедливостей.

— Итакъ, ясно, что непрекословное исполненіе воли родителей еще не есть истинное почитаніе родителей.

XVI.

— Въ древности мудрый царь, говорилъ Конфуцій, глубоко почиталъ своего отца,—поэтому небо постоянно было ясно; онъ любилъ свою мать, — поэтому земля была спокойна. Старшіе и младшіе воздавали должное другъ другу; высшіе жили съ низшими въ мирѣ; небо и земля совершали свое отправленіе по порядку; божество обнаруживало свою славу; пари имѣли величіе; родители и старшіе получали должное; фамильное святилище украшалось съ надлежащимъ великолѣпіемъ, ибо никто не забывалъ усопшихъ предковъ; каждый строго слѣдилъ за своими дѣйствіями, ибо боялся стыда; святилище находилось въ почитаніи,—поэтому духъ обнаруживалъ свое могущество.

Когда люди почитаютъ своихъ родителей и относятся къ младшимъ съ надлежащимъ снисхожденіемъ, то просвѣщеніе распространится по всей землѣ.

— Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, говорится въ Сикингѣ, всѣ будутъ повиноваться (царю) со страхомъ.

XVII.

— Когда мудрецъ служить царю, говоритъ Конфуцій, то всѣми силами старается быть вѣрнымъ слугой; когда находится въ изгнаніи, то старается исправить ошибки (царя). Онъ никогда не забудетъ избавить людей отъ зла и утвердить миръ среди нихъ.

— Сердце! гдѣ любовь? говорится въ Сикингѣ. Понапрасну не обнаружить ея. Если она въ тебѣ, то обнаружь ее.

XVIII.

— Когда добродѣтельные дѣти потеряютъ своихъ родителей, училъ Конфуцій, то они плачутъ неутѣшно, держатъ себя почтительно, но безъ величія; говорятъ безъ ораторскаго приема; ихъ беспокоятъ красивые костюмы; музыка не утѣшаетъ ихъ;

ѣдятъ, но безъ вкуса. Это послѣдствіе горя. Они будутъ употреблять пищу одинъ разъ въ три дня, но не забудутъ проповѣдовать народу, что для каждаго смерть неизбѣжна, но она не можетъ уничтожить душъ (сущности умершихъ — по подлиннику).

— По постановленію святыхъ, трауръ (по родителямъ) для каждаго продолжается три года, чтобы люди знали, что, когда исполнится срокъ, трауръ прекращается.

— Покойника положите во гробъ, въ надлежащемъ костюмѣ; совершайте надъ нимъ обрядъ омовенія и провожайте его со слезами и рыданіемъ; выбирайте лучшее мѣсто для преданія его землѣ; надъ могилою устройте фамиліное святилище и весной и осенью совершайте въ немъ приношенія. Все это должно быть совершено съ любовью и душевною скорбью.

— Когда будетъ осуществлено все, что сказано здѣсь (т.-е. въ этой книгѣ) съ возможною полнотою, то можно сказать, что сдѣлано все, что надлежитъ каждому совершать для живыхъ и мертвыхъ. Въ этомъ и заключается сущность почитанія родителей.

Каббала, мистическая философія евреевъ.

Предисловіе.

Предлагаемый трудъ, насколько мнѣ извѣстно, есть первое самостоятельное сочиненіе о каббалѣ на русскомъ языкѣ. Авторъ—ученый гебраистъ и арабистъ—сумѣлъ въ небольшомъ объемѣ вмѣстить обильнѣйшій матеріалъ, взятый изъ первыхъ рукъ. Написанная по моему предложенію для «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза-Ефрона, но признанная слишкомъ специальною и не довольно популярною для большого круга читателей общей энциклопедіи, эта статья находитъ себѣ законное мѣсто въ специальномъ отдѣлѣ философскаго журнала *).

Каббалистическая теософія не есть система единичнаго мыслителя, или отдѣльной школы, а цѣлое своеобразное міросозерцаніе, слагавшееся въ теченіе долгихъ вѣковъ. Хотя этому гигантскому дереву гораздо болѣе тысячи лѣтъ, но оно до послѣдняго времени давало живые, хотя не всегда здоровые отпрыски. Корни его скрываются въ темной глубинѣ еврейской и еврейско-халдейской религіозной мысли, а видимыми для историческаго взгляда вѣтвями оно сплетается съ гностическими и неоплатоническими умозрѣніями. Но обращать вниманіе на однѣ эти поверхностныя вѣтви и во всей каббалѣ видѣть только видоизмѣненіе неоплатонизма было бы почти такою же ошибкой, какъ еслибы изъ

*) Въ моемъ общедоступномъ краткомъ очеркѣ *Каббала* (въ названномъ «Словарѣ») я съ любезнаго разрѣшенія автора воспользовался между прочимъ нѣкоторыми данными и указаніями изъ его статьи, на которую не могъ сослаться, пока она не была напечатана. Спѣшу теперь исполнить эту обязанность.

поздней обработки каббалистическихъ книгъ въ XIII и XIV вв. стали выводить средневѣковое происхожденіе самого каббалистическаго ученія, содержащагося въ этихъ книгахъ.

На самомъ дѣлѣ каббала не есть продуктъ ни средневѣковаго, ни александрийскаго мышленія. Неизгладимую печать ея древне-еврейскаго происхожденія и существенное отличіе ея отъ неоплатоническаго ученія мы видимъ въ особомъ первобытномъ реализмѣ и цѣльномъ монизмѣ этого своеобразнаго міросозерцанія. Характерное для всей греческой философіи и вполне сохранившееся въ неоплатонизмѣ противоположеніе между міромъ умопостигаемыхъ сущностей, областью истиннаго, подлиннаго бытія, и міромъ матеріальныхъ явленій—это дуалистическое противоположеніе совершенно отсутствуетъ въ каббалѣ: для нея матеріальный міръ есть только послѣдняя крайняя степень реализаціи или воплощенія истинно-сущаго. И всѣ четыре міра, признаваемые каббалой (міръ сіянія, міръ творчества, міръ созиданія и міръ дѣланія) суть только четыре главные степени этой реализаціи одного и того же абсолютнаго содержанія. Тогда какъ въ неоплатонизмѣ постепенный переходъ отъ сверхсущаго Единства или Блага чрезъ міръ умовъ и идей къ міру душъ и тѣлъ понимается только съ отрицательной стороны, какъ нисхожденіе, помраченіе, паденіе,—каббала видитъ здѣсь и положительную сторону: завершеніе, воплощеніе истины до конца, осуществленіе полноты бытія. И въ высшихъ мірахъ ничто не мыслится отвлеченно, а все представляется въ своемъ конкретномъ образѣ, имѣющемъ соотнositельный, идеально и реально съ нимъ связанный образъ въ мірѣ низшемъ. Во всѣхъ мірахъ, кромѣ единства содержанія, утверждается также и единство общей формы, и эта единая, всеобъемлющая форма есть форма *человѣческая*. Человѣку на землѣ соотвѣтствуетъ человекъ на небесахъ, и всѣ основныя человѣческіе элементы и отношенія гармонически осуществляются на различныхъ степеняхъ мірозданія, по которымъ, какъ по Іаковлевой лѣстницѣ, сходятъ и восходятъ небесныя силы. Эта идея человекъ какъ абсолютной и всемірной формы, совершенно чуждая греческой философіи, есть подлинная библейская истина, переданная христіанскому міру апостоломъ Павломъ.

Реально-мистическая связь всего существующаго, какъ воплощенія единого абсолютнаго содержанія—вотъ исходная точка

или основной принципъ каббалы; сознательный и систематическій антропоморфизмъ—вотъ ея завершеніе. Мистика чиселъ, буквъ и именъ входитъ сюда какъ подчиненный элементъ, не отдѣляемый отъ руководящихъ антропоморфическихъ идей.

Предлагаемая ученая статья о каббалѣ, имѣющая преимущественно историческій и историко-литературный характеръ, передаетъ метафизику каббалистовъ лишь въ самыхъ главныхъ чертахъ. Для читателей не-оріенталистовъ, желающихъ ближе познакомиться съ подробностями этой метафизики, кромѣ сочиненій, указанныхъ авторомъ, были бы полезны еще два слѣдующія: *Knorr de Rosenroth, Cabbala denudata*, 2 большіе тома in 4°, гдѣ находятся, между прочимъ, въ латинскомъ переводѣ книга Зогаръ и книга Исаака Лурія *De revolutionibus animarum*; и *Molitor: Die Tradition oder Philosophie der Geschichte*—оставшееся неоконченнымъ многотомное сочиненіе съ обширными выписками изъ каббалистовъ и глубокомысленнымъ толкованіемъ каббалистическихъ принциповъ.

Изъ христіанскихъ каббалистовъ, кромѣ упомянутыхъ въ статьѣ барона Гинцбурга, слѣдуетъ назвать еще: англичанина Роберта Флудда (*De Fluctibus*), француза Вильгельма Постэля и нѣмца Генриха Кунрата. Къ нимъ же слѣдуетъ причислить и знаменитаго Свенденборга. Хотя самъ онъ, повидимому, вовсе не былъ знакомъ съ писаніями каббалистовъ, но его система въ самыхъ основныхъ и интересныхъ пунктахъ совершенно совпадаетъ съ ихъ ученіемъ,—что едва ли было бы возможно, еслибы каббала была только aberrацией іудейскихъ умовъ.

Для русскихъ читателей, совершенно незнакомыхъ съ послѣ-библейскимъ еврействомъ, я снабдилъ текстъ автора нѣсколькими пояснительными примѣчаніями, отмѣченными моими инициалами.

Владиміръ Соловьевъ.

Каббала, мистическая философія евреевъ.

Когда, преслѣдуя истину въ извѣстномъ направленіи, человѣческій умъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ, до которыхъ можетъ довести избранный имъ методъ мышленія, и убѣждается, что пропасть, отдѣляющая его отъ міровой правды, все еще представляется зіяющею бездною, онъ понимаетъ недостаточность

способовъ мышленія, связанныхъ исключительно съ изученіемъ міра внѣшняго, возвращается въ себя и пытается, въ своемъ мышленіи, отрѣшиться отъ условныхъ законовъ вселенной, чтобы постигнуть сущность бытія внѣ зависимости отъ трехъ измѣреній. Нарождается *мистика*, повсемѣстно царящая въ наши дни; но мистическое ученіе, какъ бы тѣсно оно ни было связано съ нравственнымъ обликомъ мыслителя, полагающаго весь смыслъ своего существованія въ созерцаніи божества, получаетъ характерную окраску отъ того рода теософическихъ упражненій, которыми онъ, въ силу своего воспитанія и въ рамкахъ полученнаго образованія, надѣется приблизиться къ намѣченной имъ цѣли. Сильно развитая, вслѣдствіе безнадежнаго разлада между горькою дѣйствительностью и мощнымъ полетомъ мечтаній, еврейская мистика призвана играть немаловажную роль въ изысканіяхъ естества на нематеріальной почвѣ душевныхъ порывовъ, внѣ житейскихъ условій общенія ума съ міромъ пространства и разсудочнаго познанія. Обзоръ еврейской теософіи имѣетъ болѣе, чѣмъ историческое значеніе; она, правда, выродилась нынѣ въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, но въ ней кроется не одна истина, надъ которой стоитъ призадуматься, и не одна ошибка, которая вела къ роковымъ недоразумѣніямъ, — первая послужитъ на пользу, вторая будетъ въ назиданіе. Настоящій краткій очеркъ не имѣетъ, конечно, столь широкихъ притязаній; но онъ можетъ способствовать ознакомленію съ цѣлою школой, произведенія которой не легко одолѣть, несмотря на присущій имъ глубокій интересъ. Составляя его, я старался придать ему видъ не простаго компендія всюду извѣстныхъ фактовъ, и онъ, еще до выхода въ свѣтъ, былъ полезнымъ въ дѣлѣ распространенія, среди читающей публики, знакомства съ ученіемъ «каббалы».

Самое слово «каббала» требуетъ разъясненія и проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на внутреннее значеніе извѣстной подъ этимъ именемъ еврейской мистики.

Корень *кбл* примѣняется ко всякому *принятію* или *воспріятію*; на арабскомъ языкѣ, родственномъ еврейскому, *каббала* получила, между прочимъ, юридическій смыслъ *поруки*, и проникла въ Россію со многими другими мусульманскими понятіями и воззрѣніями. *Принятіе* Торы Моисеемъ на Синаѣ обусловило собою дальнѣйшее *воспріятіе* всякаго ученія, зиждущагося на авторитетѣ при отсутствіи или помимо логическаго доказательства: про-

роческія книги, боговдохновенныя писанія слывуть «каббала» въ вавилонскомъ (Rôs Hasânah 7^a, 19^a) и іерусалимскомъ (Hallah, гл. I, ст. 1, л. 57, столбецъ 2, почти въ началѣ) Талмудахъ; признанное толкованіе текста, установленное добросовѣстнымъ преданіемъ разъясненіе закона примѣкають къ священнымъ словамъ, и раввины, въ различныхъ мѣстахъ Талмуда, заявляютъ о готовности сложить оружіе передъ противникомъ въ ученomъ диспутѣ: *in qabbalah by neqabbel*—«если это традиція, мы примемъ ее». Понятно, и эсotericское ученіе стало называться этимъ именемъ, между тѣмъ какъ второе слово для выраженія преданія «массора»—передача, врученіе (Моисей принялъ, «qibbel», Тору съ Синаи и передалъ, «masar», ее Іисусу Навину), заключающее въ себѣ отбѣнокъ воздѣйствія и участія въ самомъ процессѣ традиціи, приурочено было къ огражденію внѣшней оболочки божественнаго ученія, текста Библии, отъ вольныхъ и невольныхъ искаженій. Устная передача истинъ «каббалы» естественнымъ образомъ проникла въ письменность, сперва въ темныхъ, сбивчивыхъ намекахъ, имѣющихъ смыслъ только для посвященныхъ, или же въ видѣ популярныхъ легендъ—прелестныхъ отзвуковъ неисповѣдимыхъ тайнъ; а по мѣрѣ удаленія отъ своей колыбели—въ формѣ все болѣе и болѣе полныхъ сочиненій, пока, принявъ опредѣленный характеръ къ концу XII-го столѣтія, въ пору расцвѣта мистицизма, она не породила замѣчательной литературы, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ обогатила письменность незаурядными памятниками челоѣческаго ума рядомъ съ цѣлымъ ворохомъ грубыхъ продуктовъ изувѣрства или надувательства. Сопряженная съ каббалою тайна и замкнутость кружковъ, въ которыхъ она преподавалась, породили французско-англійско-нѣмецкое *cabale* въ смыслѣ тайныхъ происковъ, козней, котеріи.

Космогоническіе вопросы издавна волновали умы: книга Бытія была благодатною почвою для развитія теорій о *маасе бешитъ* (о первомъ началѣ міра). Божоявленіе, которое нашло себѣ выраженіе при постройкѣ храма (1 Паралип. XXVIII, 18), вдохновило особенно Іезекіиля; мистицизмъ его въ *маасе меркаба* («выѣздъ» божества) долго препятствовалъ принятію его въ канонъ св. Писанія; однако, не взирая на его ассиро-вавилонскіе образы, онъ только шелъ по направленію, начертанному Ісаіею (гл. VI) и псалмопѣвцами (Псалмы XVIII, LXVIII).—Ангелология

постепенно расширяла свои владѣнія въ самомъ текстѣ Библии, по мѣрѣ удаленія идеи Бога отъ антропоморфизмовъ (отсюда различіе выраженій въ повѣствованіи о приготовленіи къ разрушенію Содома и о призваніи Гедсона).—Магія (внушеніе) и некромантія (спиритизмъ) то скрывались, то явно выступали, но пророчество въ своихъ различныхъ видахъ лишь освящало въ глазахъ народа стремленія къ познанию тайнъ природы и къ общенію съ духовными силами вселенной. Моисей, отецъ религіи, и Илія, могущественный чародѣй въ пору яркаго блеска государственности, остались въ народной памяти обладателями сверхъестественнаго дара властвовать надъ стихіями, наравнѣ съ Самуиломъ (Пс. ХСІХ), слава котораго затмилась свѣтлою и мощною личностію царя Давида. Величавый образъ Авраама и могучая власть Соломона возбуждали фантазію позднѣйшихъ поколѣній. А въ години несчастія эсхатологія утѣшала ихъ подъ именемъ грознаго Исаи (XL—LXVI) и личиною вѣщаго Даніила (ср. Іезек. XIV и XXVIII).

Магія содѣйствовала построенію храма (ТВ. Iuma 35^a); мудрый Соломонъ парилъ надъ демонами; Сатана, супостатъ человѣческаго рода, показывается въ обновленной части Іова; Херувимы (родъ сфинксовъ) и Серафимы (ср. Числа XXI съ египетскимъ uraeus) принимаютъ въ свою среду разныхъ слугъ Божіихъ, Гавріила (у Даніила, у Луки I, 19), Михаила (у Даніила, и въ Апокалипсисѣ XII, 7), Рафаила (кн. Товита) и другихъ ангеловъ на *иль* (=אל, по-еврейски Богъ),—теперь ихъ насчитывается нѣсколько десятковъ,—отринувъ низшаго Саммаила (въ Мидрашахъ,—*адъ Бога*), персы дали Асмодея, царя демоновъ и геніевъ. Знакомство съ греками породило Метатрона (*у трона* *), прозвище того, «чье имя, какъ имя его Владыки» (ТВ. Sanh. 38^b), именно архангела Михаила («кто какъ Богъ»; ср. іерус. таргумъ къ Исх. XXIV¹). Раши, комментаторъ XI вѣка изъ Труа, замѣчаетъ, что число, составленное буквами Метатронъ, равняется суммѣ буквъ Шаддай—Всемогущаго; образъ его все росъ въ воображеніи мистиковъ. Страшная Lilith (ТВ. Erub. 18^b; BB, 73^a etc.) и повелительница духовъ Аграть, дочь Махлатъ (Midr. Rabba, Num. 214^b) попадаютъ въ старинныхъ преданіяхъ. Вѣра въ силу слова вывела изъ упо-

* Эта этимологія не всеми принята; нѣкоторые видятъ въ Метатронѣ искаженное и эллинизованное (съ обычною игрою словъ) имя персидскаго Митры.

требленія «имя Бытія» (Исх. III, 14) для Превѣчнаго (Исх. XX, 7); оно было замѣнено именемъ «Господь» во всѣхъ чтеніяхъ и раздавалось только одинъ разъ въ году въ святилищѣ (Mischna Iuma VI); но тайно передавалось еще названіе изъ 12 буквъ (противъ двѣнадцати знаковъ зодіака) и даже изъ 42 (т. е. 30 дней и 12 мѣсяцевъ, ср. Вег. 32^b; ср. еще количество городовъ, принадлежащихъ духовенству, Ч. XXXV, 6 и Ис. Нав. XXI, 39, въ несогласіи съ I Парал. VI); Раши не зналъ ихъ составленія (Qidd. 71^a), но мистики придали къ нимъ 22-хъ буквенное имя по числу буквъ алфавита, источника всякаго знанія и ключа ко всѣмъ магическимъ формуламъ, и наконецъ, 72-хъ буквенное по увеличенному на единицу числу племень земли, а также членовъ верховнаго судилища—сангедрина—(небесное судилище какъ бы соотвѣтствовало земному; такъ земной Іерусалимъ—отраженіе небснаго). Магическія формулы (по Sanh. 91^a, праотець Авраамъ завѣщалъ ихъ своимъ дѣтямъ; онѣ-то и суть «подарки» кн. Бытія, XXV, 6) суть обыденное явленіе (Sabb. 67^a), амулеты—камни не считаются суевѣріемъ (Levy Neuh. Lex. s. v. Kenia). Шедимъ (демоновъ) нашли въ книгѣ Экклезіастъ II, 8; изъ боязни встрѣтиться съ ними избѣгали развалинь. Пророкъ Ілія бесѣдовалъ съ праведными мужами. Тѣла усопшихъ внѣ Палестины благочестивыхъ людей должны скатываться туда, чтобы обрѣсть свои души (Jer. Keth. XII, 35^b). *Хиббутъ lakeверъ*—сѣченіе огненными прутьями въ гробу, предоставленное позднѣ ангеламъ—мстителямъ, уже виднѣется въ ВВ. 58^a. Все это—созерцательная (*iyunith*) и прикладная (*maasit*) каббала; но для всего ея послѣдующаго троя важны мѣста вродѣ ТВ. Hagigah 11^b—16^a, которымъ соотвѣтствуютъ въ Іерусалимскомъ Талмудѣ листы 76^d—77^a; въ виду болѣе ранняго составленія Іерусалимскаго Талмуда (до раздѣла Римской имперіи) мы остановимся на немъ. Несвязный рассказъ касается I и II вѣковъ по Р. Х. и доходитъ до III и даже начала IV вѣка *).

*) Слѣдующіе за симъ отрывки изъ Талмуда, свидѣтельствующіе о древности каббалы, могутъ дать понятіе о стилѣ талмудическихъ трактатовъ. Читатели, незнакомые съ этимъ предметомъ, должны принять къ свѣдѣнію, что эти трактаты состоятъ: 1) изъ основной части, называемой *Мишна* и 2) изъ комментаріевъ къ ней *Гемара*, или Талмудъ въ тѣсномъ смыслѣ, существующій въ двухъ различныхъ редакціяхъ—іерусалимской, болѣе древней (III в.) и менѣе полной, и вавилонской, болѣе поздней (V в.) и болѣе полной. Вл. С.

Мишна... Не излагаютъ космогоніи въ присутствіи двухъ, а теософіи въ присутствіи одного, развѣ онъ уменъ и понимаетъ отъ себя. Кто созерцаетъ 4 предмета, лучше бы тому не родиться на свѣтъ: а именно, что сверху, что снизу, что спереди, что сзади. Кто не оберегаетъ чести своего Владыки, лучше бы тому не родиться на свѣтъ.—*Гемара...* Заповѣдь: *а теософіи въ присутствіи одного*—въ духѣ р. Акибы (современникъ императора Адриана); всѣ согласны, что она имѣетъ цѣлю внушить человѣку охрану чести Владыки его. Не такъ проповѣдовалъ Рабъ (дѣйствовалъ въ Вавилонѣ въ первой половинѣ III вѣка): человѣку не дозволено высказывать свое мнѣніе при наставникѣ, развѣ если онъ видѣлъ или служилъ (т.-е. самъ имѣлъ видѣнія или выслужилъ свой срокъ послушничества по окончаніи ученія); какъ онъ дѣлаетъ? Сначала наставникъ раскрываетъ передъ нимъ тезисы стиховъ и соглашается (на развитіе темы ученикомъ).— Р. Хійя (дядя Раба) отъ имени Р. Іоханана (младшій современникъ Раба, жившій въ Палестинѣ): у Rabbi (составитель Мишны, наставникъ р. Іоханана) былъ ученикъ съ живымъ умомъ, который, развивъ главу изъ теософіи противъ мнѣнія Rabbi, былъ пораженъ язвою. Въ этомъ вѣроученіи будто двѣ стези, одна огненная, другая снѣжная; клониться туда—погибнуть отъ огня, сюда—отъ снѣга; что же дѣлать?—идти посрединѣ.—Разсказываютъ про Rabbān Іоханана бен-Заккай (современникъ разрушенія храма), что онъ однажды ѣхалъ на ослѣ, а р. Лазарь б. Арахъ, слѣдовавшій за нимъ, сказалъ ему: «Рабби, преподай мнѣ главу изъ *маасэ-меркаба*». Тотъ отвѣтилъ: «Не такъ-ли учили мудрецы: И не *меркаба*, развѣ умному, понимающему отъ себя?»—«Рабби, дозвожь мнѣ слово сказать при тебѣ».—«Говори». Какъ началъ р. Лазарь б. Арахъ излагать *маасэ-меркаба*, р. Іохананъ слѣзъ съ осла: «Неприлично мнѣ верхомъ слушать провозглашеніе славы Владыки моего». Пошли они и сѣли подъ деревомъ; огонь спустился съ неба и окружилъ ихъ, а ангелы служебные стали плясать передъ ними, какъ свадебный поѣздъ радуется передъ женихомъ. Отозвался одинъ ангелъ изъ пламени: «По твоимъ словамъ, Лазарь б. Арахъ, такъ и есть *маасэ-меркаба*». Не медля разверзли деревья свои уста и запѣли гимнъ: «Се поютъ всѣ деревья лѣсныя (Псаломъ ХСѢІ, 12)». Какъ кончилъ р. Лазарь б. Арахъ про *маасэ-меркаба*, всталъ р. Іохананъ б. Заккай и поцѣловалъ его въ голову (и тутъ же расхвалилъ его).—Какъ услышали

р. Иосифъ священникъ и р. Симеонъ б. Натаніэль (также ученики р. Иоханана б. Заккай), и они начали излагать *маасъ меркаба* говоря: «Однажды, около лѣтнаго солнцестоянія, земля затряслась и радуга появилась въ облакахъ» (намекъ на *величіе* Бога (громъ) и *милость* Его (радуга), два атрибута, вошедшіе въ составъ сефиротъ). Вышла *дочь голоса* (*бат-гол*— часто встрѣчается въ Талмудѣ) и объявила имъ: «Мѣсто вамъ заготовлено, столь накрыть для васъ, а ваши ученики предназначены для третьяго разряда» (въ раю, разрядъ благочестивыхъ). Сказано: «Насыщеніе (соба) радостями у лица Твоего» (Псал. XVI, 11),—значитъ семь (шеба) разрядовъ праведныхъ на томъ свѣтѣ. Еще случай съ р. Иехошуа (ученикъ р. Иоханана б. Заккай): онъ шелъ по дорогѣ, Бен-Зома (ученикъ р. Акибы) поравнялся съ нимъ, но не отвѣтилъ на привѣтъ р. Иехошуа; этотъ спросилъ: «Откуда и куда, бен-Зома?»—«Я,—говорить,—созерцалъ маасъ берешить,—и между низшими и высшими водами не болѣе, какъ два вершка: здѣсь (Бытія I, 2) сказано *витають* *), и ниже (Втор. XXXII, 11) сказано: «Какъ орель пробуждаетъ свое гнѣздо, надъ птенцами *витають*». Какъ послѣднее *витають* значитъ *дотраиваются*—*не дотронется*, такъ и здѣсь **). Р. Иехошуа сказалъ своимъ ученикамъ: «Вотъ бен-Зома—остался снаружи (не проникъ въ тайны природы)». И не было легкихъ дней до смерти бен-Зома (должно быть, произошелъ расколъ въ школѣ). Р. Иуда б. Пази отъ имени р. Иосифа изъ школы р. Иуды (конецъ III вѣка): «Трое выложили свою ученость передъ наставниками: р. Иехошуа передъ р. Иохананомъ б. Заккай, р. Акиба передъ р. Иехошуа, Хананія б. Хакинай передъ р. Акибою, и послѣ этого ихъ умъ помутился. Четверо вошли въ огородъ ***): одинъ, взглянувъ, умеръ; одинъ, взглянувъ, былъ пораженъ, одинъ, взгля-

*) «И Духъ Божій носился (виталя) надъ водами».

**) Смыслъ этого мѣста слѣдующій. Одно и то же еврейское слово (*мрахефетъ*) употреблено въ одномъ мѣстѣ Библии о Духѣ Божіемъ, носящемся надъ водами, а въ другомъ о птицѣ, вьющейся около своего гнѣзда,—значитъ между высшимъ, божественнымъ міромъ (верхнія воды, Духъ Божій) и міромъ матеріальнымъ (нижнія воды) такая же внутренняя живая связь, какъ между птицею и ея птенцами и такая же *близость*, какъ между этою птицею и гнѣздомъ, надъ которымъ она вѣтаетъ, касаясь его своими крыльями.

Вл. С.

***) Огородъ—тайное ученіе; изъ четырехъ раввиновъ, предавшихъ ему, только одинъ не погибъ.

нубъ; принялся рубить растенія, одинъ вошелъ здоровымъ и здоровымъ вышелъ: б. Азай (ученикъ р. Акибы), взглянувъ, былъ пораженъ, про него писано (Пр. XXV, 16): *Ты медъ нашелъ, ты, сколько тебѣ сладуетъ*; б. Зома, взглянувъ, умеръ, про него стихъ гласитъ (Пс. CXVI, 15): *Честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его*; другой, взглянувъ, принялся рубить растенія, кто это—другой? Элиша б. Абуя (знаменитый ученый, перешедшій въ манихейзмъ при Антонинахъ)... Р. Иона (начало IV вѣка) отъ имени Леви (при Александрѣ Северѣ): «Черезъ Бэтъ [слова Берешитъ (въ началѣ); въ массоретскомъ текстѣ большой Бэтъ] созданъ міръ; какъ бэтъ закрыть со всѣхъ сторонъ безъ одной, точно такъ ты не смѣешь разсуждать о томъ, что вверху, внизу, впереди и сзади, развѣ со дня, когда былъ созданъ міръ, и дальше. Говорятъ бэту: Кто тебя сотворилъ? Онъ указываетъ на верхнюю точку и отвѣтствуетъ: Тотъ, кто наверху.—А какъ имя его? Онъ указываетъ на заднюю точку и отвѣтствуетъ: Превѣчный—имя Его, Господь—имя Его... Другое толкованіе: Почему черезъ бэтъ?—Въ знакъ бераха (благословеніе), а не черезъ алэфъ (первая буква), что было бы знакомъ арифа (проклятіе). Богъ подумалъ, что міръ успѣетъ только на почвѣ благословенія». Затѣмъ идетъ разсужденіе р. Абаху (вторая половина III вѣка) отъ имени р. Иоханана (III вѣкъ) о сотвореніи сего міра черезъ *ге* (придыхательное) и будущаго черезъ йодъ, что и составляетъ вмѣстѣ *Ягъ* (*Iah*), котораго воспѣваетъ царь Давидъ (Пс. CXIII), и почему Ис. XXVI, 4, провозглашаетъ: «Ибо въ *Iah* Превѣчный скала міровъ»; намекъ его на выраженіе (Быт. II, 4) *бешбарамъ* подтверждается и массоретскимъ выдѣленіемъ буквы *ге* *). «*Ге* открыто снизу—всѣ, вступившіе въ сей міръ, попадаютъ въ *шеолъ*; подобно йоду согбены они всѣ при вступленіи въ загробный міръ...»

Такія мѣста служатъ хартією для каббалы. Самой сущности ученія Талмудъ не передаетъ, она переходитъ изъ устъ въ уста, являясь, какъ мы видѣли, достояніемъ лучшихъ умовъ, но она въ отдаленныя времена не установилась еще въ видѣ непрелож-

*) Массареты, установители окончательнаго библейскаго текста, дѣлали въ немъ различныя отмѣтки большею частью критическаго, но иногда и каббалистическаго значенія: такъ въ настоящемъ случаѣ въ словѣ *бешбарамъ* (знач. „въ сотвореніи ихъ“) они выдѣлили букву *ге* для указанія ея тайнаго смысла, какъ символа видимаго міра, или нынѣшняго вѣка. Вл. С.

вой истины; ея изслѣдованіе, какъ мы видѣли, сбиваетъ съ толку самые свѣтлые умы; она носитъ каждый разъ отпечатокъ отдѣльной личности, зависитъ отъ времени и окружающей обстановки. Но уже тогда стихъ Св. Писанія превращается въ канву, на которой выводятся самые причудливые узоры: буквы, воскрешающія живыхъ нѣкогда слова и чуднымъ образомъ передающія мысль отсутствующихъ или давно умершихъ, становятся орудіями Божьей власти и служатъ звеньями для соединенія еле намѣченныхъ глубокихъ идей; числа, основаніе всѣхъ расчетовъ въ обыденной и научной жизни, дѣлаются, какъ у Пифагора и въ неоплатонической философіи, носителями мірозданія. Уже тогда выдвигаются замѣшательства у другихъ религиозныхъ и философскихъ системъ; мыслители черпаютъ изъ собственнаго сознанія, доходятъ до экстаза, имѣютъ видѣнія. Надъ всѣми паритъ великій Р. Акиба, который занимался и теософією, и космогонією, и эсхатологією; его имя останется въ каббалѣ неразлучнымъ съ мировымъ значеніемъ буквъ (Отіотъ дер. Акиба) въ согласіи съ его готовностью нагромождать груды разсужденій на каждый кончикъ буквы Писанія (ТВ. Мен. 29^b). Другой таннаитъ *), р. Нехунія б. Гакана, старшій его современникъ, остроумный истолкователь потаеннаго смысла стиховъ Св. Писанія и составитель молитвы для снисканія Божіей благодати во время ученія, недаромъ прослылъ однимъ изъ столповъ доразсвѣтной каббалы (извѣстная подъ его именемъ каббалистическая молитва большаго объема можетъ происходить отъ одноименнаго каббалиста изъ Іерусалима, жившаго послѣ заключенія Талмуда). Въ каббалѣ же самое громкое имя получилъ славный таннаитъ, р. Симеонъ б. Йохай, ученикъ р. Акибы, который двѣнадцать лѣтъ скрывался въ пещерѣ, вдали отъ людскаго жилья, во время гоненій на еврейскую вѣру; согласно легендѣ, онъ тамъ предавался аскетизму на подобіе факировъ, зарывъ въ землю свое тѣло для умерщвленія плоти и лучшаго созерцанія божества; онъ Тиверіяду очистилъ властнымъ словомъ, онъ отъ императора вырвалъ указъ о допущеніи обрѣзанія у евреевъ. Всеобъемлющее знаніе и ясный взглядъ на вещи, глубокомысленная

*) Такъ назывался одинъ изъ преемственныхъ рядовъ талмудическихъ авторитетовъ. Это различіе на амореевъ, таннаитовъ и т. д. аналогично различаемому у католиковъ значенію отцовъ церкви, схоластиковъ и позднѣйшихъ богослововъ.

молчаливость рядомъ съ убѣдительностью слова, строгая систематичность и необыкновенное остроуміе, положеніе самаго выдающагося ученика въ школѣ, не лишеннаго мистическихъ полномочій р. Акибы, роль хранителя божественнаго ученія въ пору безпримѣрныхъ преслѣдованій; двѣнадцатилѣтняя созерцательная жизнь въ нѣдрахъ пустынныхъ горъ, — все это даетъ право каббалистамъ смотрѣть на него, какъ на своего родоначальника.

Въ Вавилоніи мистика тѣсно связалась съ магіей; лѣчебныя чары и нашептыванія знахарей занимаютъ видное мѣсто въ вавилонскомъ Талмудѣ; послѣдніе гаоны *) (X—XI вѣкъ) не смѣли даже противодѣйствовать освященному вѣками обряду, который живетъ понынѣ. Но и тамъ мистика распространялась также и другимъ путемъ: въ IV столѣтіи, р. Иосифъ обмѣнялся съ магическими учеными Пумбадиты **) (въ Вавилоніи) своими познаніями въ теософіи, между тѣмъ какъ онъ отъ нихъ перенялъ свѣдѣнія о столь развитой въ тѣхъ краяхъ космогоніи.

Наравнѣ съ усиленіемъ подвижничества у христіанскихъ монаховъ мы видимъ образованіе цѣлаго сонма *йорде-меркаба*, «спускающихся въ колесницу», которые погружались въ созерцаніе Божества, вѣроятно, глядя недвижно внизъ, на одинъ предметъ, вродѣ индійскихъ и суфійскихъ аскетовъ; Bloch (Monatschr. f. W. d. Jud. 1893) указалъ на громадное ихъ вліяніе при окончательномъ составленіи (въ V и послѣдующихъ вѣкахъ) еврейскаго молитвослова, проникнутаго ихъ духомъ, ихъ выраженіями и образами, которые служили какъ бы мостомъ къ дальнѣйшимъ прибавленіямъ каббалистовъ, и отличаются развитіемъ ангелологии и нѣкоторымъ вѣяніемъ пантеизма. Они имѣли развѣтвленія вездѣ, имѣли послѣдователей среди евреевъ въ Аравіи; отъ нихъ Могаммедъ выучился кое-чему, заимствуя у нихъ понятіе о *Сакина—шехина* (духъ Божій, покоющійся на людяхъ), которая, искони извѣстная еврейству, въ каббалѣ получила столь широкое значеніе; древній арабскій писатель Джорджаній (жилъ въ XI столѣтіи) употребляетъ для объясненія этого выраженія знаме-

*) Такъ назывались въ теченіе первой половины среднихъ вѣковъ духовныя главы разсѣяннаго еврейства, рядомъ съ которыми стоялъ свѣтскій вождь—«князь изгнанія» (рош-галута).
Вл. С.

**) Пумбадита и Сура—два главные средоточія еврейскаго образованія въ эпоху гаоновъ и экзиларховъ.
Вл. С.

нательныя слова: «при нисхожденіи въ таинство» (Landau, Synp. f. Gott, Zup. 1888).

Видѣнія учащались (для II вѣка ср. Tosephta Meg. III кон.); Элиша б. Абѳа и другіе вскормили гнозу въ лонѣ еврейства (Hönig, Die Ophiten. Berl. 1889),—въ Талмудахъ и въ Rabboth сохранились слѣды упорной борьбы между правовѣрными и заблудшими овцами; одно имя деміурга (у Иренея Adv. Haer. ed. Harvey, I 230). Jaldabaoth, возвращаетъ насъ къ еврейству («дитя хаоса»). Неудивительно, что въ мандаизмѣ (сирійскій переводъ «гнозы»,—отношеніе можетъ быть, впрочемъ, и обратнымъ), жалкіе остатки котораго прозябаютъ въ низовьяхъ Евфрата и Каруна, звучитъ донхнѣ отголосокъ еврейской мистики, чувствуется родство съ каббалою и ощущается не то искаженіе, не то перерожденіе религиозныхъ стремленій приіорданскихъ отшельниковъ временъ послѣднихъ Хасмонеевъ *).

Долгое время тайное ученіе мистики не довѣрялось письму, благодаря чему нѣтъ возможности прослѣдить начатки каббалы. Примѣръ знаменитаго р. Лазаря, или Элезара, б. Арахъ, который, въ I вѣкѣ, лишился затверженныхъ имъ познаній только изъ-за проживанія въ захолустьи, даль, однако, рано толчокъ записыванію различныхъ *мидрашимъ* (изысканія, проповѣди въ области этики и метафизики, и даже сборники легендъ) на пользу людей, отдаленныхъ отъ академій; въ IV вѣкѣ, примѣръ р. Иосифа, который по разслабленію памяти путался въ своемъ преподаваніи, былъ способенъ утратить многихъ, которые хотѣли переступить черезъ запретъ распространять божественныя тайны. Съ давнихъ поръ существовалъ Сеферъ га-Яшаръ; приписанный р. Акибѣ, его же С. Отіотъ, знаменитый С. Гекалотъ (Храмыны) р. Измаила, достойнаго соперника Акибы, который разрѣшалъ излагать самыя сокровенныя тайны космогоніи «ради дѣла», и еще С. Юхасинъ; можно туда же относить Борайта де-р. Элизеръ. Мы можемъ быть увѣрены, что *шиур-кома* (измѣреніе стана), т.-е. систематическое введеніе антропоморфизмовъ въ разсужденіяхъ о Богѣ, восходитъ до сѣдой старины,—иначе прозелитъ Аквила (во времена Адриана) не избѣгалъ бы

*) Ср. Nöldeke, Mandäische Grammatik; Brandt, Mandäische Religion, 1889; то же Mandäische Schriften, 1893; Kessler, Māni. Точки сближенія или передачи болѣе многочисленны, чѣмъ предполагается обыкновенно.

столь тщательно въ своемъ переводѣ всего, что могло напоминать о нихъ. Ученіе о переселеніи душъ, *илму-га-нэфешъ*, составляющее неотъемлемую часть Каббалы, возникаетъ уже у Филона Александрійскаго и развито у караимовъ VIII вѣка. Не все дошло до насъ, и то, что мы имѣемъ, искажено позднѣйшими добавленіями; но въ сборникѣ Бэт-га-Мидрашъ вѣнскаго раввина Леллинека мы знакомимся, въ оболочкѣ VIII—XI вѣковъ, съ завѣтами и паренесією, съ легендами (напр. Эноха), съ апокалипсисами; суть которыхъ дала гораздо раньше пищу пытливымъ умамъ сирійской школы и мечтателямъ Оиваиды.

Главный толчекъ былъ данъ приписаннымъ праотцу Аврааму и р. Акибѣ—Сефер-Йецира, книгою созданія, сочиненною на подобіе Мишны. Въ X вѣкѣ, какъ только установленіе текстовъ Библии и Талмудовъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, а равно и составленіе молитвослова были завершены, Книга Созданія привлекла къ себѣ одновременно взоры ученыхъ въ Азіи (р. Саадія), въ Африкѣ (р. Ниссимъ), въ Италиі (Саббатай Донноло), въ Испаниі (р. Исаакъ Израэли); да и впослѣдствіи интересъ не ослабѣвалъ,—лучшій и полнѣйшій комментарий принадлежитъ р. Іудѣ б. Барзилай, жившему въ Барселонѣ въ XII вѣкѣ. Но уже въ пору появленія С. Йецира въ наукѣ онъ отличается двойною редакціей,—знакъ, что его сущность передавалась ранѣе изустно въ различныхъ школахъ. По его ученію, въ основаніи всего лежитъ единый Богъ; Божья воля выражается тройко: въ письмѣ, въ числахъ и въ словѣ; мірозданіе зиждется на 10 первоначальныхъ числахъ и 22 буквахъ, дѣлящихся на 3 основныхъ, 7 двойныхъ и 12 простыхъ.

Въ мірѣ 3 элемента (огонь, воздухъ, вода), 7 планетъ, 12 созвѣздій; въ году 3 времени (холодное, теплое, влажное), 7 дней творенія, 12 мѣсяцевъ; въ тѣлѣ три основныя дѣленія (голова, туловище (грудь), животъ), 7 воротъ (5 въ головѣ, 2 въ нижней части тѣла), 12 двигателей (внутреннія приспособленія). Есть 10 *сефиротъ* (ср. Исх. XXIV, 10 «какъ блескъ сапфира»); подъ этимъ словомъ недостаточно подразумѣвать 10 чиселъ, надо соединить еще понятіе о 10 сферахъ, вспомнить о 10 категоріяхъ Аристотеля въ видимомъ мірѣ, да включить ихъ нѣкоторымъ образомъ въ существо Бога, какъ видно изъ положеній: 10 сефиротъ *belimah* (т. е. хаоса, не созданнаго міра, *безъ чего* по ст. Іова: Онъ повѣсилъ землю надъ *belimah*) по числу 10 пальцевъ, 5 противъ

5, союзъ единый... 10 сефиротъ *belimah*, удержи (*belom*) свои уста отъ говора, удержи (*belom*) свое сердце отъ вдумыванія; и если твое сердце умчится, возвратись на мѣсто *). Р. Садія не усомнился признать истины, разглашенныя книгою Созданія, на одной ступени съ противорѣчащими имъ свѣдѣніями книги Бытія Св. Писанія (Comm. sur le S. Jetsira par le gaon Saadya, éd. Lambert. Paris, 1891). 32 пути премудрости (22 буквы + 10 чисель), проповѣдуемые въ ней, были извѣстны уже во времена Траяна, когда р. Иосифъ изъ Галилеи или его сынъ установилъ по ихъ образцу 32 способа толкованія Св. Писанія; 3 элемента вмѣсто 4, три времени года (вѣроятно, съ половины сентября до половины января, затѣмъ до половины мая и отъ мая до сентября) должны быть остаткомъ старины **). Обстоятельное изученіе буквъ и слабыя начатки грамматики дѣлаютъ книгу Созданія ровесницею массоры.

Мы знаемъ, что р. Моисей Абу-Гарунъ, сынъ князя (Nasi) р. Самуэля, покинулъ, во время халифата, Вавилонію для Европы; не онъ ли занесъ на Западъ традицію С. Йецира? Свое тайное ученіе онъ передалъ р. Моисею Старому, этотъ—Симеону Великому, послѣдній—р. Элеазару Великому, ученикъ котораго р. Исаакъ родилъ р. Калонимоса, перевезеннаго въ 787 г. Карломъ Великимъ изъ Ломбардіи въ Майнцъ для просвѣщенія сѣверныхъ евреевъ; отъ него продолжается цѣпь, черезъ р. Элеазара Надзирателя изъ Шпейера и р. Самуэля Набожнаго, къ знаменитому сыну его и послѣдователю, р. Іудѣ Благочестивому изъ Регенсбурга, который непосредственно учился каббалѣ у р. Гашима, переѣхавшаго въ южную Италію изъ Суры въ Вавилонію. Р. Іуда училъ автора *Rogeah*, р. Элеазара изъ Вормса (ум. 1238), столь славнаго въ лѣтописяхъ каббалы, который былъ наставникомъ удивительнаго ученаго и чревовѣщателя р. Авраама изъ Кельна,

*) Трудно передаваемая игра словъ; мысль та, что дифференціація абсолютной сущности, выражаемая въ 10 сефиротъ, предполагаетъ ея отношеніе къ отрицательному началу—къ хаосу, или пустотѣ. Вл. С.

**) Философъ Дамаскій, De Principio, р. 388, говоритъ: Φερεκὸς δὲ ὁ Σύριος Ζηνα μὲν εἶναι αἰεὶ καὶ Χρόνον καὶ Χθονίαν τὰς τρεῖς πρῶτας ἀρχάς τὸν δὲ Χρόνον ποιῆσαι ἐκ τοῦ γένου ἑαυτοῦ πῦρ καὶ πνεῦμα καὶ ὕδωρ. Какъ извѣстно, по свидѣтельству Аристотеля, Metaph. I, 4, Эмпедоклъ τὰ ὅς ἐν ὕλης εἶδει λεγόμενα στοιχεῖα τέταρα πρῶτος εἶπεν. См. J. G. H. Swellengrebel, Veterum de elementis placita. Trier, 1844. Въ книгѣ Созданія сохранилось, слѣдовательно, древнее сирійское преданіе VI-го столѣтія до Р. X.

ослѣплявшаго всѣхъ своимъ умомъ и перенесшаго прирейнскую каббалу въ Испанію около 1250 г. Франція принимала живое участіе въ образованіи каббалы, какъ можно судить по частому повторенію титула *Nabi*—пророкъ, и возникновенію собственнаго имени *Prophiat* (*prophète*); отъ р. Хая, гаона XI столѣтія, мы узнаемъ, что она бросала лучи теософіи въ отдаленную Африку; самъ Р. Элеазаръ Рокеахъ былъ французомъ, и начало XII вѣка даетъ намъ новую (не вполне достовѣрную) цѣпь, тянущуюся отъ пророка Иліи, который явился р. Исааку Отшельнику (*Nazir*), у котораго учился р. Іаковъ Назиръ, наставникъ р. Авраама б. Давида, яраго защитника антропоморфизма противъ Маймонида, и отъ р. Исаака Слѣпного. Послѣдній, погруженный въ себя, сочинилъ замѣчательную книгу Багиръ (Яркаго Свѣта), которая носитъ, по началу своему, имя р. Нехунія б. Гакана, игравшаго важную роль въ школѣ Исаака.

Главная черта въ Сефер-га-Багиръ—реальное включеніе сефиротъ въ существо Бога, ибо о нихъ имѣеть думать молящійся, хотя они называются *maamarim* (словами творенія, но вѣдь и «Слово бѣ Богъ»); не представляетъ ли намъ извѣстный подъ именемъ св. Діонисія Ареопагита авторъ *De divinis nominibus* нѣчто очень похожее на сефиротъ въ дарахъ Провидѣнія, изъ которыхъ иные имѣють даже одинаковыя съ ними названія? и не встрѣчаемъ ли мы у Іоанна Скота Эригены (*De Divisione Naturae*, III, 1) раздѣленіе вселенной на 4 міра, какъ въ школѣ Назира, который, видно, нашель издавна упроченнымъ (соотвѣтственно каждой буквѣ тетраграммы) существованіе міра навѣванія (ацилуть), созиданія (беріа), сотворенія (йецира), дѣланія (асія)? Другая черта въ Багиръ—это неуклонное вѣрованіе въ переселеніе душъ. Третья—мистическое толкованіе буквъ, знаковъ и троповъ, а равно и обрядовъ. Четвертая—признаніе, наравнѣ съ доміровою дѣятельностью премудрости (хохма—тора), на которую уже намекають Притчи и что высказывается въ древнихъ еврейскихъ книгахъ,—нѣкоей умственной, по имени «полноты» (*malut*), избыливающей благодати. Наконецъ, слѣдуетъ выдвинуть употребленіе слова *ish*,—мужъ, *vir*,—для обозначенія всего наивысшаго, что и совпадаетъ съ понятіемъ о «древнемъ человѣкѣ» (Адам - Кадмонъ), обликъ коего весь уже обрисованъ къ тому времени, хотя съ различными отступленіями у различныхъ авторовъ.

Въ общемъ Божество представляется идеаломъ человѣчества;

но, между тѣмъ какъ «Безконечность» (Эн-софъ) у Авраама Кельнскаго отождествляется съ «Вѣнцомъ» (Кэтеръ), первую изъ сефиротъ, для другихъ она собою обнимаетъ все. *Премудрость* (Хокма) и *Умъ* (Бинъ) какъ бы оба глаза. *Благодать* (Хэседъ, отвѣчаетъ Аврааму) и *Моущество* (Гебура или Пахадъ), отвѣч. Исааку)—обѣ руки. *Велеліи* (Тифферетъ отвѣчаетъ Иакову)—грудь противъ сердца. *Вѣчность* (Нэцахъ, отвѣч. Моисею) и *Величіе* (Ходъ отвѣчаетъ Аарону)—бедра. *Основаніе* (Йесодъ—Иосифъ) и *Царство* (Малкутъ—Давидъ)—обѣ ноги; въ молитвѣ р. Нехуніи б. Гакана отношеніе между сефиротами уже получаетъ смыслъ мужского и женскаго началъ, что и повело къ расчлененію «Святаго» и «Его шекины», и еще къ дальнѣйшимъ чувственнымъ разсужденіямъ. Таковы 10 сефиротъ.

Черезъ своихъ учениковъ Эзру и Азріэля, р. Исаакъ Слѣпой имѣлъ вліяніе на мистическое образованіе р. Моисея б. Нахманъ изъ Героны, который въ каждой буквѣ Пятикнижія открывалъ тайныя имена Божества. Какъ въ Аррагонѣ, такъ и въ Палестинѣ, Нахманидъ оставилъ по себѣ лучезарный слѣдъ, но трудно доискаться его собственныхъ помысловъ въ оболочкахъ, которыми онъ ихъ заслонялъ отъ толпы.

Къ тому времени успѣло образоваться нѣсколько теченій, и писанія безъименныя, посланія за полною подписью и сочиненія подъ вымышленными именами распространялись съ неимоверною быстротой. Не постѣснились даже сдѣлать изъ Маймонида каюшагося грѣшника и приписать ему, какъ и Хаю Гаону, мистическіе труды. Но все же каббала была въ апогеѣ своего развитія. Р. Саломонъ б. Адретъ въ Барселонѣ поддерживалъ своимъ авторитетомъ правильное изученіе теософіи, преподаваемой великимъ Нахманидомъ, черпая особенно изъ книги Багиръ; его ученики: Шем-Тобъ б. Авр. ибн-гаонъ, Тодросъ Галеви Абулафія, Исаакъ б. Тодросъ (1325, въ Сафетъ въ Палестинѣ) и товарищъ его, крайне интересный Исаакъ изъ Акко, Бехай б. Ашеръ въ Сарагоссѣ (1291), наконецъ итальянецъ Менахемъ Реканати (начало XIV вѣка) продолжали традицію, вооруженные обширною ученостію. Перипатетики сосредоточились около Исаака б. Латифа (ум. 1280), любопытный образъ котораго достоинъ вниманія; полная треволненій жизнь его весьма занимательна. Рядомъ съ нимъ встаетъ всесторонне образованный Авраамъ Абулафія, изувѣръ и духовидецъ, послѣдователь Маймонида и пророкъ, Мессія и врачъ

род. въ Туделѣ въ 1240 г.; онъ изъ Испаніи переѣхалъ въ Италию, пытался обратиться папу къ своимъ идеямъ, старался окружить себя школою, объявилъ себя Мессією въ Сициліи и нашель убѣжище на островѣ Comino, около Мальты. Онъ вѣрилъ Иисусу, какъ пророку, не отрицалъ тѣсной связи между сефиротами, ипостасями божества, и ученіемъ о Троицѣ; онъ думалъ только, что каббала идетъ еще глубже. Онъ много писалъ, прибѣгая часто къ псевдониму Raziel (Тайна Бога). Его ученикъ Іосифъ б. Гикатилкья превзошелъ его мастерскимъ и послѣдовательнымъ изложеніемъ всей системы философской каббалы *Шаарэ Ора* и въ *Гинат-Эюсъ* при неподобномъ владѣніи еврейскимъ слогомъ; онъ заслуживаетъ названія еврейскаго Гегеля.

Между тѣмъ въ Авилѣ, гдѣ въ послѣдствіи родилась св. Тереза, составлялась одна книга, долженствовавшая имѣть первенствующее значеніе въ исторіи Каббалы. Частями, изъ-подъ руки мистика Моисея Шемтобъ изъ Леона выходилъ Зогаръ («Блескъ»), будто-бы сочиненіе Р. Симеона б. Юхая въ видѣ теософическаго толкованія кн. Бытія, Исхода и Левита. Что Моисей Леонскій пользовался многими, несомнѣнно старинными, отрывками, не подлежитъ сомнѣнію послѣ тщательной выборки Д. Луріею въ Кенигсбергѣ въ началѣ нашего вѣка всѣхъ мѣстъ Зогага, на которыхъ имѣются недвусмысленные намеки вавилонскихъ гаоновъ. Что, въ общемъ, Зогаръ—замѣчательный памятникъ человеческого ума, показываетъ громадный трудъ, который посвятилъ ему въ формѣ комментаріевъ къ пятикнижью почти современникъ Моисея Леона, выдающійся писатель Менахемъ Реканати. Позволено подозрѣвать, что Авраамъ Абулафія не былъ чуждъ сочиненію Зогара, какъ по самому имени, такъ и по идеямъ, развитымъ въ немъ. Въ концѣ XIII столѣтія никто не зналъ объ его существованіи; Исаакъ изъ Акко опоздалъ поѣздкою въ Испанію и не могъ видѣться съ Моисеемъ де Леонъ (ум. 1305), но бесѣда съ его вдовою убѣдила его, что книга не старинная въ своемъ нынѣшнемъ составѣ, и португалець Авр. Закутъ въ концѣ XV столѣтія занесъ его свидѣтельство на скрижали своей лѣтописи. Въ XIV вѣкѣ каббалистъ Іосифъ ибнъ Ваккаръ совѣтовалъ не читать Зогара, по его мнѣнію, полного ошибокъ, и въ XVI вѣкѣ Іуда Моденскій доказывалъ его несостоятельность. Дѣйствительно, имѣются въ немъ свѣдѣнія о гробѣ Мухаммедовомъ, говорится болѣе или менѣе ясно о мусульма-

нахъ, читается намекъ на смерть папы Николая III (1280 г.) и т. д. Употребленный въ Зогаѣ арамейскій языкъ, который нѣкогда служилъ евреямъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, считался языкомъ ангеловъ (вѣроятно, потому, что въ видѣніяхъ бесѣды происходили на повседневномъ нарѣчій), проникъ въ молитвословъ для кадиша и поминовенія усопшихъ женщинъ (женская часть населенія не умѣла по-еврейски за рѣдкими исключениями), и развилъ изъ себя общедоступную таргумистическую литературу, — не отличается въ Зогаѣ правильностью и чистотою отдѣлки, какъ это доказалъ слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ С. Д. Луццатто. Послѣдній аргументъ лишень извѣстной силы вслѣдствіе странной судьбы Зогаѣ въ началѣ его появленія, неполноты списковъ, отрывочнаго состоянія рукописей, нетвердаго знанія переписчиками арамейскаго языка; къ печатанію, въ 1558—1560 г., уже предстояли двѣ редакціи со множествомъ вариантовъ: мантуанское изданіе одержало верхъ, благодаря амстердамской перепечаткѣ; кремонское заслуживаетъ бѣльшаго довѣрія; послѣдующія изданія всѣ искажены то небрежностью, то цензурными требованіями*).

Зогаѣ переноситъ чувственность и половыя отношенія въ невидимый міръ: «Благодать» (*Хеседъ*) именуется «Отцомъ» (*Аба*) съ атрибутомъ «долготерпѣнія» (*Арик-Аннинъ*), цвѣта бѣлаго, соотвѣтствуя буквѣ *йодъ* тетраграммы; «Правосудіе» (*Динъ*, тоже, что *себура* и *паходъ*) именуется «Матерью» (*Ума*) съ атрибутомъ «нетерпѣливости» (*Зээр-Аннинъ*), цвѣта краснаго, соотвѣтствуя буквѣ *и*. Изъ ихъ сочетанія нарождается «Велѣніе» (*Тиферетъ*), «Средній Столпъ» (*Амуда Дезмоцита*), или сынъ, цвѣта зеленаго (переливающегося въ синій и желтый), соотвѣтствуя буквѣ *вау*. Три лѣвыхъ сефиротъ подвластны Матери, три правыя проистекаютъ отъ сына. Надъ всѣми царитъ «Вѣнецъ» (*Кетеръ*), «Старецъ Дней» (*Атикъ-Йоминъ*), который по цвѣту и по атрибуту совпадаетъ все-таки съ «Отцомъ». Какъ у Абулафія, чувствуется сближеніе съ христіанствомъ на почвѣ мистики—Шекина и Малкутъ часто выражаютъ собою женское начало въ противовѣсъ мужскому Эн-софъ; однако

*) Весьма запутанный и важный вопросъ объ установленіи текста Зогаѣ и о сравнительной цѣнности его двухъ редакцій занимаетъ теперь ученыхъ; см. особенно статью проф. David'a Kaufmann'a въ *Monatsschrift f. Gesch. u. Wiss. d. Jud.* за 1894 годъ.

Богъ остается вообще внѣ всякаго опредѣленія и выше всякаго описанія.

Вокругъ Зогара образовалась вскорѣ цѣлая литература, составляющая какъ бы одинъ цикль: *Sifra di Tseniuta, Ra'ya Mehemna, Midrash Hane'elom, Midrash Ruth, Tiqune Zohar, Idra Rabba, Idra Zuta, Sitre Torah* и т. д. Комментаріи непосредственные и косвенные росли числомъ. Полный еврейскій переводъ Зогара восходитъ къ первымъ годамъ XVI столѣтія; Зогаръ распространился по всему свѣту, завоевалъ весь ортодоксальный міръ и заслужилъ даже быть истолкованнымъ величавымъ и авторитетнымъ виленскимъ гаономъ (ум. 1797). Только въ половинѣ прошлаго вѣка вновь возникли сомнѣнія, и изслѣдованія привели къ результатамъ, которые, хотя и не окончательно установлены, но значительно сѣздили предѣлы дальнѣйшихъ преній.

Зогаръ весьма теменъ и сбивчивъ; но, при вдумываніи, открываетъ цѣлые кругозоры непредубѣжденному уму*). Вотъ начало его, по кремонскому изданію: „Въ началѣ соизволилъ Царь изваять изваяніе въ горней чистотѣ; свѣтъ по существу проистекалъ въ нѣдрахъ наискровеннѣйшаго, изъ главы Безконечнаго; царь комомъ застылъ въ кольцо,—ни бѣлое, ни черное, ни красное, ни желтое, вовсе безсвѣтное. Какъ вывелъ онъ мѣрку, онъ сдѣлалъ цвѣта для освященія внутрь; въ нѣдрахъ свѣта проистекалъ родникъ, изъ коего окрасились цвѣта книзу наискровеннѣйшаго, изъ тайника Безконечнаго; пробивалъ, да не пробилъ своего ээира; онъ не былъ извѣстенъ, пока изъ самаго лона его расщелины не просіяла одна точка, замкнутая, выпняя; за эту точку онъ уже неизвѣстенъ, и посему именуется началомъ, начальнымъ словомъ всего. *И уразумѣвшіе блеснутъ блескомъ тверди, а оправдавшіе многихъ—будто звѣзды, на стьки вѣчныя* (Дан. XII). Наискровеннѣйшій блескъ протопталъ свой ээиръ, который проникалъ, да не проникъ до той точки, и тогда развернулось то начало и сдѣлало ему храмину для

*) Помѣщенное засимъ начало Зогара, переведенное буквально, вполне подтверждаетъ отзывъ почтеннаго автора о темнотѣ и сбивчивости этой книги. Происходитъ это свойство главнымъ образомъ отъ того, что сверхміровыя отношенія представляются въ образахъ пространственныхъ, временныхъ и механическихъ безъ опредѣленнаго указанія на символическій характеръ этихъ образовъ. Впрочемъ мы находимъ это и въ другихъ мистическихъ писаніяхъ, занимающихся космогоніей, напримѣръ, у Якова Бема. Вл. С.

почести его; тамъ засѣмнилось сѣмя для порожденія пользы міровъ, и се тайна: *Сѣмя святости, — ея насажденіе* (Ис. VI). Блескъ! — онъ же засѣялъ сѣмя для своей почести, тѣмъ ли сѣменемъ шелково-багрянымъ, которое скрылось внутрь и сдѣлало ему храмину, въ прославленіе его и на пользу всему; въ (бе) — томъ началъ (*решишь*) онъ сотворилъ (*бара*) — то сокровенное, что не дало себя познать этой храминѣ. Эта храмина именовалась Богомъ (*Элоимъ*), и се тайна: *Въ началъ сотворилъ Богъ (берешитъ бара Элоимъ, Быт. I)*. Блескъ! — изъ него же всѣ изреченія сотворилися таинствомъ развитія точки сего сокровеннаго блеска; если про это писано: *сотворилъ (бара)*, неудивительно, ибо написано: *И сотворилъ (бара) Богъ (Элоимъ) человекъ въ свой образъ* (Быт. I). Блескъ — тайна первичнаго начала всего; *Есмь (эъзъ въ преподаванномъ Моисею завѣтѣ: эъзъ ашэръ эъзъ, дословно, есмь кто есмь)* — имя святое, изваянное у его края; Богъ (*Элоимъ*) изваянь въ его окружности. *Кто (ашэръ)* — храмина потайная и сокровенная, разрѣшеніе тайны начала (*решишь*); *ашэръ* (кто) и есть *рошъ* (глава), проистекающій изъ *решишь* (начало). А по устроеніи за точкою и храминою одного порядка, тогда *бе решишь* (въ началѣ) завершился вышній *решишь* (начало) въ премудрости, послѣ того какъ, измѣнивъ цвѣтъ, та храмина именовалась *бэтъ*; вышняя точка именовалась *рошъ* (глава), вершая это тѣмъ въ тайнѣ *берешитъ* (въ началѣ), разъ все едино въ единой общности, пока не было заселенія въ *бэтъ* (буква б и вмѣстѣ съ тѣмъ — *домъ*) и понеже онъ засѣмнился для устройства заселенія, она стала именоваться тайнымъ, сокровеннымъ божествомъ (*элоимъ*). Блескъ потайной и сокровенный, — пока дѣти въ нѣдрахъ его для рожденія, и домъ *бэтъ* пребываетъ въ зародышахъ устройства, что и есть *сѣмя святости*. До заготовленія и развитія зародыша заселенія онъ не именовался божествомъ (*элоимъ*), а *всѣмъ въ общности начала (берешитъ)*; а, при устроеніи именемъ Бога (*элоимъ*), онъ выпустилъ тѣ зарожденія изъ того ли сѣмени, что въ немъ засѣмнилось. Каково это сѣмя? То буквы согласныя, изваяніе тайны ученія, которыя и проистекали изъ той точки. А та точка — сѣмя въ нѣдрахъ той храмины, сѣмя трехъ точекъ (гласныхъ знаковъ): *о, у, и*. Онѣ восполнили другъ друга и сдѣлались одною тайною — звукомъ, выходящимъ въ одномъ сочетаніи... и т. д.

Ученикъ Юсифа Каро, знаменитаго талмудиста и законодателя, Р. Моисей б. Іаковъ Кордоверо (т.-е. Кордуанскій) раз-

вилъ въ Пардесъ Римонимъ теорію о тайнѣ стягиванія вездѣ-сущаго божества для оставленія мѣста созданнымъ мірамъ (сода-цимцумъ); онъ жилъ въ Палестинѣ (ум. 1570) и имѣлъ видѣнія, въ которыхъ бесѣдовалъ съ пророкомъ Иліею. Его славу, однако, затмилъ его же современникъ и землякъ, *Ари* (левъ), т.-е. Ашкенази Р. Исаакъ Лоріа (умеръ въ Сафетѣ въ 1572 г.), скитникъ и чудотворецъ, извѣстный теоріею о намѣреніяхъ (*каванотъ*) и прививкою *иббуръ*—лишней души къ человѣческой, уже и такъ осужденной на переселеніе *). Онъ имѣлъ громадное вліяніе на послѣдующія поколѣнія своимъ примѣромъ, своими экстазами, своими молитвами и своими учениками, между которыми отличался Хайимъ Виталь Калабрійскій (ум. 1620); они-то записали его ученіе и распространили его въ Азіи, Европѣ и Африкѣ; а нынѣ оно изучается и въ Америкѣ.

Каббала превращалась въ демонологию, грозя разрушеніемъ всякой живой и самостоятельной дѣятельности. Противъ Ари ополчился Іуда Моденскій въ Италиі; въ Голландіи боролся Уріэль Дакоста. Между тѣмъ она успѣла завоевать себѣ мѣсто въ христіанской наукѣ черезъ Пико дела Мирандола (ученика Иліи дель Медиго) и Рейхлина; она прельщаетъ и современныхъ маговъ въ Парижѣ (Parus; его недавнее сочиненіе не имѣетъ никакой цѣны), нѣмецкихъ послѣдователей С. du Prel и американскую школу тайныхъ наукъ (Isaac Myer, Qabbalah, Philadelphia, 1888,—интересное сочиненіе).

Въ европейской средѣ слѣдуетъ упомянуть объ амстердамцѣ Менахемѣ б. Израэль, современникѣ Кромвелля; о Іесайа Горвицѣ (1570—1630), извѣстномъ сочинителѣ *Шенэ Лухот Габеритъ* въ духѣ Ари; о ливорнцѣ Іосифѣ б. Иммануэлѣ Эргасѣ, написавшемъ *Шомеръ Элумимъ*, превосходный сводъ лучшихъ каббалистическихъ идей. Рядомъ съ Эргасомъ подвизался высокодаровитый Моисей Хайимъ Луццато (1707—1747), который кончилъ такъ несчастливо: отъ него можно было ожидать полного обновленія еврейской мистики, но глубокомысленная книга его *Ноагер и Мекуббал* исполнила только часть справедливо возлагавшихся на него надеждъ.

*) Каббалисты различали два способа посмертнаго существованія душъ на землѣ: *Гилуль* или полное вселеніе души въ другое тѣло, и *Иббуръ*, или тѣсное соединеніе прежде бывшей души съ другою, новою—на 7-мъ, 14-мъ и т. д. году рожденія. Вл. С.

Уже раньше чистая каббала имѣла громадное вліяніе на образованіе системы Спинозы *); въ немъ, частью подъ ея наитіемъ, воскресъ съ большею лишь силою испанецъ Ибнъ-Гебироль, который въ XI вѣкѣ далъ оригинальное направленіе неоплатонизму и произвелъ переворотъ въ католическомъ умозрительномъ богословіи **); въ немъ же вновь ожили подъ строго систематическою формою глубокія разрозненныя мысли нѣсколько позднѣйшаго, загадочнаго Р. Абрама Ибнъ-Эзры. Но на Востокѣ каббала породила движеніе Саббатая Цевія, которое имѣло не мѣнѣе печальное повтореніе въ Франкѣ и франкистахъ конца прошлаго столѣтія; Франково ученіе, съ поклоненіемъ идеальной красотѣ въ лицѣ Еввы, дочери Франка, — послѣ разсѣянія оффенбахскаго двора, таилось еще въ Варшавѣ, гдѣ, будто, хранится Библия, имъ сочиненная (Grätz, Frank und die Frankisten; Дубновъ, въ Восходѣ за 1888 г.) ***). Но самое большое зло причинила она появленіемъ чудотворца Бешта (Баал - Шэм - Тобъ — обладатель Добраго Имени), который около 1730 г. въ Меджибожѣ изобрѣлъ хасидизмъ, развивъ ханжество въ ущербъ наукѣ, давъ просторъ суевѣрію и сотворивъ цѣлый сонмъ искреннихъ и неискреннихъ Мизесъ, Перль и Эртеръ въ Галиціи обличали ихъ, особенно второй бичевалъ ихъ непощадно въ своемъ *Цофе леветъ Исраэль*. Хасидизмъ не пустилъ глубокихъ корней тамъ, гдѣ люди просвѣщенія, какъ Цунцъ и Рапопортъ, энергично стояли на стражѣ еврейства. На Литвѣ, гдѣ противодѣйствіе виленскаго Гаона только задержало успѣхи новаго толка, развитіе

*) Во многомъ онъ развиваетъ основное положеніе каббалы; во многомъ же онъ направляетъ свои удары прямо на ея отступленія отъ здраваго разсудка; но, если Маймонидъ приучилъ его умъ къ почитанію разсудка, если Декартъ далъ ему свой прекрасный методъ, то еврейская мистика перенесла его зато за предѣлы міра пространства, открывая его духовному взору безчисленное множество міровъ и заставляя его искать, внѣ самого человека, причину и смыслъ его существованія. — См., кромѣ его сочиненій, его отношенія къ схоластикѣ у Freudenthal, 1887, и его систему въ трудѣ Spinoza par L. Brunschwig, 1894.

**) Ср. Munk, *Mélanges de Philosophie juive*; Isaac Myer, *Qabbalah*; D-r de Guttman, *Die Beziehungen d. Johannes Duns Scotus z. Judenthum*, *Monatschrift f. G. u. W. d. Iud.* 1893.

***); Sulima, *Hist. Franki Frankistów*, Kraków — не имѣетъ научнаго значенія; по-русски есть тоже популярное изложеніе этого движенія, но лишненное всякой критики.

учености дало симпатичный обликъ любавичскимъ хасидамъ; но на югѣ Россіи возможно было появленіе такихъ сектантовъ, которые вначалѣ считали, что, разъ отдавши свои помыслы Богу, человѣкъ не отвѣчаетъ за свои поступки. Непонятый ими Зогаръ замѣнилъ для нихъ всю письменность; молитвы превратились въ прикладную каббалу. Нынѣ, конечно, это сильно измѣнилось къ лучшему, и чудеса исчезаютъ мало-по-малу съ лица земли. На Востокѣ, однако, отъ Кавказа и отъ Марокка, прикладная каббала полна жизни, и евреи считаются въ народныхъ сказкахъ чародѣями.

Кромѣ подлинныхъ сочиненій каббалистовъ, можно получить понятіе объ ихъ ученіи въ *Die Gottesdienstliche Vorträge der Juden*, Zunz'a (перв. изд. 1832 г., второе дополн. 1892 г.); *Jewish Literature*, Steinschneider'a, London, 1857 (по-нѣмецки *Jüd. Litteratur* въ *Ersch und Gruber's Encyclopädie*); *Gesch. der jüd. Litt. Karpeles'a*; *Jüd. Litt. seit Abschluss des Kanons* herausg. von S. Winter und, Aug. Wünsche-III, p. 217—286, D-r Philipp Bloch'a; *Gesch. der Juden*, Grätz'a; *La Cabbale*, Franck'a (перв. изд. 1842 г., второе изд. 1891 г.); нѣмецкое изданіе этой же книги съ добавленіями Йеллинека. Для знающихъ по-еврейски: капитальное сочиненіе *Dor Dor Wedorschow*, Weiss'a; *Toldoth Haqabbalah Vehahasiduth*, Gottlob'er'a, Житомиръ, 1869. Не слѣдуетъ забывать еврейскаго по-временнаго изданія *Kerem Chemed*, всѣхъ разнообразныхъ изданій Йеллинека по каббалѣ (*Beiträge, Auswahl, Bet - Hamidrasch* etc.), *Hebräische Bibliographie* и *Cat. libr. Hebr. Bibl. Bodleiana*, Steinschneider'a. Въ этихъ сочиненіяхъ находятся дальнѣйшія библиографическія подробности. Интересенъ *Midrash Reubenî*, любопытное собраніе каббалистическихъ «анекдота»; заслуживаетъ вниманія грѣшашее недостаточною разработкою историческаго матеріала *Heidenthum und Kabbala*, D-r Rubin'a, 1888, на еврейскомъ языкѣ.—Послѣ заключенія этой статьи появились *S. Rubin, Kabbala und Agada*, Wien 1895, гдѣ собраны интересныя сопоставленія; *M. Ehrenpreis, Die Entwicklung der Emanatiwslehre*, Frankfurt a/M 1895,—ясное изложеніе развитія каббалы въ XIII вѣкѣ; *G. A. Deissmann, Bibelstudien*, Marburg 1895, гдѣ можно прочесть каббалистическіи манипуляціи съ именемъ Бога въ неоспоримыхъ документахъ третьяго вѣка. Такое же заключеніе о старинности каббалистическихъ книгъ вытекаетъ изъ 2-го т. *Mediaeval Chronicles* A. Neubauer'a.

Давидъ Гинцбургъ.

Психофизиологическія изслѣдованія надъ микроорганизмами.

Въ послѣдніе годы появляется очень много сочиненій, посвященныхъ описаніямъ наблюденій и экспериментовъ надъ жизнью микроорганизмовъ. Стоитъ лишь вспомнить объ изслѣдованіяхъ Ферворна *), Бинэ **), Мопэ ***) , Сури ****) и мн. др., чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Но авторы этихъ сочиненій не ограничиваются одними описаніями,—они даютъ своеобразное толкованіе наблюдаемымъ и опытно воспроизводимымъ явленіямъ, и эти толкованія достойны вниманія всѣхъ интересующихся біологическими и психологическими вопросами. Правда, и прежде не было недостатка въ изслѣдованіяхъ жизненныхъ явленій микроорганизмовъ (стоитъ лишь вспомнить работы Энгельмана, Ценковскаго и др., явившіяся еще въ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ, не говоря уже о болѣе раннихъ трудахъ Эренберга и Дюжардена), но прежнія наблюденія производились болѣе изъ физиологическихъ или медицинскихъ цѣлей, чѣмъ изъ психологическихъ или общебіологическихъ. Что же касается изслѣдованій послѣдняго времени, то появленіе ихъ объясняется очевидно тѣмъ, что современные естествоиспытатели и психологи надѣются найти въ явленіи

*) M. Verworn: Psychophysiologische Protisten-Studien. Iena, 1889.

**) A. Binet: La vie psychique des microorganismes. Paris, 1891.

***) Maupas E. Etude des infusoires ciliées. Archives de zoologie experimentale, 1883, t. I.

****) La psychologie physiologique des protozoaires. Revue philosophique, t. 31.

нiяхъ жизни микроорганизмовъ очень серьёзные данныя для рѣшенiя основныхъ биологическихъ и психологическихъ проблемъ. Особенно это нужно сказать о психологахъ. Что въ названныхъ сочиненiяхъ преобладаетъ интересъ именно психологическiй, это отчасти можно видѣть изъ самыхъ заглавiй сочиненiй: «Психическая жизнь микроорганизмовъ», «Физиологическая психологiя простѣйшихъ», «Психо-физиологическiе этюды о протистахъ». Въ виду этого, задача нашего очерка будетъ состоять, главнымъ образомъ, въ рѣшенiи, на основанiи приведенныхъ нами данныхъ, вопроса, — насколько состоятельны притязанiя означенныхъ естествоиспытателей и психологовъ, — иначе сказать, имѣютъ ли эти изслѣдованiя какое-нибудь положительное значенiе для биологiи и психологiи.

При этомъ считаемъ нужнымъ сказать, что мы будемъ имѣть въ виду преимущественно изслѣдованiя Ферворна и Бинэ, — съ одной стороны, потому, что они сравнительно съ другими отличаются особенною полнотою фактическихъ данныхъ и законченностью своихъ теоретическихъ выводовъ, съ другой — потому, что изслѣдованiя другихъ изъ упомянутыхъ авторовъ или входятъ въ качествѣ материала въ составъ названныхъ работъ Ферворна и Бинэ (напр., Мопэ), или же составляютъ только ихъ компилятивную передѣлку (Сури).

Обратимся же теперь къ психофизиологическимъ даннымъ, представленнымъ двумя названными изслѣдователями. Но сначала обратимъ вниманiе на методъ ихъ изслѣдованiя.

Для констатированiя специально биологическихъ феноменовъ у микроорганизмовъ достаточно метода простого наблюденiя или эксперимента, подобно тому какъ эти явленiя изслѣдуются у высшихъ органическихъ существъ. Но другое дѣло психическiя явленiя. Что касается нашей душевной жизни, то такая открывается намъ непосредственно въ нашемъ самонаблюденiи, и собственно говоря, мы можемъ имѣть достовѣрное познанiе только о своей психической жизни, — о душевной жизни другихъ людей мы можемъ заключать только по аналогiи. Аналогiя эта строится слѣдующимъ образомъ. Мы знаемъ непосредственно наши душевныя состоянiя, знаемъ также и объективныя явленiя, соответствующiя этимъ состоянiямъ и выражающiяся обыкновенно въ движенiяхъ. Не имѣя возможности непосредственно проникнуть въ душевную жизнь другихъ людей, мы замѣчаемъ только ихъ движенiя и сравниваемъ ихъ со своими. А такъ какъ послѣднiя,

насколько намъ извѣстно изъ непосредственнаго опыта, служить у насъ выраженіемъ извѣстныхъ душевныхъ состояній, то мы естественно приписываемъ виновникамъ этихъ чуждыхъ намъ движеній соотвѣтственныя психическія состоянія. Подобная же аналогія служить намъ единственнымъ средствомъ познанія душевной жизни и у другихъ живыхъ существъ. Мы не можемъ непосредственно воспринимать душевной жизни животныхъ; мы можемъ лишь констатировать движенія, соотвѣтствующія тѣмъ изъ нашихъ движеній, которыя служатъ объективными проявленіями нашей психической жизни. Отсюда мы заключаемъ, что и животныя не лишены душевной жизни.

Этотъ самый методъ заключенія по аналогіи, на основаніи наблюдаемыхъ движеній, употребляютъ и названные нами изслѣдователи микроорганизмовъ. Такимъ образомъ, ихъ сочиненія представляютъ изъ себя собственно описаніе и истолкованіе *движеній*, замѣчаемыхъ у низшихъ изъ живыхъ существъ *).

Движенія, производимыя микроорганизмами, очень разнообразны, и трудно установить опредѣленные типы ихъ. Но все-таки, по мнѣнію М. Ферворна, можно различать двѣ основныхъ группы движеній: 1) движенія при перемѣщеніи съ мѣста на мѣсто, или движенія *локомоціи* и 2) движенія внутри протоплазматическаго тѣла. Къ первой группѣ движеній относятся слѣдующія двѣ главныя формы: 1) амебоидная форма и—какъ ея модификація—движеніе при помощи псевдоподій, наблюдаемое у корненожекъ и нѣкоторыхъ жгутиковыхъ; 2) движеніе при помощи *рѣсничекъ*, замѣчаемое у жгутиковыхъ, рѣсничатыхъ инфузорій и др.

Что касается движеній внутри тѣла, то тутъ можно упомянуть тоже двѣ главныя формы: 1) *такъ называемое, реофорическое* движеніе, которое состоитъ въ томъ, что твердыя частицы тѣла при-

*) М. Verworn: Psychophysiologische Protisten-Studien, S. 25. Ферворнъ разсматриваетъ въ своей книгѣ именно протистовъ въ геッケлевскомъ смыслѣ слова, т.-е. включаетъ сюда какъ вылающихъ представителей самаго низшаго класса животныхъ (Protozoa), такъ и нѣкоторые виды живыхъ существъ, причисляемые другими къ растеніямъ (шизомицеты діатомовыя и водоросли и др.). Бинэ имѣетъ въ виду только животныхъ и микроорганизмы. Мы въ своемъ очеркѣ будемъ разсматривать движенія, замѣчаемыя преимущественно у простѣйшихъ въ ихъ главныхъ представителяхъ (корненожки, жгутиковыя, рѣсничатыя инфузоріи и др.).

водятся въ движеніе микроскопическими теченіями внутри протоплазматической массы,—эта форма наблюдается больше всего у корненожекъ, и 2) движеніе *сокращенія или контракціи* всего тѣла, наблюдаемое у корненожекъ, рѣсничатыхъ и др. *).

Таковы главные типы движеній, замѣчаемыхъ у микроорганизмовъ. Движенія эти или совершаются произвольно, т.-е. наблюдаются и тогда, когда микроорганизмы не испытываютъ никакого раздраженія извнѣ, или же вызываются подъ вліяніемъ особыхъ внѣшнихъ раздраженій. Поэтому М. Ферворнъ для удобства изслѣдованія раздѣляетъ всѣ названныя движенія на движенія произвольныя и движенія подъ вліяніемъ раздраженія **). Но этими двумя типами движеній далеко не исчерпывается вся обширная область движеній, наблюдаемыхъ въ царствѣ протистовъ. Изъ этихъ группъ движеній, какъ изъ элементовъ, комбинируются сложныя движенія, констатируемыя въ основныхъ біологическихъ процессахъ, каковы явленія питанія, размноженія, и такихъ феноменовъ, какъ образованіе раковины у нѣкоторыхъ изъ микроорганизмовъ.—Въ виду этого для сужденія о сущности движеній, наблюдаемыхъ у микроорганизмовъ, мы должны рассмотретьъ три группы движеній: 1) движенія произвольныя, 2) движенія, вызванныя раздраженіями, 3) движенія въ процессахъ питанія, размноженія и устройства раковины.

Произвольныя движенія. Что касается произвольныхъ движеній въ собственномъ смыслѣ, то, по мнѣнію М. Ферворна, часто бываетъ очень трудно рѣшить, насколько эти движенія въ самомъ дѣлѣ произвольны, ибо движенія, называемыя такимъ именемъ, часто имѣютъ причину въ какомъ-нибудь трудно уловимомъ раздраженіи. ***) Однако есть цѣлый рядъ движеній, произвольность которыхъ (въ извѣстномъ смыслѣ) несомнѣнна. Движенія эти производятся при помощи особыхъ органовъ, каковы псевдоподіи, рѣснички, жгутики. Къ числу такихъ движеній М. Ферворнъ относитъ движенія при плаваніи жгутиковыхъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого движенія. *Anisonema grande* сидитъ на днѣ, прицѣпившись къ нему своимъ заднимъ жгутикомъ, въ то время какъ ея передній жгутикъ свободно пла-

*) Ibid., S. 26.

**) Ibid. S. 27.

***) Ibid. S. 28.

васть въ водѣ. Вдругъ, безъ всякаго внѣшняго повода, задній жгутикъ отдергивается, и микроорганизмъ испытываетъ толчокъ, который переноситъ его въ другое мѣсто, гдѣ онъ помѣщается такимъ же образомъ, т.-е. прикрѣпившись ко дну. И это повторяется очень часто *).

А вотъ другой подобный примѣръ. Рѣсничатая инфузорія *Spirostomum ambiguum* посредствомъ правильно ударяющихъ рѣсничекъ равномерно движется по водѣ. Но вдругъ, безъ всякаго видимаго повода, она начинаетъ двигаться въ противоположную сторону, причемъ рѣснички начинаютъ ударять также въ противоположномъ направленіи. Эта способность внезапно измѣнять дѣйствіе рѣсничекъ въ противоположную сторону и скорость ихъ движеній, по наблюденіямъ М. Ферворна, очень распространена между рѣсничатыми. **)

М. Ферворнъ приводитъ далѣе примѣры вихревого движенія сувойки (*Vorticella*), сокращающагося *Stentor*'а, который безъ всякой видимой причины сжимается въ шаръ, примѣры бѣганья и прыганья нѣкоторыхъ микроорганизмовъ т. п.—Мы остановимся еще на примѣрѣ произвольнаго движенія рѣсничатыхъ при отыскиваніи пищи путемъ ощупыванія передними конечностями. *Uroleptus* и *Urostyla*, плавая по дну среди частичекъ ила и растеній то придвигаются, то какъ бы отскакиваютъ своими передними оконечностями отъ окружающихъ предметовъ, и, дѣйствуя на подобіе обнюхивающихъ собакъ, обыскиваютъ такимъ образомъ все дно. То же самое наблюдается и у *Lacrimariaolor*. ***)

Таковы болѣе или менѣе характерныя движенія протистовъ, не вызываемыя никакими замѣтными раздраженіями. Движенія эти не слишкомъ разнообразны, и притомъ совершаются они съ машинообразною правильностью. Отличительною чертой ихъ является замѣчательная быстрота. Гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе движенія протистовъ, вызванныя раздраженіями. Къ нимъ теперь и переходимъ.

Движенія, вызванныя различными раздраженіями. М. Ферворнъ произвелъ очень много экспериментовъ надъ дѣйствіемъ на микроорганизмы различныхъ раздражителей и результаты своихъ опы-

*) Ibid. S. 28.

**) Ibid., S. 29.

***) Ibid. S. 32.

товъ изложилъ въ названномъ трудѣ. Мы не будемъ входить въ подробности этого изложенія, а ограничимся только общими результатами этихъ опытовъ.

М. Ферворнъ подвергалъ протистовъ дѣйствию свѣта, теплоты, раздражителей механическихъ, химическихъ, гальваническихъ. Результатомъ этихъ экспериментовъ было констатированіе того факта, что очень многіе изъ протистовъ выказываютъ опредѣленные реакціи на всѣ перечисленные раздраженія, подобно тому какъ это мы наблюдаемъ у болѣе высшихъ животныхъ. Такъ, напримѣръ, подъ дѣйствиемъ свѣта приходятъ въ движеніе организмы, которые раньше находились въ покоѣ. Иногда, наоборотъ, свѣтъ прекращаетъ движенія, какъ это мы можемъ видѣть на примѣрѣ *Pelomyxa palustris*. Очень часто наблюдается вліяніе на протистовъ направленія свѣтовыхъ лучей *). Это явленіе въ жизни микроорганизмовъ уже получило особое названіе *фототаксисъ*,—въ параллель аналогичному явленію въ области растительной жизни, именуемому *геліотропизмомъ*. Смотря по тому, совершаются ли движенія протистовъ въ направленіи къ источнику свѣта или въ противоположномъ, различаютъ фототаксисъ, или геліотропизмъ—положительный и отрицательный.

Что касается дѣйствія теплоты на протистовъ, то въ этомъ отношеніи констатированъ тотъ фактъ, что вообще движенія ихъ возможны только въ границахъ извѣстныхъ температуръ. При этомъ наблюдается также явленіе, похожее на геліотропизмъ, именно свойство нѣкоторыхъ протистовъ двигаться въ направленіи тепловыхъ лучей. Это свойство именуется *термотропизмомъ*, который, въ параллель геліотропизму, также раздѣляется на положительный и отрицательный **).

Далѣе, что касается механическихъ раздражителей, то въ этомъ отношеніи также получены опредѣленные результаты. Такъ, замѣчено, что вообще протисты стремятся удалиться отъ источниковъ механическаго раздраженія. Это свойство микроорганизмовъ носитъ названіе отрицательнаго *тигмотропизма*. Въ параллель этому явленію существуетъ положительная форма тигмотропизма, выражающаяся, напримѣръ, въ явленіи обволакиванія пищи нѣкоторыми корненожками, а также въ явленіяхъ

*) Ibid. S. 59.

**) Ibid. S. 74.

бѣганья и ползанья по нѣкоторымъ предметамъ, плавающимъ въ водѣ.

Химическія раздраженія оказываются особенно дѣйственными по отношенію къ протистамъ. Такъ, при воздѣйствіи нѣкоторыхъ химическихъ веществъ, протисты съеживаются, свертываются въ шаръ, втягиваютъ въ себя псевдоподіи, или, наоборотъ, изливаютъ содержимое ихъ, расплываются и выказываютъ другія подобныя реакціи. Особенно замѣтно дѣйствіе на протистовъ кислорода. Такъ, напримѣръ, извѣстныя формы простѣйшихъ постоянно большими массами стремятся къ источникамъ кислорода, какъ, напримѣръ, къ освѣщеннымъ хлорофилловымъ частямъ водорослей или къ краямъ стеклышка у микроскопа. Это свойство микроорганизмовъ стремиться къ опредѣленнаго рода химическимъ веществамъ также получило особое названіе *хемотропизма*. Какъ на особый видъ этого явленія можно указать на *идротропизмъ*, т.-е. на свойство нѣкоторыхъ протистовъ скопляться въ мѣстахъ, особенно влажныхъ. Кромѣ того, при дѣйствіи химическихъ раздражителей наблюдается слѣдующее интересное явленіе. Нѣкоторые микроорганизмы стремятся по направленію къ тѣмъ раздражителямъ, которые служатъ пищей этимъ микроорганизмамъ. Это явленіе получило названіе *трофотропизма*. Наоборотъ, другіе протисты стремятся усвоить такіе матеріалы, которые не только не могутъ быть полезны для, но даже прямо вредны для нихъ, какъ, напримѣръ, разныя соли и кислоты *).

Наконецъ, что касается дѣйствія гальваническаго тока на микроорганизмы, то и здѣсь мы замѣчаемъ явленія, аналогичныя вышеуказаннымъ. Такъ, нѣкоторые протисты, будучи подвергнуты дѣйствію электрическаго тока, сокращаются или измѣняютъ движенія своихъ рѣсничекъ. Нѣкоторыя формы рѣсничатыхъ проявляютъ свойство, именуемое *гальванотропизмомъ*, которое состоитъ въ томъ, что при замыканіи тока они начинаютъ плавать въ направленіи кривыхъ тока отъ анода къ катоду **).

Таковы данныя, которыя получены путемъ наблюденій и экспериментовъ надъ дѣйствіемъ разныхъ раздражителей. Излагая результаты этихъ наблюденій и экспериментовъ, мы пользова-

*) Ibid. S. 105.

**) Ibid, S. 121.

лись исключительно указаннымъ сочиненіемъ Ферворна, но приблизительно то же самое можно найти и у другого названнаго нами психолога—Бинэ. Только у послѣдняго фактической матеріаль ограниченъ, да и собственныхъ наблюденій гораздо меньше, чѣмъ у Ферворна.

Не входя пока въ разборъ толкованій, даваемыхъ приведеннымъ фактамъ упомянутыми учеными, мы обратимся теперь къ болѣе сложнымъ явленіямъ, констатируемымъ у протистовъ, именно къ явленіямъ питанія, размноженія и устройства раковинъ.

При обзорѣ движеній, наблюдаемыхъ въ процессѣ питанія, мы будемъ пользоваться преимущественно книгою Бинэ, ибо у него по этому предмету гораздо больше данныхъ, чѣмъ у Ферворна.

Микроорганизмы не захватываютъ безъ разбора веществъ, которыя попадаютъ имъ на пути. Они дѣлаютъ выборъ между разными питательными матеріалами. Этотъ выборъ иногда бываетъ очень дифференцированъ, ибо есть виды протистовъ, которые питаются исключительно опредѣленными веществами. Такъ, напри мѣръ, однѣ изъ инфузорій травоядны, другія—плотоядны*). А вотъ, и описаніе самаго процесса принятія пищи однимъ изъ низшихъ представителей простѣйшихъ амебою. Она встрѣчаетъ на своемъ пути какой-нибудь предметъ. Если этотъ предметъ не можетъ быть для нея пищею, если это, напри мѣръ, песокъ, то амеба не поглощаетъ его, а отталкиваетъ своими псевдоподіями. Если же предметъ представляетъ питательный матеріаль, то этотъ микроорганизмъ вбираетъ его посредствомъ слѣдующаго простаго процесса. Подъ вліяніемъ раздраженія, произведеннаго постороннимъ тѣломъ, амеба устремляется впередъ и распростирается вокругъ питательнаго вещества, подобно тому, какъ на берегу моря волна распространяется по камнямъ. Потомъ,—продолжаемъ это сравненіе,—волна протоплазмы возвращается назадъ, увлекая за собою и постороннее тѣло. Такимъ образомъ питательное вещество поглощено и введено въ протоплазму. Тамъ оно переваривается и ассимилируется**). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ усвоенія пищевого вещества, которое слу-

*) A. Binet: La vie psychique des microorganismes. Paris, 1891, p. 139.

***) Ibid. p. 141.

чайно попадаетъ амѣбѣ. Но гораздо интереснѣе явленія, гдѣ микроорганизмъ самъ отыскиваетъ добычу.

Такъ, если подѣ стекло микроскопа помѣстить каплю воды, содержащей рѣсничатыхъ инфузорій, то можно легко видѣть микроорганизмы, которые быстро во всѣхъ направленіяхъ плаваютъ по влажной средѣ. Движенія ихъ — не простыя: инфузорія плыветъ въ извѣстномъ направленіи, она избѣгаетъ препятствій. Движенія ея кажутся приспособленными къ извѣстной цѣли, чаще всего къ отыскиванію пищи. Она приближается къ извѣстнымъ предметамъ въ жидкости, ударяетъ по нимъ рѣсничками, удаляется отъ нихъ, потомъ опять приближается, описывая аллюры, подобно рыбамъ, плавающимъ въ акваріумѣ *).

Нѣкоторыя изъ инфузорій прямо гоняются за добычей и поэтому носятъ даже специальное названіе — инфузорій-охотниковъ. Поглощеніе добычи у нихъ совершается при посредствѣ акта глотанія, вполне сравнимаго съ подобнымъ дѣйствіемъ высшихъ животныхъ. Эти формы инфузорій питаются только добычею, которую они поражаютъ своими трихоцистами (колючими иглистыми развѣтвленіями). Онѣ быстро циркулируютъ по всѣмъ направленіямъ, имѣя трихоцисты всегда впередъ. Встрѣтивши жертву, онѣ пускаютъ свои стрѣлы и поражаютъ добычу **).

Таковы болѣе или менѣе выдающіяся движенія, констатируемая въ процессѣ питанія. Мы пока не будемъ входить въ разборъ толкованій, даваемыхъ этимъ, повидимому, загадочнымъ явленіямъ Бинэ, и обратимся къ движеніямъ, наблюдаемымъ въ процессѣ размноженія.

Въ этомъ процессѣ размноженія заслуживаютъ особеннаго вниманія движенія, предшествующія акту конъюгации. Какъ извѣстно, у нѣкоторыхъ инфузорій воспроизведенію предшествуетъ этотъ актъ конъюгации. Послѣдній, въ свою очередь, предваряется явленіями, очень похожими на тѣ, которыя совершаются въ это время и у высшихъ животныхъ. Согласно Эспинасу, хорошо изучившему это явленіе у животныхъ вообще, пять классовъ явленій предшествуетъ половому совокупленію: 1) возбуждающія взаимныя соприкосновенія; 2) запахи; 3) цвѣта и формы; 4) крики и звуки; 5) игры и движенія разнаго рода ***). А вотъ какъ Бальбіани

*) Ibid. p. 146.

**) Ibid. p. 148. Описаніе, заимствованное у Мона.

***) Ibid. p. 172.

описываетъ актъ конъюгаціи у одного вида инфузорій: «Съ приближеніемъ времени размноженія *Paramecia* (туфельки) собираются со всѣхъ концовъ жидкости болѣе или менѣе многочисленными группами вокругъ предметовъ, плавающихъ на поверхности воды или приставшихъ къ стѣнкѣ флакона, гдѣ онѣ помѣщаются. Въ каждой изъ этихъ группъ господствуетъ сильное возбужденіе, котораго нельзя объяснить одною заботой о пищѣ. Болѣе высшій инстинктъ, кажется, овладѣлъ этими маленькими существами. Они отыскиваютъ другъ друга, бѣгаютъ одна за другою, ударяя взаимно своими рѣсничками, соприкасаются другъ съ другомъ на нѣсколько мгновеній въ положеніи полового совокупленія, потомъ разстаются, чтобы вскорѣ опять соединиться. Если разсѣять эти кучки, взболтавши жидкость, то онѣ не замедлятъ собраться въ другихъ пунктахъ. Эти единственныя въ своемъ родѣ игры, которыми эти микроскопическія животныя вызываютъ другъ друга на совокупленіе, продолжаются иногда много дней, до того какъ состоится самый актъ» *).

Достойно также вниманія описаніе акта конъюгаціи у сувойки (*Vorticella*), сдѣланное Энгельманомъ и Бальбіани. «Микрогонидіи (т.-е. сувойки микроскопическаго размѣра, происшедшія путемъ послѣдовательнаго дѣленія взрослой особи-макрогонидіи) плаваютъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ недалеко отъ сувойки. Приблизившись къ ней, онѣ сразу измѣняютъ свой аллюръ, прыгаютъ вокругъ нея, какъ бабочка, которая играетъ около цвѣтка, касаясь ея, потомъ удаляясь, затѣмъ опять возвращаясь и, повидимому, ощупывая ея. Наконецъ, обошедши сосѣднихъ сувоекъ, онѣ возвращаются къ первой и утверждаются на ея поверхности. Самое соединеніе происходитъ не безъ нѣкотораго сопротивленія со стороны сувойки. Она быстро сокращаетъ свою ножку при послѣднемъ прикосновеніи микрогонидіи, и эта послѣдняя, чтобы не быть отброшеною этимъ неожиданнымъ сотрясеніемъ отъ избранной ею сувойки, прикрѣпляется очень тонкою нитью къ столбику сувойки и, увлекаемая теперь движеніями ея, приходитъ съ ней въ соприкосновеніе и проникаетъ въ ея массу» **).

Подобно тому какъ одинъ микроорганизмъ стремится къ дру-

*) Ibid. p. 173—4.

**) Ibid. p. 179.

гому для конъюгаціи, такъ и сперматозоиды высшихъ животныхъ направляются къ мѣсту оплодотворенія въ женскихъ половыхъ органахъ. Сперматическій элементъ, по словамъ Бинэ, направляясь къ женскому яичку, одушевленъ тѣмъ же самымъ инстинктомъ, который направляетъ зрѣлое существо мужескаго пола къ женскому *). Въ этомъ своемъ стремленіи къ соединенію съ женскимъ яичкомъ сперматозоидъ не только долженъ совершать очень значительный путь, но на этомъ пути онъ долженъ преодолѣть не малыя препятствія. Такъ, по наблюденіямъ Генле, Пуше, Бальбіани, сперматозоиды иногда принуждены бываютъ переносить на себѣ скопленія кристалловъ въ десять разъ большія, чѣмъ они сами. Для того, чтобы достигнуть именно яичка, сперматозоиду часто приходится дѣлать разныя сложныя отступленія и повороты на своемъ пути. Вотъ доказывающее это наблюденіе, произведенное надъ бабочкою шелковичнаго червя: «Въ моментъ совокупленія самецъ изливаетъ свою сѣменную жидкость въ особый мѣшочекъ, т.-наз. *копуляціонный мѣшочекъ* (*самки*). На другой день этотъ мѣшочекъ, прежде растянутый сѣменемъ, дѣлается совершенно вялымъ, и почти всѣ сперматозоиды эмигрируютъ въ другой мѣшочекъ, который выходитъ въ яйцеводъ, и тамъ они ожидаютъ прохода яичекъ для оплодотворенія этихъ послѣднихъ. Но стѣнки совокупительнаго мѣшочка не обладаютъ никакимъ сократительнымъ элементомъ, и переходъ сперматозоидовъ изъ одного мѣшочка въ другой можно приписать только ихъ произвольному движенію» **).

Таковы наблюденія, сдѣланныя надъ протистами во время ихъ акта размноженія.

Перейдемъ теперь къ движеніямъ, замѣчаемымъ у микроорганизмовъ въ процессѣ построенія собственной раковины. Краткое описаніе этого явленія мы находимъ у М. Ферворна, у котораго и заимствуемъ фактической матеріаль.

Самую простую форму построенія раковины мы находимъ у тѣхъ протистовъ, гдѣ раковина образуется какъ продуктъ выдѣленія на поверхности животнаго, что мы можемъ видѣть у *Polythalamia*. Въ данномъ случаѣ раковина естественно имѣетъ форму поверхности тѣла, и потому въ образованіи ея нѣтъ

*) Ibid. p. 192.

**) Ibid. p. 194.

ничего особеннаго, именно такого, что заставляло бы признавать здѣсь участіе сознательнаго, психическаго элемента. Совершенно иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ формамъ, которыя для устройства своей раковины употребляютъ посторонніе элементы, какъ это, на примѣръ, дѣлаютъ *Diffflugiae*. Здѣсь вмѣстѣ съ паразитальною правильностью формы раковины находятъ также совершенно опредѣленное качество строительнаго матеріала. Этотъ послѣдній въ одномъ случаѣ состоитъ изъ раковинокъ діатомей, въ другомъ—изъ маленькихъ песчинокъ, въ третьемъ—опять изъ крупныхъ зернышекъ, и т. д. На основаніи этихъ фактовъ можно сдѣлать предположеніе, что *Diffflugiae* при постройкѣ раковинъ изъ находящагося въ ихъ распоряженіи матеріала производятъ соответствующій выборъ *).

Таковы данныя относительно движеній, наблюдаемыхъ у микроорганизмовъ во время ихъ разнообразныхъ физиологическихъ функций. Но для насъ болѣе важно, разумѣется, не разнообразіе этихъ движеній, а ихъ общій характеръ. Въ виду этого для насъ особенно интересно знать, какъ объясняютъ указанная разнообразныя движенія два вышеупомянутые изслѣдователя. Мы будемъ разсматривать послѣдовательно взгляды Ферворна и Бинэ на каждый родъ упомянутыхъ движеній.

Для того, чтобы усвоить взглядъ Ферворна, мы должны кратко изложить его общія психологическія воззрѣнія.

По мнѣнію М. Ферворна, всѣ психическіе процессы въ душѣ человѣка можно раздѣлить на процессы познанія и процессы воли. Самый элементарный процессъ познанія—ощущеніе. Слѣдующій за нимъ въ порядкѣ сложности—процессъ представленія. Далѣе слѣдуютъ психическія явленія воспоминанія и мышленія въ собственномъ смыслѣ. Всѣ эти явленія извѣстны намъ изъ нашего непосредственнаго сознанія. Каждый волевой процессъ возникаетъ всегда изъ какого-нибудь познавательнаго процесса. Обнаруженіемъ такихъ волевыхъ процессовъ обыкновенно бываетъ движеніе. Такъ какъ волевые процессы могутъ совершаться какъ при участіи, такъ и безъ участія сознанія, то ихъ можно раздѣлить на сознательные и безсознательные. Примѣрами безсознательныхъ волевыхъ движеній могутъ служить движенія рефлексивное, импульсивное, автоматическое.

*) M. Verworn, op. cit., S. 151.

Подъ рефлективнымъ движеніемъ разумѣется движеніе, слѣдующее съ машинообразною правильностью вслѣдъ за внѣшнимъ раздраженіемъ, причемъ внутреннимъ мотивомъ для этого движенія можетъ быть бессознательный волевой процессъ. Типическимъ примѣромъ рефлективного движенія можетъ служить смыканіе вѣкъ при внезапномъ освѣщеніи.

Импульсивныя движенія М. Ферворнъ опредѣляетъ прежде всего словами Прейера, который называетъ таковыми «движенія вызываемыя безъ предварительнаго периферическаго возбужденія питательными и другими органическими процессами, имѣющими мѣсто въ двигательныхъ центрахъ низшаго порядка». Въ болѣе общемъ смыслѣ импульсивными движеніями можно назвать движенія, которыя возникаютъ безъ всякаго внѣшняго раздраженія и совершаются въ неправильные промежутки времени, причемъ ихъ постояннымъ мотивомъ можетъ служить только бессознательный волевой процессъ. Примѣромъ импульсивнаго движенія можетъ служить движеніе конечностей у человѣческаго зародыша и у новорожденнаго дитяти.

Подъ автоматическимъ движеніемъ разумѣется ритмически, въ опредѣленные промежутки времени совершающееся импульсивное движеніе, какъ, напримѣръ, біеніе сердца*).

Какъ же теперь эту классификацію душевныхъ явленій М. Ферворнъ примѣняетъ къ объясненію описанныхъ движеній микроорганизмовъ? Какъ, напримѣръ, онъ объясняетъ такъ называемыя произвольныя движенія? По мнѣнію М. Ферворна, эти движенія (при посредствѣ псевдоподій, рѣсничекъ, жгутика) нужно причислить къ движеніямъ импульсивнымъ и автоматическимъ. Въ доказательство своего мнѣнія М. Ферворнъ указываетъ на тотъ фактъ, что всѣ эти движенія повторяются въ одной и той же формѣ. Такъ, каждая форма корненожекъ совершаетъ только одинъ специфическій видъ движенія. Жгутиковыя и рѣсничатыя производятъ много движеній; два-три движенія постоянно мѣняются, но каждое отдѣльное движеніе всегда до мельчайшихъ подробностей сохраняетъ свою форму. Форма этихъ движеній точно сохраняется даже и при измѣненіи внѣшнихъ условій, чего бы не могло быть, еслибы эти движенія совершались сознательно. Поэтому М. Ферворнъ сравниваетъ микроорганиз-

*) Ibid. S 132 - 6.

мы съ музыкальными часами, которые въ извѣстный часть играютъ одну и ту же пьесу. Правда, нѣкоторые изъ микроорганизмовъ совершаютъ движенія въ неправильные промежутки времени, и притомъ движенія очень разнообразныя. Такъ, Stentor внезапно то сжимается, то растягивается, то совершаетъ другія подобныя движенія. Halteria часто вспрыгиваетъ въ водѣ совершенно неожиданно. Но и относительно всѣхъ этихъ движеній очень трудно допустить, чтобъ они были сознательными волевыми актами. Напротивъ, ихъ естественнѣе причислить къ импульсивнымъ движеніямъ. Это послѣднее предположеніе отчасти оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что такія неправильно повторяющіяся движенія приводятъ, черезъ большое число посредствующихъ ступеней, къ совершенно періодическимъ движеніямъ, автоматическій характеръ которыхъ находится внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ, нѣкоторыя рѣсничныя движенія переходятъ въ совершенно ритмическія, періодическія вихревыя движенія. То же самое нужно сказать и о болѣе сложныхъ движеніяхъ, какъ на примѣръ, о безпрестанномъ ощупывающемъ движеніи хоботка *Lacynaria* и. Изъ такихъ импульсивныхъ движеній путемъ дальнѣйшей механизации произошли многія уже спеціально автоматическія движенія *).

Таково мнѣніе М. Ферворна о произвольныхъ движеніяхъ.

Какъ видимъ, хотя онъ и называетъ эти движенія психическими, однако причисляетъ ихъ къ разряду движеній импульсивныхъ и автоматическихъ. Можно ли такія движенія дѣйствительно назвать психическими, мы это разсмотримъ послѣ, а теперь сообщимъ взглядъ Бинэ на указанные факты.

Бинэ прежде всего констатируетъ трудность удовлетворительнаго объясненія приведенныхъ явленій. «Перемѣщеніе извѣстныхъ тѣлъ при помощи псевдоподій, рѣсничекъ и жгутика, — говоритъ онъ, — трудно истолковать. Между тѣмъ вѣроятно, что движеніе происходитъ отъ сокращеній протоплазмы, имѣющихъ мѣсто или въ наружной оболочкѣ, или въ самомъ двигательномъ органѣ. Этотъ послѣдній обладаетъ самоподвижностью, какъ это можно видѣть, на примѣръ, когда жгутикъ, отрѣзанный отъ остальнаго тѣла, продолжаетъ двигаться въ жидкости» **). Такимъ образомъ, Бинэ, вполне признавая затруднитель-

*) Ibid., S. 141—3.

**) A. Binet., op. cit., p. 111.

ность объясненія данныхъ явленій, въ то же время допускаетъ предположеніе, что эти движенія обусловливаются сократительностью вещества, изъ котораго построены микроорганизмы. Но какого рода эта сократительность,—самостоятельна ли она или подчиняется дѣйствию какого-нибудь другого агента,—это опять неизвѣстно. «Теоріи относительно мускульнаго сокращенія, построенныя на основаніи изученія высшихъ животныхъ, далеко не всегда достаточны для объясненія движеній протозоевъ и протофитовъ» *). Бинэ въ то же время допускаетъ возможность существованія у простѣйшихъ не только нервной системы въ разсѣянномъ состояніи, но даже нервныхъ специальныхъ центровъ, одаренныхъ различными свойствами **). Въмѣстѣ съ нервной системой Бинэ признаетъ существованіе движеній специально психическаго характера, не объяснимыхъ одними физиологическими причинами. «Движеніе усиковъ (у *Didinium nasutum*) не есть движеніе произвольное, подобно рѣсничкамъ на эпителии, съ которыми его часто сравниваютъ,—оно совершенно подчинено волѣ животнаго, все равно какъ движеніе локомоторныхъ органовъ у животныхъ съ болѣе высокою организацией» ***). Такимъ образомъ, Бинэ открыто признаетъ сознательный, психическій характеръ за нѣкоторыми изъ движеній микроорганизмовъ.

Перейдемъ теперь къ объясненію движеній, вызываемыхъ различными раздраженіями. При описаніи ихъ мы пользовались преимущественно изслѣдованіемъ М. Ферворна. А такъ какъ именно Ферворнъ старается дать болѣе или менѣе подробное и обстоятельное толкованіе этихъ движеній, то мы съ него и начнемъ.

Многія движенія микроорганизмовъ, въ которыхъ проявляется стремленіе къ свѣту, теплотѣ, кислороду, а равнымъ образомъ опредѣленное измѣненіе скорости этихъ движеній подъ вліяніемъ указанныхъ раздражителей, прямо обусловливаются, по мнѣнію М. Ферворна, физико-химическимъ дѣйствиемъ означенныхъ агентовъ, а потому въ этихъ процессахъ совѣмъ невозможно признавать присутствіе психическихъ элементовъ. — Что же касается, далѣе, болѣе сложныхъ движеній, какъ выпячиваніе и вбирание псевдоподій, сокращеніе и растягиваніе при прикосно-

*) Ibid., p. 112.

**) Ibid., p. 115.

***) Ibid., p. 101.

веніи или при воздѣйствіи химическихъ раздражителей, и другія подобныя движенія, то М. Ферворнъ прямо причисляетъ ихъ къ рефлексивнымъ движеніямъ, ибо они обладаютъ отличительнымъ характеромъ этихъ послѣднихъ, именно совершаются съ машинообразною закономѣрностью и постоянно въ одинаковой формѣ.

Остаются теперь такъ называемыя тропическія движенія, т.-е. стремленіе протистовъ къ извѣстнаго рода веществамъ — влажнымъ, тепловымъ, питательнымъ и др. Эти явленія, повидимому, могутъ навести на предположеніе, что протисты способны различать полезное или вредное или, вѣрнѣе, пріятное и непріятное. Однако, въ этихъ движеніяхъ въ дѣйствительности нельзя, по мнѣнію М. Ферворна, видѣть проявленія сознательной дѣятельности. Здѣсь такая же рефлексивность и механичность, какъ и въ предшествующихъ. Что тутъ не можетъ быть сознательнаго выбора, это доказывается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что положительно хемотропичными оказываются такія вещества, съ которыми протисты прежде никогда въ соприкосновеніе не приходили.

То же самое можно сказать и о воздѣйствіи на протистовъ гальваническаго тока. Въ этихъ случаяхъ нельзя сдѣлать предположенія, что микроорганизмы здѣсь руководятся чувствомъ пріятнаго или непріятнаго, ибо положительно хемотропичными для нихъ бываютъ вещества прямо вредныя, которыя однако способны привлекать протистовъ даже въ то время, когда эти послѣдніе находятся среди питательныхъ для нихъ матеріаловъ. Между тѣмъ, если допустить у протистовъ существованіе ощущенія пріятнаго или непріятнаго, то естественнѣе всего думать, что пищевые матеріалы возбуждаютъ чувство пріятнаго, вредные же или прямо ядовитыя—чувство непріятнаго.

Такимъ образомъ, тропическія явленія, по мнѣнію М. Ферворна, можно свести къ простымъ рефлексивнымъ движеніямъ, которыя генетически можно вывести изъ сокращенія и растяженія псевдоподій у самыхъ низшихъ протистовъ. «Всѣ тропическія явленія суть слѣдствіе односторонняго, а также частичнаго возбужденія протоплазмы протистовъ посредствомъ свѣта, теплоты, механическаго, химическаго или гальваническаго раздраженія, которыя производитъ реакцію въ видѣ сокращенія или растяженія» *).

*) M. Verworm, op. cit., S. 137—140.

Такимъ образомъ, М. Ферворнъ всѣ движенія, вызванныя раздраженіями, называетъ рефлексивными. Что касается взгляда Бинэ на данный предметъ, то у него эти явленія, какъ мы уже говорили трактуются очень кратко, и поэтому нѣтъ спеціального разсужденія о природѣ ихъ. Однако, изъ его отрывочныхъ замѣчаній можно видѣть, что онъ держится воззрѣній, совсѣмъ не сходныхъ со взглядами М. Ферворна. Такъ, напримѣръ, въ явленіи дыханія или стремленія микроорганизмовъ къ кислороду Бинэ усматриваетъ спеціально-психическій характеръ, между тѣмъ какъ М. Ферворнъ допускаетъ здѣсь чисто химическое объясненіе *).

Переходимъ теперь къ движеніямъ, констатируемымъ въ актѣ питанія. Самымъ замѣчательнымъ фактомъ въ этихъ движеніяхъ является феноменъ выбора пищи.

Какъ же истолковываетъ это явленіе М. Ферворнъ?

Онъ прежде всего ограничиваетъ область этого явленія. Такъ, по его наблюденіямъ, многіе изъ протистовъ поглощаютъ самыя разнообразныя вещества, попадающіяся имъ на пути, изъ которыхъ многія совсѣмъ не могутъ служить питательнымъ матеріаломъ, какъ, напримѣръ, частички ила, зернышки песку, осколки стекла и т. п. Что же касается тѣхъ микроорганизмовъ, которые дѣйствительно питаются опредѣленными веществами, то въ поглощеніи ими опредѣленнаго рода пищи, по мнѣнію М. Ферворна, нельзя видѣть ничего другого, кромѣ хемотропизма. Наконецъ, что касается такихъ явленій, гдѣ микроорганизмы питаются живыми существами, то и здѣсь нѣтъ нужды признавать актъ сознательнаго выбора. Дѣло объясняется проще. Протисты поглощаютъ живыми только *движущіе* организмы, и причина, почему они захватываютъ именно живые организмы, заключается не въ чемъ другомъ, какъ въ механическомъ раздраженіи ихъ путемъ прикосновенія. Тѣ же самыя протисты, которые питаются живыми организмами, усвояютъ и неорганическія вещества, если при помощи этихъ послѣднихъ оказывать на нихъ раздраженіе, сходное съ раздраженіемъ, производимымъ живыми организмами. Такъ, напримѣръ, если какое-нибудь индифферентное тѣло, въ родѣ волокна бумажы или тонкаго волоска, привести въ соприкосновеніе съ псевдоподіями *Actinosphaerium Eichhornii* и заставить его двигаться при помощи дуновенія или потрогиванія

*) A. Binet, op. cit., p. 129.

булавкой, то это тѣло быстро притягивается протоплазмой псевдоподій и потомъ понемногу вбирается самою протоплазмой. «Этотъ и подобные опыты, — говоритъ М. Ферворнъ, — очень ясно доказываютъ, что непосредственною причиною принятія пищи является только механическое раздраженіе, такъ что о выборѣ пищи въ собственномъ смыслѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи» *).

Какъ же смотритъ на эти же самыя явленія Бинэ? По мнѣнію Бинэ, большая часть движеній микроорганизмовъ суть непосредственные отвѣты на стимулы изъ окружающей среды. Но есть и болѣе сложные акты, констатируемые преимущественно въ явленіяхъ питанія. Въ каждомъ изъ этихъ актовъ Бинэ различаетъ четыре момента: 1) перцепція внѣшняго предмета; 2) выборъ между многими предметами; 3) перцепція ихъ положенія въ пространствѣ; 4) движенія, совершаемыя съ цѣлью или приблизиться къ тѣлу и схватить его, или же убѣжать отъ него. «Мы не можемъ, — говоритъ Бинэ, — рѣшить, сопровождаются ли эти различные акты сознаниемъ или же они совершаются, какъ простые физиологическіе процессы» **). Въ частности, что касается перваго изъ названныхъ моментовъ — перцепціи внѣшняго тѣла, то у низшихъ протистовъ этотъ актъ является результатомъ прямого раздраженія со стороны посторонняго тѣла при помощи прикосновенія къ протоплазмѣ протиста. Но по отношенію къ болѣе высшимъ формамъ можно допустить, что они могутъ воспринимать предметы на разстояніи и слѣдовательно безъ прикосновенія. Что касается явленія выбора, то, по мнѣнію Бинэ, это одинъ изъ самыхъ темныхъ фактовъ, и трудно истолковать его, не впадая въ антропоморфизмъ. Бинэ допускаетъ здѣсь возможность хемотропизма, однако далеко не согласенъ объяснить все имъ однимъ. Третій моментъ — воспріятіе положенія въ пространствѣ — заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нѣкоторые протисты прямо владѣютъ способностью непосредственно опредѣлять положеніе предмета въ пространствѣ. Такъ, на примѣръ, *Didinium* точно воспринимаетъ положеніе преслѣдуемой имъ добычи, потому что онъ приспособляется, какъ охотникъ, и поражаетъ ее своими колючими стрѣлами. Наконецъ, что касается четвертаго момента, двигательной фазы, то многія движенія микро-

*) M. Verworn, op. cit, S. 147—9.

**) A. Binet, op. cit. p., 164—5.

организмовъ, по мнѣнію Бинэ,—не простые рефлективные акты, а движенія, приспособленныя къ цѣли. Эти движенія не объясняются простою клѣточной раздражимостью *).

Такимъ образомъ, Бинэ вполне готовъ признать за нѣкоторыми изъ движеній, наблюдаемыхъ въ процессѣ питанія, психическій характеръ. Но еще болѣе замѣтно, по его мнѣнію, присутствіе психического элемента въ процессѣ размноженія.

Что касается процесса размноженія, то тутъ обращаютъ на себя особенное вниманіе явленія, предшествующія акту конъюгации. Мы уже подробно говорили объ этихъ явленіяхъ, и потому теперь не будемъ описывать ихъ. Скажемъ только, что Бинэ признаетъ существованіе у микроорганизмовъ чего-то въ родѣ ухаживанія самцовъ за самками, что, конечно, предполагаетъ участіе здѣсь психического элемента и прямо сближаетъ это явленіе съ аналогичными явленіями, наблюдаемыми у высшихъ животныхъ. Еще болѣе замѣчательнымъ кажется ему процессъ соединенія сперматозоида съ женскимъ элементомъ. Онъ вполне согласенъ съ Бальбіани, который говоритъ: «что касается лично меня, то я думаю, что сперматозоиды не слѣпо движутся, а повинуются опредѣленному внутреннему импульсу, который направляетъ ихъ къ извѣстной цѣли» **). По мнѣнію самого Бинэ, половые элементы, и въ частности сперматозоидъ, среди одноклѣточныхъ организмовъ обладаютъ наиболѣе развитыми психическими функціями. Актъ приближенія къ яичку, часто находящемуся на очень большомъ разстояніи отъ мужского элемента, длина пути, препятствія, которыя онъ здѣсь долженъ преодолѣть,—все это заставляетъ предположить у сперматозоида способности, которыя не могутъ быть объяснены простою раздражимостью» ***).

О процессѣ оплодотворенія ничего нѣтъ у М. Ферворна, но зато мы находимъ у него подробное разсмотрѣніе послѣдняго изъ затрогиваемыхъ нами процессовъ—процесса построенія раковины опредѣленной формы и изъ опредѣленныхъ веществъ.

Какъ мы уже говорили, у нѣкоторыхъ изъ протистовъ построеніе раковины совершается путемъ выдѣленія вещества прото-

*) Ibid., p. 166—8.

**) Ibid., p. 192.

***) Ibid., p. 226.

плазмы на поверхности тѣла протиста. Въ этомъ случаѣ раковина принимаетъ форму тѣла микроорганизма, и тутъ, конечно, не можетъ быть рѣчи объ участіи сознательныхъ психическихъ процессовъ. Но бываютъ случаи, которые мы уже описывали, гдѣ микроорганизмы строятъ раковину формы, отличной отъ формы ихъ тѣла, и изъ матеріаловъ совершенно постороннихъ. По мнѣнію М. Ферворна, и эти процессы совершаются механически, безъ всякаго участія сознательныхъ дѣйствій. Такъ, на основаніи своихъ собственныхъ опытовъ онъ утверждаетъ, что нѣкоторые протисты начинаютъ строить раковину подъ вліяніемъ механическихъ раздражителей изъ случайно около нихъ расположенныхъ веществъ, причемъ ими усваются тѣ матеріалы, которые съ большею легкостью прилегаютъ къ клейкимъ оконечностямъ этихъ организмовъ. «Свойствами поверхности псевдоподій, большей или меньшей клейкостью и способностью къ реакціи на раздраженіе и, главнымъ образомъ, качествами наличнаго матеріала оболочки,—говоритъ М. Ферворнъ,—объясняется то обстоятельство, что раковины нѣкоторыхъ формъ построены изъ опредѣленныхъ матеріаловъ, и здѣсь совсѣмъ нѣтъ мѣста для психическихъ процессовъ» *).

Безсознательность строительныхъ процессовъ микроорганизмовъ М. Ферворнъ доказываетъ слѣдующимъ опытомъ.

Если при помощи ланцета удалить часть раковины, то *Diffugia* просуществуетъ нѣсколько недѣль, не дѣлая ни малѣйшей попытки исправить недостатокъ. Такимъ образомъ, можно отпрепарировать всю раковину *Diffugia*, и она не будетъ строить новой. Протистъ продолжаетъ жить, всѣ функціи его нормальны, строительный матеріалъ воспринимается въ очень большомъ количествѣ, и однако онъ не употребляется на постройку новой раковины. Все это указываетъ, что построеніе раковины есть явленіе, только сопровождающее процессъ дѣленія. Еслибы *Diffugia* владѣла способностью сознательно выбирать строительные матеріалы и столь же сознательно строить раковину, и если бы передъ ней носилось сознательное представленіе (формы) раковины, то она послѣ отпаденія старой начала бы строить новую. Но на самомъ дѣлѣ мы этого не замѣчаемъ. Итакъ, заключаетъ М. Ферворнъ, явленіе построенія раковины, какъ и явленіе усвое-

*) M. Verworm, op. cit., S. 153.

нія пищи, не нужно ставить въ связь съ высшими психическими процессами, ибо эти явленія можно свести къ простымъ воздѣйствіямъ на внѣшнія раздраженія *).

Таковы взгляды М. Ферворна на болѣе сложныя движенія, наблюдаемыя у микроорганизмовъ. Изъ приведеннаго изложенія мы на первый взглядъ можемъ заключить, что М. Ферворнъ, отрицая въ этихъ движеніяхъ проявленіе высшихъ психическихъ функций, тѣмъ не менѣе признаетъ ихъ психическій характеръ, выполнѣ отличающій ихъ отъ чисто матеріальныхъ явленій. Но такъ можетъ показаться только съ перваго взгляда. Если же мы послѣдуемъ за дальнѣйшими выводами М. Ферворна, то увидимъ, что его представленіе о природѣ движеній микроорганизмовъ очень своеобразно, и эти движенія, по его мнѣнію, имѣютъ очень мало общаго съ тѣмъ, что мы обыкновенно называемъ психическимъ. По мнѣнію М. Ферворна, въ процессахъ, имѣющихъ мѣсто въ микроорганизмахъ, принимаютъ участіе какъ ядро, такъ и протоплазма, или, вѣрнѣе, каждая элементарная частичка живого вещества. Основаніе для движенія этихъ элементарныхъ частичекъ протоплазмы дано въ своеобразныхъ молекулярныхъ процессахъ. Молекулярные процессы представляютъ намъ работу, которая никогда не теряется. Движеніе каждой элементарной частички есть выраженіе происходящихъ въ ней молекулярныхъ измѣненій. Поэтому допущеніе нематеріальныхъ процессовъ, которые должны производить движеніе протистовъ и представлять изъ себя что-то интермолекулярное, со всѣми противорѣчіями, къ которымъ оно приводитъ, совершенно излишне **).

Такимъ образомъ, эти примитивные процессы въ царствѣ протистовъ, которые лежатъ въ основаніи автоматическихъ, импульсивныхъ и рефлексивныхъ движеній, тождественны съ молекулярными процессами протоплазмы, и поэтому самыя первоначальныя психическіе процессы суть молекулярные процессы въ элементарныхъ частичкахъ протоплазмы ***). Итакъ, послѣднихъ причинъ первоначальныхъ психическихъ процессовъ нужно искать въ свойствахъ всякой отдѣльной молекулы. Поэтому всякій молекулярный процессъ, всякое измѣненіе молекулярнаго состоянія

*) Ibid. S. 154.

**) Ibid. S. 200.

***) Ibid. S. 201—4.

какой угодно субстанціи можно прямо аналогизировать съ психическимъ процессомъ самой первоначальной формы. Когда капля купороснаго масла на поверхности содоваго раствора совершаетъ амебоидныя движенія, выпускаетъ отростки и снова ихъ вбираетъ, то причины этого процесса принципиально не различаются отъ тѣхъ, которыя у живой амебы производятъ ползаніе, выпусканіе и вбирание псевдоподій и т. п. Различіе тутъ только количественное, въ сложности причинныхъ процессовъ *). Итакъ, нѣтъ существеннаго различія между физиологическими и психическими явленіями, какъ нѣтъ различія между органическими и неорганическими. Явленія жизни, въ особенности обмѣнъ веществъ и душевные процессы, въ основаніи суть не что иное, какъ процессы въ неорганической природѣ, отличающіеся лишь большею сложностью. Какъ жизненные процессы въ человѣкѣ относятся къ процессамъ въ клѣткѣ, какъ процессы въ клѣткѣ — къ процессамъ въ частичкахъ протоплазмы, такъ относятся жизненные процессы этихъ послѣднихъ къ процессамъ какой угодно молекулы. Если жизненные процессы не проявляются замѣтнымъ образомъ, то нѣтъ существеннаго различія между органическимъ тѣломъ и смѣсью неорганическаго матеріала. Высохшая колловратка отличается отъ куска какого-нибудь камня не болѣе, чѣмъ этотъ послѣдній отъ камня другой породы **). Итакъ, по мнѣнію М. Ферворна, психическія явленія въ органическомъ мірѣ можно свести на процессы матеріи. Что касается въ частности психическихъ процессовъ въ царствѣ протистовъ, то они суть мость, который соединяетъ химическіе процессы въ неорганической природѣ съ душевною жизнью высшихъ животныхъ, ибо эта послѣдняя есть прямое развитіе первыхъ ***).

Такимъ образомъ, М. Ферворнъ по своимъ метафизическимъ воззрѣніямъ является монистомъ съ матеріалистическою подкладкой. Согласно ему, въ основѣ всѣхъ совершающихся въ мірѣ явленій лежатъ молекулярные процессы. Нѣтъ ни органическаго, ни психическаго, въ собственномъ смыслѣ, а есть только одно неорганическое. Что же касается такъ называемыхъ органическихъ явленій, включая сюда и психическія, то все это — лишь

*) Ibid. S. 205.

**) Ibid. S. 213.

***) Ibid. S. 211.

болѣ сложный видъ основныхъ молекулярныхъ процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ неорганической природѣ.

Какъ же смотреть на причины описанныхъ нами явленій Бинэ? Излагая его воззрѣнія на важнѣйшіе органическіе процессы, мы уже говорили, что онъ не согласенъ объяснять всѣ эти процессы одними физико-химическими причинами. Напротивъ, мы не разъ упоминали, что онъ видитъ присутствіе сознательныхъ, психическихъ процессовъ во многихъ движеніяхъ микроорганизмовъ, особенно въ явленіяхъ выбора пищи и размноженія. Въ концѣ своего сочиненія, полемизируя съ Рише, который пытается всѣ органическіе процессы свести къ физико-химическимъ явленіямъ, Бинэ опять настаиваетъ на самостоятельномъ существованіи у микроорганизмовъ физиологическихъ и психическихъ явленій. «Для доказательства сложности психическихъ процессовъ, стоитъ вспомнить, говоритъ онъ, о существованіи способности выбора, проявляющейся въ отыскиваніи пищи и въ явленіяхъ конъюгаціи. Этотъ выборъ есть явленіе капитальное. Его можно считать характеристическимъ свойствомъ функций нервной системы. Способность выбора можетъ быть разсматриваема, какъ критерій психическихъ способностей, какъ на это указывалъ Роменсъ. Идя далѣе, мы могли бы сказать, что выборъ резюмируетъ свойства нервной клѣтки точно такъ же, какъ раздражимость резюмируетъ свойства мускульной клѣтки» *). Немного далѣе Бинэ говоритъ, что это свойство протоплазмы дѣлать выборъ между многими раздражителями есть свойство физиологическое. Наконецъ, резюмируя все сказанное, онъ утверждаетъ, что каждый микроорганизмъ обладаетъ психическою жизнью, сложность которой превосходитъ предѣлы клѣточной раздражимости и не исчерпывается законами этой послѣдней **).

Такимъ образомъ, Бинэ, въ противоположность М. Ферворну, ясно разграничиваетъ въ основаніи явленій движеній, наблюдаемыхъ у микроорганизмовъ, троякаго рода причины: физико-химическія, физиологическія и психическія, причемъ старается выдвинуть на первый планъ послѣднія, т.-е. психическія.

Какъ же мы должны относиться къ этимъ, почти діаметрально противоположнымъ выводамъ двухъ ученыхъ? На чьей

*) A. Binet. op. cit. p. 230.

**) Ibid. p. 235.

сторонѣ преимущество,—на сторонѣ того ли, который уничтожаетъ существенное различіе между органическимъ и неорганическимъ, матеріальнымъ и духовнымъ, или на сторонѣ другого, который даже въ элементарныхъ органическихъ процессахъ видитъ присутствіе сознательнаго психическаго элемента и признаетъ у микроорганизмовъ очень сложную психику?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о методѣ, которымъ пользуются оба ученые, и преимущественно Бинэ. Методъ этотъ—наблюденіе движеній микроорганизмовъ и толкованіе ихъ, согласно аналогичнымъ движеніямъ высшихъ животныхъ и человѣка. Такимъ образомъ, методомъ въ логическомъ смыслѣ является аналогія. Но этотъ логическій приемъ, какъ мы знаемъ, не можетъ похвалиться тѣмъ, чтобы получаемые при помощи его результаты отличались непререкаемою достоверностью. Если могутъ быть ошибки и въ тѣхъ случаяхъ, когда аналогія строится между явленіями одного и того же порядка, напримѣръ, въ изслѣдованіи неорганическихъ явленій или, наоборотъ, въ сферѣ специально психическихъ процессовъ у человѣка, то тѣмъ болѣе является возможность ошибочныхъ заключеній въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдуемая явленія наблюдаются у совершенно различныхъ существъ. Такъ и въ данномъ случаѣ—въ вопросѣ о движеніяхъ микроорганизмовъ. Въ сужденіяхъ о причинахъ этихъ движеній очень легко впасть въ крайности антропоморфическаго представленія. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ непосредственно знать только о причинахъ нашихъ собственныхъ движеній, т.-е. тѣхъ, которыя происходятъ въ области нашего сознанія. Но въдъ движенія, наблюдаемая у микроорганизмовъ, не могутъ быть предметомъ непосредственнаго воспріятія для нашего сознанія, и поэтому, не имѣя возможности знать настоящую причину ихъ, мы можемъ впасть въ ошибку, признавая за ними высшій психическій характеръ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они очень похожи на соотвѣтствующія движенія человѣка, хотя на самомъ дѣлѣ они могутъ объясняться совсѣмъ безъ участія высшихъ психическихъ процессовъ. Въ эту ошибку антропоморфизма, по нашему мнѣнію, впадаетъ Бинэ, когда онъ за нѣкоторыми, чисто органическими процессами признаетъ психическій характеръ. Особенно это нужно сказать о его объясненіи процесса конъюгаціи. По мнѣнію Бинэ, акту соединенія предшествуютъ дѣйствія, очень похожія на сознательныя дѣйствія выс-

шихъ животныхъ или даже человѣка. По нашему мнѣнію, это утвержденіе очень рискованно. Мы скорѣе готовы предположить, что всѣ эти явленія объясняются лучше физиологически, чѣмъ психологически. Конечно, мы не знаемъ причины, по которой мужская особь стремится къ женской и, прежде чѣмъ соединиться съ ней, совершаетъ извѣстныя движенія, но, по всей вѣроятности, основанія для этого заключаются въ какомъ-нибудь притяженіи специально физиологическаго характера, на подобіе химическаго сродства, хотя, конечно, совсѣмъ не тождественнаго съ нимъ. Особенно это нужно сказать о причинѣ стремленія мужского элемента — сперматозоида—къ женскому яичку, гдѣ Бинэ также готовъ признать присутствіе психическаго элемента. Но вѣдь самъ же Бинэ признаетъ значеніе за опытами Пфесффера, которому удалось констатировать тотъ фактъ, что у тайнобрачныхъ растеній сперматозоиды приближаются къ мѣсту оплодотворенія, благодаря чисто химическимъ причинамъ *). Правда, это фактъ изъ области растительной жизни, но вѣдь тоже фактъ біологическій, и едва ли есть глубокое различіе между нимъ и причинами стремленія сперматозоида къ женскому элементу у низшихъ органическихъ существъ или микрогонидіи къ макрогонидіи у описанныхъ нами протистовъ. Такимъ образомъ, намъ кажется, что Бинэ преувеличиваетъ сложность психической жизни у протистовъ. Конечно, мы не отрицаемъ присутствія у нихъ этой жизни въ элементарной формѣ, въ видѣ смутнаго импульса, но сознательный характеръ этой жизни подлежитъ сильному сомнѣнію. Намъ кажется, что всѣ описанныя движенія микроорганизмовъ удобнѣе объясняются отчасти на физико-химическоѣ, а, главнымъ образомъ, на физиологическоѣ почвѣ.

На самомъ дѣлѣ, такія явленія, какъ стремленіе нѣкоторыхъ микроорганизмовъ къ кислороду или другимъ подобнымъ физическимъ и химическимъ агентамъ, и, наоборотъ, замѣтное удаленіе отъ другихъ веществъ, по нашему мнѣнію, можно вполнѣ объяснить физико-химически, т.-е. признать, выражаясь словами М. Ферворна, положительный или отрицательный хемотропизмъ. То же самое нужно сказать и о другихъ тропическихъ явленіяхъ. И ихъ можно объяснить признаніемъ особой физико-химической связи между протоплазмой микроорганизмовъ и извѣстными спе-

*) A. Binet. op. cit. p. 202.

пифическими раздражителями. Такимъ образомъ, большинство движеній, вызванныхъ внѣшними раздражителями, находятъ свое объясненіе въ физико-химическихъ явленіяхъ. Но, разумѣется, одного физико-химическаго объясненія далеко не достаточно. Какъ движенія, вызванныя раздраженіями, такъ, въ особенности, такъ называемыя произвольныя движенія—въ своей ли первоначальной формѣ, какъ сокращеніе и растяженіе, вбираніе или выпусканіе псевдоподій, или въ болѣе сложной, какъ явленія выбора пищи, оплодотворенія, построенія раковинъ и др., — не могутъ быть вполне объяснены одними физико-химическими процессами. Для удовлетворительнаго объясненія ихъ нужно допустить на ряду съ физико-химическими законами существованіе особыхъ біологическихъ законовъ, присущихъ только живой матеріи. Чѣмъ объяснить то обстоятельство, что извѣстные микроорганизмы питаются опредѣленными видами веществъ или что сперматозоидъ твердо движется въ опредѣленномъ направленіи къ женскому элементу, мы въ настоящее время не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Можемъ сказать, впрочемъ, что тутъ трудно предположить сознательный психическій выборъ, а всего естественнѣе допустить существованіе особой, пока еще не уясненной связи между матеріальнымъ составомъ протоплазмы и питательнымъ веществомъ, или между мужскимъ и женскимъ половыми элементами. Какого рода эта связь, на это мы опять не можемъ дать точнаго отвѣта. Можемъ только сказать, что она имѣетъ нѣкоторую аналогію въ химическомъ сродствѣ, хотя далеко не тождественна съ нимъ. Имѣютъ ли здѣсь мѣсто чисто психическіе процессы, объ этомъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, хотя и склонны отвѣтить скорѣе въ утвердительномъ смыслѣ. Но допуская здѣсь присутствіе элементарныхъ психическихъ процессовъ, вродѣ ощущенія или смутнаго импульса мы строго разграничиваемъ ихъ какъ отъ явленій физико-химическихъ, такъ и отъ специально фізіологическихъ.

Въ этомъ случаѣ мы совершенно не согласны съ М. Ферворномъ, который выдвигаетъ на первый планъ монистическую точку зрѣнія и отождествляетъ причины всѣхъ названныхъ движеній, указывая основаніе ихъ въ движеніи отдѣльной элементарной частички или молекулы. По нашему мнѣнію, нужно строго разграничивать явленія психическія и явленія матеріальныя. Мы не задаемся вопросомъ о томъ, что лежитъ въ основаніи

этихъ явленій,—единая ли какая-нибудь сущность или же два совершенно самостоятельныхъ начала, это — вопросъ метафизики, не подлежащій опытному рѣшенію. Мы довольствуемся констатированіемъ факта эмпирическаго дуализма, по которому душевныя явленія составляютъ область совершенно отличную отъ явленій матеріальныхъ. Среди этихъ послѣднихъ, т.-е. матеріальныхъ явленій, мы въ свою очередь опять дѣлаемъ различіе между явленіями физико-химическими и біологическими или, частнѣе, физиологическими. Неорганическая природа представляетъ намъ примѣръ явленій перваго рода, органическая же природа, наряду съ физико-химическими процессами, заключаетъ въ себѣ и явленія спеціально біологическія, вполне отличныя отъ явленій физико-химическихъ, хотя разница въ послѣднемъ случаѣ, конечно, далеко не такъ велика, какъ между явленіями психическими и матеріальными. Въ частности, что касается движеній, замѣчаемыхъ у микроорганизмовъ во время разнообразныхъ органическихъ процессовъ, то мы скорѣе согласны признать за ними не столько психологическій, сколько физиологическій характеръ. При этомъ терминъ «физиологическій» мы понимаемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, включая сюда и явленія морфологическія. Если мы усвоимъ себѣ эту точку зрѣнія, то многое съ перваго взгляда непонятное и загадочное объясняется очень просто. Возьмемъ, на примѣръ явленіе выбора пищи или усвоенія нѣкоторыми микроорганизмами опредѣленныхъ пищевыхъ веществъ. Повидимому, это явленіе доказываетъ присутствіе у микроорганизмовъ сознательной способности различенія и, такимъ образомъ, поддается только психологическому объясненію. Но на самомъ дѣлѣ явленіе объясняется, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ микроорганизмовъ, гораздо проще. По основательнымъ изслѣдованіямъ Мопэ, извѣстныя инфузоріи воспринимаютъ опредѣленный питательный матеріалъ не вслѣдствіе сознательнаго выбора, а просто благодаря особому устройству рта, въ силу чего онѣ не могутъ принимать никакой другой пищи. Такимъ образомъ, то, что предполагало для себя сложное психическое толкованіе, объясняется просто физиологически,—а именно морфологическими особенностями микроорганизмовъ. А вотъ другой примѣръ, заимствованный изъ недавнихъ изслѣдованій проф. Шевякова и касающійся поступательнаго движенія грегариновъ. Это движеніе раньше объяснялось активной дѣятельностью этихъ простѣйшихъ су-

ицествъ. Но проф. Шевяковъ опровергаетъ такое объясненіе и представляетъ дѣло гораздо проще. По его мнѣнію, причину движенія грегарины нужно искать въ образованіи пучковъ студенистыхъ нитей, выдѣляемыхъ при движеніи грегариною и образующихъ въ совокупности студенистый стебель или ножку. Самый процессъ движенія можно представить слѣдующимъ образомъ. «Грегорины выдѣляютъ прозрачныя, студенистыя или слизистыя, вскорѣ отвердѣвающія нити; послѣднія прилипаютъ къ поверхности, на которой лежитъ или движется грегарины. Образованный такимъ способомъ (совокупностью нитей) стебель становится, благодаря дальнѣйшему выдѣленію вещества, все длиннѣе, и такъ какъ онъ прикрѣпленъ къ плоскости, то неминуемо должно произойти поступательное движеніе грегарины впередъ» *). Вотъ объясненіе, вполне чуждое всякимъ психологическимъ предположеніямъ и довольствующееся одними физическими и физиологическими причинами. Очевидно, подобное же физиологическое толкованіе можетъ существовать и по отношенію ко многимъ другимъ загадочнымъ явленіямъ, хотя, конечно, въ настоящее время мы находимся очень далеко отъ вполне удовлетворительнаго объясненія даже наиболѣе типичныхъ изъ этихъ явленій.

Если мы должны отвѣтить на поставленный выше вопросъ: на чью сторону мы склоняемся въ своемъ сужденіи о причинахъ движеній микроорганизмовъ — на сторону М. Ферворна или на сторону Бинэ, то мы отвѣтимъ слѣдующимъ образомъ. Мы не согласны съ М. Ферворномъ постольку, поскольку онъ исходитъ изъ своихъ монистическихъ воззрѣній и не дѣлаетъ существеннаго различія между органическимъ и неорганическимъ, между психическимъ и матеріальнымъ. Напротивъ, мы согласны слѣдовать за нимъ въ его объясненіи многихъ явленій въ движеніяхъ микроорганизмовъ физикохимическими и биологическими причинами, безъ участія сложныхъ психическихъ процессовъ. —Что же касается Бинэ, то мы очень осторожно относимся къ его утвержденію, что въ движеніяхъ микроорганизмовъ констатируется очень сложная психика и, наоборотъ, вполне согласны съ нимъ, что органическія явленія не могутъ быть объяснены одними извѣстными намъ физико-химическими

*) Шевяковъ В. „Къ біологіи простѣйшихъ“. Приложение къ LXXV т. Записокъ Академіи Наукъ.

процессами и что они, по самой природѣ своей, суть явленія не столько физико-химическія, сколько физиологическія, или спеціально біологическія.

Какое же научное значеніе имѣютъ эти тщательныя изслѣдованія жизненныхъ явленій у микроорганизмовъ? Они могутъ имѣть значеніе для двухъ дисциплинъ, — для психологіи и біологіи. Въ этихъ изслѣдованіяхъ думаютъ найти, какъ мы уже говорили, серьезныя данныя для рѣшенія нѣкоторыхъ главнѣйшихъ проблемъ психологіи и біологіи. Посмотримъ теперь, оправдываютъ ли полученные результаты возлагаемая на эти изслѣдованія надежды. По нашему личному мнѣнію, успѣхи отъ этихъ изслѣдованій далеко не одинаково распредѣляются между психологами и біологами, хотя первые, повидимому, гораздо больше возлагали надеждъ на эти изслѣдованія. Намъ кажется, что въ отношеніи къ психологіи эти изслѣдованія имѣютъ только отрицательное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что ими констатируется? Самое большее, на что они могутъ претендовать, это признаніе у микроорганизмовъ самыхъ элементарныхъ психическихъ процессовъ. Но едва ли этотъ фактъ можетъ пролить какой-нибудь свѣтъ на природу душевной жизни. Вѣдь душевныя явленія лучше всего извѣстны намъ изъ непосредственнаго сознанія; что же касается существованія ихъ у другихъ людей или даже у низшихъ существъ, то мы заключаемъ о нихъ всегда только по аналогіи со своими собственными душевными состояніями. Такимъ образомъ, вѣрнѣйшимъ источникомъ психологическихъ свѣдѣній всегда будетъ служить личное самосознаніе человѣка, а не тѣ загадочныя и причудливыя движенія, которыя наблюдаются у протистовъ. Эти движенія непосредственно намъ не извѣстны, и мы никогда не будемъ въ состояніи такъ отчетливо представлять ихъ источникъ, какъ это мы можемъ сдѣлать по отношенію къ своимъ собственнымъ душевнымъ состояніямъ.

Да, наконецъ, какіе собственно психическіе процессы наблюдаемъ мы у протистовъ?

Это—движенія рефлексивныя, импульсивныя и автоматическія. Но всѣ эти движенія совершаются обыкновенно безсознательно или съ самымъ минимальнымъ участіемъ сознанія. Изслѣдованіе этихъ явленій само по себѣ не можетъ быть особенно плодотворнымъ для разработки психологіи,—какъ науки, по преимуществу, если не исключительно, о сознательныхъ явленіяхъ.

Въ частности, что касается импульсивныхъ и автоматическихъ движеній, въ томъ смыслѣ, какъ они понимаются у М. Ферворна, то, по нашему мнѣнію, въ нихъ нѣтъ ничего психическаго. На самомъ дѣлѣ, какой специально психическій элементъ мы можемъ усматривать въ явленіи движенія конечностей у человѣческаго зародыша или тѣмъ болѣе въ явленіи біенія сердца? По нашему мнѣнію, эти явленія совсѣмъ не психологическаго, а физиологическаго характера, все равно какъ тѣ разнообразныя процессы, которые наблюдаются у микроорганизмовъ и для объясненія которыхъ М. Ферворнъ приводитъ упомянутыя примѣры импульсивнаго и автоматическаго движеній. Отсюда открывается положительное значеніе для біологіи упомянутыхъ изслѣдованій жизненныхъ явленій у микроорганизмовъ.

Намъ кажется, что результаты этихъ изслѣдованій должны утвердить мысль о необходимости установить специально *біологическіе* законы, которыми объяснялось бы большинство описанныхъ явленій. Мы уже говорили, что движенія микроорганизмовъ—большою частью физиологическаго или специально-біологическаго характера, чѣмъ они ясно отличаются какъ отъ явлений психическихъ, такъ и отъ физико-химическихъ. Задача послѣдующихъ изслѣдованій какъ въ этой области, такъ и вообще въ сферѣ біологическихъ явленій—отыскать и твердо установить тѣ законы, которыми вполне бы объяснялись названныя явленія. Фактъ самостоятельности этихъ явленій—въ томъ смыслѣ, что ихъ нельзя отождествить ни съ явлениями психическими, ни съ физико-химическими, твердо установленъ предшествующими изслѣдованіями, и теперь нужно формулировать эти самостоятельные законы біологическихъ феноменовъ. По этому вопросу въ наукѣ еще сдѣлано очень мало *). Послѣднія изслѣдованія надъ микроорганизмами представляютъ для біологовъ обширный матеріалъ въ дѣлѣ разработки проблематическихъ біологическихъ законовъ, и въ этомъ заключается положительное значеніе этихъ изслѣдованій для біологическихъ наукъ.

Н. Виноградовъ.

*) Здѣсь мы должны затронуть вопросъ о методѣ изслѣдованія біологическихъ явленій и обратить вниманіе на такія теченія въ современномъ естествознаніи, какъ неовитализмъ и родственныя ему явленія. Подробное обсужденіе этихъ предметовъ читатели найдутъ въ нашемъ слѣдующемъ очеркѣ: «Біологическій механизмъ и матеріализмъ».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Обзоръ книгъ.

Ф. А. Lange. Geschichte des Materialismus und Kritik Seiner Bedeutung in der Gegenwart. 5-te Auf. Leipzig 1896.

Извѣстный трудъ Ланге по исторіи матеріализма достаточно знакомъ русской публикѣ, такъ что мы ограничимся здѣсь лишь краткими замѣчаніями объ особенностяхъ новаго изданія. Пятое изданіе отличается отъ предшествовавшихъ тѣмъ, что снабжено біографическимъ введеніемъ, написаннымъ Когеномъ (H. Cohen), и тремя статьями того же ученаго, долженствующими служить продолженіемъ и дополненіемъ къ труду Ланге. Въ своей біографической замѣткѣ Cohen даетъ краткую характеристику Ланге, какъ человѣка и мыслителя, отсылая за болѣе подробными свѣдѣніями къ недавно вышедшему жизнеописанію покойнаго философа (Ellissen. Fr. Alb. Lange. Eine Lebensbeschreibung. 1894).

Сочиненіе Ланге не столько исторія извѣстнаго философскаго направленія, сколько попытка критическаго изслѣдованія самыхъ принциповъ этого направленія. Стоя на почвѣ «Критики чистаго разума», будучи, по выраженію Когена, истиннымъ «апостоломъ кантіанскаго міросозерцанія», Ланге всю жизнь свою оставался вѣрнымъ принципамъ того «критическаго идеализма», къ которому неминуемымъ образомъ приводитъ всякое близкое знакомство съ философіей Канта. Исходя изъ субъекта, онъ не могъ не признать, что всѣ наши представленія о внѣшнемъ мірѣ, о матеріи и силахъ и законахъ, управляющихъ ею, суть только порожденія нашего духа, нашей психо-физической организаціи.

Поэтому, всякій послѣдовательный матеріализмъ, оперируя въ дѣйствительности съ *представленіями*, въ силу одного этого уже носитъ въ себѣ самомъ начало саморазложенія, такъ что вся исторія матеріализма служитъ лучшимъ оправданіемъ идеализма, настоящаго идеализма, т.-е. критическаго. Съ этой точки зрѣнія вся метафизика обращается въ *критику чистаго разума*, въ кантовскомъ смыслѣ слова; что же касается до того понятія метафизики, къ которому обращается Кантъ въ 3 и 4-омъ отдѣлѣ «антиноміи чистаго разума», то Ланге, устраняя эту метафизику изъ области теоретической философіи, отводитъ ей подобающее мѣсто наряду съ религіей и искусствомъ.

Въ трехъ статьяхъ своихъ, приложенныхъ ко второму тому «Исторіи матеріализма», Cohen касается новѣйшихъ явленій и теченій въ области того философскаго направленія, которому посвящена книга Ланге. Нельзя однако не пожалѣть, что въ своемъ краткомъ обзорѣ авторъ удѣляетъ слишкомъ много мѣста изложенію собственныхъ мнѣній вмѣсто того, чтобы дать болѣе или менѣе связную картину того, что представляетъ изъ себя современный матеріализмъ и чѣмъ заявилъ онъ о себѣ за два десятилѣтія, протекшія со дня смерти Ланге (ум. въ 1875 г.). Въ первой статьѣ (*Verhältniss der Logik zur Physik*) авторъ останавливается главнымъ образомъ на сочиненіи Герца (Hertz): «Исслѣдованіе о передачѣ электрической энергіи», въ которомъ онъ констатируетъ явную тенденцію къ сближенію съ идеалистическою философіей, нашедшую себѣ выраженіе въ самой постановкѣ основныхъ принциповъ механики. Въ двухъ другихъ статьяхъ, касающихся вопросовъ этики (отношенія этики къ религіи и къ политикѣ), Cohen, оставаясь вѣрнымъ духу ново-кантіанства, доказываетъ необходимость претворенія религіи въ этику, которая одна только можетъ дать санкцію догматическимъ вѣрованіямъ; что же касается до политической жизни, то проведеніе въ ней этическихъ нормъ является, по мнѣнію автора, существеннымъ условіемъ для благополучнаго разрѣшенія современныхъ соціально-экономическихъ вопросовъ, и одно только способно устранить изъ области жизненныхъ отношеній узкій и догматичный матеріализмъ.

В. Саводникъ.

И. Тэнъ. Французская философія первой половины XIX вѣка. Переводъ съ 6 французскаго изданія Ю. В. подъ редакціей Е. Васьковскаго. Изданіе Юридическаго книжнаго магазина Н. К. Мартынова. С.-Петербургъ 1896.

Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ русскій переводъ извѣстной книги Тэна «Les philosophes classiques du XIX siècle en France». Это молодое, задорное и блестящее произведеніе ярко выдѣляется изъ ряда изслѣдованій по исторіи философіи своимъ необычнымъ тономъ, чрезвычайной оригинальностью метода, живымъ и картиннымъ стилемъ. Написанное не только съ цѣлью объективнаго изложенія и спокойной критики философскихъ системъ во Франціи даннаго періода, а внушенное и продиктованное желаніемъ полемизировать съ ними, оно проникнуто глубокой ироніей и ѣдкостью и беспощадно высмѣиваетъ и опровергаетъ заблужденія спиритуализма и эклектизма. Тэнъ беретъ подъ свою защиту сенсуалистическія воззрѣнія прошлаго столѣтія и, не раздѣляя ихъ вполнѣ, указываетъ то истинное, что они заключали въ себѣ, и отражаетъ незаслуженные упреки, которые въ такомъ изобиліи посылали имъ реакція, наступившая въ первой половинѣ XIX вѣка. Въ противоположность банальному взгляду, считая философію и интересъ къ ней достояніемъ не зрѣлаго возраста, а любознательной и безкорыстной юности, Тэнъ имѣетъ въ виду молодыхъ читателей и говоритъ съ ними на ихъ языкѣ. Увлекательно и остроумно доказываетъ онъ, что сенсуализмъ нисколько не повиненъ въ безнравственности, что противъ матеріализма выставляютъ не научные доводы, а чисто-жизнейскіе, что философія ищетъ одной только истины и не должна стѣсняться никакими посторонними соображеніями; онъ негодуетъ на Роайе Коляра за его благонамѣренныя нападки на скептицизмъ, за то что онъ обуздываетъ человѣческую мысль и «вводитъ въ философію полицейскій элементъ» (стр. 30); онъ не скрываетъ своего презрительнаго отношенія къ такимъ жрецамъ государственной философіи, какимъ былъ Кузенъ. Но въ своей борьбѣ съ общимъ духомъ официально признанныхъ ученыхъ и съ ихъ гибельнымъ вліяніемъ, убивающимъ всякую самостоятельность мышленія, Тэнъ не ограничивается однимъ только призывомъ къ свободнымъ и смѣлымъ умамъ,—онъ близко подходитъ къ каждой системѣ и, если не всю ее, то по крайней мѣрѣ самыя центральныя и въ то же время самыя слабыя

пункты ея подвергаетъ тонкому анализу и критикѣ съ точки зрѣнія своей собственной психологической и гнозеологической теоріи; онъ рельефно намѣчаетъ уже тѣ воззрѣнія, которыя въ послѣдствіи нашли себѣ дальнѣйшее развитіе въ его трактатѣ «De l'intelligence». Кромѣ того, какъ и въ своихъ позднѣйшихъ трудахъ, онъ подчеркиваетъ значеніе среды и господствующей склонности писателя, очень подробно останавливается на внутренней біографіи интересующихъ его мыслителей и въ большей степени является историкомъ философовъ, чѣмъ философіи. Предъ нами встаютъ, какъ живые, образы Роайе Коляра, Мэнъ-де-Бирана, въ особенности Кузена и Жюффруа; Тэнъ раскрываетъ ихъ истинную душевную жизнь, подслушиваетъ ихъ сокровенныя мечты и показываетъ зарожденіе ихъ философскихъ вѣрованій. Онъ, быть можетъ, даже слишкомъ детально и долго разбираетъ ихъ слогъ, чтобы проникнуть во всѣ изгибы ихъ умственной организациі; онъ не довольствуется Кузеномъ, какъ философомъ,—онъ разсматриваетъ его и какъ историка и біографа, какъ ученаго и филолога; онъ не упускаетъ изъ виду никакихъ второстепенныхъ обстоятельствъ, если только они даютъ благодарный матеріалъ для его живописнаго повѣствованія. Въ изложеніи Тэна та или другая система не является чѣмъ-то внѣшнимъ и случайнымъ для философа,—нѣтъ, она тѣсно и органически связана съ нимъ, прямо вытекаетъ изъ круга и склада его мыслей, чувствъ и симпатій, она должна быть именно такой, какой она есть, и не терпитъ ни малѣйшихъ измѣненій. Развѣ лишенный глубины и склонный къ риторичности умъ Кузена могъ выработать что-нибудь иное, кромѣ эклектической философіи, которая не требуетъ ни собственнаго творчества, ни силы анализа и удобно можетъ служить различнымъ общественнымъ теченіямъ? Развѣ благородная, тоскующая и религіозная душа Жюффруа могла имѣть иныя стремленія, кромѣ тѣхъ, чтобы познать цѣль и назначеніе человѣческой жизни? Только рѣдкое литературное дарованіе позволило Тэну такимъ своеобразнымъ способомъ излагать философскія ученія и приводить ихъ не въ искусственную, а въ естественную связь съ интеллектуальной и нравственной физиономіей ихъ творцовъ. Правда, изъ книги Тэна читатель не вынесетъ полного и точнаго знакомства со всей французской философіей разбираемой эпохи, и изучать ее по этому произведенію нельзя уже потому одному,

что Тэнъ, передавая чужія системы, не можетъ отрѣшиться отъ самого себя, переплетаетъ ихъ со своими собственными взглядами и хотя не избѣгаетъ цитатъ, но все-таки накладываетъ на свой разсказъ отпечатокъ своего личнаго стиля и своихъ умственныхъ особенностей; изъ-за каждаго философа выглядываетъ самъ Тэнъ и ни на минуту не оставляетъ васъ безъ своего руководства и комментарія, безъ своей внимательной критики. За то нѣтъ ничего ярче и понятнѣе, чѣмъ изложеніе Тэна; оно проникаетъ въ глубь данной философемы, разъясняетъ всѣ темныя стороны ея и переводитъ на общедоступный языкъ ея подчасъ туманныя и запугивающіе тезисы; онъ показываетъ конкретное подъ отвлеченнымъ и пробуетъ достовѣрность абстрактныхъ формулъ на безчисленныхъ и убѣдительныхъ примѣрахъ. Тэнъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы незамѣтно и безъ труда вводитъ своихъ слушателей на высокія ступени философской мысли. Для этого онъ, чуждаясь всякой рутины, черпаетъ изъ неизсякаемаго источника своихъ изящныхъ метафоръ и фигуръ, прерываетъ стройное разсужденіе діалогами вымышленныхъ персонажей, попутно создаетъ цѣлыя картины и сцены, разнообразить свои страницы драматическимъ и беллетристическимъ элементомъ, такъ что иногда кажется, будто вы не книгу читаете, а слушаете граціозную и неутомительную бесѣду очень умнаго человѣка. Конечно, можно легко обойтись безъ этихъ прикрасть, и серьезная мысль говорить сама за себя, не нуждаясь въ такой пестрой оболочкѣ; конечно, для того чтобы трактовать о методѣ, нѣтъ необходимости, какъ это дѣлаетъ Тэнъ, придумывать личности Пьера и Поля (стр. 189), рисовать ихъ портреты, описывать обстановку ихъ жилищъ, покрой ихъ костюмовъ; но у Тэна все это выходитъ такъ непринужденно и естественно, что на него нельзя роптать за это обиліе лишнихъ словъ, которыя къ тому же очень красивы и дѣлаютъ чтеніе легкимъ и привлекательнымъ. Кромѣ того, цвѣтами своихъ образовъ и красокъ Тэнъ не прикрываетъ отсутствія идей, а, наоборотъ, дѣлаетъ эти идеи болѣе осязательными и живыми. Тамъ же, гдѣ надо говорить точно и математически-опредѣленно, Тэнъ умѣетъ это дѣлать такъ же хорошо, какъ и живописать словами.

Къ русскому переводу книги Тэна слѣдуетъ отнести съ безусловною похвалою. Онъ сдѣланъ очевидно умѣлою и опыт-

ной рукой, передаетъ всѣ оттѣнки мысли Тэна и читается почти такъ же легко и съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и оригиналь.

Ю. Айхенвальдъ.

Armand Sabatier. *Essai sur immortalité au point de vue du naturalisme evolutioniste.* XXIX+287. Paris. 1895.

Авторъ означеннаго опыта, Сабатье, извѣстенъ нѣсколькими довольно капитальными трудами въ сферѣ біологическихъ наукъ и, въ частности, въ области зоологіи. Отличительный характеръ его трудовъ—преобладаніе общихъ точекъ зрѣнія и тяготѣніе къ кореннымъ вопросамъ метафизики, такъ что его изслѣдованія часто не столько носятъ спеціально-ученый характеръ изысканій по отдѣльнымъ вопросамъ естествознанія, сколько представляютъ собою попытку спеціалиста-естествовѣда дать посильный отвѣтъ на основныя проблемы біологіи. Особенно это нужно сказать объ его интересномъ «Опытѣ о жизни и смерти», появившемся въ 1892 г. То же самое еще въ большей степени можно замѣтить и о той книгѣ, которая теперь лежитъ передъ нами. Въ изслѣдованіяхъ Сабатье сказывается традиція того университета, гдѣ онъ состоитъ профессоромъ, университета г. Монпелье, родины Барте и Лорда, гдѣ вопросъ о жизни издавна дебатировался не только съ спеціально-научной, но и съ философской точки зрѣнія.

Названная книга представляетъ изъ себя рядъ чтеній, предложенныхъ въ 1894—1895 гг. въ Женевскомъ университетѣ и въ Сорбоннѣ. Вся книга, по числу лекцій, состоитъ изъ семи главъ, которымъ предшествуетъ небольшое предисловіе и за которыми слѣдуетъ краткое приложеніе.

Основное содержаніе предисловія — защита науки вообще и, въ частности, гипотезы эволюціи противъ тѣхъ упрековъ, которые такъ часто раздаются по ихъ адресу особенно въ послѣднее время. Истинная наука, по мнѣнію автора, совсѣмъ не ставитъ своею задачей рѣшеніе всѣхъ основныхъ вопросовъ человѣческаго ума и удовлетвореніе коренныхъ стремленій нашего сердца, а поэтому всѣ обвиненія науки въ томъ, что она не оправдала своей задачи, не состоятельны. Въ частности—гипотеза эволюціи не заслуживаетъ такъ долго повторяемыхъ

обвиненій въ безнравственности, ибо она совсѣмъ не считаетъ грубую силу основнымъ факторомъ эволюціи. Напротивъ, главная роль въ этомъ процессѣ принадлежитъ *приспособленію*, а это послѣднее далеко не такъ доступно какимъ-либо упрекамъ съ этической стороны. Кромѣ того, нѣкоторые эволюціонисты признають особую имманентную эволюціонную тенденцію, нѣчто вродѣ направляющей идеи, такъ что естественный отборъ и подобные имъ факторы въ процессѣ эволюціи играютъ только роль простыхъ механизмовъ въ осуществленіи высшей цѣли.—Далѣе авторъ подробно развиваетъ мысль, что въ процессѣ чело-вѣческой эволюціи имѣетъ преимущественное значеніе развитіе нравственныхъ чувствъ, чѣмъ предполагается необходимость постепеннаго искорененія низменныхъ чувственныхъ побужденій.

Въ 1 гл. авторъ, заявивши о своихъ гилозоистически-монистическихъ воззрѣніяхъ (*la vie est partout*), приступаетъ къ вопросу о безсмертіи, по его собственнымъ словамъ, «какъ натуралистъ и независимый философъ» (6). Методъ его состоитъ «въ добросовѣстной строгой провѣркѣ аналогій и возможныхъ научныхъ предположеній» (6). Наука не опровергаетъ безсмертія. Она не можетъ ни доказать его, ни опровергнуть, ибо этотъ вопросъ не вступилъ еще въ сферу науки и не подлежитъ специально-научному доказательству. Но въ то же время «наука не можетъ доказать реальности смерти личности» (12). Область изслѣдованныхъ наукою явленій очень ограничена. Существуетъ масса загадочныхъ явленій, научный интересъ къ которымъ пробудился только въ послѣднее время (гипнотизмъ, внушенія, телепатія и т. п.). Изслѣдованіе этихъ феноменовъ можетъ имѣть богатые результаты и будетъ, вѣроятно, способствовать научному рѣшенію вопроса о личномъ безсмертіи въ томъ или другомъ (скорѣе, положительномъ) смыслѣ.—Далѣе авторъ, высказывая свои эволюціонистическія убѣжденія, утверждаетъ, что самый послѣдовательный эволюціонизмъ не имѣетъ ничего общаго съ матеріализмомъ, ибо всегда бываетъ вынужденъ признать существованіе Бога, какъ Творца міра и его законовъ. Переходя затѣмъ къ самому предмету своего изслѣдованія, авторъ указываетъ на два главныхъ основанія для всеобщей вѣры въ безсмертіе—на нравственное и біологическое, на этическіе постулаты и на инстинктъ къ сохраненію жизни.

Во 2 главѣ трактуется о безсмертіи вообще, о безсмертіи неор-

ганической матеріи, объ условномъ безсмертіи первоначальной протоплазмы и теперешней зачаточной плазмы, и намѣчается общій характеръ жизни послѣ смерти.— Не все, что имѣетъ начало, должно имѣть конецъ. Да мы и не знаемъ начала въ строгомъ смыслѣ,— намъ извѣстенъ лишь процессъ эволюціи, а подвергаться этому процессу— не значитъ умирать. Все, что представляетъ результатъ эволюціи, должно въ свою очередь подчиняться дальнѣйшей эволюціи. Неорганическая матерія безсмертна только въ своихъ элементахъ, ибо въ неорганическихъ тѣлахъ нѣтъ той строгой связи и гармоніи, которыя были въ первобытной протоплазмѣ и теперь предполагаются только въ зачаточной плазмѣ, чѣмъ и объясняется условное безсмертіе послѣдней. Безсмертіе зачаточной плазмы, съ другой стороны, обусловливается внѣшнею средой, съ измѣненіемъ которой эта плазма подчиняется смерти. Такимъ образомъ, внутреннимъ условиемъ для *физиологическаго* безсмертія служитъ удивительная гармонія въ строеніи органической матеріи, а внѣшнимъ — извѣстное отношеніе къ средѣ. — Жизнь послѣ смерти— продолженіе земной жизни съ ея характеристическими свойствами— дѣятельностью и развитіемъ.— Затѣмъ авторъ даетъ анализъ личности, какъ комплекса психофизическихъ организмовъ или низшихъ индивидуальностей, удивительно связанныхъ между собою съ подчиненіемъ высшей, причемъ внѣшнимъ выраженіемъ этой объединенной психической сложности можетъ служить строеніе нервной системы человѣка.

Въ 3-й главѣ авторъ, сказавши, что нервная система, или, въ частности, мозгъ есть только орудіе духа, подробно развиваетъ свою точку зрѣнія психофизическаго монизма. Жизнь и духъ всюду, они заложены въ космической матеріи. Нервная система есть только *аккумуляторъ* духа, наибольшая концентрація котораго— въ мозгѣ. Жизнь въ біологическомъ смыслѣ предполагаетъ имманентность духа матеріи, что доказывается самымъ фактомъ существованія эволюціонной тенденціи. Элементарное проявленіе духовной дѣятельности можно предполагать и въ явленіяхъ неорганическаго міра, такъ что нѣтъ рѣзкаго перехода между силами природы и явленіями духа.

4 глава не стоитъ въ прямой связи съ частнымъ содержаніемъ предшествующихъ и послѣдующихъ главъ, хотя въ общемъ тѣсно связана съ основными философско-научными взглядами автора. Послѣдній развиваетъ здѣсь біологическую теорію искусства

и указываетъ источникъ нравственной борьбы въ природѣ человѣка.

Матерія есть форма духа или его воплощеніе. Въ произведеніяхъ искусства «фиксируется въ матеріальной и чувственной формѣ часть души художника». Глубокое впечатлѣніе, получаемое отъ произведеній искусства, объясняется тѣмъ, что «нервные центры способны воспринимать и аккумулировать психическія эманации эстетическаго характера» (115).

Между духомъ и матеріей нѣтъ полной противоположности. Если въ дѣйствительности и происходитъ борьба между тѣлесными потребностями и духовными стремленіями, то въ этомъ случаѣ обнаруживается антагонизмъ не между духомъ и тѣломъ, а между потребностями низшей животной природы прошедшаго и болѣе возвышенными стремленіями природы настоящаго и будущаго. «Въ созерцаніи этой борьбы животнаго прошедшаго съ божественнымъ будущаго должно заключаться настоящее основаніе эволюціонной морали» (114).

5 глава продолжаетъ трактовать вопросъ о личномъ безсмертіи. Духъ присущъ матеріи, и мы не констатируемъ его нигдѣ внѣ матеріи, а поэтому личность человѣческая въ загробномъ существованіи должна быть въ одно время и органическою, и психическою. Для сохраненія такой личности нужны два условія: 1) психическая личность должна удержатъ связь и организацію, полученную въ этой жизни, 2) она должна быть соединена съ новымъ организмомъ или съ новою формой, которая, «какъ аккумуляторъ и организаторъ, могла бы поддерживать ея цѣлость и доставляла бы ей возможность дальнѣйшаго развитія» (158). Образованіе этого новаго организма есть дѣло духа, который изъ основъ нервныхъ центровъ долженъ создать новую «загробную» плазму (на подобіе первобытной условно-безсмертной плазмы). Основаніе для такой смѣлой концепціи—многія загадочныя явленія, ставшія предметомъ научнаго изслѣдованія за послѣднее время. Явленія телепатіи и подобныя ей могутъ служить доказательствомъ существованія тонкой неощутимой среды, которая можетъ оказаться мѣстомъ психической аккумуляціи и своеобразной организаціи для человѣческаго существа въ загробной жизни. Новая форма духа (новый организмъ) образуется постепенно и иногда проявляетъ свое существованіе еще при жизни теперешняго организма, примѣромъ чего могутъ служить

факты неожиданнаго духовнаго просвѣтленія предъ смертью въ жизни душевно-больныхъ. Въ этомъ случаѣ душа какъ бы уже освобождается отъ оковъ физическаго тѣла.—Плазма этого новаго организма такъ же, какъ плазма настоящаго организма, можетъ расти, обновляться и совершенствоваться и составлять такимъ образомъ «аккумуляторъ и организаторъ психики, сила котораго будетъ превосходить силу земнаго аккумулятора» (170). Съ помощью такого организма прогрессъ психической личности можетъ ускориться, ибо «задача эволюціи состоитъ въ концентрации сознанія и въ развитіи личности... Итакъ, въ личности нужно искать источникъ загробнаго безсмертія» (171).

Въ 6 главѣ трактуются объ условіяхъ безсмертія. Не всякій человекъ можетъ стать безсмертнымъ. Такъ какъ задача эволюціи состоитъ въ гармоническомъ развитіи личности, то для безсмертія необходима «функціональная гармонія психическаго существа, достигаемая усиліями воли и нравственною оріентаціею» (192). Личности безнравственныя дезагрегируются или поглощаются болѣе сильными, подобно тому какъ въ состояніи гипнотическаго внушенія личность экспериментируемаго вполне подавляется личностью экспериментатора. Для такихъ безнравственныхъ людей распаденіе и уничтоженіе личности, т.-е. окончательная смерть, является естественнымъ и вполне законнымъ наказаніемъ за ихъ поведеніе въ земной жизни.

7 глава посвящена разъясненію нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ прежнихъ главахъ. «Потокъ эволюціи направляется къ непрерывному прогрессивному развитію нравственнаго сознанія и чувства долга» (233). Поэтому надъ сильными личностями (о которыхъ шла рѣчь въ предшествующей главѣ) нужно разумѣть не людей только съ высшимъ умомъ, но «аристократію сердца и нравственнаго сознанія» (234). Далѣе авторъ переходитъ къ вопросу о судьбѣ души дитяти и дряхлаго старца, у котораго психическія и органическія функціи часто значительно понижаются въ своей дѣятельности. Такъ какъ для безсмертія нужна извѣстная степень нравственнаго совершенства, то душа дитяти, вѣроятно, должна нѣкоторое время пребывать въ неопредѣленномъ состояніи, пока она не достигнетъ требуемой степени духовнаго развитія. Душа старца (разумѣется, жившаго нравственно) также можетъ получить безсмертіе, ибо она уже давно достигла его, и только бренность тѣла препятствуетъ сво-

бодному проявленію ея богатыхъ духовныхъ силъ. — Затѣмъ авторъ дѣлаетъ предположенія о судьбѣ душъ животныхъ. Души животныхъ послѣ ихъ смерти могутъ служить матеріаломъ для душъ болѣе высшихъ существъ, такъ что «психическія группы, уже образовавшіяся, благодаря нервному аккумулятору животного, могутъ поглощаться мозговымъ аккумуляторомъ другого существа, входя такимъ образомъ въ составъ его психики» (256). Души же болѣе одаренныхъ въ психическомъ отношеніи животныхъ, быть можетъ, даже наслѣдуютъ безсмертіе. — Разобравши далѣе мнѣніе о безличномъ безсмертіи (безсмертіе дѣяній въ памяти потомства) и сказавъ, что ученіе о личномъ безсмертіи есть необходимый постулатъ эволюціи, ибо безъ него она не имѣла бы смысла, авторъ въ заключеніе говоритъ о практическихъ послѣдствіяхъ своего воззрѣнія. Такъ какъ непремѣннымъ условіемъ для достиженія безсмертія является развитіе личности, а «нравственная личность есть плодъ здоровой нравственной дѣятельности, жизни постоянныхъ усилій и борьбы со зломъ», то въ настоящей жизни «мы преимущественно должны заботиться о воспитаніи совѣсти и объ укрѣпленіи воли» (271). Отъ насъ самихъ зависитъ достиженіе вѣчной жизни или участь полной смерти. «Будемъ же стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться добрыми», заключаетъ авторъ (274).

Приложеніе содержитъ въ себѣ описаніе строенія и основныхъ процессовъ протоплазмы. Такъ, для неспециалистовъ въ немъ дается краткое разъясненіе такихъ біологическихъ предметовъ и явленій, какъ первобытная плазма, плазма зачаточная, клѣточки соматическія и зачаточныя, процессы оплодотворенія, конъюгаціи и т. п.

Таково содержаніе любопытной книжки Сабатье. Основная мысль ея — доказать безсмертіе личности при помощи *физиологическихъ* данныхъ является слишкомъ смѣлою, и едва ли можетъ найти оправданіе въ современномъ положеніи естественнонаучныхъ знаний. Біологическія явленія еще очень далеки отъ своего удовлетворительнаго объясненія, и мы пока не вправѣ строить окончательныхъ теорій относительно сущности процессовъ, совершающихся въ протоплазмѣ. Что же касается такихъ явленій, какъ телепатія и подобныя ей, то въ отношеніи къ нимъ нужно быть особенно осторожными, и, кажется, еще преждевременно эксплуатировать ихъ для метафизическихъ цѣлей. Кромѣ

того, авторъ въ своихъ конструкціяхъ исходитъ изъ основныхъ положеній психофизическаго монизма, а эта точка зрѣнія вызываетъ противъ себя, какъ извѣстно, много возраженій, распространяться о которыхъ не мѣсто здѣсь. Такимъ образомъ, съ положительной стороны построенія автора не могутъ быть названы удовлетворительными, насколько они исходятъ изъ естественно-научныхъ и, въ частности, изъ фізіологическихъ данныхъ. Это, конечно, и понятно по существу предмета: вѣдь, по мнѣнію самого автора, вопросъ о безсмертіи не вступилъ еще въ сферу строго-научнаго обсужденія.

Гораздо важнѣе констатированіе авторомъ отрицательнаго тезиса, именно, что наука доселѣ не могла доказать смерти личности. Это положеніе, правда, давно извѣстно; однако очень характерно, что въ данномъ случаѣ оно исходитъ изъ устъ натуралиста. Заслуживаетъ вниманія мысль автора о телеологическомъ характерѣ эволюціонной гипотезы, хотя эта мысль и раньше высказывалась какъ критиками, такъ и защитниками доктрины эволюціи. Не лишены интереса и соображенія автора, что процессъ эволюціи имѣетъ значеніе только при допущеніи мысли о загробномъ существованіи. Что касается указанія автора на этические постулаты и біологическій инстинктъ жизни, какъ на основаніе для вѣры въ безсмертіе, то любопытно отмѣтить, что и въ метафизикѣ телеологическое доказательство является самымъ сильнымъ и серьезнымъ въ попыткахъ раціональнаго обоснованія убѣжденія въ безсмертіи души.

Особеннаго же вниманія заслуживаетъ общій тонъ всей книги. Въ разсужденіяхъ автора-натуралиста о характерѣ загробной жизни и особенно объ условіяхъ для достиженія ея ясно проглядываетъ этическая точка зрѣнія, очевидно подсказываемая глубокимъ и искреннимъ религіозно-нравственнымъ чувствомъ. У автора много горячаго идеализма, отчего разсужденія его иногда принимаютъ слишкомъ патетическій тонъ и сбиваются на проповѣдь, что получаетъ весьма своеобразный характеръ въ устахъ натуралиста. Авторъ часто не столько доказываетъ, сколько убѣждаетъ. Но, какъ бы то ни было, книгу его съ удовольствіемъ и съ пользою прочтутъ всѣ тѣ, кому дороги лучшія чаянія человѣческаго сердца.

Н. Виноградовъ.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Культурно-историческая библіотека. Изданіе 2-ое О. Н. Поповой. С.-Петербургъ 1896.

Эта интересная книга нашего извѣстнаго публициста представляетъ очень любопытный матеріалъ для изученія психологіи и этического развитія русскаго общества прошлаго столѣтія. Богатая яркими и разнообразными фактами, свидѣтельствующими о солидной эрудиціи автора въ исторіи и социальныхъ наукахъ, она, по своей основной идеѣ, является серьезною попыткой къ рѣшенію теоретическаго вопроса о взаимодѣйствіи законодательства и нравовъ. В. А. Гольцевъ полагаетъ, что къ этой важной проблемѣ надо подходить, опираясь на психологическія данныя, и для того, чтобы ориентироваться въ массѣ историческихъ явленій, необходимо прибѣгнуть къ дедуктивному методу. Онъ приводитъ взгляды различныхъ философовъ, изслѣдовавшихъ вліяніе законовъ на нравственный уровень народа, и разобравъ мнѣнія Гельвеція, Бокля, Маттера, Монтескье, самъ склоняется къ выводамъ Дж. Стюарта Милля, дополняя и развивая ихъ. Уважаемый писатель, въ противоположность новѣйшему направленію въ философіи исторіи, исходя изъ той мысли, что въ жизни народовъ идеи имѣютъ очень большое и плодотворное значеніе, считаетъ ихъ особенно великой силой въ томъ случаѣ, когда онѣ воплощаются въ учрежденіяхъ и находятъ себѣ поддержку во всѣхъ административныхъ органахъ. Онъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ постепенно проникали въ Россію идеи гуманности, какія измѣненія совершали онѣ въ нравахъ и какія препятствія замедляли ихъ ростъ; онъ показываетъ, какъ сталкивались въ русскомъ обществѣ различныя теченія, вызывая тѣ или другія законодательныя мѣропріятія. В. А. Гольцевъ развѣртываетъ множество картинъ, изображающихъ нравственныя понятія, склонности и воззрѣнія высшихъ и отчасти среднихъ классовъ Россіи, и въ результатѣ получается многосторонняя характеристика этихъ сословій и руководившихъ ими жизненныхъ принциповъ. Подъ слоемъ фактовъ авторъ постоянно стремится разсмотрѣть и изучить проникающія ихъ идеи, и это придаетъ его изслѣдованію общій и большой интересъ.

Ю. А.

Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей:

И. П. Бородинъ, профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи и С.-Петербургскаго Лѣснаго Института. Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ. Съ 169 политипажами. Второе переработанное изданіе. Изданіе журнала „Міръ Божій“. С.-Петербургъ 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к. Стран. 326.

Гастонъ Буассе. Картины древне-римской жизни. Очерки общественного настроенія временъ цезарей. Переводъ съ французскаго Е. В. Дегена. Съ приложеніемъ статьи того же автора „Газета въ Римѣ“, пер. Н. П. Новоборской. Изданіе О. Н. Поповой. Культурно-историческая библіотека. С.-Петербургъ 1896 г. Цѣна 1 р. 25 к. Стран. IV+31+3III.

В. Вундтъ. Индивидуумъ и общество. Рѣчь, произнесенная 23 апрѣля 1891 г., въ день рожденія короля Саксонскаго Альберта, въ Лейпцигскомъ университетѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ 1896 г. Цѣна 20 к. Стран. 32.

Николай Гротъ. Памяти Н. Н. Страхова. Къ характеристикѣ его философскаго міросозерцанія. Оттискъ изъ № 32 „Вопросовъ Философіи и Психологіи“. Москва 1896 г. Цѣна 30 к. Стран. 40.

А. Гусевъ, профессоръ. Разборъ возраженій Спенсера и его единомышленниковъ противъ ученія о Богѣ, какъ личномъ существѣ. Казань 1896 г. Цѣна 40 к. Стран. 58.

Н. А. Добролюбовъ. Сочиненія. Томъ III. Изданіе пятое. С.-Петербургъ 1896 г. Изданіе О. Н. Поповой. Цѣна за всѣ четыре тома 7 рублей. Стран. IV+548.

Дж. К. Ингрэмъ. Исторія рабства, отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. Съ дополненіемъ изъ трудовъ Валлона, Турмана, Рамбо и Лависса, въ переводѣ Н. П. Новоборской. Изданіе О. Н. Поповой. Культурно-историческая библіотека. С.-Петербургъ 1896 г. Цѣна 1 р. 25 к. Стран. 334+II.

Г. Компейрз. Основаніе элементарной психологіи. Переводъ съ французскаго подъ редакціей приватъ-доцента Г. Челпанова. Изданіе редакціи журнала „Міръ Божій“. С.-Петербургъ. 1896 г. Цѣна 80 к. Стран. 204.

М. Лацарусъ. Взаимодѣйствіе души и тѣла. Переводъ съ нѣмецкаго. „Международная библіотека“, изданіе І. Юровскаго. С.-Петербургъ 1896 г. Цѣна 20 к. Стран. 55.

Ю. Манасевичъ. Философскіе этюды. С.-Петербургъ 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к. Стран. VII+284.

Дж. В. Мармери. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Переводъ съ англійскаго. Съ приложеніемъ бібліографическаго указателя русскихъ переводовъ классическихъ и научныхъ трудовъ, а также и другихъ книгъ и статей по различнымъ отраслямъ знанія. Культурно-историческая бібліотека, изданіе О. Н. Поповой. С.-Петербургъ 1896 г. Цѣна 1 р. 75 к. Стран. VII+429.

Г. А. Мачетъ. Васька-горнисть. Библіотека „Дѣтскаго Читенія“. Съ четырьмя рисунками художника И. Г. Гуганавы. Москва 1896 г. Цѣна 20 к. Стран. 57.

Александръ Миллашевскій. Рабочій вопросъ и социальное законодательство въ Германіи. С.-Петербургъ 1896 г. Цѣна 30 к. Стран. 87.

І. Рейнке. Приходъ и расходъ въ природѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. «Международная бібліотека», изданіе І. Юровскаго. С.-Петербургъ 1896. Цѣна 15 к. Стран. 46.

Э. Рэклю. Земля и люди. Всемирная географія. Швеція и Норвегія. Полный переводъ съ французскаго П. Н. Краснова. Съ приложеніемъ очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ, статистическихъ таблицъ и бібліографическаго указателя книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ Швеціи и Норвегіи. Съ 75 рисунками. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Петербургъ 1896 г. Ц. 1 р. Стран. 252.

Ведоръ Соллогубъ. Тяжелые сны. С.-Петербургъ 1896 г. Ц. 2 р. Стран. 309.

L'année psychologique publiée par Mm. H. Beaunis et A. Binet avec la collaboration de Mm. Th. Ribot et Victor Henri etc. Laboratoire de psychologie physiologique de la Sorbonne (Hautes Etudes) Deuxième année 1895. Paris 1896, p. 1010. Prix. 15 francs.

II. Обзоръ журналовъ.

Archiv für systematische Philosophie. В. I, Heft 1—4.
Berlin 1895.

Съ прошлаго года извѣстный нѣмецкій журналъ: *Philosophische Monatshefte* выходитъ подъ вышеприведеннымъ измѣненнымъ названіемъ, трехмѣсячными выпусками, подъ редакціей профессора Наторпа. Журналъ на своихъ страницахъ даетъ мѣсто для выраженія самыхъ противоположныхъ философскихъ взглядовъ и въ этомъ отношеніи не придерживается никакого опредѣленнаго направленія. Изъ числа статей, помѣщенныхъ за прошедшій годъ, мы отмѣтимъ только нѣкоторыя.

E. Zeller. *Метафизика какъ опытная наука.*

Даже самые рѣшительные эмпирики, ограничивающіе свою задачу изученіемъ явленій, не задаваясь вопросомъ объ ихъ сущности, не могутъ обойтись безъ тѣхъ или иныхъ метафизическихъ понятій, каково, на примѣръ, понятіе причинности, тѣмъ болѣе, что самое признаніе независимаго отъ насъ міра объектовъ внѣ насъ есть само по себѣ метафизическая проблема. Поэтому для философіи является существенно необходимой такая реформа метафизики, которая поставила бы ее въ уровень съ современными научными требованіями; пересмотръ ея основныхъ понятій и новая формулировка ея задачъ и цѣлей, соответствующая теперешнему состоянію теоріи познанія и методологіи наукъ, — вотъ что должно быть обращено особенное вниманіе нашихъ философовъ. Но реформированная метафизика, подобно всякой другой научной дисциплинѣ, должна быть необходимымъ образомъ основана на наблюденіи и на выводахъ, полученныхъ изъ наблюденій. Понятія, съ которыми оперируетъ, на примѣръ, онтологическая

часть метафизики: бытіе, сущность, субстанція, причина, дѣйствіе и пр., суть только конечныя абстракціи, полученныя изъ опыта. Поэтому нельзя давать такимъ понятіямъ опредѣленія, прежде чѣмъ не рѣшенъ вопросъ объ ихъ происхожденіи, объ ихъ взаимной зависимости и т. д. Въ области метафизики индуктивный методъ столь же приложимъ, какъ и въ другихъ научныхъ дисциплинахъ, и она отличается отъ прочихъ опытныхъ наукъ только тѣмъ, что при анализѣ и объясненіи явленій дѣлаетъ лишній шагъ впередъ, сравнительно съ ними, подвергая новому изслѣдованію тѣ положенія и понятія, которыя онѣ принимаютъ какъ данныя.

Allen Vannépus. Критическія замѣчанія относительно представленія Вундта о сущности психическихъ явленій.

Какъ извѣстно, Вундтъ опредѣляетъ сущность душевныхъ явленій какъ «чистую активность», допуская понятіе субстанціи только при объясненіи явленій психо-физическихъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Шведскій ученый возстаетъ противъ такого ограниченія. Онъ соглашается съ тѣмъ, что, говоря о психической жизни, нельзя понимать субстанцію такъ, какъ понимала ее старая психологія, но онъ не допускаетъ, чтобы это понятіе было совершенно устранено изъ науки. Намъ не зачѣмъ искать какой-либо реальности за предѣлами того, что дано въ нашемъ внутреннемъ опытѣ: такую реальность *sui generis* уже составляетъ сама по себѣ та совокупность ощущеній, представленій и волевыхъ импульсовъ, изъ которыхъ слагается наша душевная жизнь. Чистый феноменализмъ въ области психологіи недопустимъ уже потому, что при такой точкѣ зрѣнія мы, оставаясь послѣдовательными, должны были бы отрицать реальность также и всѣхъ физическихъ явленій вообще, такъ какъ истинную реальность мы можемъ приписать только умопостигаемымъ атомамъ, являющимся элементарными факторами мірового процесса. Но подобно тому какъ натуралистъ - ученый не сомнѣвается въ дѣйствительности эмпирически даннаго явленія, такъ и психологъ не можетъ отрицать такой же реальности и за явленіями психической жизни. Вундтъ совершенно правъ, когда, вооружаясь противъ крайностей ассоціативной психологіи, признаетъ *психическій субъектъ*, духовное я cadaго индивида, истиннымъ носителемъ психической жизни (*Träger der inneren Causalität*), существенно не-

обходимымъ для объясненія единства сознанія (срав. System der Philos., S. 387 etc., Phil. Stud., B. 10, S. 79, 94). Но онъ не остается до конца вѣрнымъ этому взгляду. Боясь встрѣтиться на этомъ пути съ упорно отрицаемымъ понятіемъ субстанции, Вундтъ не допускаетъ даже возможности существованія какого-либо устойчиваго, постояннаго фактора въ психическомъ процессѣ. Этотъ процессъ является для него непрерывною смѣной состояній сознанія, характеризующейся рядомъ одновременныхъ и послѣдовательныхъ моментовъ сознанія. Vannégus не находитъ возможнымъ согласиться съ такимъ взглядомъ на сущность душевной жизни, столь приближающимся, по его мнѣнію, къ точкѣ зрѣнія ассоціативной психологіи. Онъ доказываетъ необходимость существованія нѣкотораго устойчиваго психическаго фактора тѣмъ соображеніемъ, что, еслибы индивидуальное сознаніе не было тождественнымъ въ теченіе двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ моментовъ, напримѣръ, въ процессѣ сравненія или умозаключенія, то самый процессъ сталъ бы логической и психологической невозможностью. Безъ устойчиваго я, проявляющагося въ каждомъ отдѣльномъ моментѣ психической жизни и заключающаго въ себѣ потенциально всѣ эти отдѣльные моменты, душевная жизнь разрѣшалась бы въ совокупность единичныхъ мгновенныхъ состояній сознанія, механическое сцѣпленіе которыхъ не въ силахъ было бы объяснить даже первичныхъ психическихъ процессовъ. Безъ признанія нѣкоторой общей психической основы нельзя объяснить себѣ и самую возможность связи между отдѣльными моментами душевной жизни, между отдѣльными психическими функціями, такъ какъ въ такомъ случаѣ самая актуализація этихъ функцій будетъ въ нѣкоторомъ родѣ *creatio ex nihilo*. Все указываетъ на то, что мы должны допустить существованіе нѣкотораго постояннаго фактора, регулирующаго и опредѣляющаго собой весь психическій процессъ. Факторъ этотъ не данъ намъ непосредственно въ нашемъ внутреннемъ опытѣ: онъ постигается нами въ абстракціи, какъ нѣкоторая психическая первооснова (*das ursprünglich Psychische*), потенциально содержащая въ себѣ все разнообразіе душевныхъ явленій. Мы имѣемъ полное право подводить этотъ факторъ подъ понятіе субстанции, если понимать субстанцію въ смыслѣ реальной основы для какихъ бы то ни было зависимыхъ функцій. Понятая такимъ образомъ, субстанція эта по существу своему будетъ нѣкото-

рымъ единымъ цѣлымъ (in-dividuum), проявляющимся въ формѣ чистой актуальности и заключающимъ въ себѣ всѣ разнородные психическіе процессы, какъ модусы проявленія. Мы не можемъ, конечно, непосредственно сознать въ себѣ эту психическую первооснову. Сознаніе наше никогда не бываетъ вполне тождественнымъ въ два различныхъ момента, будучи опредѣлено въ каждый отдѣльный моментъ своимъ конкретнымъ содержаніемъ. Оно тождественно однако въ томъ смыслѣ, что одна и та же реальность лежитъ въ основѣ его различныхъ и разновременныхъ проявленій. Такимъ образомъ, сознаніе и самосознаніе наше суть только функціи первичнаго и неизмѣннаго элемента нашей духовной личности, того, что Кантъ называлъ трансцендентальной апперцепціей. Съ этой точки зрѣнія къ нашему духовному я вполне приложимо понятіе живого организма, объединяющаго все разнообразіе психическихъ явленій и проявляющагося, подобно всякому организму вообще, въ извѣстнаго рода активности. Но въ то же время мы не имѣемъ права вмѣстѣ съ Вундтомъ характеризовать эту основную активность нашего психического субъекта какъ первичное воленіе (*der innere Wille, die reine Apperception*), и скорѣе можемъ подыскивать опредѣленіе для нея въ области психического автоматизма, вообще въ области такихъ душевныхъ явленій, ниже которыхъ мы не имѣемъ возможности спуститься; а къ такимъ явленіямъ воля отнесена быть не можетъ, если только не понимать ея, подобно Шопенгауэру, въ смыслѣ метафизическаго начала.

Simmel. Объ отношеніи между теоріей познанія и ученіемъ о естественномъ подборѣ.

Представленія наши о явленіяхъ внѣшняго міра не являются адекватнымъ выраженіемъ ихъ реального содержанія. Несмотря на это, мы склонны считать тѣ или иные результаты теоретической работы нашей мысли за нѣкоторую объективную истину. На это наводитъ насъ прежде всего тотъ фактъ, что, когда активными проявленіями нашей воли руководятъ такіа представленія, которыя мы признаемъ за истинныя, мы имѣемъ возможность до нѣкоторой степени направить нашу дѣятельность такъ, чтобы результаты ея совпадали съ нашими интересами. Но что служить критеріемъ истинности нашихъ представленій, даже самыхъ общихъ и основныхъ? Теорія познанія можетъ дать намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ только относительно частныхъ случа-

евъ, представляющихся къ разрѣшенію, и относительно тѣхъ формъ, въ которыхъ это разрѣшеніе должно объективироваться; само же познаніе, какъ совокупность этихъ частныхъ случаевъ, принуждено искать для себя критерія достовѣрности внѣ собственной сферы, а именно, какъ думаетъ Simmel, въ области общихъ законовъ органической жизни. Среди безчисленныхъ представлений, наполняющихъ наше сознание, а также и сознание животныхъ, нѣкоторыя представленія являются для особей того или другого зоологическаго типа стимуломъ къ успѣшному дѣйствію и такимъ образомъ содѣйствуютъ имъ въ ихъ борьбѣ за существованіе. Переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ теченіе вѣковъ, они фиксируются въ сознаніи путемъ постепеннаго накопленія и получаютъ предикатъ истинныхъ. То, что мы называемъ объективною истиной, въ дѣйствительности находится въ безусловной зависимости отъ нашей психо-физической организаціи, такъ что каждое измѣненіе въ ней обуславливаетъ въ свою очередь соотвѣтственныя измѣненія въ условіяхъ, въ которыя поставлены мы въ борьбѣ за существованіе, и вызываетъ болѣе или менѣе глубокія перемѣны въ нашихъ взглядахъ на внѣшній міръ. Такимъ образомъ мышленіе наше, подчиняясь принципу утилитарности, создаетъ извѣстныя нормы для своей дѣятельности, которыя однѣ только опредѣляютъ то, что мы называемъ объективною истиной и которыя находятъ себѣ отвлеченное выраженіе въ законахъ логики.

Meinong. Психологическая теорія цѣнности.

Понятіе цѣнности имѣетъ существенное значеніе во всѣхъ областяхъ практической жизни, такъ что естественно является желаніе установить тотъ критерій оцѣнки, которымъ мы руководствуемся въ нашихъ сужденіяхъ. Авторъ видитъ этотъ критерій въ чувствѣ цѣнности (Wertgefühl), опредѣляющемъ собой наше отношеніе къ предмету оцѣнки. Сообразно интенсивности этого чувства, возрастаетъ абсолютная величина и относительное значеніе объекта, на который оно направлено. Намъ не должно вводить въ заблужденіе то обстоятельство, что весьма часто мы очень невѣрно опредѣляемъ дѣйствительную цѣнность предмета: либо недооцѣниваемъ, либо переоцѣниваемъ его. Въ первомъ случаѣ мы не должны упускать изъ виду, что чувство цѣнности, подобно всякому другому, притупляется отъ продолжительнаго напряженія, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что мы не чувству-

емъ тѣхъ благъ, къ которымъ привыкли. Въ случаѣ же переопѣнки интенсивность нашего чувства возрастаетъ обыкновенно вслѣдствіе отсутствія или недостатка въ томъ, въ чемъ мы чувствуемъ потребность: такимъ образомъ тотъ, кто только что подвергнулся опасности задохнуться, ощущаетъ особенное удовольствіе отъ дыханія свѣжимъ воздухомъ, хотя при нормальныхъ условіяхъ возможность дышать свѣжимъ воздухомъ почти вовсе не цѣнится человѣкомъ. Явленіе переопѣнки объектовъ внѣшняго опыта повело къ тому, что нѣкоторые (напримѣръ, Ehrenfels) стали искать психологическаго критерія цѣнности въ безсознательномъ волево́мъ импульсѣ (Begehrung), но авторъ предостерегаетъ противъ такого пониманія, указывая на то, что съ этой точки зрѣнія невозможно объяснить психологически многихъ частныхъ случаевъ, имѣющихъ большое практическое значеніе.

Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ, отмѣтимъ: Kühnemann—Объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ (авторъ старается оправдать это раздѣленіе сужденій, формулированное Кантомъ, указаніемъ на общій смыслъ и задачи его философіи); Lasswitz—Психо-физическая энергія и ея факторы (попытка подвести явленія душевной жизни подъ общіе законы энергетики); Natorp—Воспитаніе воли; Benno Erdmann—Теорія наблюденія; Petrinі—Объ основныхъ принципахъ механики, и др.

Въ критическомъ и библиографическомъ отдѣлѣ упомянемъ о подробномъ и интересномъ обзорѣ текущей итальянской литературы по философіи и отдѣльнымъ философскимъ дисциплинамъ (R. Ardigò) и отчетъ Юдля о новыхъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ по этикѣ (за 1894 годъ). Въ четвертомъ выпускѣ журнала редакція дѣлаетъ попытку дать полную библиографію философской литературы за предшествовавшій годъ (1894); въ этомъ отчетѣ есть свѣдѣніе даже о русской литературѣ. Въ интересахъ дѣла редакція проситъ доставлять ей отиски статей и вообще всѣ новыя публикаціи, по адресу: Prof. Dr. Paul Natorp, Marburg i. H.

В. Саводникъ.

Revue philosophique 1895 г. №№ 1—6.

A. Schinz. Мораль и детерминизмъ (№ 1). Эта статья представляетъ собой отрывокъ изъ цѣлаго изслѣдованія, и ав-

торъ поэтому считаетъ себя вправѣ не останавливаться въ ней на доказательствѣ своего основного тезиса, по которому детерминизмъ является совершенно правильнымъ и единственно-научнымъ міровоззрѣніемъ; Schinz стремится только выяснитъ, что ученіе детерминизма и его желѣзные законы гармонически сливаются съ требованіями моральнаго чувства. Онъ возстаетъ противъ мысли Канта, что свобода существуетъ въ области практическаго, а необходимость—въ сферѣ теоретическаго разума; такое утвержденіе нарушаетъ связь, объединяющую міръ феноменовъ, и устанавливаетъ своего рода *imperium in imperio*. На самомъ же дѣлѣ категорическій императивъ, съ его «ты долженъ» и детерминизмъ, съ его «ты иначе не можешь», не противоположны одинъ другому, а согласуются между собою, и первый служитъ лишь частнымъ проявленіемъ второго; обѣ формулы выражаютъ одну и ту же мысль на разныхъ языкахъ, обѣ онѣ имѣютъ характеръ необходимости. Для того чтобы правильно понимать нравственный долгъ, надо различать въ немъ два момента: одинъ—неизмѣнный, формальный, другой—измѣнчивый, матеріальный; первый—это повелѣніе, обязательство, какъ такое, послѣдній—это содержаніе моральнаго требованія. Разсматривая сначала второй моментъ, мы приходимъ къ выводу, что идея нравственнаго блага не врождена намъ, что она тѣсно связана съ внѣшнимъ міромъ и вслѣдствіе того, что измѣняется онъ, измѣняется и она, ея содержаніе. Если же въ оцѣнкѣ этическихъ принциповъ почти всѣ солидарны между собою, если никто не сомнѣвается въ томъ, на примѣръ, что христіанство выше грубой и эгоистической морали, а не наоборотъ, то критерій для такихъ сужденій заключается не въ врожденномъ нравственномъ законѣ, какъ думалъ Кантъ, не въ нравственномъ чувствѣ, какъ думали Геттесонъ, Шефтсбѣри, Юмъ, Гербартъ, Лотце и др., а въ нашемъ интеллектѣ, въ разумѣ. Сравнивая между собою два моральные факта, мы путемъ разсужденія, т.-е. значить, ума, найдемъ, который изъ нихъ выше, и наша воля не будетъ имѣть при этомъ никакого значенія. Такимъ образомъ, моральное чувство—это только продолженіе разума, и моральныя идеи—это его специфическія проявленія. Что же касается перваго, неизмѣннаго момента нравственности, то его создаетъ воля, но она, вопреки дуалистической теории, не можетъ идти противъ разума, потому что качественно она ничѣмъ не отличается отъ него; мы сознательно желаемъ только

того, что признаемъ разумнымъ, цѣлесообразнымъ, и ошибка нашего моральнаго чувства, какъ и всякаго другого чувства, есть въ то же время ошибка разума.

G. Tarde. Преступность и общественное здорье (№ 2). Въ предыдущихъ книгахъ *Revue philosophique* помѣщены были статьи Durkheim'a о правилахъ социологическаго метода, гдѣ авторъ ихъ старался построить социологию на основахъ, совершенно независимыхъ отъ психологіи, и, будучи сторонникомъ взгляда на общество, какъ на организмъ, доказывалъ, что преступность не патологическій, а вполне нормальный фактъ, желательный и полезный для социальнаго цѣлаго. Противъ такого взгляда выступилъ въ очень остроумномъ этюдѣ извѣстный французскій мыслитель Тардъ и съ тонкой ироніей и логичностью опровергаетъ парадоксъ Durkheim'a. Онъ полагаетъ, что его антагонистъ придерживается мнѣнія, будто прогрессъ цивилизаціи и ростъ преступности неизмѣнно связаны между собою; для Тарда же въ преступленіи, какъ и вообще въ несчастіи, нѣтъ хорошей стороны, и если Durkheim считаетъ наказаніе такимъ же нормальнымъ явленіемъ, какъ и преступленіе, то онъ, очевидно, неправъ, потому что изъѣтихъ двухъ факторовъ можетъ быть признанъ нормальнымъ только одинъ. Въ исторіи цивилизаціи очень большую и, на первый взглядъ, благотворную роль играло именно ненаказанное, идеализированное, возвеличенное преступленіе; да и то, на самомъ дѣлѣ, не побѣдители-преступники, а апостолы, не злодѣи, а друзья человечества, были всегда истинными дѣятелями прогресса; а о спасительной функціи того обыкновеннаго воровскаго и тайнаго преступленія, о которомъ трактуетъ Durkheim, не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны, такъ же нелѣпо и вредно видѣть связь между преступленіемъ и гениальностью на томъ ложномъ основаніи, будто подкладкою того и другой служить нѣчто оригинальное, не подчиняющееся рутинѣ и шаблону. Правда, если бы не было, на примѣръ, алкоголизма, не было бы и вакхическихъ пѣсенъ, но мы не можемъ знать, какія чудныя перспективы творчества и поэзіи открылись бы предъ нами, еслибы не существовало преступленій. Къ неправильнымъ теоріямъ привело Durkheim'a его отвращеніе ко всякой телеологіи, его желаніе быть строго объективнымъ и не признавать аномаліей всего того, что препятствуетъ гармоническому общежитію людей и социаль-

нымъ идеаламъ челоувѣчества. По Тарду же нормальное—это идеальное, и нормальнымъ надо считать то общество, въ которомъ не будетъ преступлений, невѣжества, пороковъ и нужды. Пусть это воззрѣніе приближается къ утопіи, но Тардъ предпочитаетъ его всякому другому, имѣющему горделивый видъ научности, потому что онъ хочетъ мыслить не только умомъ, но и сердцемъ, и душою, и даже воображеніемъ, потому что онъ предъявляетъ къ наукѣ лишь такія требованія, которыя она можетъ выполнить, и не отдаетъ ей, этому «холодному продукту отвлеченнаго разума», всего своего духовнаго существа.

Въ V-ой книгѣ разбираемаго журнала за 1895 г. Durkheim напечаталъ возраженіе на статью Тарда. Онъ говоритъ, что послѣдній, на понявъ его, приписалъ ему мнѣнія, которыхъ онъ не высказывалъ, и сдѣлалъ ложные выводы изъ его посылокъ. Въ заключеніе онъ упрекаетъ Тарда въ мистицизмъ за его взглядъ на науку.

L. Dugas. Экспериментальныя изслѣдованія о различныхъ типахъ образовъ (№ 3). Авторъ статьи сдѣлалъ нѣсколько опытовъ, имѣвшихъ цѣлю выяснить, какіе образы вызываетъ въ различныхъ умахъ громкое произнесеніе одного и того же слова. Для нѣкоторыхъ личностей достаточно только *понять*, и имъ не надо ничего *представлять себѣ*; это, такъ сказать, позитивисты, алгебраисты, которые обладаютъ сухою мыслью, не расцвѣчивающей понятій, и которыхъ можно назвать слѣпыми, глухими или разсѣянными воображенія. Другія умственныя организациі одарены способностью сопровождать различными образами воспринимаемыя слова, но въ этомъ отношеніи существуетъ замѣчательное разнообразіе типовъ, которое и можно изучать на любопытныхъ примѣрахъ, собранныхъ у Dugas.

Fouillée. Злоупотребленіе непознаваемымъ въ морали (№ 5). Эта статья знаменитаго французскаго мыслителя является непосредственнымъ продолженіемъ его очерковъ въ *Revue philosophique* 1893 и 1894 гг., направленныхъ противъ характернаго для нашего времени нападенія на науку (см. 24 и 29 кн. *Вопросовъ философіи*). Фулье уже раньше доказалъ, что протестъ противъ науки вызванъ несовершеннымъ пониманіемъ детерминизма и что гипотеза непознаваемаго по существу своему антинаучна. Детерминизмъ причинъ и слѣдствій влечетъ за собою не «абсолютное однообразіе», какъ думаетъ Лотце, а еди-

нообразіе результатовъ въ единообразіи началъ, и эта логика природы не только не вредитъ ея эстетичности, но даже составляетъ ея первое условіе. Эстетическій же идеаль совпадаетъ съ научнымъ. Но и для практической жизни, для утилитарныхъ и моральныхъ цѣлей необходимо придерживаться теоріи детерминизма; надо лишь имѣть въ виду, что слово *законъ* — метафора и въ дѣйствительности оно обозначаетъ только способъ и постоянный результатъ взаимнаго вліянія причинъ. Человѣческія дѣйствія подчинены принципу достаточнаго основанія, и онъ дѣйствителенъ для нихъ именно потому, что царитъ и въ области мысли. Если окончательная, послѣдняя природа дѣйствія неразложима на свои основные элементы, то изъ этой относительной непознаваемости мы не имѣемъ еще права заключать, что въ нашихъ дѣйствіяхъ проявляются ирраціонализмъ и слѣпая игра случайности; и если отъ нашего объясненія ускользаетъ дѣйствіе вообще, *in abstracto*, то зато каждое частное дѣйствіе вполне можетъ быть объектомъ науки. Свобода въ морали представляетъ собою только высшую форму детерминизма, который, слѣдуетъ замѣтить, не имѣетъ ничего общаго съ фатализмомъ. Иллюзія непознаваемости получается тогда, когда мы не доводимъ до конца своей научной работы, не исчерпываемъ всѣхъ причинъ даннаго факта. Но зная, что наши дѣйствія детерминированы, мы, конечно, не можемъ еще предвидѣть ихъ; это происходитъ оттого, что слишкомъ длинна и сложна цѣпь причинъ и слѣдствій, а не оттого, что ея будто бы совсѣмъ нѣтъ. Очень важно то, что теоретическая ограниченность нашего знанія имѣетъ своимъ результатомъ практическую ограниченность нашей воли; мораль никогда не принимаетъ формы абсолютнаго догматизма, и въ нашихъ поступкахъ отражается относительность нашего знанія. Вотъ почему, съ одной стороны, ограниченъ нашъ эгоизмъ, а съ другой стороны, — нашъ альтруизмъ, и ни ученіе Эпикура, ни христіанство не могутъ претендовать на догматичность. Однако, нельзя думать, будто мораль основывается только на этомъ отрицательномъ принципѣ относительности знанія, — она имѣетъ своимъ базисомъ самознание, разумъ человѣка, все то, что мы можемъ познавать, она есть самъ разумъ. Поэтому она прочна и непоколебима; если же мы вмѣстѣ съ индетерминистами признаемъ свободу случайностей, мы придемъ къ умственной анархіи и аморализму.

С. Milhaud. Кантъ какъ ученый (№ 5). Если до послѣдняго времени Канта разсматривали только какъ гениальнаго метафизика, то теперъ стали заниматься имъ какъ ученымъ, и оцѣнкѣ его значенія въ наукѣ посвящена очень интересная книга Drews'a «Kants Naturphilosophie als Crundlage seines Systems», гдѣ проводится та идея, что Кантъ прежде всего былъ философомъ природы и въ теченіе всей своей жизни старался подвести подъ свои натурфилософскія теоріи метафизическій фундаментъ. Разбирая трудъ Drews'a, Milhaud высказываетъ нѣкоторыя критическія замѣчанія. Онъ согласенъ съ тѣмъ, что Кантъ не былъ диллетантомъ или случайнымъ гостемъ въ наукѣ, но все-таки творецъ *Критики чистаго разума* не создалъ ничего выдающагося въ области положительнаго знанія. Не выходя изъ своего кабинета, онъ по книгамъ изучалъ внѣшній міръ, и если его *Лекціи по физической географіи* имѣли успѣхъ, то только благодаря своей систематичности. Какъ и Гете, имъ руководило чувство гармоніи космоса, но онъ никогда не изслѣдовалъ ни одного опредѣленнаго, конкретнаго объекта. Напрасно сближаютъ его теорію неба съ лапласовской,—между ними есть существенная разница, и у Канта мы находимъ больше поэтическихъ, чѣмъ научныхъ соображеній. Въ своихъ *Метафизическихъ первоосновахъ науки о природѣ* Кантъ затрогиваетъ много вопросовъ, но подходит къ нимъ не какъ ученый, а какъ философъ, желая а priori обосновать науку. Его воззрѣнія иногда замѣчательны, но отчасти наивны и больше напоминаютъ теоріи Аристотеля или даже іонійцевъ, чѣмъ Эйлера и Ньютона. Философскій критицизмъ Канта послужилъ лишь основой для его научнаго догматизма, для его абсолютной вѣры въ аподиктичность математическихъ, въ частности геометрическихъ истинъ.

Janet. Шарко. Его психологическіе труды (№ 6). Авторъ статьи, ученикъ Шарко, высказываетъ свое глубокое убѣжденіе, что знаменитый врачъ, помимо своей непосредственной специальности, былъ очень крупнымъ дѣятелемъ и въ области психологіи. Шарко всегда придавалъ своимъ изслѣдованіямъ теоретическій, философскій характеръ, и, наблюдая и тщательно описывая детали, никогда не упускалъ изъ виду общаго. Въ своихъ изысканіяхъ, преимущественно въ разработкѣ афазіи, онъ, опираясь между прочимъ на Гертли и Рибо, сталъ на психологическую почву и сравнилъ эту болѣзнь съ явленіемъ амнезіи. Сліяніе

медицины съ психологіей, обоснованіе психопатологіи было его постоянною мечтой. Клиника Сальпетріера давала ему много любопытныхъ психологическихъ документовъ, и онъ широко пользовался ими; болѣзненное помогало ему въ изученіи и разъясненіи нормальнаго. Въ 1885 г. онъ основалъ Общество физиологической психологіи и былъ избранъ президентомъ его. Успѣшныя занятія этого общества и созданныя его инициативой психологическіе конгрессы показываютъ, какъ глубоко понималъ Шарко научныя потребности своей эпохи.

De la Grasserie. О психологическомъ явленіи билингвизма (№ 6). Авторъ разсматриваетъ то интересное явленіе, что отдѣльные представители и цѣлые классы общества употребляютъ въ своей рѣчи слова не одного, а двухъ или даже нѣсколькихъ языковъ, внося такимъ образомъ извѣстный дуализмъ въ свое мышленіе. Эти различные языки или сливаются въ одинъ, или только отчасти проникаютъ другъ въ друга. De la Grasserie видитъ въ этомъ фактѣ результатъ не столько историческихъ или филологическихъ причинъ, сколько психологическихъ, и сближаетъ его съ раздвоеніемъ личности. Билингвизмъ—наслѣдіе той эпохи, когда индивидуумъ не былъ еще окончательно поглощенъ обществомъ и имѣлъ свою отдѣльную мысль, а потому и свой отдѣльный языкъ.

Кромѣ отмѣченныхъ статей, напечатанныхъ въ *Revue Philosophique* первой половины 1895 г., укажемъ еще на изслѣдованіе *Soury*, Мысленное зрѣніе (№№ 1 и 2), статьи *Durkheim'a*, О преподаваніи философіи (№ 2), *Bernes'a*, О методѣ социологіи (№ 4).

Ю. Айхенвальдъ.

Психологическое Общество.

CXLV. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 16 марта 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 9 часовъ вечера въ залѣ Правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при товарищѣ секретаря В. Н. Ивановскомъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, Ю. И. Айхенвальда, Ц. П. Балталона, А. Н. Бернштейна, Л. Д. Брюхатова, А. С. Бѣлкина, В. Е. Гиацинтова, Н. М. Горбова, П. А. Каленова, Э. С. Коробкина, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, А. И. Мальшина, И. Ф. Огнева, Л. И. Поливанова, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, В. К. Рота, В. П. Сербскаго, С. А. Суханова, А. А. Токарскаго; гг. членовъ-соревнователей: А. В. Дроздова, И. Н. Сахарова, Э. Д. Селивачева, С. Г. Шахъ-Назарова и Т. А. Ясакова и сторонней публики.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Закрытой баллотировкой избранъ въ дѣйствительные члены Общества Ц. П. Балталонъ (13 голосами противъ 6).

Редакція журнала «Revue de métaphysique et de morale» прислала объявленіе о предпринимаемомъ при ея участіи юбилейномъ изданіи сочиненій Декарта. Рѣшено: выписать одинъ экземпляръ для бібліотеки Психологическаго Общества.

Предсѣдатель сообщилъ о предложеніи Вл. С. Соловьева напечатать въ Трудахъ Общества сдѣланные или же проредактированные имъ переводы нѣкоторыхъ сочиненій Канта. Рѣшено: предоставить Совѣту Общества осуществленіе этого изданія, признавъ въ принципѣ его желательность.

Дѣйст. чл. Л. М. Лопатинъ прочелъ рефератъ «Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта».

Происходили пренія по прочитанному реферату, въ которыхъ принимали участіе: П. А. Каленовъ, А. А. Токарскій, В. Н. Ивановскій, Н. Я. Гротъ, С. С. Корсаковъ и А. С. Бѣлкинъ.

Засѣданіе закрыто въ 12¹/₄ часовъ ночи.

Поправка. Въ напечатанномъ въ 33 книгѣ журнала „Вопросы философіи и психологіи“ списокъ членовъ Психологическаго Общества по ошибкѣ пропущенъ дѣйств. чл. П. В. Тихомировъ.

Условія для соисканія второй преміи,

учрежденной при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ

покойнымъ Д. А. Столыпинамъ

за сочиненіе на тему по философіи наукъ.

Въ экстренномъ засѣданіи Психологическаго Общества 24 мая 1891 г., на основаніи доклада комиссіи по присужденію преміи Д. А. Столыпина за лучшее сочиненіе по философіи наукъ постановлено было, между прочимъ: 1) Присудить половину означенной преміи за сочиненіе подъ заглавіемъ: «Положительная философія и единство науки» съ девизомъ *εὐ καὶ πόλις*, авторомъ котораго оказался (по вскрытіи конверта) почетный членъ Общества Б. Н. Чичеринъ *). 2) Выразить Д. А. Столыпину глубокую признательность Общества за основанную имъ премію на тему по философіи наукъ. 3) Просить жертвователя, не согласится ли онъ на оставшуюся сумму въ 1.000 р. предложить новую тему на премію за сочиненіе о философіи Ог. Конта; въ случаѣ же несогласія на это Д. А. Столыпина, назначить трехгодичный срокъ для соисканія преміи на ту же тему.

Такъ какъ въ 1891 г. отъ нынѣ умершаго Д. А. Столыпина получено было на имя Психологическаго Общества заявленіе о томъ, что измѣненія заданной имъ темы на соисканіе преміи онъ не желаетъ, то, во исполненіе постановленія Общества отъ 21 мая 1891 года и выраженной жертвователемъ воли, былъ назначенъ для соисканія остающейся Столыпинской преміи новый срокъ — 1-го января 1895 года.

Въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 15 апрѣля 1895 г. комиссія по присужденію преміи Д. А. Столыпина, избранная въ годичномъ засѣданіи 24-го января 1895 года

*) Докладъ комиссіи по присужденію означенной преміи былъ тогда отпечатанъ; высылается желающимъ по полученіи отъ нихъ пяти семикопѣчныхъ марокъ.

изъ пяти членовъ Общества: Н. Я. Грота, Н. А. Иванцова, Л. М. Лопатина, В. П. Преображенскаго и Н. А. Умова, доложила свое заключеніе относительно единственнаго поданнаго на премію сочиненія, подъ девизомъ: «*In necessariis unitas. Per aspera ad astra*»; согласно этому заключенію, сочиненіе не можетъ быть признано достойнымъ ни полной преміи, ни части ея. Психологическое Общество утвердило постановленіе комиссіи.

Въ виду этого, Московское Психологическое Общество вновь назначаетъ премію въ 1.000 рублей за лучшее сочиненіе на прежнюю тему:

„Критическое разсмотрѣніе положенія Огюста Конта о естественномъ совпаденіи (*coincidence spontanée*) первообразныхъ законовъ неорганической природы съ основными законами органической жизни и о стремленіи всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству (*unité logique et scientifique*)“. См. *Cours de philosophie positive, leçons 58-me et 59-me*, особенно стр. 681 тома VI-го, изданія Литтре.

Для полнаго разрѣшенія задачи желательно особое разсмотрѣніе философій физики, химіи и біологіи въ ихъ главныхъ методахъ и основныхъ законахъ, какъ онѣ изложены во II и III тт. «Курса» (Ср. брошюры жертвователя Д. А. Столыпина: Двѣ философіи. Единство науки. Ученіе Ог. Конта. Начала социологіи.—Очерки философій и науки.—Мировой законъ равновѣсія и гармоніи въ природѣ и общественныхъ явленіяхъ. Москва. 1888—92).

Срокъ подачи сочиненій — **1-е января 1900 года**. Присужденіе преміи особою комиссіей при Психологическомъ Обществѣ произойдетъ въ апрѣлѣ 1900 года. По усмотрѣнію комиссіи, согласно волѣ жертвователя, премія можетъ быть раздѣлена между соискателями, а въ случаѣ неудовлетворительности представленныхъ сочиненій присужденіе преміи или значительной части ея можетъ быть отнесено на новый срокъ.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ и доставлены въ Московскій университетъ на имя предсѣдателя Психологическаго Общества. Фамиліи и адреса соискателей должны быть присланы въ запечатанныхъ конвертахъ съ обозначеніемъ на нихъ девизовъ или эпитафьевъ представленныхъ сочиненій.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества.

† С. А. Бершадскій.

21-го февраля текущаго года скончался на 46-мъ году жизни профессоръ С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ исторіи философіи и энциклопедіи права *Сергій Александровичъ Бершадскій*. Покойный былъ, въ сущности, специалистомъ по русской и, преимущественно, литовской исторіи. По окончаніи курса въ Новороссійскомъ университетѣ онъ былъ оставленъ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ исторіи русскаго права. Но, принужденный сдавать магистерскій экзамень въ Петербургѣ, онъ обратилъ здѣсь на себя вниманіе профессоровъ, и когда Рѣдкинъ, читавшій исторію философіи права, покинулъ университетъ, ему было предложено занять его кафедру. Предложеніе это, однако, не застало его неприготовленнымъ. Съ перваго же года своей преподавательской дѣятельности онъ сумѣлъ приобрести себѣ любовь своихъ слушателей, и эта любовь съ теченіемъ времени все крѣпла и крѣпла. Рѣдкій профессоръ могъ соперничать съ нимъ обширностью своей аудиторіи; со всѣхъ курсовъ, со всѣхъ факультетовъ сходились слушать его лекціи, и всякій уходилъ отъ него удовлетвореннымъ. Въ его преподаваніи энциклопедія права, эта сухая и скучная наука, какъ бы получала совсѣмъ иное содержаніе. Предметомъ своей лекціи онъ бралъ всегда какой-нибудь фактъ обыденной окружающей жизни, какое-нибудь ходячее научное положеніе, и освѣщалъ его съ точки зрѣнія своей науки. Отъ этого лекціи его могли казаться, на первыхъ порахъ, какими-то туманными и непонятными: трудно было выяснить себѣ, почему сегодня онъ говорилъ о положеніи женщины, завтра о кодификаціи литовскаго права, послѣ завтра—о софистахъ. Но лишь только удавалось опредѣлить себѣ его от-

правный пунктъ, какъ все тотчасъ же становилось яснымъ и понятнымъ: и женскій вопросъ, и Литовскій Статутъ, и софисты—все получало тогда свое опредѣленное мѣсто и опредѣленное значеніе. Онъ жилъ на кафедрѣ. Еще незадолго до своей смерти, когда болѣзнь заставила его прекратить чтеніе лекцій, онъ говорилъ одному изъ своихъ учениковъ: «Я боленъ; но дайте мнѣ аудиторію, свезите, поставьте меня на кафедру, и я буду говорить». Но это былъ не только преподаватель философіи: это былъ философъ въ лучшемъ, античномъ смыслѣ этого слова. Въ рабочемъ кабинетѣ онъ любилъ бесѣдовать съ учениками своими о борьбѣ съ природой, о безсмертіи духа, о судьбахъ человечества; и въ этихъ бесѣдахъ со всей яркостью обнаруживалась его способность оцѣнивать самыя трудныя, запутанныя философскія доктрины и провѣрять ихъ фактами жизни и знанія. Всѣ трудные вопросы, съ которыми неизбежно встрѣчаешься въ наукѣ,—все умѣлъ онъ удивительно легко разрѣшать.

Но это былъ, кромѣ того, добрый человѣкъ. Всѣ, кто знали его, могутъ свидѣтельствовать о необыкновенной мягкости его характера, о добротѣ и сердечности его отношеній къ людямъ. Всякому готовъ онъ былъ помочь и словомъ, и дѣломъ; и если ему это не удавалось, онъ скорбѣлъ невыразимо.

Философскія воззрѣнія С. А. опредѣлялись, съ одной стороны, тѣмъ, что онъ былъ убѣжденный послѣдователь Гегеля, съ другой—тѣмъ, что его образованіе было, главнымъ образомъ, историческое. Онъ смотрѣлъ на міръ какъ на объективированный процессъ вѣчнаго развитія или реализацію единаго вѣчнаго начала въ многообразіи преходящихъ явленій. Поэтому, задача философіи—изслѣдовать принципы, лежащіе въ основаніи міра; задача философіи права—изслѣдовать принципы права. Но *исторія* философіи права есть гораздо больше историческая, чѣмъ философская наука; ея дѣло—изслѣдовать «причины возникновенія тѣхъ разнообразныхъ этическихъ теорій, которыя послужили основаніемъ современныхъ ученій о правѣ и государствѣ». Исторія философіи права имѣетъ свою задачей указать, *почему* въ процессѣ развитія различныхъ философскихъ системъ возникали разнообразныя попытки обоснованія этическихъ началъ, «что въ нихъ обуславливалось преходящими требованіями того или иного момента историческаго развитія и что имѣетъ пребывающее значеніе». Отсюда уже видно, что С. А. не могъ отдѣлять рѣзкою

гранью исторію философіи права отъ исторіи культуры и исторіи положительнаго права. Поэтому, въ его «Очеркахъ исторіи философіи права» (С.-Пб. 1890) возникновеніе юридическихъ и политическихъ теорій очень часто объясняется не только изъ предшествующихъ философскихъ системъ, но и изъ бытовыхъ условій эпохи. Эти «Очерки» обратили на себя вниманіе въ литературѣ; въ нихъ много замѣчательныхъ страницъ, а глава о «субъективномъ рационализмѣ въ его приложеніи къ ученію о правѣ» (стр. 139—161) не имѣетъ себѣ предшественницъ не только въ русской, но и западной литературѣ.—Въ своихъ воззрѣніяхъ на государство С. А. считалъ себя приверженцемъ такъ называемой *органической* теоріи.

В. Вальденбергъ.

Извѣстія и замѣтки.

Основанное въ прошломъ году Студенческое Общество при историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета устроило 12-го марта торжественное собраніе въ память 300-лѣтія со дня рожденія Декарта. На собраніи этомъ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ приватъ-доцента А. С. Лаппо-Данилевскаго, прочли рефераты слѣдующія лица: проф. *А. Введенскій*—о значеніи Декарта, приватъ-доцентъ *П. Вознесенскій*—о послѣдующемъ историческомъ развитіи идей Декарта, приватъ-доцентъ *Л. Рутковскій*—объ естествовѣдныхъ элементахъ въ психологіи Декарта, и магистранты: *В. Вальденбергъ*—о политическихъ воззрѣніяхъ Декарта, *И. Лапшинъ*—объ эстетикѣ Декарта и *А. Нечаевъ*—о рационализмѣ Декарта. На собраніи присутствовало много профессоровъ и студентовъ.

· А. А. Токарскій,
ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЗАПИСКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Психіатрической клиники Императорскаго Московскаго университета.

1896.

3.

Содержаніе. I. 20) Строеіе нервной системы. Головной мозгъ Г. И. Прибыткова, прив.-доц. Моск. Унив. 21) Инструменты для психологическихъ изслѣдованій и способы ихъ употребленія.

II. Занятія въ лабораторіи. 22) Кратчайшее время простой реакціи. 23) Память словъ. А. Токарскаго.

III. 24) Память словъ по Binet и Henri. А. Касаткина. 25) Опыты съ прикосновеніемъ къ кожѣ въ одной точкѣ. А. Бѣлина, прив.-доц. Моск. Унив. 26) Чувствительность женщины по Ottolenghi. Ц. Балалона. 27) О памяти зрительныхъ воспріятій по Baldwin'у, Shaw и Warren'у. И. Цѣликова. 28) Психометрическія измѣренія у собаки по Weyer'у. А. Касаткина. 29) О дѣйствиіи перемѣнныхъ токовъ высокаго напряженія по Guttman'у. А. Токарскаго.

Книги, полученныя въ лабораторіи.

I.

20. Строеіе нервной системы.

Нервную систему принято дѣлить на два отдѣла: *центральная нервная система и периферическая*. Подъ центральной нервной системой въ анатомическомъ смыслѣ разумѣется органъ, помѣщающійся въ полости черепа и позвоночника — *юловой и спинной мозгъ*. Периферическая нервная система—это всѣ нервные стволы или просто *нервы* вмѣстѣ съ концевыми нервными аппаратами мышцъ, кожи и спеціальныхъ органовъ чувствъ: зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія.

Нервы служат проводниками возбужденія отъ периферическихъ концевыхъ нервныхъ аппаратовъ къ центрамъ и обратно. въ центрахъ же, существенную часть которыхъ составляютъ нервныя клѣтки, возникаютъ и сосредоточиваются всѣ нервныя процессы. Въ виду этого анатомическое дѣленіе нервной системы на периферическую и центральную не вполне совпадаетъ съ физиологическимъ понятіемъ о *центрахъ* и *проводникахъ*, такъ какъ съ физиологической точки зрѣнія къ центральной нервной системѣ должны быть отнесены и т. наз. нервныя узлы, представляющіе скопленія нервныхъ клѣтокъ; а таковыя узлы встрѣчаются и внѣ полости черепа и позвоночника по всему тѣлу на пути нервныхъ стволовъ и особенно многочисленны въ системѣ симпатическаго нерва. Съ другой же стороны, въ составъ головного и спинного мозга, помимо нервныхъ клѣтокъ, входятъ—и притомъ въ весьма большомъ количествѣ—и нервныя волокна, т.-е. проводники. Однако же строеніе и взаимное расположеніе частей головного и спинного мозга и положеніе ихъ въ организмѣ съ одной стороны и периферическихъ нервовъ съ ихъ нервными узлами съ другой—настолько представляются различными, что приведенное анатомическое дѣленіе нервной системы имѣетъ несомнѣнно твердое основаніе и является существенно необходимымъ при изученіи анатоміи нервной системы.

Центральная нервная система.

Общій обзоръ.

Центральная нервная система, какъ сказано уже, состоитъ изъ головного мозга и спинного мозга, заключенныхъ въ одной общей полости, образуемой черепомъ и позвоночникомъ, и составляющихъ одинъ нераздѣльный органъ.

Спинной мозгъ, medulla spinalis, имѣетъ приблизительно цилиндрическую форму и въ видѣ шнура, длиною въ 40—50 сантиметровъ, тянется внизъ по позвоночному каналу, начинаясь отъ большого затылочнаго отверстія (*foramen occipitale magnum*), служащаго мѣстомъ перехода полости черепа въ позвоночный каналъ, до верхняго края 2-го поясничнаго позвонка (рис. 28. Отъ *ms* вверху до *ms* внизу). Такимъ образомъ, спинной мозгъ лежитъ въ позвоночномъ каналѣ на протяженіи шейнаго, грудного и верхней части поясничнаго отдѣла позвоночника и далеко не доходитъ

до нижняго конца позвоночнаго канала. Впрочемъ это послѣднее относится только къ взрослымъ субъектамъ; у новорожденнаго же длина спинного мозга сравнительно съ позвоночникомъ значительно больше: тамъ нижній конецъ спинного мозга достигаетъ до уровня 3-го поясничнаго позвонка; впоследствии спинной мозгъ въ ростѣ по длинѣ отстаетъ отъ позвоночника и у взрослого представляется относительно болѣе короткимъ. Толщина спинного мозга также значительно меньше поперечника позвоночнаго канала; спинной мозгъ съ одѣвающими его оболочками помѣщается въ немъ весьма просторно, такъ что только спереди оболочки спинного мозга нѣсколько плотнѣе прилегаютъ къ стѣнкѣ канала, сзади же и по бокамъ между спиннымъ мозгомъ и оболочками, и между оболочками и костной стѣнкой канала остаются довольно просторныя щелеобразныя пространства, выполненныя рыхлой жировой соединительной тканью, венознымъ сплетеніемъ и частью серозной жидкостью, наполняющею мѣшокъ твердой оболочки мозга. Это обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе въ смыслѣ охраненія спинного мозга отъ сдавленія и нежелательнаго вытяженія его, неизбѣжныхъ при движеніяхъ и перегибахъ позвоночника, въ случаѣ если бы спинной мозгъ помѣщался въ немъ болѣе тѣсно и болѣе плотно былъ соединенъ со стѣнками костнаго канала.

Вообще, должно замѣтить, самое помѣщеніе центральнаго органа нервной системы, т.-е. головного и спинного мозга, въ кост-

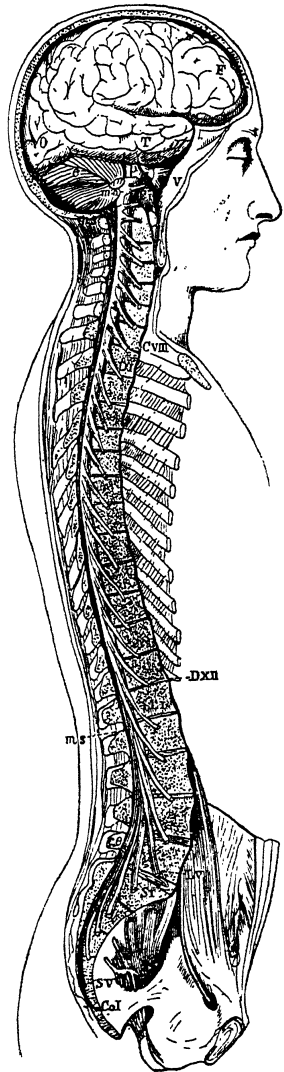

Рис. 28.

ной коробкѣ съ толстыми и крѣпкими стѣнками въ высокой степени соотвѣтствуетъ важности этого органа для жизни и дѣятельности организма. Принимая во вниманіе тонкость и нѣжность строенія головного и спинного мозга и тѣ гибельныя послѣдствія, которыя возникаютъ вслѣдствіе даже ничтожныхъ поврежденій его, легко понять тотъ рядъ опасностей, которыя угрожали бы на каждомъ шагу организму, не имѣй мозгъ этой крѣпкой защиты въ костныхъ стѣнкахъ черепа и позвоночника.

Форма спинного мозга цилиндрическая только приблизительно. Въ среднемъ своемъ отдѣлѣ, т.-е. въ грудной части, спинной мозгъ по формѣ дѣйствительно близко подходитъ къ цилиндру, въ верхнемъ же и нижнемъ отдѣлахъ онъ образуетъ два веретенообразныя утолщенія: *шейное утолщеніе (intumescentia cervicalis)* и *поясничное (intumescentia lumbalis)*. Первое, начинаясь отъ мѣста перехода спинного мозга въ головной, идетъ на протяженіи всѣхъ шейныхъ позвонковъ до уровня 2-го грудного позвонка, второе, поясничное утолщеніе, занимаетъ пространство между 10 груднымъ и 2 поясничнымъ позвонками; это утолщеніе по формѣ очень напоминаетъ сигару, острый конецъ которой обращенъ книзу (на рис. 28 хорошо видно только шейное утолщеніе). Спинной мозгъ, постепенно истончаясь, оканчивается коническимъ заостреніемъ на уровнѣ верхняго края 2-го поясничнаго позвонка въ видѣ т. наз. *conus medullaris* (на рис. 28 мѣсто окончанія спинного мозга обозначено *ms.*, первый поясничный позвонокъ—LI). Кромѣ того, форма спинного мозга уклоняется отъ цилиндрической еще въ томъ, что онъ на всемъ своемъ протяженіи какъ бы сдавленъ спереди назадъ, вслѣдствіе чего поперечный разрѣзъ его имѣетъ овальную форму съ болѣе короткимъ передне-заднимъ діаметромъ. Слѣдующія цифры могутъ дать понятіе объ отношеніи бокового и передне-задняго діаметровъ спинного мозга, а также и вообще о поперечныхъ размѣрахъ его въ разныхъ отдѣлахъ:

Поясничное утолщеніе.	Передне-задній діам.	8,2 mm.	Боковой діам.	10,2 mm.
Нижне-грудной отдѣлъ.	»	»	8,0	»
Верхне-грудной отдѣлъ.	»	»	7,4	»
Шейное утолщеніе.	»	»	9,4	»

Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что эти цифры среднія и что толщина спинного мозга (а также и длина) стоитъ въ прямомъ отношеніи къ росту и тѣлосложенію индивидуума: у женщинъ спин-

ной мозгъ меньше, чѣмъ у мужчинъ, у субъектовъ небольшого роста меньше, чѣмъ у лицъ большого роста.

На всемъ протяженіи спинного мозга изъ боковыхъ его поверхностей вправо и влѣво выходятъ многочисленныя пучечки нервныхъ волоконъ, которые называются *корешками спинномозговыхъ нервовъ*. Одни изъ нихъ выходятъ на передне-наружной сторонѣ спинного мозга: это—*передніе (двигательные) корешки*; другіе выходятъ на задне-наружной сторонѣ: это—*задніе (чувствующіе) корешки*. По выходѣ изъ спинного мозга, отдѣльныя пучечки нервныхъ волоконъ складываются въ болѣе крупныя пучки и направляются кнаружи и внизъ; передніе корешки сходятся съ задними и проникаютъ въ соотвѣтствующія отверстія сквозь твердую мозговую оболочку и вступаютъ въ межпозвоночныя отверстія. Здѣсь на пути корешковъ заложены *нервные узлы (межпозвоночные узлы, ganglia intervertebralia)*. Нервныя волокна задняго корешка (чувствующія) углубляются въ массу узла, вступаютъ въ связь съ нервными клѣтками и выходятъ по ту сторону узла кнаружи; нервныя волокна переднихъ (двигательныхъ) корешковъ проходятъ мимо межпозвоночныхъ узловъ, хотя прилегаютъ къ нимъ весьма плотно, не углубляются въ массу узловъ и въ связь съ нервными клѣтками ихъ никакъ не вступаютъ. По выходѣ изъ межпозвоночныхъ узловъ задніе корешки опять и еще тѣснѣе сливаются съ передними, волокна ихъ перемѣшиваются и съ этого момента они называются *нервами (спинномозговые нервы, nervi spinales)*.

Въ центрѣ спинного мозга по оси его, начиная отъ нижняго его конца, во всю длину его тянется очень узкая полость—*центральный спинномозговой каналъ, canalis centralis*. Просвѣтъ его у взрослога настолько малъ, что невооруженнымъ глазомъ его не всегда можно видѣть (у новорожденнаго ребенка просвѣтъ канала значительно больше). Спинномозговой каналъ со всѣхъ сторонъ окруженъ слоемъ *страго вещества*, содержащаго нервныя клѣтки; этотъ сѣрый слой съ разныхъ сторонъ канала то толще, то тоньше, такъ что форма его на поперечномъ разрѣзѣ спинного мозга представляется весьма сложной. Сѣрое вещество спинного мозга въ свою очередь одѣто со всѣхъ сторонъ *бѣлымъ веществомъ*, состоящимъ изъ нервныхъ волоконъ; послѣднее составляетъ периферическій слой спинного мозга.

На уровнѣ большого затылочнаго отверстія (foramen occipitale

magnum), т.-е. миновавъ первый шейный позвонокъ (atlas), спинной мозгъ вступаетъ въ полость черепа и быстро начинаетъ утолщаться по направленію кверху. Этотъ отдѣлъ его по своему положенію уже относится къ головному мозгу и называется *продолговатымъ мозгомъ*, *medulla oblongata* (рис. 28, mo, и рис. 29, mo).

Продолговатый мозгъ, medulla oblongata, начиная отъ затылочнаго отверстия, постепенно отклоняется отъ вертикальнаго положенія и направляется нѣсколько впередъ, ложась по скату основной части затылочной кости (*clivus Blumenbachii*). Вообще всѣ образо-

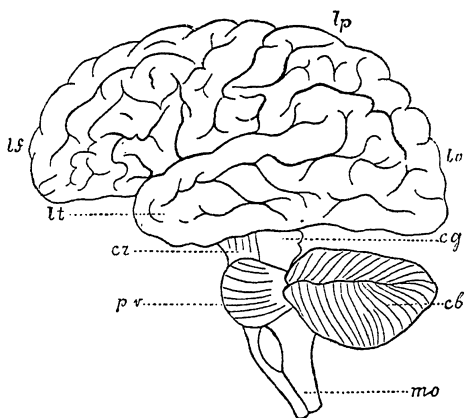

Рис. 29.

ванія головного мозга начинаютъ измѣнять свое отношеніе къ вертикальной оси тѣла, вслѣдствіе постепеннаго перегиба мозга впередъ: отдѣлы головного мозга, аналогичные переднимъ отдѣламъ спинного мозга, здѣсь становятся нижними, а отдѣлы, аналогичные заднимъ отдѣламъ спинного мозга, въ головномъ мозгу становятся верхними.

Форма продолговатаго мозга въ общемъ приближается къ конусу, усѣченная вершина котораго внизу сливается со спиннымъ мозгомъ. Изъ боковыхъ поверхностей его справа и слѣва, какъ и изъ спинного мозга, выходятъ пучки нервныхъ волоконъ, составляющіе *корешки головныхъ нервовъ*.

Такъ же какъ въ спинномъ мозгу и здѣсь сѣрое вещество занимаетъ внутренніе отдѣлы, а бѣлое образуетъ наружные слои.

Сзади и сверху на продолговатомъ мозгѣ лежитъ *мозжечекъ*, *cerebellum* (рис. 28, c; 29, cb), сравниваемый по формѣ съ переломленной пополамъ чечевицей, свободнымъ заостреннымъ краемъ обращенной кзади, а толстымъ краемъ прилежащей къ продолговатому мозгу и вышележащимъ частямъ. Мозжечекъ

состоить изъ двухъ половинъ, полушарій, —праваго и лѣваго; поверхность его изборождена множествомъ приблизительно горизонтальныхъ и другъ другу параллельныхъ бороздокъ и покрыта слоемъ сѣраго вещества.

На уровнѣ мозжечка продолговатый мозгъ охваченъ спереди, какъ бы скобкой или галстухомъ, массивнымъ слоемъ бѣлаго вещества, состоящаго изъ нервныхъ волоконъ, идущихъ изъ одной половины мозжечка въ другую и на пути своемъ обходящихъ продолговатый мозгъ спереди. Это образование носить названіе *Вароліева моста*, *pons Varolii* (рис. 28, *p*; 29, *pv*). На рисункѣ 29 ясно видны описываемыя образования. Здѣсь также видны образования, лежащія выше Вароліева моста и мозжечка: это — *ножки мозга* и *четверохолміе* (*cr* и *cq*). Но рисунокъ этотъ схематическій, и на немъ мозжечекъ съ Вароліевымъ мостомъ и продолговатымъ мозгомъ представлены очень оттянутыми внизъ. На самомъ же дѣлѣ, въ естественномъ состояніи, частей, лежащихъ выше Вароліева моста, при осмотрѣ мозга сбоку видѣть нельзя.

По выходѣ изъ подъ верхняго, или что то же, передняго края Вароліева моста части, составляющія продолженіе продолговатаго мозга, получаютъ названіе *ножекъ мозга*, *crura cerebri* (*cr*). Видѣть ихъ можно только при обзорѣ мозга снизу. Онѣ въ видѣ двухъ объемистыхъ жгутовъ нервныхъ волоконъ появляются тотчасъ у верхняго края Вароліева моста и тотчасъ же начинаютъ расходиться въ стороны подъ острымъ угломъ и, направляясь впередъ и вверхъ, скоро погружаются въ массу полушарій головного мозга снизу. Съ тыльной стороны или сверху весь этотъ отдѣлъ, составляющій часть т. наз. *мозгового ствола*, вмѣстѣ съ прилежащимъ къ нему мозжечкомъ вполне прикрывается заднимъ отдѣломъ полушарій головного мозга; и чтобы видѣть тыльную сторону мозгового ствола, соотвѣтствующую мозговымъ ножкамъ, должно нѣсколько отогнуть книзу мозжечекъ и слегка раздвинуть заднія части полушарій головного мозга; тогда удастся видѣть небольшой участокъ мозгового ствола, носящій названіе *четверохолмія*, *corpus quadrigeminum*, *cq*, передній край] котораго уходитъ подъ образование, принадлежащее собственно къ головному мозгу, т.-наз. *мозолистое тѣло*, *corpus callosum*.

Головной мозгъ, *cerebrum*, въ общемъ имѣетъ видъ половины

шара съ неправильной и неровной нижней поверхностью и съ довольно близко подходящей къ шару верхней выпуклой поверхностью. Эта послѣдняя изборождена множествомъ щелеобразныхъ углубленій или *бороздъ* и валикообразныхъ возвышеній или *извилинь*; и тѣ, и другія идутъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ по поверхности и имѣютъ весьма неправильныя формы. Сверху по средней линіи спереди назадъ весь мозгъ прорѣзывается глубокой вертикальной продольной щелью—*fissura pallii* и раздѣляется на два *полушарія*, изъ которыхъ каждое въ сущности представляетъ не половину шара, а четверть, такъ какъ весь головной мозгъ подходитъ по формѣ къ половинѣ шара. Раздвигая осторожно полушарія вправо и влѣво, можно видѣть, что продольная щель, *fissura pallii*, весьма глубоко проникаетъ между полушаріями и въ передней и задней третяхъ мозга представляется сквозною, т.-е. проходитъ на нижнюю поверхность мозга. Только въ средней трети мозга *fissura pallii* имѣетъ дно, длина котораго спереди назадъ—около 8 сантиметровъ: здѣсь оба полушарія спаяны другъ съ другомъ посредствомъ образованія называемаго *большой стайкой мозга* или *мозолистымъ тѣломъ* (*corpus callosum*). Подъ задній край этого образованія, какъ уже сказано, скрывается тыльная сторона мозгового ствола.

Со стороны нижней поверхности головной мозгъ представляется не раздѣленнымъ также только въ средней своей трети, т.-е. именно тамъ, гдѣ образованія, составляющія мозговой стволъ, сливаются съ полушаріями; эта часть нижней поверхности мозга представляется въ видѣ весьма неровной площадки, начинающейся спереди отъ конца *fissurae pallii* и продолжающейся кзади до верхняго края Вароліева моста; съ боковъ она ограничена образованіями полушарій—*височными долями мозга*. Эта часть нижней поверхности мозга называется *основаніемъ мозга*, части же лежащія по сторонамъ—*височныя доли*—и впереди—нижняя поверхность лобныхъ долей полушарій—относятся къ поверхности мозговыхъ полушарій.

Поверхность полушарій мозга и мозжечка составляетъ слой сѣраго вещества, въ составъ котораго входятъ нервныя клѣтки. Слой этотъ называется корковымъ слоемъ или просто *мозговой корой*; онъ имѣетъ около 5 мм. толщины и почти равномерно покрываетъ какъ возвышенія извилинь, такъ равно и

углубленія бороздъ, не исключая и самыхъ глубокихъ, составляя берега и дно ихъ. Подъ сѣрымъ веществомъ, представляя собою главную массу мозговыхъ полушарій, лежитъ *бѣлое вещество*, состоящее изъ нервныхъ волоконъ.

Кромѣ того, во внутреннихъ отдѣлахъ головного мозга также заложены массы сѣраго вещества, составляющаго прямое продолженіе *центрального сѣраго вещества* спинного мозга и продолговатаго. Это сѣрое вещество въ видѣ большей или меньшей величины образований (т. наз. *мозговые узлы*) окружаетъ центральную полость, служащую также продолженіемъ упомянутого спинномозгового канала. Въ продолговатомъ и головномъ мозгу эта центральная полость вообще шире и по мѣстамъ представляетъ большія или меньшія расширения, называемыя *мозговыми желудочками*. Подъ конецъ она раздѣляется на-двое, образуя такимъ образомъ по одному желудочку для каждаго полушарія мозга.

Головной и спинной мозгъ со всѣхъ сторонъ одѣты тремя оболочками. Самая внутренняя оболочка, прилежащая непосредственно къ мозговому веществу, есть тонкій слой нѣжной соединительной ткани, богатой сосудами—*мягкая оболочка, pia mater*. Поверхъ ея расположена болѣе плотная, но очень тонкая *паутинная оболочка, tunica arachnoidea*; она по строенію своему сходна съ серозными оболочками другихъ внутренностей. Самая внѣшняя оболочка, лежащая поверхъ паутинной толстая фиброзная оболочка, *твердая оболочка, dura mater*.

Такимъ образомъ, въ самыхъ общихъ чертахъ центральная нервная система имѣетъ слѣдующій видъ. Въ полости черепа—массивный органъ въ видѣ двухъ полушарій, въ средней своей части спаянныхъ между собою. Это—*головной мозгъ* въ собственномъ смыслѣ, *большой мозгъ, cerebrum*. Изъ нижней его поверхности возникаетъ т.-наз. *мозговой стволъ* (ножки мозга, продолговатый мозгъ), который постепенно истончаясь, продолжается внизъ въ полость позвоночника въ видѣ сравнительно тонкаго, длиннаго шнура: это—*спинной мозгъ, medula spinalis*. Подъ заднимъ отдѣломъ полушарій большого мозга на мозговомъ стволѣ посредствомъ Вароліева моста какъ бы привязанъ *мозжечекъ, cerebellum*.

Въ центрѣ, отъ самаго нижняго конца спинного мозга тянетъ

ся вверхъ *центральная полость*, въ видѣ спинномозгового канала, а далѣе кверху, образуя расширенія *желудочки*, оканчивается въ полушаріяхъ большого мозга. Эта центральная полость окружена *сѣрымъ веществомъ*, содержащимъ въ себѣ нервныя клѣтки и также непрерывно тянущимся отъ нижняго конца спинного мозга въ головной мозгъ: это—*центральное сѣрое вещество*. Поверхностный слой спинного мозга и мозгового ствола составляетъ *бѣлое нервноволокнистое вещество*. Поверхность же полушарій большого мозга и мозжечка покрыта слоємъ *сѣраго коркового вещества*, содержащаго въ себѣ также нервныя клѣтки.

Головной мозгъ.

Поверхность полушарій головного мозга.

Корковое сѣрое вещество, покрывающее равномернымъ слоємъ всю поверхность полушарій, какъ выпуклости извилинъ, такъ равно берега и дно бороздъ, представляетъ мѣсто, гдѣ заложены психическіе центры для всѣхъ нервовъ тѣла. Какъ клинически относительно человѣка, такъ и экспериментальнымъ путемъ на животныхъ, доказано, что отдѣльные извѣстные участки мозговой коры преимущественно передъ другими находятся въ связи съ извѣстными опредѣленными отправленіями. Въ виду этого топографическое изученіе поверхности полушарій имѣетъ интересъ какъ строго научный, такъ равно и практической.

Расположеніе бороздъ, а слѣдовательно и извилинъ, на поверхности полушарій въ общемъ происходитъ по извѣстному типу и въ извѣстномъ порядкѣ; однако часто наблюдаются индивидуальныя уклоненія—какъ по числу бороздъ, такъ и по формѣ. Трудно встрѣтить два мозга, совершенно сходные между собою по расположенію бороздъ и извилинъ; мало того: часто форма и расположеніе бороздъ и извилинъ одного полушарія разнятся отъ другого полушарія одного и того же мозга. Такое непостоянство формъ бороздъ очень затрудняетъ ихъ распознаваніе и изученіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и для избѣжанія ошибокъ необходимо знаніе не только схематическаго расположенія главныхъ бороздъ, но и отступленій ихъ отъ общаго типа, выраженнаго схемой.

Проф. Зерновъ, специально разработавшій вопросъ о размѣрахъ этихъ индивидуальныхъ уклоненій въ числѣ и формѣ бороздъ

мозга, основываясь на большемъ или меньшемъ постоянствѣ ихъ, на ихъ большей или меньшей наклонности измѣнять свое очертаніе и на различной ихъ глубинѣ, дѣлитъ всѣ борозды на три категоріи ¹⁾:

1. *Борозды первой категоріи абсолютно постоянныя*, встрѣчающіяся у всѣхъ индивидуумовъ безъ исключенія; онѣ наиболѣе глубоки и менѣе наклонны къ измѣненіямъ своей формы. Это *главныя борозды, первичныя борозды*.

2. *Борозды второй категоріи* (типическія придаточныя борозды, *вторичныя борозды*). Онѣ суть типическія по мѣсту и по направленію, но могутъ отсутствовать. Эти борозды наклонны къ измѣненіямъ своей формы въ большей степени, чѣмъ первыя. Глубина ихъ никогда не превосходитъ глубины первыхъ бороздъ.

3. *Борозды третьей категоріи* (атипическія придаточныя борозды, *третичныя борозды*). Онѣ рѣдко достигаютъ значительной длины, число ихъ и форма очень измѣнчивы.

Для того чтобы хорошо были видны всѣ борозды и извилины на поверхности полушарій большого мозга, должно прежде всего на уплотненномъ предварительно, по одному изъ употребительныхъ способовъ, мозгъ отдѣлить мозжечокъ съ нижнимъ отдѣломъ мозгового ствола. Это достигается поперечнымъ разрѣзомъ на уровнѣ верхняго края Варолиева моста; при большемъ мозгѣ при этомъ остаются мозговья ножки съ частью четверохолмія. Далѣе, чтобы можно было обозрѣть каждое полушаріе со всѣхъ сторонъ, не исключая и внутреннихъ его поверхностей, въ цѣломъ мозгѣ обращенныхъ другъ къ другу и составляющихъ стѣнки продольной щели (*fissura pallii*),—для этого должно отдѣлить одно полушаріе отъ другого строго вертикальнымъ продольнымъ разрѣзомъ, проходящимъ черезъ *fissura pallii*. На раздѣленныхъ такимъ образомъ полушаріяхъ различаютъ три поверхности: 1) наружную, выпуклую поверхность, 2) внутреннюю, ровную поверхность и 3) нижнюю поверхность. При описаніи нижней поверхности полушарій здѣсь не будетъ рѣчи о томъ ея участкѣ, который мы обозначили основаніемъ мозга въ собственномъ смыслѣ (описаніе его послѣдуетъ ниже).

¹⁾ Д. Зерновъ. Индивидуальные типы мозговыхъ извилинъ у человѣка. Москва, 1877. Д. Зерновъ. Руководство описательной анатоміи человѣка, ч. III. Москва, 1891.

Наконецъ, чтобъ ясно видѣть всѣ борозды и извилины полушарій, должно освободить ихъ отъ покрывающихъ ихъ оболочекъ паутинной и мягкой (твердая оболочка, какъ не прикрѣпленная къ мозгу плотно, удаляется обыкновенно при выниманіи мозга изъ черепа).

Борозды на наружной, выпуклой поверхности полушарія.

I-я категория: 1) *Сильвиева борозда, fissura Sylvii.* (рис. 30, ghs), начинается съ нижней поверхности полушарія, гдѣ отдѣляетъ передній конецъ височной доли отъ верхней поверхности лобной доли. Она тянется по наружной поверхности полушарія

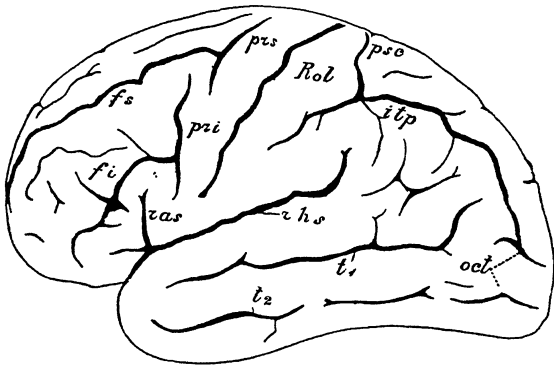

Рис. 30.

вверхъ и назадъ и оканчивается приблизительно на границѣ между задней и средней третями полушарія. Это *горизонтальная вѣтвь Сильвиевой борозды (ramus horisontalis fiss. Sylvii)*. У передняго края этой горизонтальной части отъ нея отходить т. наз. *восходящая вѣтвь (ramus ascendens f. Sylvii)*. (рис. 30. gas), которая, расщепляясь вилообразно, направляется вверхъ и впередъ по поверхности лобной доли. Однако весьма часто встрѣчается, что изъ мѣста выхожденія восходящей вѣтви Сильвиевой борозды выходятъ одновременно двѣ, или даже нѣсколько, бороздъ, какъ это изображено на рис. 30. Въ такомъ случаѣ Сильвиева борозда состоитъ изъ трехъ вѣтвей: задняя горизонтальная вѣтвь (*ramus horisontalis posterior*)—*rbs*; передняя восходящая вѣтвь (*ram. anterior ascendens*)—*ras* и наконецъ—пе-

редняя горизонтальная вѣтвь (ram. horisontalis anterior), на рис. 30 буквами не обозначенная.

Если осторожно раздвинуть края Сильвиевой борозды въ разные стороны, то на днѣ ея видна цѣлая долька мозга, въ свою очередь покрытая бороздками. Это т.-наз. *скрытая или центральная долька (lobulus opertus s. centralis)*, или *островокъ (insula Reilii)*. Островокъ представляетъ весьма низкую трехстороннюю пирамиду съ широкимъ основаніемъ, обращеннымъ внутрь, т.-е. къ средней линіи, и съ вершиной, обращенной кнаружи. Отъ вершины островка лучеобразно кверху и кзади идутъ бороздки и извилины числомъ 5—9.

2) *Fissura Rolando s. centralis, центральная борозда* (рис. 30 *Rol*), начинаясь у верхняго края полушарія, тянется косо впередъ и книзу по направленію къ горизонтальной вѣтви Сильвиевой борозды, которой однако никогда не достигаетъ. Верхній край полушарія въ большинствѣ случаевъ, но далеко не всегда, прорѣзывается этой бороздой, такъ что начало ея можно видѣть съ внутренней стороны полушарія.

3) *Fissura praecentralis inferior, нижняя предцентральная борозда* (рис. 30, *pr_i*), начинается или нѣсколько отступя отъ горизонтальной вѣтви Сильвиевой борозды, или же прямо изъ нея, потомъ направляется кверху и впередъ между восходящею вѣтвью Сильвиевой борозды и Роландовой; съ послѣднею образуетъ уголъ, открытый кверху; оканчивается приблизительно на серединѣ выпуклости полушарія.

4) *Fissura temporalis prima s. superior, первая или верхняя височная борозда* (рис. 30, *t₁*) лежитъ на височной долѣ, параллельно горизонтальной вѣтви Сильвиевой борозды, тотчасъ рядомъ съ нею. Длинною она почти одинакова съ Сильвиевой бороздой; иногда ея задній конецъ заходитъ значительно дальше въ область темянной доли.

Эти четыре борозды на наружной поверхности полушарія абсолютно постоянны. Самая глубокая изъ нихъ Сильвиева борозда, потомъ Роландова и височная, а самая мелкая предцентральная. Онѣ образуютъ нѣсколько изгибовъ, но прерванными бывають чрезвычайно рѣдко (а Сильвиева борозда никогда). Отъ каждой изъ нихъ на различныхъ мѣстахъ и въ различномъ числѣ и направленіи отходятъ въ видѣ вѣтвей маленькія бороздки третьей категоріи.

II-я категория. Этихъ бороздъ на наружной поверхности полушарія считается пять:

1) *Fissura praecentralis superior*, верхняя предцентральная борозда (рис. 30, *prs*) лежитъ впереди Роландовой борозды въ верхнемъ отдѣлѣ поверхности лобной доли; верхнимъ концомъ она не доходитъ до внутренняго края полушарія, а нижнимъ концомъ заходитъ позади верхняго конца нижней предцентральной борозды. Длиною она никогда не превосходитъ половины длины Роландовой борозды. Весьма рѣдко эта борозда отсутствуетъ совсѣмъ; иногда (чаще) *fiss. praecentralis superior* сливается въ одну борозду съ *fiss. praecentralis inferior*, и въ такомъ случаѣ получается одна предцентральная борозда, проходящая впереди центральной борозды и почти параллельная съ нею.

2) *Fissura frontalis superior*, верхняя лобная борозда (рис. 30, *fs*). начинается отъ середины верхней предцентральной борозды и тянется впередъ параллельно верхнему краю полушарія, иногда до передняго конца его. Иногда эта борозда отсутствуетъ (весьма впрочемъ рѣдко), замѣняясь поперечными бороздками третьей категоріи; иногда она бываетъ отдѣлена отъ предцентральной верхней борозды; наконецъ иногда раздѣляется на два или на три отрѣзка, которые своими концами заходятъ другъ за друга.

3) *Fissura frontalis inferior*, нижняя лобная борозда (рис. 30, *fi*), начинается отъ середины нижней предцентральной борозды и тянется впередъ параллельно верхней лобной бороздѣ; при этомъ она огибаетъ верхній конецъ восходящей вѣтви Сильвиевой борозды. Иногда она отсутствуетъ, замѣняясь поперечными бороздками третьей категоріи; иногда она бываетъ отдѣлена отъ нижней предцентральной борозды; иногда состоитъ изъ двухъ отрѣзковъ, или же, наконецъ, занимаетъ только часть протяженія лобной доли.

4) *Fissura postcentralis* (рис. 30, *psc*) лежитъ позади Роландовой борозды и параллельно ей; нижній ея конецъ большею частью соединяется съ горизонтальною вѣтвью Сильвиевой борозды, верхній же конецъ не доходитъ до верхняго края полушарія. Однако чаще бываетъ, что постцентральная борозда соединяется съ слѣдующей темянной бороздой.

5) *Fissura interparietalis* (рис. 30, *itp*) темянная борозда. При полномъ развитіи постцентральной бороздѣ въ томъ видѣ, какъ сейчасъ описано, темянная борозда, *fissura interparietalis*, начи-

нается позади постцентральной борозды, въ углу между нею и горизонтальной вѣтвью Сильвиевой борозды; отсюда она тянется длинною извилистою дугою вверхъ и назадъ, и далѣе внизъ въ область затылочной доли, гдѣ и оканчивается или свободно, или впадая сбоку въ одну изъ маленькихъ бороздокъ. Чаше же, какъ сказано, встрѣчаются различной формы соединенія этихъ двухъ бороздъ (постцентральной съ темянною).

Такъ, обѣ онѣ начинаются одной общей ножкой, которая лежитъ параллельно нижнему отдѣлу Роландовой борозды; далѣе онѣ вилообразно расходятся: одна вѣтвь идетъ вверхъ (какъ это изображено на рис. 30, *psc*) и представляетъ постцентральную борозду, а другая вѣтвь—темянная борозда—загибается назадъ и идетъ въ область затылочной доли. Иногда та или другая изъ этихъ бороздъ бываетъ раздѣлена на два отрѣзка. Бываютъ случаи полного отсутствія постцентральной борозды, причемъ на ея мѣстѣ находятся бороздки третьей категоріи, идущія вкось или поперекъ къ ея нормальному направленію.

Что касается темянной борозды, *fiss. interparietalis*, то, кромѣ описанныхъ формъ ея, встрѣчаются случаи перерыва ея въ средней части; иногда на-лицо бываетъ тодько задняя часть борозды, а передняя замѣнена бороздками третьей категоріи; наконецъ, вся борозда можетъ отсутствовать, замѣняясь бороздками третьей категоріи.

Борозды на нижней поверхности полушарія.

Нижняя поверхность полушарія дѣлится на двѣ неравныя части. Передняя часть—это нижняя или надглазничная поверхность лобной доли. Продолженіе Сильвиевой борозды или, вѣрнѣе сказать, мѣсто начала ея, здѣсь называется *Сильвиевой ямкой*; эта послѣдняя составляетъ рѣзкую границу между надглазничною частью лобной доли и переднимъ концомъ височной. Височная доля кзади безъ ясной анатомической границы продолжается въ затылочную долю. Нижняя поверхность этихъ обѣихъ долей составляетъ заднюю часть нижней поверхности полушарія.

Здѣсь расположены слѣдующія борозды. На переднемъ участкѣ:

I категоріи: 1) *Fissura olfactoria*, *обонятельная борозда* (рис. 31, *olf*), названная такъ потому, что вдоль ея лежитъ обонятельный нервъ и она служитъ для него какъ бы ложемъ. Она тя-

нется параллельно внутреннему краю полушарія, т.-е. параллельно *fissurae pallii*, не образуя изгибовъ.

II категоріи: 2) *Fissura supraorbitalis transversa*, поперечная надглазничная борозда (рис. 31, *spt*), идущая дугообразно поперекъ надглазничной поверхности т.-е. справа налѣво, впереди Сильвиевой ямы. Случается (весьма не часто), что эта борозда отсутствуетъ.

III категоріи. 3) и 4) *Sulci longitudinales externus et internus* (рис. 31, *spl*), продольныя двѣ бороздки, начинающіяся изъ поперечной подъ прямымъ угломъ; онѣ тянутся впередъ почти параллельно обонятельной бороздѣ. Число ихъ колеблется отъ 1 до 4; очертанія также измѣнчивы; иногда три послѣднія бороздки образуютъ фигуру, подобную буквѣ Н, иногда—X (*sulcus cruciatus*, *triradiatus*).

На заднемъ участкѣ нижней поверхности полушарія, т.-е. на нижней поверхности височной и затылочной долей:

I категоріи. 1) *Fissura occipito temporalis*, *S. temporalis quarta* (рис. 31, *t₄*), начинающаяся почти у самого конца затылочной доли. Образуетъ нѣсколько изгибовъ, она тянется параллельно внутреннему краю полушарія почти до самой верхушки височной доли. Иногда на лицо бываетъ только средній ея отдѣлъ, иногда недостаетъ или передняго ея отдѣла, или задняго; недостающій участокъ тогда замѣняется бороздками третьей категоріи.

II категоріи: 2) *Fissura temporalis tertia*, *sulcus temporalis inferior*, нижняя височная борозда (рис. 31, *t₃*), лежащая параллельно предыдущей бороздѣ, на равныхъ разстояніяхъ отъ нея и отъ наружнаго края полушарія. Большею частью эта борозда бываетъ короче сосѣдней предыдущей борозды; при этомъ недостающая ея часть замѣняется косыми бороздками третьей категоріи, образующими съ предыдущею бороздкой уголь, открытый

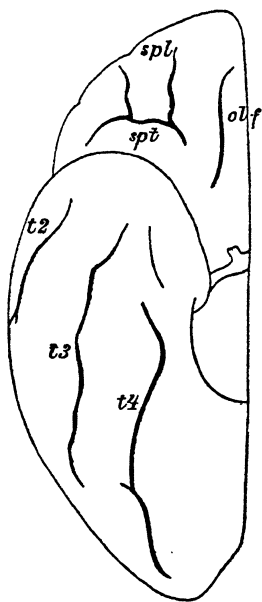

Рис. 31.

кзади. Иногда она отсутствует на всем своем протяжении и также замѣняется косыми бороздками. Наконецъ, третья и четвертая височныя борозды иногда соединяются передними своими концами или задними, образуя виллообразную форму.

3) *Fissura temporalis secunda, sulcus temporalis medius* (рис. 31, t_2), весьма непостоянная борозда, лежащая параллельно первой височной бороздѣ.

Борозды на внутренней поверхности полушарія.

Центральная часть этой поверхности занята разрѣзомъ мозолистаго тѣла, въ видѣ широкой дугообразной полосы, идущей спереди назадъ и на переднемъ и заднемъ концахъ загибающейся внизъ. Кромѣ того, подъ мозолистымъ тѣломъ видны другія образованія, часть которыхъ принадлежитъ мозговому стволу и будетъ описана ниже. Наружный или вѣрнѣе периферическій поясъ представляетъ мозговую поверхность, покрытую корковымъ сѣрымъ веществомъ. За исключеніемъ нижняго участка этой поверхности полушарія, принадлежащаго височной долѣ, вся остальная часть, охватывающая широкимъ поясомъ мозолистое тѣло, въ естественномъ состояніи, въ цѣломъ мозгѣ составляетъ одну изъ боковыхъ стѣнокъ продольной щели, *fissurae pallii*. Извилины и борозды, встрѣчающіяся на этой поверхности полушарія, принадлежатъ всѣмъ долямъ полушарія, т.-е. лобной, теменной, затылочной и, какъ уже сказано относительно нижняго участка, височной. Борозды здѣсь находящіяся, относятся большею частью къ I категоріи.

1) *Sulcus corporis callosi*, борозда мозолистаго тѣла (рис. 32, *sc*). Эта борозда въ видѣ правильной дуги лежитъ какъ разъ по верхнему краю мозолистаго тѣла, отдѣляя его отъ сосѣдней извилины. Переднимъ своимъ концомъ эта борозда огибаетъ передній край мозолистаго тѣла и подъ нимъ оканчивается; обогнувши же также задній край мозолистаго тѣла, она продолжается по внутренней сторонѣ височной доли; этотъ нижній конецъ борозды, лежащій на височной долѣ, называется—*fissura hippocampi* (рис. 32, *hp*).

Далѣе къ периферіи отъ борозды мозолистаго тѣла лежитъ:
2) *Fissura callosomarginalis* (рис. 32, *cm*). Начинается она у верхняго края полушарія позади верхняго конца Роландовой борозды; она надрѣзываетъ верхній край полушарія, такъ что начало ея видно и сверху. Далѣе она спускается внизъ и впередъ;

на половинѣ разстоянія между краемъ полушарія и мозолистымъ тѣломъ поворачиваетъ впередъ и, держась приблизительно параллельно краю полушарія и мозолистого тѣла, огибаетъ послѣднее въ видѣ дуги. Дугообразная часть этой борозды очень часто уклоняется отъ описанной сейчасъ формы. Иногда она распадается на отдѣльные отрѣзки; самое рѣзкое видоизмѣненіе формы ея—это удвоеніе борозды въ дугообразной ея части, причемъ обѣ дуги непрерывны и имѣютъ одинаковую длину; иногда обѣ дуги распадаются на два и болѣе отрѣзковъ.

3) *Fissura parieto-occipitalis* (рис. 32, *roc*) лежитъ позади вертикальной части предыдущей борозды и такъ же начинается на

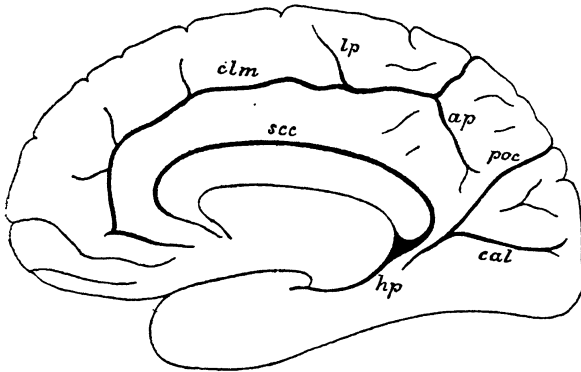

Рис. 32.

верхнемъ краѣ полушарія, надрѣзывая его сравнительно очень глубоко. Отъ верхняго края полушарія она идетъ внизъ и впередъ по направленію къ заднему краю мозолистого тѣла, вблизи котораго впадаетъ въ слѣдующую борозду.

4) *Fissura calcarina* (рис. 32, *cal*). Эта борозда начинается въ самомъ заднемъ углу затылочной доли, направляется впередъ горизонтально и, послѣ соединенія съ предыдущей бороздой, тянется по внутренней поверхности височной доли и оканчивается подъ заднимъ краемъ мозолистого тѣла, немного не доходя до *fissura hippocampi*, а иногда и впадаетъ въ эту послѣднюю. Обѣ послѣднія борозды, т.-е. *fissura parieto-occipitalis*- и *f. calcarina* почти никогда не представляютъ уклоненій отъ описаннаго типа. Единственныя наблюдаемыя измѣненія въ формѣ состоятъ въ

томъ, что онѣ распадаются на два отрѣзка, по Зернову въ 1—2% случаевъ.

II категория: 1) *Sulcus lobuli paracentralis* (рис. 32, *lp*)—вѣтвь отъ дуги *fissurae calloso-marginalis*, отходящая вверхъ, послѣ того какъ эта послѣдняя становится параллельной мозолисту тѣлу. Длина ея бываетъ то больше, то меньше; иногда она отсутствуетъ, иногда не соединяется съ *fiss. calloso-marginalis*.

2) *Fissura arcuata praecuneii, s. sulcus subparietalis* (рис. 32, *ap*) представляется въ видѣ продолженія кзади горизонтальной, дугообразной части *fiss. calloso-marginalis*, отходя отъ послѣдней въ томъ мѣстѣ, гдѣ она принимаетъ вертикальное положеніе. *Fissura arcuata praecuneii* идетъ кзади параллельно мозолисту тѣлу, образуя, такъ же какъ и *fiss. calloso-marginalis*, дугообразный изгибъ выпуклостью кверху; задній конецъ ея почти доходитъ до *fiss. parieto-occipitalis*. *Fissura arcuata praecuneii* иногда не соединяется съ *fiss. calloso-marginalis*, иногда распадается на нѣсколько наискось лежащихъ отрѣзковъ.

Указанныя сейчасъ борозды, какъ уже сказано, далеко не всегда, или вѣрнѣе почти никогда на одномъ и томъ же мозгѣ не представляются всѣ въ совокупности въ описанномъ видѣ. Эта схема вмѣстѣ съ знаніемъ наичаще встрѣчающихся варіацій должна служить точкой опоры при изученіи поверхности мозговыхъ полушарій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Для того чтобы ориентироваться на наружной выпуклой поверхности полушарія, должно прежде всего опредѣлить Сильвиеву борозду. Это не составляетъ затрудненія. Далѣе, въ углу между восходящей и горизонтальной вѣтвями Сильвиевой борозды должно отыскать нижній конецъ Роландовой борозды; при этомъ стараться не смѣшивать ее съ прецентральной бороздой, лежащей впереди, а также съ нижнимъ концомъ постцентральной борозды, лежащей кзади отъ Роландовой борозды; Роландову борозду прослѣдить до верхняго края полушарія, который въ большинствѣ случаевъ надрѣзывается этою бороздой, хотя далеко не всегда. Должно при этомъ помнить, что бываютъ случаи, гдѣ Роландова борозда состоитъ изъ двухъ отрѣзковъ, верхняго и нижняго, раздѣленныхъ небольшою извилинкой, поднимающейся со дна борозды. Такіе случаи впрочемъ весьма рѣдки. Послѣ опредѣленія Роландовой борозды остальные борозды опредѣляются въ описанномъ выше порядкѣ. Ниже Сильвиевой борозды на височной долѣ сна-

ружи и на нижней сторонѣ полушарія всегда необходимо ориентироваться относительно двухъ бороздъ: первой височной борозды, лежащей тотчасъ подъ Сильвиевой бороздой параллельно ей,—и относительно *fiss. occipito-temporalis*. (Рис. 30, t_1 ; 32, t_4). На внутренней сторонѣ полушарія ориентироваться вообще легче.

Прибѣгать къ такому способу приходится не только начинающимъ, но весьма часто и людямъ совершенно опытнымъ; особенно необходимо это бываетъ въ случаяхъ патологическихъ, когда вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ патологическихъ процессовъ очертанія бороздъ, а слѣдовательно и извилинъ, измѣняются подчасъ до неузнаваемости. А въ подобныхъ случаяхъ именно и бываетъ важно опредѣлить взаимное отношеніе различныхъ участковъ поверхности полушарія.

Доли полушарія.

Въ предыдущемъ описаніи бороздъ неоднократно встрѣчаются выраженія: лобная доля, затылочная, темянная, височная доли. Значеніе этихъ выраженій и смыслъ ихъ ясенъ: каждое полушаріе мозга дѣлится на отдѣлы или *доли*, причемъ лобная доля—это передній отдѣлъ полушарія, затылочная доля—задній, темянная доля—промежуточный отдѣлъ полушарія между лобной и затылочной долями; наконецъ височная доля—это соскообразно выступающій книзу и впередъ участокъ полушарія. Однако необходимо болѣе точное опредѣленіе границъ между отдѣльными долями полушарій.

На наружной выпуклой поверхности полушарія Роландова борозда считается заднею границей *лобной доли*. Кзади отъ Роландовой борозды лежитъ *темянная доля*. Нижнюю границу обѣихъ этихъ долей составляетъ горизонтальная вѣтвь Сильвиевой борозды; она отдѣляетъ ихъ отъ ниже лежащей *височной доли*. Что же касается *затылочной доли*, то она безъ рѣзкихъ границъ сливается съ лежащими впереди ея темянной и височной долями; только на верхнемъ краю есть строго опредѣленный пунктъ, отъ котораго проводятъ переднюю границу затылочной доли: это прорѣзъ верхняго края полушарія верхнимъ концомъ *fissurae parieto-occipitalis*. Отсюда проводится линія поперекъ полушарія книзу къ переднему краю мозжечка; здѣсь на совершенно свѣжемъ мозгу на краю полушарія можно видѣть оттискъ или вдавленіе, производимое верхнею гранью пирамиды височной кости. Какъ

будетъ видно изъ дальнѣйшаго, эта искусственно проводимая линия на мозгѣ человѣка совпадаетъ съ постоянною бороздой на мозгѣ обезьянъ, т. наз. *fissura occipitalis externa*, обезьянней бороздой, характерной для этихъ животныхъ.

На нижней поверхности полушарія естественная граница между лобной и височною долями выражена всегда рѣзко: это—Сильвиева яма. Затылочная доля и здѣсь не имѣетъ естественной границы, отдѣляющей ее отъ лежащей впереди височной доли. Искусственною границей предлагаютъ считать линію, соответствующую переднему краю мозжечка.

На внутренней поверхности полушарія лобная доля отдѣляется отъ темянной доли восходящею частью *fissurae calloso-marginalis*: затылочная доля отграничивается отъ темянной доли затылочно-темянной бороздой, *fissura parieto-occipitalis*.

Такимъ образомъ лобная доля представляется наиболѣе обширной; она занимаетъ наружную выпуклую поверхность полушарія, передній отдѣлъ нижней поверхности и выходитъ также на внутреннюю поверхность. Затылочная доля, занимая сравнительно небольшой участокъ полушарія, имѣетъ также три поверхности: наружную, нижнюю и внутреннюю. Темянная доля видна съ наружной и внутренней поверхности полушарія, височная доля—съ наружной и нижней поверхностей.

Но кромѣ этихъ четырехъ долей существуетъ еще пятая доля. Это *скрытая или центральная доля или островокъ Рейля—lobulus operatus, s. centralis, s. insula Reilly*. Эта доля лежитъ на днѣ Сильвиевой борозды и съ поверхности не видна будучи скрыта надвинувшимися на нее сосѣдними отдѣлами лобной, темянной и височной долей. Для того чтобы ее видѣть, должно раздвинуть края Сильвиевой борозды.

Г. Прибытковъ.

21. Инструменты для психологическихъ изслѣдованій и способы ихъ употребленія.

Для приведенія въ дѣйствіе описанныхъ инструментовъ (11) пользуются электрическою силой, получаемой изъ первичныхъ или вторичныхъ элементовъ.

Изъ первичныхъ элементовъ, т.-е. такихъ, которые сами вырабатываютъ электрическую энергію, чаще всего употребляются элементы Даніэля, Мейдингера, Грене и Лекланше.

5. Элементъ Даніэля. Элементъ Даніэля обладаетъ наибольшимъ постоянствомъ изъ всѣхъ элементовъ съ двумя жидкостями, изъ которыхъ одна играетъ роль деполяризатора. Онъ представляетъ собою элементъ Вольта (цинкъ—мѣдь—подкисленная вода), къ которому присоединенъ, въ качествѣ деполяризатора, насыщенный растворъ мѣднаго купороса.

Отрицательный полюсъ этого элемента (рис. 33) составляетъ широкая пластинка изъ амальгмированного цинка Z, согнутая въ видѣ цилиндра; она погружается въ воду, подкисленную сѣрною кислотой, или въ соляной растворъ, или въ растворъ сѣрнокислаго цинка: эта первая жидкость содержится во внѣшнемъ сосудѣ изъ стекла или фаянса.

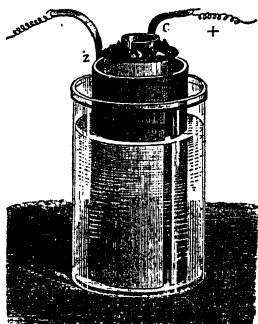

Рис. 33.

Положительный полюсъ С составляетъ мѣдный цилиндръ, погружаемый въ концентрированный растворъ мѣднаго купороса, содержащагося въ сосудѣ изъ слабо обожженной глины или неглазированнаго фарфора; этотъ второй сосудъ помѣщается внутри перваго.

Роль деполяризатора играетъ мѣдный купоросъ. Онъ разлагается осѣдающимъ на положительномъ электродѣ водородомъ на мѣдь и сѣрную кислоту по формулѣ $SO_4Cu + H = Cu + SO_2HO$.

Возстановленная мѣдь осаждается на мѣдномъ полюсѣ С въ видѣ слабо пристающаго къ нему слоя; свободная сѣрная кислота просачивается сквозь скважистую перегородку въ подкисленную воду, окружающую цинковый полюсъ, и поддерживаетъ ея окисленіе въ одной и той же степени.

Электровозбудительная сила элемента Даніэля равняется почти 1 вольту. Внутреннее сопротивленіе элемента измѣняется въ зависимости отъ поверхностей электродовъ, отъ структуры пористыхъ сосудовъ и отъ состава или степени концентраціи жидкостей. Оно колеблется отъ $\frac{1}{3}$ ома до нѣсколькихъ омовъ.

Батарея изъ элементовъ Даніэля даетъ токъ слабо напряженія, но весьма постоянный, въ особенности если принять мѣры къ поддержанію раствора мѣднаго купороса въ насыщенномъ состояніи, что достигается помѣщеніемъ въ верхнюю часть пори-

стаго сосуда большихъ кристалловъ мѣднаго купороса, которые и растворяются по мѣрѣ ослабѣванія крѣпости раствора. Къ неудобствамъ элемента Даніэля относится то, что онъ изнашивается при незамкнутомъ токѣ, особенно если цинкъ соприкасается съ окисленною водою или солянымъ растворомъ.

6. Элементъ Мейдингера. Этотъ элементъ (рис. 34) состоитъ изъ большой стеклянной банки, на днѣ которой, въ самой серединѣ, стоитъ стаканчикъ. Въ послѣднемъ помѣщается положительный полюсъ, представляющій собою свернутую въ цилиндръ насколько угодно тонкую мѣдную пластинку; къ ней прикрѣплена толстая мѣдная проволока, прикрытая гуттаперчевой трубкой и идущая вертикально кверху. Въ верхней части сосуда помѣщается широкій цинковый цилиндръ, къ которому также припаяна проволока, выходящая наружу. Стеклянный сосудъ, опрокинутый шейкой внизъ, заткнутъ пробкой, въ которой оставлено небольшое отверстие; горлышко этого сосуда опускается въ находящійся подъ нимъ стаканчикъ. Сосудъ этотъ наполняютъ кристаллами сѣрнокислой мѣди и помѣщаютъ, какъ показано на рисункѣ, въ банку, наполненную водою до такой высоты, чтобы цинковый цилиндръ нѣсколько выступалъ наружу. Въ воду прибавляется для увеличенія проводимости небольшое количество (10%) сѣрнокислой магнезійи.

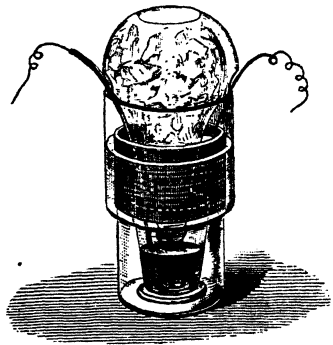

Рис. 34.

Въ такомъ видѣ элементъ этотъ носитъ названіе *элемента Мейдингера съ шаромъ*.

Элементъ этотъ даетъ столь же постоянный токъ, какъ и элементъ Даніэля, почему главнымъ образомъ и находитъ себѣ примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется именно постоянство тока. Неудобствомъ является большое внутреннее сопротивленіе, такъ что надо брать много элементовъ, если токъ требуется значительной силы.

7. Элементъ Грене. Въ этомъ элементѣ (рис. 35) съ одною жидкостью, составляемою изъ раствора двухромокислаго кали (12%) съ

прибавленіемъ сѣрной кислоты (25%), нѣтъ внутренняго пористаго сосуда, а только одинъ внѣшній стеклянный. Положительный полюсъ элемента образуется двумя пластинками изъ ретортнаго угля, прикрѣпленными параллельно другъ другу къ кружку изъ рогового каучука. Роль отрицательнаго полюса играетъ цинковая амальгамированная пластинка вдвое меньшей длины, чѣмъ угольная, которая можетъ двигаться между этими послѣдними посредствомъ стержня съ желобкомъ. Элементъ начинаетъ дѣйствовать лишь тогда, когда цинкъ будетъ погруженъ въ жидкость. При замкнутой цѣпи, въ элементѣ образуется двойная сѣрно-кислая соль хрома и каля съ отдѣленіемъ кислорода. Этотъ же

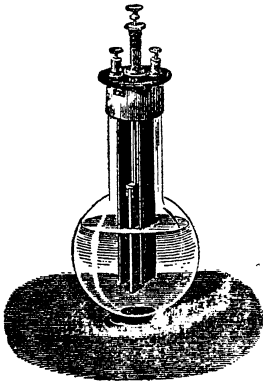

Рис. 35.

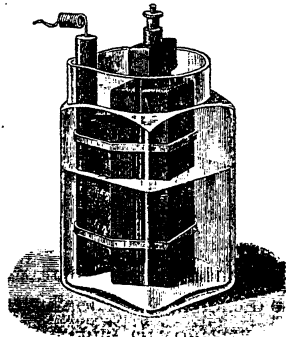

Рис. 36.

кислородъ, сжигая отдѣляющійся водородъ, уничтожаетъ поляризацию электродовъ. Такимъ образомъ, этотъ элементъ, несмотря на то, что онъ съ одною жидкостью, поляризуется довольно медленно.

Электровозбудительная сила измѣняется отъ 1,2 до 2 вольтовъ. Внутреннее сопротивленіе бываетъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе вода подкислена сѣрной кислотой, и вообще равняется нѣсколькимъ сотымъ долямъ ома.

8. Элементъ Левланше. Отрицательный полюсъ этого элемента (рис. 36) состоитъ изъ цинковаго стержня, погруженнаго въ растворъ хлористаго аммонія (нашатыря). Роль положительнаго полюса играетъ угольная пластинка, окруженная съ цѣлью уни-

чтоженія поляризації отпрессованной массой, состоящей из перекиси марганца съ крупно истолченнымъ ретортнымъ углемъ. При замыканіи цѣпи нашатырь начинаетъ дѣйствовать на цинкъ и обращаетъ его постепенно въ хлористое соединеніе; отдѣляющійся при этомъ водородъ превращаетъ перекись марганца въ закись и образуетъ при этомъ воду. Цинковый стержень скрѣпляется съ массой посредствомъ гуттаперчевыхъ колецъ, причемъ онъ отдѣляется отъ нея кускомъ дерева или глины. Такой элементъ можетъ дѣйствовать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Онъ представляетъ то преимущество, что работаетъ только когда цѣпь замкнута.

Электровозбудительная сила равняется 1,48 вольта, внутреннее сопротивление отъ 0,9 до 1,8 омовъ.

Элементъ этотъ довольно быстро поляризуется, почему и не годится для продолжительнаго дѣйствія.

9. Вторичные элементы или аккумуляторы. Вторичные элементы могутъ давать токъ только въ томъ случаѣ, если черезъ нихъ предварительно былъ пропущенъ токъ отъ первичнаго элемента. Въ этихъ элементахъ утилизируется поляризаціонный токъ, составляющій самое важное неудобство первичныхъ элементовъ съ одною жидкостью.

Деларивъ первый замѣтилъ, что платиновыя пластинки, употреблявшіяся для введенія тока въ разлагаемую жидкость, вынутыя изъ этой жидкости и погруженныя въ дистиллированную воду, порождаютъ токъ обратный тому первичному току, который они передавали. Какъ доказалъ Маттеучи, такая поляризація платиновыхъ электродовъ и происходящая при этомъ обратная электровозбудительная сила обязаны своимъ происхожденіемъ слоямъ пузырьковъ кислорода и водорода, отлагающимся и накапливающимся соотвѣтственно на каждой пластинкѣ.

Замѣченный Деларивомъ токъ служитъ типомъ вторичныхъ токовъ; совокупность двухъ платиновыхъ электродовъ и ванны изъ дистиллированной воды представляетъ вторичный элементъ. Всѣ вторичные элементы называются также аккумуляторами, потому что они накапливаютъ (аккумулируютъ) электричество въ видѣ продуктовъ химическихъ реакцій, развивающихся при прохожденіи первичныхъ токовъ.

Самый давній изъ аккумуляторовъ представляетъ собою вторичная батарея Планте. Планте нашелъ, что вторичная электро-

возбудительная сила вольтамметра съ свинцовыми пластинками въ водѣ подкисленной сѣрною кислотой интенсивнѣе и постояннѣе той же силы при всѣхъ другихъ металлахъ. Такимъ образомъ, чтобы получить вторичные элементы большой силы, нужно только увеличить поверхность электродовъ, уменьшая тѣмъ самымъ сопротивление.

Для устройства элемента наворачиваютъ вокругъ деревяннаго или металлическаго цилиндра два свинцовыхъ листа, раздѣленныхъ между собой двумя или тремя каучуковыми лентами. Когда навивка сдѣлана, внутренній цилиндръ вынимаютъ и замѣняютъ его гуттаперчевыми распорками. Приготовленную такимъ образомъ спиральную пару вводятъ въ стеклянный цилиндрической сосудъ, который наполняется подкисленной водой (1 : 10). Поверхность обыкновеннаго элемента равна 1 кв. метру. Затѣмъ пропускаютъ черезъ элементъ токъ отъ первичныхъ элементовъ въ теченіе 20—30 минутъ. Работа тока аккумулируется въ формѣ свинцоваго окисла съ одной стороны и съ другой—въ восстановленіи окиси свинца, образовавшейся ранѣе, во время прохожденія вторичнаго тока.

Въ парѣ такого рода зарядженіе оканчивается тогда, когда начинаютъ отдѣляться пузырьки газа.

Электровозбудительная сила такой пары равняется $2-2\frac{1}{3}$ элементамъ Даніэля. Внутреннее сопротивление колеблется между $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{6}$ сопротивления того же элемента. Вторичные элементы могутъ быть также соединяемы въ батареи, какъ и первичные.

Въ видахъ ускоренія образованія порошкообразнаго свинца и перекиси свинца, такъ какъ отъ толщины этихъ слоевъ зависитъ сила прибора, было сдѣлано много усовершенствованій аккумулятора Планте. Такъ, уже самъ Планте подвергалъ свинцовыя пластинки предварительному дѣйствию азотной кислоты, которая сообщаетъ имъ большую воспримчивость къ дѣйствию первичнаго тока. Форъ покрывалъ свинцовыя пластинки слоемъ сурика (Pb_2O_4), который удерживался на нихъ при помощи лоскутовъ изъ войлока или фланели. Отъ дѣйствія первичнаго тока сурикъ быстро превращается въ перекись (PbO_2) на положительной пластинкѣ и въ губчатый свинецъ (Pb) на отрицательной. Однако дѣйствующие слои перекиси не достаточно хорошо пристають къ электродамъ и скоро распадаются на части. Прокладки изъ войлока и фланели увеличиваютъ внутреннее сопротивление и разрушаются

подъ вліяніемъ подкисленной воды. Поэтому дальнѣйшія усовершенствованія выразились въ приданіи пластинкамъ такой формы, которая давала бы возможность легче удерживать пере-кись свинца и избѣжать употребленія увеличивающихъ сопротив-леніе перегоронокъ.

Каковы бы ни были условія и способъ устройства различныхъ аккумуляторовъ со свинцомъ, соотвѣтствующія имъ постоянныя остаются почти одинаковыми.

Электровозбудительная сила вначалѣ достигаетъ до 2,2 вольта, поддерживается около 2 вольтовъ въ теченіе значительной части времени при разрядѣ и бываетъ около 1,7 вольта при концѣ.

Внутреннее сопротивленіе измѣняется въ зависимости отъ величины поверхности пластинокъ, ихъ взаимнаго удаленія и степени концентрации жидкости, но никогда не превосходитъ нѣсколькихъ сотыхъ ома.

Способность накопленія можетъ доходить до 4.000 килограммо-метровъ на килограммъ свинца.

Производимая аккумуляторомъ электрическая работа бываетъ около 40% полной работы, доставленной первичнымъ источни-комъ, и около 60% накопленной работы.

10. Термоэлектрическія батареи. Если мы спаяемъ 2 куска различ-ныхъ металловъ и будемъ нагрѣвать одинъ изъ спаевъ, то между металлами появляется электрическій токъ.

Для нѣкоторыхъ паръ металловъ токъ непрерывно возрастаетъ по мѣрѣ возвышенія t^0 теплага спая. Но въ большинствѣ слу-чаевъ бываетъ иначе. Такъ, напримѣръ, въ парѣ мѣдь-жельзо токъ достигаетъ максимума при $t^0=274^0$; далѣ онъ уменьшается, обращается въ нуль и, наконецъ, мѣняется направленіе, причеиъ мѣдь становится въ свою очередь отрицательной относительно желѣ-за. Такое обращеніе тока можетъ происходить при различной тем-пературѣ, которая всякій разъ настолько же превышаетъ t^0 макси-мума тока, насколько эта послѣдняя превышаетъ t^0 холоднаго спая.

Термоэлектродвижушія силы всегда очень слабы; одна изъ наиболѣе значительныхъ, принадлежащая парѣ висмутъ-сурьма, равняется 0,00057 вольта на 1 градусъ тепла; опытъ показы-ваетъ, что она между 0^0 и 100^0 приблизительно пропорціональна разности температуръ двухъ спаевъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ, сопротивленіе такихъ паръ можетъ быть сдѣлано весьма малымъ онѣ могутъ давать сильные токи.

Нѣсколько термоэлектрическихъ элементовъ можно соединить, такъ что составитъ батарея или такъ называемый термоэлектрическій столбъ. *Термоэлектрическая батарея Кламона* (рис. 37), употребляемая въ лабораторіяхъ какъ источникъ электричества, составляется изъ паръ, въ которыхъ однимъ изъ металловъ служитъ сплавъ цинка и сурьмы, а другимъ—сплавъ никкеля, цинка и мѣди. Эти пары соединяютъ послѣдовательно и располагаютъ въ видѣ короны. Всѣ четные спаи обращены внутрь и нагрѣваются на пламени газа; нечетные лежатъ снаружи и представляютъ воздуху большую поверхность для лучшаго охлаждения.

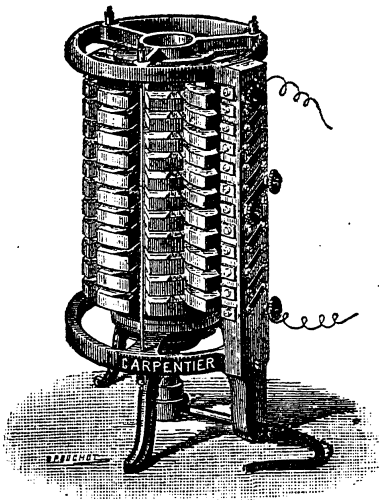

Рис. 37.

Электродвижущая сила батареи Кламона въ 120 паръ составляетъ 8 вольтъ, а сопротивление 3,2 ома; слѣдовательно, она можетъ дать, какъ максимумъ располагаемой рабочей силы, около 5 уаттовъ. Элементы можно группировать различно, такъ чтобы для каждаго случая удовлетворялось условіе наибольшаго тока. Потребленіе газа на батарею около 180 литровъ въ часъ.

Всѣ описанные элементы могутъ соединяться для совмѣстнаго дѣйствія въ батареи, причемъ существуетъ два способа ихъ соединенія—послѣдовательное и параллельное соединеніе. При послѣдовательномъ соединеніи положительный полюсъ одного элемента соединяется съ отрицательнымъ другого и т. д.; при параллельномъ соединеніи соединяются съ одной стороны положительные, съ другой отрицательные полюсы. При первомъ способѣ увеличивается электровозбудительная сила элементовъ, пропорціо-нально ихъ числу, при второмъ она остается безъ перемѣны, но уменьшается сопротивленіе. Можно также соединять элементы

по группамъ: нѣсколько соединенныхъ параллельно группъ, напримеръ, можно затѣмъ соединять послѣдовательно.

Электровозбудительная сила элементовъ зависитъ отъ природы электродовъ (цинкъ и серебро, цинкъ и уголь и пр.) и отъ возбуждающихъ жидкостей, употребляемыхъ въ элементѣ; но на нее не оказываетъ совершенно никакого вліянія величина электродовъ.

Сила тока въ замкнутой цѣпи зависитъ 1) отъ электровозбудительной силы и 2) отъ сопротивленія цѣпи.

Сопротивленіе цѣпи зависитъ 1) отъ длины проводника, 2) отъ величины его поперечнаго сѣченія и 3) отъ его природы.

11. Единицы измѣренія. Въ 1881 году, въ Парижѣ, международный конгрессъ электриковъ рѣшилъ принять за основныя единицы: *сантиметръ*—какъ единицу длины; *массу грамма*—какъ единицу массы, и *секунду* (обыкновеннаго счисленія)—какъ единицу времени, и соотвѣтствующую систему физическихъ единицъ назвалъ *абсолютною системою С. G. S.*

Единица скорости есть скорость въ 1 сантиметръ въ секунду. Единица ускоренія—приращеніе скорости на единицу скорости въ 1 секунду.

Единицей силы, или *диной* (*dynes*), называется та сила, которая, дѣйствуя на массу грамма, сообщаетъ ей единицу ускоренія. Такъ какъ эта масса грамма подъ дѣйствіемъ своего вѣса принимаетъ ускореніе = 981 единицамъ ускоренія (точнѣе 980,88), то *вѣсъ грамма*, разсматриваемый какъ *сила*, равенъ 981 динамъ. Такимъ образомъ вѣсъ одного миллиграмма соотвѣтствуетъ почти одной динѣ, а вѣсъ килограмма—почти миллиону динъ, или одной *мегадинѣ*; приставка *мега* означаетъ помноженіе единицы на 10^6 (милліонъ).

Единица работы, или *эргъ* (*erg*), есть работа, произведенная единицею силы, или диной, когда точка ея приложенія перемѣстилась на 1 сантиметръ. Одинъ килограммометръ очевидно равенъ $981 \cdot 10^5$ (или почти 10^8) эргамъ.

Единица количества тепла, — *граммокалорія*,—есть то количество тепла, которое нагрѣваетъ на единицу температуры (1 градусъ) 1 граммъ воды, взятой при температурѣ тающаго льда; *граммокалорія* (или малая калорія), эквивалентна 0,425 килограммометрамъ, соотвѣтствуетъ $0,425 \cdot 981 \cdot 10^5 = 4,17 \cdot 10^7$ эргамъ. Наоборотъ, эргъ соотвѣтствуетъ $2,4 \cdot 10^{-8}$ *граммокалоріямъ*.

Только двѣ единицы,—силы и работы,—получили особья названія. Остальныя обозначаются какъ «единицы С. Г. S.».

Величины электрическихъ единицъ С. Г. S. неудобны въ практическомъ отношеніи. Такъ, въ электромагнитной системѣ единица сопротивленія С. Г. S. представляемъ собою не болѣе какъ сопротивленіе одной двадцатитысячной миллиметра мѣдной проволоки, имѣющей 1 миллиметръ въ діаметрѣ; единица С. Г. S. электродвижущей силы соотвѣтствуетъ одной стомилліонной долѣ электродвижущей силы элемента Даніэля. Съ другой стороны, единица емкости соотвѣтствуетъ приблизительно емкости такой сферы, радіусъ которой былъ бы въ миллионъ слишкомъ разъ болѣе радіуса земли.

Такимъ образомъ для *сопротивленія, электродвижущей силы, силы тока, количества электричества и емкости* были взяты десятичныя кратныя единицъ С. Г. S., которымъ дали особья названія. Эта система была принята на конгрессѣ въ слѣдующей формѣ:

Практическая единица сопротивленія равна 10^9 абсолютнымъ единицамъ С. Г. S. и называется *омъ (ohm)*. Определенная такимъ образомъ единица сопротивленія оказалась почти равную сопротивленію ртутнаго столбика въ 106 сант. длины и 1 квадратный миллиметръ сѣченія или сопротивленію 1 километра желѣзной телеграфной проволоки въ 4 мм. въ діаметрѣ.

Единица электродвижущей силы равна 10^8 абсолютнымъ единицамъ С. Г. S. и называется *вольтъ (volt)*. Выбранная такимъ образомъ единица оказалась почти равной электродвижущей силѣ одного элемента Даніэля.

Сила тока, произведеннаго электродвижущею силой одного вольта въ цѣпи, имѣющей сопротивленіе въ одинъ омъ, называется *амперъ (ampère)*; амперъ соотвѣтствуетъ 10^{-1} единицамъ С. Г. S. Слѣдовательно, если мы раздѣлимъ число единицъ развиваемой электровозбудительной силы (вольты) на число единицъ сопротивленія (омы), то получимъ число единицъ силы тока, проходящаго черезъ цѣпь (амперы). 1 амперъ представляетъ такой токъ, который, проходя черезъ растворъ мѣднаго купороса, осаждаетъ приблизительно $\frac{1}{4}$ золотника мѣди въ часъ.

Количество (зарядъ) электричества, проходящее въ 1 секунду черезъ сѣченіе проводника, по которому идетъ токъ въ 1 амперъ, называется *кулонъ (coulomb)*; кулонъ соотвѣтствуетъ 10^{-1} единицамъ С. Г. S.

Емкость, опредѣляемая изъ условія, что 1 кулонъ заряжаетъ ее до потенціала въ 1 вольтъ, называется *фарадъ* (*farad*); фарадъ равенъ 10^{-9} единицамъ С. Г. С.

Для обозначенія милліона и милліонной доли главной единицы употребляютъ приставки *мега* и *микро*. Такъ, на примѣръ, *мегаомъ* значить 10^6 омовъ; микрофарадъ равняется 10^{-6} фарадамъ или 10^{-15} единицамъ С. Г. С. Такъ какъ фарадъ слишкомъ большая единица, то обыкновенно считаютъ на микрофарады.

Практическая единица для коэффиціента самоиндукціи получила на Парижскомъ конгрессѣ 1889 г. названіе *квадранта*; это длина, равная 10^9 сантиметрамъ, или четверти земного меридіана.

За практическую единицу работы принять на томъ же конгрессѣ *джауль* (*joule*); онъ равенъ произведенію одного кулона на 1 вольтъ и, слѣдовательно, 10^7 единицамъ С. Г. С. или 10^7 эргамъ.

Практическая единица рабочей силы (эфекта) есть *ваттъ* (*watt*) (иджауль въ 1 секунду).

12. Вольтметръ. Если пропускать токъ черезъ какую-нибудь жидкость, то жидкость будетъ разлагаться, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда она или не пропускаетъ тока, или представляетъ собою химически чистое тѣло, какъ на примѣръ, ртуть или расплавленный металлъ. Это явленіе называется *электролизъ* и жидкость подвергающаяся разложенію называется *электролитъ*. Проводники, изъ которыхъ одинъ служитъ для входа тока въ жидкость, а другой для выхода, называются *электродами*. Первый соединенный съ положительнымъ полюсомъ батареи, есть *положительный электродъ* или *анодъ*; второй — *отрицательный электродъ* или *катодъ*.

Разлагаться путемъ электролиза способны только соли въ растворахъ или въ расплавленномъ состояніи, причемъ подъ влияніемъ тока всегда происходитъ отдѣленіе металла отъ соединеннаго съ нимъ химическаго элемента или радикала.

Продукты разложенія, такъ называемые *іоны*, никогда не появляются въ самой массѣ жидкости, а исключительно на электродахъ, металлъ на катодѣ, другой элементъ на анодѣ.

Вода доставила первый примѣръ химическаго разложенія подъ влияніемъ тока. Если мы возьмемъ стеклянный сосудъ (рис. 38) съ двумя отверстиями на днѣ, въ которыя вмазаны двѣ платиновыя проволоки, то при пропусканіи тока на положительномъ

плюсъ выдѣляется кислородъ, а на отрицательномъ водородъ. Этотъ аппаратъ называется *вольтаметръ* и можетъ служить для измѣренія силы тока, такъ какъ количество разложеннаго токомъ электролита зависитъ единственно отъ количества проходящаго электричества. Каковъ бы ни былъ электролитъ, одинъ кулонъ всегда разлагаетъ одну и ту же долю, именно $\frac{1}{96600} = 0,00001035$ его вѣсового эквивалента, взятаго по отношенію къ водороду и выраженнаго въ граммахъ.

Если означимъ эквивалентъ тѣла черезъ e (для водорода $e=1$), а дробь $\frac{1}{96600}$ черезъ α , то вѣсъ электролита, разложеннаго

однимъ кулономъ, всегда выразится черезъ αe .

Такимъ образомъ, какова бы ни была кислота соли, какое бы время ни употреблялось на разложеніе, введенъ ли электролитъ во внѣшнюю часть цѣпи или составляетъ часть самой батареи, проходитъ ли электричество въ формѣ непрерывнаго тока или въ формѣ разряда,— всегда одинъ кулонъ восстанавливаетъ 0,00033

грамма мѣди, 0,001173 грамма серебра и разлагаетъ 0,00009316 воды, выдѣляя 0,00001035 грм. водорода—количество соответствующее, при 0° температуры и 760 мм. давленія, объему въ 0,1155 куб. сант.

Законъ этотъ не представляетъ ни исключеній, ни уклоненій и даетъ простой способъ опредѣлять абсолютную величину силы тока.

13. Гальванометръ. Опредѣленіе силы тока по указанному способу требуетъ довольно много времени, почему для измѣренія силы тока употребляются обыкновенно такъ называемые гальванометры, устройство которыхъ основано на томъ, что электрическій токъ, проходящій вокругъ горизонтально подвѣшанной намагниченной иглы заставляетъ ее измѣнять направленіе. Въ зависимости отъ той величины, которую они должны измѣрять, гальванометры называются вольтаметрами и амперометрами. Наиболѣе

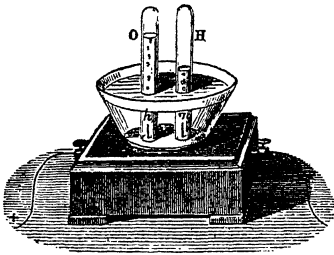

Рис. 38.

чувствительные изъ нихъ приспособлены для измѣренія $\frac{1}{1000}$ ампера или миллиампера и $\frac{1}{10000}$ ампера.

Гальванометръ *Ziemszen-Edelmann'a* (рис. 39) состоитъ изъ треножника *T*, на которомъ вращается помѣщенная на конусѣ *C* верхняя часть инструмента. Конусъ можетъ быть фиксированъ съ помощью винта *d*. Вращеніе инструмента необходимо для установки стрѣлки *Z* на нуль скалы. Внутри деревянной коробки *B* находится колоколообразный магнитъ *N*, обмотка гальванометра *R*, окружающая магнитъ, проволоки для увеличенія внутренняго сопротивленія и толстый мѣдный демферъ *D*, предназначенный для того, чтобы уменьшать качанія стрѣлки изъ

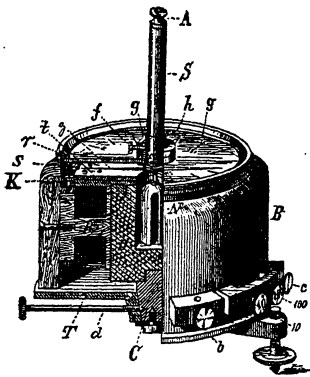

Рис. 39.

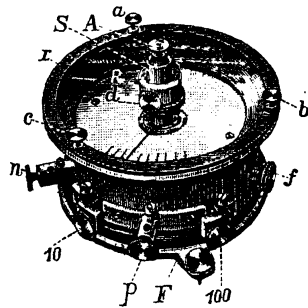

Рис. 40.

стороны въ сторону при пропусканіи тока. Ослабленіе качаній обусловливается возбужденіемъ въ массѣ мѣднаго демфера индуктивныхъ токовъ противоположнаго направленія. Снаружи коробки находятся винты *b* и *c* для проволокъ, приводящихъ токъ, и винты *10* и *100* для введенія сопротивленій, чѣмъ обусловливается уменьшеніе показаній гальванометра въ *10* и *100* разъ. Кромѣ того иногда дѣлается еще третій винтъ для проволоки приводящей токъ въ томъ случаѣ, если гальванометръ долженъ служить вольтметромъ, къ чему приспособлены не всѣ гальванометры. Наверху коробки *B* находится покрытый стекломъ циферблатъ, на которомъ нанесены дѣленія, соответствующія $\frac{1}{1000}$ ампера или одному миллиамперу (*МА*) и $\frac{1}{10}$ *МА*.

Игла гальванометра виситъ на четырехъ коконовыхъ нитяхъ, на-ходящихся внутри трубки S и привязанныхъ къ концу винта А. Трубка S можетъ опускаться и подниматься, двигаясь въ кольцѣ h, гдѣ она можетъ быть укрѣплена неподвижно съ помощью винта f. Если трубка поднята кверху, игла будетъ свободно подвижна; если же она будетъ опущена (рис. 40), то игла будетъ прижата къ дну демфера и нити будутъ ослаблены, что предохраняетъ ихъ отъ разрыва во время переноса инструмента. Передъ употребленіемъ гальванометръ долженъ быть установленъ гори-

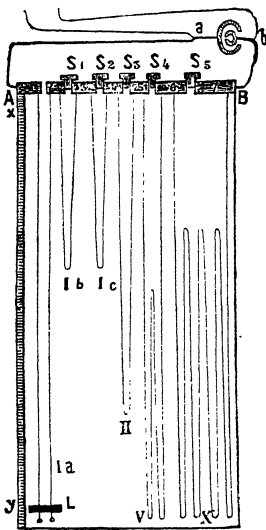

Рис. 41.

зонтально и стрѣлка поставлена на нулевое дѣленіе шкалы. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется измѣрять токи большой силы, внутренняго сопротивленія, этого гальванометра уже недостаточно, но такъ какъ сила тока зависитъ отъ величины сопротивленія цѣпи, мы можемъ, увеличивая внѣшнее сопротивление, уменьшать силу тока по желанію, причемъ, зная величину введеннаго сопротивленія и величину показанія гальванометра, будемъ въ состояніи опредѣлить истинную силу тока.

Для увеличенія сопротивленія употребляются реохорды и реостаты.

14. Реохордъ. Какъ показываетъ рисунокъ 41, изображающій реохордъ *Du Bois-Reymond'a*, это рядъ проволокъ извѣстнаго сопротивленія, расположенныхъ такимъ образомъ, что токъ то

проходитъ по всѣмъ, то вслѣдствіе вставленія штифтовъ обходить нѣкоторыя изъ нихъ, проходя по линіи наименьшаго сопротивленія. Этотъ инструментъ можетъ быть введенъ и въ побочное замыканіе, какъ показано на рисункѣ. По закону развѣтвленія токовъ сила тока, проходящаго по каждой вѣтви, обратно пропорціональна ея сопротивленію, и если мы имѣемъ двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна имѣетъ большое сопротивленіе, а другая представляетъ, напримѣръ, введенный нами реохордъ, сопротивленіе котораго можетъ быть сдѣлано ничтожнымъ, то токъ главной цѣпи можетъ быть ослабленъ почти до нуля.

Если же реохордъ ввести въ прямую цѣпь, то съ его помощью могутъ быть ослаблены только небольшіе токи, такъ какъ сопротивленіе реохорда не превышаетъ обыкновенно нѣсколькихъ омовъ.

15. Реостатъ. Реостаты, также состоящіе изъ проволокъ, представляютъ уже сопротивленіе гораздо большее, отъ 1 до

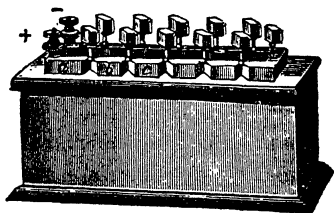

Рис. 42.

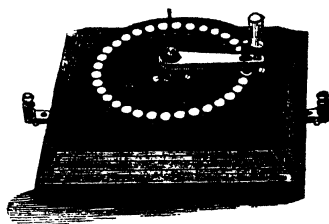

Рис. 43.

100—1000 омовъ. Конечно, они могутъ быть приготовлены съ какимъ угодно сопротивленіемъ. Устройство ихъ въ общемъ соотвѣтствуетъ рисункамъ 42 и 43. Вынимая тотъ или другой штифтъ, или поворачивая рукоятку, мы заставляемъ токъ проходить по той или другой проволоцѣ разной длины и разнаго измѣреннаго заранѣе сопротивленія.

Для очень большихъ сопротивленій отъ 500 до 15—25.000 омовъ очень удобенъ реостатъ Спримона (рис. 44) безъ штифтовъ, устанавливаемый на опредѣленное число сопротивленій, показанное на скалѣ съ помощью вращенія цилиндра.

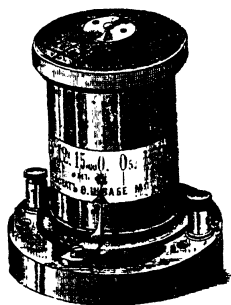

Рис. 44.

16. Коммутаторъ. Для измѣненія направленія тока употребляются инструменты, называемые коммутаторы. Коммутаторы бываютъ различнаго устройства, но наиболѣе удобнымъ можно считать коммутаторъ Поля (такъ называемая *винта Поля*, рис. 45). Этотъ аппаратъ представляетъ собою кругъ изъ дерева или каучука, въ которомъ выдолблены 6 чашечекъ—1, 2, 3, 4, 5, 6—для ртути. Винта, состоящая изъ двухъ изолированныхъ и крѣпко соединенныхъ между собою мѣдныхъ изогнутыхъ про-

3*

волокъ bed и cfg , вращается вокругъ оси въ 1 и 2. Въ одномъ положеніи выпы чашечка 1 соединена съ 3, а 2 съ 4; въ другомъ положеніи соединяются 1 съ 5 и 2 съ 6.

Чашечки 5 и 4, а также 6 и 3 соединяются другъ съ другомъ посредствомъ крѣпкихъ, заключенныхъ въ кругѣ, изолированныхъ проволокъ. Въ одномъ положеніи токъ проходитъ, слѣдовательно, по пути $+eb36E_1E_54cf-$, въ другомъ $+ed_5EE_16gf2-$.

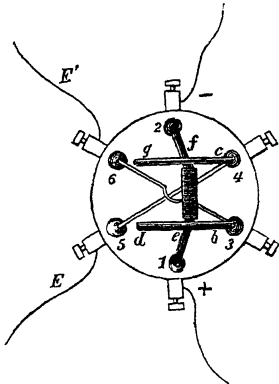

Рис. 45.

17. Ключъ. Для замыканія и размыканія тока употребляется ключъ, изображенный на рис. 46. Нажимая рукоятку В, мы будемъ или размыкать токъ, если онъ проходитъ по проволокамъ А и L, или замыкать, если онъ идетъ по проволокамъ L и Р, или же размыкать одного тока и замыкать въ тоже время другой.

Въ мѣстахъ замыканія и размыканія тока устраиваются обыкновенно платиновые контакты, такъ какъ другіе металлы очень скоро окисляются подъ вліяніемъ размыкательныхъ искръ, что значительно затрудняетъ прохожденіе тока.

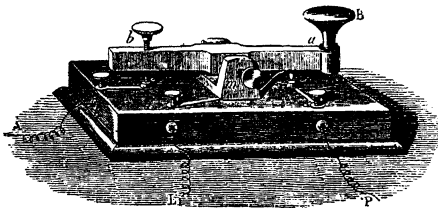

Рис. 46.

18. Индукціонные аппараты. Если мы будемъ пропускать постоянный или гальванический токъ отъ описанныхъ элементовъ по спиральной проволоки, вокругъ которой

обмотана на нѣкоторомъ разстояніи другая спиральная проволока, то въ этой послѣдней, всякій разъ при замыканіи и размыканіи тока въ первой спирали, будетъ появляться такъ называемый индуктивный или наведенный токъ. Тоже явленіе будетъ наблюдаться, если вмѣсто перерывовъ тока мы просто будемъ приближать и удалять вторую катушку, или ослаблять и усиливать токъ первой

катушки. Это явление называется *вольта-электрической индукцией*. Далѣе, если вмѣсто первой спирали мы возьмемъ кусокъ намагниченного желѣза и будемъ то вдвигать его внутрь второй катушки, то выдвигать, то въ ней также появится прерывистый наведенный токъ. Это—явленіе *магнито-электрической индукціи*. Аппаратъ для получения индуктивныхъ или фарадическихъ токовъ устривается слѣдующимъ образомъ: изъ элемента *D* (рис. 47) токъ направляется къ столбику *S*, по пружинѣ *F*, въ винтъ *b*, затѣмъ по проволоку первичной спирали, внутри которой заложенъ кусокъ мягкаго желѣза для усиленія индукціи, далѣе вокругъ подковообразнаго куска желѣза *H* по *f* и *g* обратно въ элементъ. Какъ только токъ будетъ замкнутъ, конецъ пружины *e* будетъ притянутъ къ желѣзу *H*, которое станетъ электромаг-

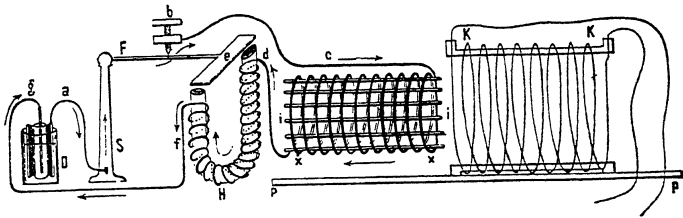

Рис. 47.

нитомъ, и въ тотъ же моментъ пружина *F* отойдетъ отъ винта *b* и токъ прервется; вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится и притяженіе со стороны *H*, что заставитъ пружину *F* опять прижаться къ винту *b*, токъ опять замкнется и т. д.

Наведенный токъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше разстояніе между катушками и чѣмъ большее число оборотовъ проволоки имѣетъ вторичная спираль.

Рис. 47 изображаетъ схему такъ называемаго *саннаго аппарата Du Bois-Reymond'a* (рис. 48). Вторичная катушка этого аппарата можетъ скользить по скалѣ съ дѣленіями, которыми и опредѣляется разстояніе между первичной и вторичной катушкой.

Международный конгрессъ электриковъ въ Парижѣ въ 1881 году принялъ, что для опредѣленія индуктивныхъ токовъ въ электротерапіи достаточно указать разстояніе между катушками

саннаго аппарата Du Bois-Reymond'a, предполагая, что онъ изготовленъ по образцу, размѣры котораго приняты за нормальные, и что въ первичной катушкѣ всегда проходитъ одинъ и тотъ же токъ (наприм., отъ одного элемента Даніэля). Коммиссія рекомендовала, какъ образецъ, аппаратъ употреблявшійся въ физиологической лабораторіи въ Берлинѣ. По образцу этого аппарата и изготовляются такъ называемые нормальные индукціонные аппараты Du Bois-Reymond'a.

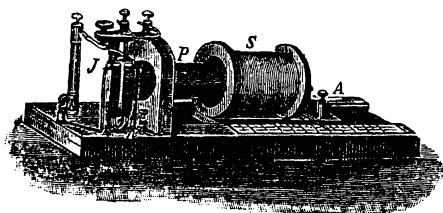

Рис. 48.

Существуютъ различныя видоизмѣненія индукціонныхъ аппаратовъ, но они такъ мало разнятся между собою, что не заслуживаютъ отдѣльнаго описанія. Изъ нихъ надо упомянуть о *спирали Рунккорффа*, которая часто употребляется для индукціонныхъ

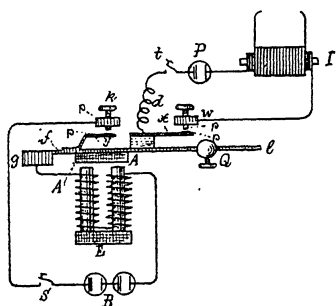

Рис. 49.

искрѣ и Гейслеровыхъ трубокъ, для чего предпочтительнѣе маленькія спирали, такъ какъ въ нихъ быстрѣе возбуждается электромагнетизмъ, вслѣдствіе малыхъ размѣровъ желѣзнаго стержня.

Прерыватель тока, изображенный на рис. 41, называется *молоточкомъ Wagner'a*. Изъ видоизмѣненій заслуживаетъ вниманія такъ-называемый *двойной прерыватель* (рис. 49), въ которомъ для молоточка употребляется отдѣльный токъ, а не тотъ, который проходитъ и по спирали, такъ что молоточекъ служитъ какъ для прерыванія своего specialнаго тока, такъ съ помощью особыхъ контактовъ и для прерыванія тока спирали.

Токъ изъ батареи *B* идетъ по спирали электромагнита *E*, затѣмъ по прокрѣпленію *G* и по пружинѣ *f* къ якорю *A*; изъ прикрѣпленной къ якорю пружинѣ *y* къ регулирующему винту *k*.

Мѣста соприкосновенія pp покрыты платиной. Отсюда черезъ ключъ S токъ возвращается въ батарею. Измѣняя напряженіе пружины посредствомъ винта k и посредствомъ передвиженія тяжести Q по стержню l , можно измѣнять быстроту колебаній якоря. Такой прерыватель называется *молоточкомъ Neff'a*. На рычагѣ якоря A прикрѣпляется изолированный контактъ, состоящій изъ подвижной проволоки d , мягкой пружины x и винта w . Вслѣдствіе этого токъ, проходящій изъ батареи P черезъ ключъ t въ первичную спираль I , будетъ прерываться въ зависимости отъ движенія якоря A .

Токъ, проходящій по молоточку Neff'a, ослабляется вслѣдствіе индукціонныхъ токовъ, возникающихъ въ спирали электромагнита E , что оказываетъ неблагоприятное вліяніе при измѣреніи силы тока, тогда какъ во второй цѣпи такого побочнаго ослабленія тока не происходитъ, почему двойной прерыватель и употребляется тамъ, гдѣ необходимо измѣрять силу индуцирующаго тока.

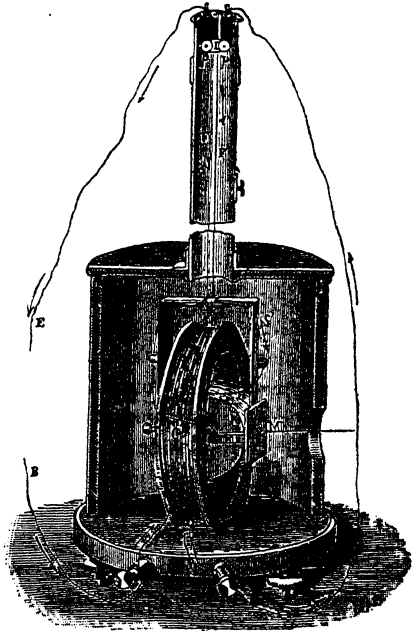

Рис. 50 .

19. Электродинамометръ.

Индукціонные токи замыканія и размыканія по направленію противоположны, такъ что токъ вторичной спирали постоянно мѣняетъ свое направленіе. Поэтому онъ не можетъ быть измѣренъ съ помощью гальванометра, стрѣлка котораго будетъ получать рядъ толчковъ въ противоположномъ направленіи. Для измѣренія переменныхъ токовъ пользуются поэтому инструментами, въ которыхъ отклоненіе происходитъ въ одну и ту же сторону при всякомъ направленіи тока, такъ называемыми электро-

динамометрами. *Электродинамометръ Weher'a* (рис. 50) устроенъ слѣдующимъ образомъ:

На двухъ проводящихъ токъ проволокахъ F и F_1 подвѣшена подвижная катушка K , перпендикулярно къ неподвижной катушкѣ C . Каждая изъ катушекъ обмотана очень много разъ тонкой мѣдной проволокой, концы которой такъ соединены между собою, что одинъ и тотъ же токъ одновременно проходитъ по обѣимъ катушкамъ. Но, такъ какъ два направленныхъ подъ угломъ тока притягиваются, если оба текутъ къ точкѣ пересѣченія или отъ нея, и два угловыхъ тока отталкиваютъ другъ друга, если одинъ направляется къ точкѣ пересѣченія, а другой течетъ отъ нея,—то подвижная катушка K стремится стать параллельно неподвижной катушкѣ C , а прикрѣпленное къ ней зеркальце M даетъ отклоненіе, совершенно независящее отъ направленія тока, такъ какъ послѣдній одновременно мѣняется въ обѣихъ катушкахъ.

20. Фарадимеръ Edelmann'a. Инструменты располагаются въ двѣ группы (рис. 51), чтобы избѣгнуть дѣйствія электромагнитовъ на гальванометръ. Первая группа, помѣщенная на полкѣ, состоитъ изъ гальванометра g , трехъ элементовъ Грене ABC и реостата W . Вторая группа, помѣщаемая на столѣ, содержитъ двойной прерыватель b и индукціонный аппаратъ S . Обѣ группы соединены шнуромъ изъ четырехъ проволокъ. Элементъ C служитъ исключительно для того, чтобы приводить въ дѣйствіе двойной прерыватель. Элементы A и B доставляютъ токъ по проводникамъ bn и am въ первичную спираль. Однако этотъ токъ, чтобы можно было установить его опредѣленную силу, проходитъ еще черезъ нейзильберную, спирально изогнутую двойную проволоку W , сопротивленіе которой, въ случаѣ надобности можетъ быть увеличено посредствомъ штифтовъ n и r , причемъ n равно сопротивленію всей проволоки W , а r вдвое больше. При вращеніи рукоятки K подвижной контактъ D скользитъ направо или налѣво, въ зависимости отъ вращенія, и такимъ образомъ сопротивленіе первичнаго тока измѣняется по желанію, пока сила его не достигнетъ 0,4 А, что можно отмѣтить по гальванометру g . Индукціонный аппаратъ совершенно подобенъ санному аппарату Du Bois-Reymond'a, только на скалѣ R нанесены не произвольныя дѣленія въ 1 сантиметръ, а указано напряженіе тока вторичной спирали въ вольтахъ соотвѣтственно разстоянію

спиралей при размыканіи первичнаго тока въ 0, 4 А. Вторичный токъ появляется на винтахъ *xu* и оттуда идетъ къ электродамъ *ML*.

Употребляется фарадимеръ слѣдующимъ образомъ: гальванометръ устанавливается на нуль, стержни *ABC* опускаются внизъ,

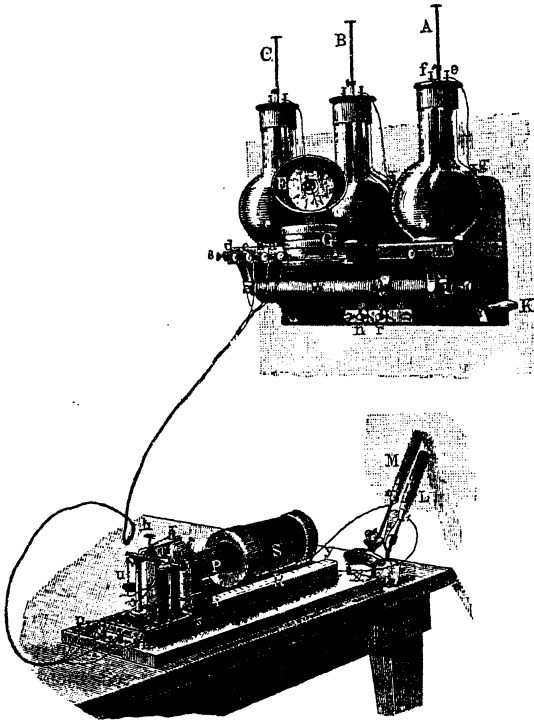

Рис. 51.

и цинки погружаются въ 5% водный растворъ хромовой кислоты, послѣ того какъ установлены необходимыя соединенія проволоки *dp*, *co*, *bn*, *at*, *xL*, *yM*. Затѣмъ прерыватель устанавливается на желаемое число перерывовъ, токъ замыкаютъ, вращаютъ рукоятку *K*, пока игла гальванометра не покажетъ нормальной силы тока. Наконецъ, ставятъ вторичную спираль *S* на соотвѣт-

ствующее дѣленіе и прикладываютъ электроды. Время отъ времени провѣряютъ показанія гальванометра и регулируютъ силу тока.

Опредѣленіе силы вторичнаго тока при раздѣленіи скалы совершается при изготовленіи инструмента съ помощью электродинамометра.

Справочныя книги. А. Нюдз: Электрическіе элементы. Пер. Д. Голова, СПб. 1891. Э. Ренъе: Электрическіе аккумуляторы. Пер. Д. Голова, СПб. 1890. А. Гано: Полный курсъ физики. Пер. Ф. Павленкова и В. Черкасова, СПб. 1892. I. Horweg: Медицинская электротехника. Пер. А. Самойлова СПб. 1894. Th. Edelmann: Electrotechnik für Ärzte, München, 1890. Ж. Жуберъ: Основы ученія объ электричествѣ. Пер. подъ ред. проф. А. Г. Столѣтова. М. 1892. R. Lewandowski: Elektrodiagnostik und Electrotherapie. Wien, 1892.

II.

Занятія въ лабораторіи.

22. Кратчайшее время простой реакціи.

Кромѣ изложеннаго выше (12, стр. 70) способа полученія короткихъ реакцій я пользовался и другимъ еще болѣе простымъ, хотя, въ общемъ, и менѣе удобнымъ для правильныхъ опытовъ способомъ, который однако съ совершенной ясностью обнаруживаетъ короткія реакціи. Именно, я бралъ приведенный въ движеніе хронографъ Марая и прикасался имъ къ движущейся закопченной бумагѣ. Въ тотъ моментъ, какъ онъ начиналъ чертить на ней кривую, я быстро отнималъ его. По отношенію къ движенію руки условія опыта отличались отъ вышеприведенныхъ тѣмъ, что здѣсь двигалась, постепенно опускаясь и затѣмъ быстро поднимаясь, вся рука, лишенная опоры. Я стоялъ около кимографа на ногахъ и держалъ хронографъ въ полусогнутой въ локтѣ рукѣ. Движенія не всегда были вполне точны, и нерѣдко реакціи бывали неудачны, особенно въ томъ случаѣ, если бумага двигалась съ большою быстротой и зрительное воспріятіе прикосновенія пера къ бумагѣ не могло быть получено. Полученныя отмѣтки изображены на рис. 52.

Уже при первомъ взглядѣ на рисунокъ видно, какъ неравномѣрны были реакціи. Однако между ними совсѣмъ не оказывается очень длинныхъ реакцій, такъ какъ наиболѣе длинныя

5, 15, 15 все таки не превосходятъ 50 σ (0.05 сек.). Наименьшія реакціи равняются 20 и даже 15 σ (7 и 8).

Конечно, приведенный способъ не можетъ быть пригоденъ для точныхъ опытовъ, и интересъ его заключается только въ томъ, что, не смотря на его несовершенство, онъ тѣмъ не менѣе подтверждаетъ, что простыя реакціи могутъ быть очень малыми, не будучи преждевременными.

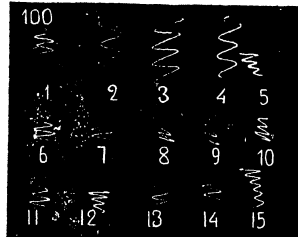

Рис. 52.

23. Память словъ.

Были взяты 10 словъ, не имѣющихъ между собою никакой связи: начало, мысль, оттѣнокъ, гроза, ванна, колесо, запятая, колѣно, грусть, опека. Слова эти были произнесены мною возможно отчетливо. Каждое произнесенное слово быстро писалось мѣломъ на черной доскѣ и немедленно стиралось. Затѣмъ произносилось слѣдующее слово, которое также писалось и немедленно стиралось. Записываніе словъ дѣлалось для того, чтобы поставить воспріятіе словъ въ условія наиболѣе благоприятныя: такимъ образомъ устранялись возможныя неточности исключительно слухового воспріятія, что имѣетъ очень большое значеніе такъ какъ, если бы записываніе не было сдѣлано, мы не имѣли бы возможности отличить неправильно воспринятія слова отъ неправильно воспроизведенныхъ. Правда, при записываніи словъ память зрительная усиливала память слуховую, но тѣмъ болѣе значенія приобрѣтали отмѣченныя особенности воспроизведенія.

Въ опытѣ приняли участіе 23 человѣка, студенты, слѣдовательно лица вполне интеллигентныя и привыкшія концентрировать вниманіе. Всѣ хорошо понимали цѣль опыта и потому никакихъ предупреденій относительно того, чтобы не было заимствованій, не было сдѣлано.

Какъ только было произнесено, написано и стерто послѣднее слово, слова стали записываться въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были произнесены. Если записывающій помнилъ слово, и не помнилъ его мѣста, онъ ставилъ послѣ слова знакъ во-

ва не произнесенныя, но записанныя, представляющія собою ни что иное, какъ продуктъ творчества ихъ авторовъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ опытахъ принимали участіе лица избранныя, вполне интеллигентныя и сознательно относившіяся къ происходящему, — и въ результатъ четверо изъ нихъ удостовѣрили что между произнесенными и записанными передъ ними десятью словами находились слова «лампа», «звукъ» и «сомнѣніе». Важность этого обстоятельства увеличивается еще тѣмъ, что слово «лампа» было записано двумя лицами, т.-е. было, вѣроятно, заимствовано и, слѣдовательно, вытѣснило или, лучше сказать, заняло мѣсто правильнаго воспоминанія, что заставляетъ поставить вопросъ: еслибы слово «лампа» стало извѣстнымъ всѣмъ или многимъ изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ опытахъ, сколько явилось бы ложныхъ воспроизведеній или, другими словами, совершенно одинаковыхъ ложныхъ показаній?

Съ этимъ вопросомъ о творествѣ въ воспроизведеніи намъ придется встрѣтиться и далѣе, когда рѣчь будетъ итти о памяти фразъ и отрывковъ.

А. Токарскій.

III.

24. Память словъ по Binet и Henri.

A. Binet et V. Henri: La memoire des mots. L'année psychol. 1894.

Подъ выраженіемъ память словъ въ работѣ А. Binet и V. Henri разумѣется способность удержать въ памяти рядъ отдѣльных словъ, не имѣющихъ между собой связи, въ томъ или другомъ предложенномъ порядкѣ; таковъ, на примѣръ, рядъ: лошадь, лѣстница, добродѣтель, жилище, спряженіе и т. д.

Опыты распадаются на двѣ группы: одни были произведены въ четырехъ классахъ начальной школы для мальчиковъ въ Парижѣ, другіе опыты съ отдѣльными лицами производились въ лабораторіи. Въ первомъ случаѣ въ каждомъ классѣ участвовало въ опытѣ по нѣскольку десятковъ учениковъ. Разъяснивъ ученикамъ, что они должны сдѣлать, директоръ школы прочитывалъ въ присутствіи авторовъ рядъ словъ, которыя тотчасъ по окончаніи чтенія (но не раньше, за чѣмъ слѣдили сами авторы) предлагалось ученикамъ записать.

Въ опытахъ, произведенныхъ въ лабораторіи, участвовало до 10 человекъ взрослыхъ, 7 мужчинъ и 3 женщины. Каждому изъ участвовавшихъ отдѣльно прочитывалось 7 словъ, со скоростью, позволяющей произносить 2 слова въ секунду, затѣмъ это лице

сейчасъ же должно было повторить удержанныя въ памяти слова, сохраняя по возможности ихъ расположеніе. Число удержанныхъ въ памяти словъ записывалось, послѣ чего прочитывалось еще 7 словъ, которыя также предлагалось повторить. Такимъ образомъ каждому прочитывалось 7 серій словъ по 7 въ каждой. По прочтеніи всѣхъ 7 серій предлагалось еще разъ назвать всѣ удержанныя въ памяти слова изъ всѣхъ 49 прочитанныхъ, и въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, приходилось припоминать слова не тотчасъ же по прочтеніи, а уже черезъ нѣсколько минутъ и такъ какъ весь опытъ длился 5—6 минутъ, то слѣдовательно этотъ промежутокъ времени и былъ maximum'омъ, отдѣлявшимъ актъ воспріятія отъ акта воспроизведенія, воспріятого въ сознаниі. Между этими двумя формами воспоминанія обнаружилась разниа, какъ и можно было ожидать: немедленное воспоминаніе оказалось полнѣе. По окончаніи опыта авторы спрашивали каждаго изъ участвовавшихъ о его впечатлѣніи, о способахъ запоминанія, употребляемыхъ имъ, и о томъ, въ какой формѣ удерживались въ памяти прочитанныя слова, и всѣ полученные отвѣты записывались. Этому анализу психологическихъ условій запоминанія авторы придають очень большое значеніе, и опыты, гдѣ онъ возможенъ, предпочитаютъ коллективнымъ опытамъ въ школахъ и т. п.; при комбинаціи же эти двѣ формы дополняютъ одна другую.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что списокъ предлагаемыхъ для запоминанія словъ никогда не показывался лицамъ, участвовавшимъ въ опытѣ, а только прочитывался, и всѣ участвовавшія лица утверждаютъ, что они воспринимали лишь звуковое впечатлѣніе, не стараясь представить себѣ слово напечатаннымъ и запомнить въ этой формѣ. Исслѣдованія М. Ribot показали, что есть лица, которыя для запоминанія употребляютъ именно этотъ приемъ, но такихъ лицъ очень немного. Среди участвовавшихъ въ опытахъ Binet и Непгі оказалась одна молодая дѣвушка, одаренная цвѣтнымъ слухомъ. Воспринимаемое звуковое впечатлѣніе вызывало въ ней зрительный цвѣтной образъ и при воспоминаніи она пользовалась этими зрительными образами; тѣмъ не менѣе изъ 49 прочитанныхъ словъ она запомнила только 10.

Среди участвовавшихъ обратилъ на себя особое вниманіе авторовъ докторъ Ch., который пользовался для запоминанія нѣсколькими зрительными схемами. Одна изъ этихъ схемъ, изображающая длительность года, имѣетъ форму эллипсиса; авторъ представляетъ себя стоящимъ внутри этого эллипсиса; различныя

даты и событія, имѣющія отношенія къ нимъ онъ приурочиваетъ къ различнымъ мѣстамъ этого эллипсиса, или пользуется другими подобными схемами. При запоминаніи онъ старается лишь подыскать соотвѣтствующее мѣсто данному понятію на схемѣ, не вызывая въ себѣ никакихъ зрительныхъ образовъ, соотвѣтствующихъ этому понятію. Авторы замѣчаютъ, что въ опытахъ очень полезно знать подобныя индивидуальныя психологическія особенности участвующаго, и надѣются, что будущія изслѣдованія раскроютъ ихъ значеніе.

II.

Количество отдѣльныхъ словъ, удерживаемыхъ въ памяти послѣ того, какъ они прослушаны только одинъ разъ, измѣняется для различныхъ лицъ въ зависимости отъ возраста и отъ общаго ихъ количества.

Вліяніе возраста. Въ опытахъ, произведенныхъ въ школѣ, гдѣ участвовали дѣти въ возрастѣ приблизительно отъ 7 до 12 лѣтъ, авторамъ не удалось точно прослѣдить вліяніе возраста въ данныхъ предѣлахъ, такъ какъ всегда въ подобнаго рода коллективныхъ опытахъ являются условія, нарушающія строго-научную систематичность и часто маскирующія результатъ. Тѣмъ не менѣе количество словъ, удержанныхъ въ памяти учениками 1-го (старшаго) класса, превышало количество словъ, удержанныхъ учениками 4-го (младшаго) класса, хотя въ среднихъ эта разница выражается лишь нѣкоторою дробью.

Полученные результаты приведены въ слѣдующей таблицѣ:

Таблица I.

Количество прочитанныхъ словъ.	1-й классъ.		2-й классъ.		3-й классъ.		4-й классъ.	
	32 ученика.		32 ученика.		32 ученика.		32 ученика.	
	Количество забытыхъ словъ.	Средн. кол. словъ удерж. въ памяти.	Количество забытыхъ словъ.	Средн. кол. словъ удерж. въ памяти.	Количество забытыхъ словъ.	Средн. кол. словъ удерж. въ памяти.	Количество забытыхъ словъ.	Средн. кол. словъ удерж. въ памяти.
5	13	4,6	15	4,58	14	4,6	10	4,63
6	34 } 25	4,9	54 } 54	4,4	54 } 46	4,6	56 } 53	4,3
6	36 } 25	4,9	54 } 54	4,4	38 } 46	4,6	50 } 53	4,3
7	66 } 67	4,9	83 } 80	4,8	62 } 65	4,9	61 } 74	4,6
7	68 } 67	4,9	78 } 80	4,8	68 } 65	4,9	87 } 74	4,6

Какъ видно изъ таблицы, среднія, полученныя для учениковъ 2 класса, болѣе приближаются къ среднимъ для учениковъ 4 класса, чѣмъ къ среднимъ ближайшихъ къ нимъ по возрасту учениковъ 1 и 3 классовъ, что можно поставить въ связь съ замѣчаніемъ директора о малой успѣшности учениковъ этого класса, сдѣланнаго имъ передъ опытомъ.

Данныя полученныя для взрослыхъ въ лабораторіи выражаются въ слѣдующей таблицѣ:

Таблица II.

Имена.	Изъ 7 словъ удержанныхъ въ памяти.				
	3 слова.	4 слова.	5 словъ	6 словъ.	7 словъ.
г-жа В.	1 разъ.	3 раза.	8 разъ.	23 раза.	4 раза.
г. В.	0 "	4 "	6 "	22 "	9 "
г. Ph.	0 "	1 "	2 "	6 "	5 "
г. С.	1 "	1 "	12 "	14 "	12 "
г. Н.	2 "	4 "	12 "	13 "	3 "
Общая для 168 серій по 7 словъ въ кажд.	4	13	40	178	33
	Въ среднемъ 5,7 на 7 словъ.				

Средняя для учениковъ (отъ 7 до 12 лѣтъ) выразится цифрою 4,7, т.-е. на единицу меньше, чѣмъ для взрослыхъ. Подобные же результаты получили и другіе изслѣдователи: Bourdon (Rev. Phil. août 1894), Bolton (Amer. Jour. of. Psych. 1892) и Jacobs (Mind XII). Послѣдніе два автора изучали память цифръ и повѣрочные опыты Binet подтвердили ихъ выводъ. Опыты съ зрительною памятью длины линий, произведенные Binet и Henpi, дали тоже подобные результаты, такъ что на основаніи всѣхъ этихъ работъ можно сдѣлать выводъ, что способность запоминать слова тотчасъ по прочтеніи ихъ другимъ лицомъ увеличивается съ возрастомъ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что все сказанное относится къ акту воспоминанія нѣсколько искусственному, сопровождаемому особымъ напряженіемъ вниманія, который конечно отличается весьма существенно отъ акта воспоминанія самостоятельнаго, обычно имѣющаго мѣсто въ жизни, и очень возможно, что эта послѣдняя способность и развита у дѣтей сильнѣе, чѣмъ у взрос-

лыхъ, какъ обыкновенно думаютъ, тѣмъ не менѣе къ этому произвольному и такъ широко распространенному въ обществѣ утвержденію слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью.

Вліяніе общаго количества словъ, представляемыхъ для запоминанія. Это вліяніе можно прослѣдить въ приведенной уже таблицѣ I. Въ первомъ классѣ, напримѣръ, при записываніи таблички въ 5 словъ, изъ 33 дѣтей ошибки встрѣтились у 13, остальные же записали всѣ слова (см. таблицу). Простое вычисленіе даетъ слѣдующія среднія:

Изъ серіи въ 5 словъ запомнили 4 слова 6 человекъ.

" " " 6 " " 4 " 9 "

" " " 7 " " 4 " 9 "

Т.-е по мѣрѣ увеличенія количества прочитываемыхъ словъ увеличивается и число словъ удерживаемыхъ въ памяти, но это увеличеніе очень мало.

Въ слѣдующей табличкѣ приведены результаты опытовъ въ другой школѣ:

Изъ серіи въ 5 словъ удержано въ памяти въ средн. 4,3

" " " 6 " " " " " " 4,6

" " " 7 " " " " " " 5,2

" " " 8 " " " " " " 5,1

" " " 9 " " " " " " 5,6

Съ подобными же опытами, произведенными въ лабораторіи при участіи взрослыхъ, насъ знакомить слѣдующая таблица, составленная для г. X.:

Изъ серіи въ 5 словъ удержано въ памяти 5 словъ.

" " " 10 " " " " " 7 "

" " " 49 " " " " " 17 "

" " " 100 " " " " " 25 "

Обѣ послѣднія таблицы подтверждаютъ выводъ сдѣланный изъ первой.

III.

Способность удерживать слова въ памяти на болѣе или менѣе продолжительное время. Авторы различаютъ способность повторить услышанныя слова тотчасъ по прочтеніи и способность удерживать ихъ въ памяти на нѣкоторое время (*la mémoire*

immédiate de répétition et la mémoire de conservation). Для изслѣдованія послѣдней способности были произведены слѣдующіе опыты:

Въ классѣ, послѣ того какъ были прочитаны и воспроизведены учениками 3—5 серій словъ, предложено было еще разъ записать всѣ тѣ слова, которыя удержались въ памяти изъ всѣхъ прочитанныхъ, причемъ объ этомъ послѣднемъ опытѣ ученики не были предувѣдомлены заранѣе и, слѣдовательно, напряженность ихъ вниманія не была повышена. Слѣдующая таблица выражаетъ результаты такого опыта въ одномъ изъ классовъ (42 ученика), гдѣ было прочитано 3 серіи словъ по 5 въ каждой; приведенныя въ ней цифры представляютъ общее число удержанныхъ въ памяти словъ всѣми учениками, при удержаніи въ памяти всѣхъ словъ ихъ должно бы быть $210 = 42 \times 5$.

	При повто- реніитотчасъ по прочтеніи.	При повто- реніи всѣхъ словъ по окончаніи опытовъ.
Изъ 1-й серіи удержано въ памяти	203	122
” 2-й ” ” ” ”	187	100
” 3-й ” ” ” ”	188	135

Опыты въ другой школѣ дали слѣдующую таблицу забытыхъ словъ:

3-й классъ.

	При повто- реніи тотчасъ по прочтеніи.	При повто- реніи всѣхъ словъ.
Изъ таблицы въ 5 словъ забыто	14	83
” ” ” 6 ” ”	54	154
” ” ” 6 ” ”	38	160
” ” ” 7 ” ”	62	152
” ” ” 7 ” ”	68	116
Общее	236	663

4-й классъ.

	При повто- реніи тотчасъ по прочтеніи.	При повто- реніи всѣхъ словъ.
Изъ таблицы въ 5 словъ забыто	10	46
” ” ” 6 ” ”	56	142

Изъ таблицы въ 6 словъ забыто	50	133
„ „ „ 7 „ „	61	123
„ „ „ 7 „ „	87	142
Общее	264	586

Результаты полученные для взрослыхъ представлены въ таблицѣ III; прочитано было 7 серій словъ по 7 въ каждой, т.-е. 49 словъ.

Таблица III.

Количество словъ удержанныхъ въ памяти.			Общее число.
г-жа В.	Повторен. тотчасъ по прочт.	42, 39, 40, 42, 38	201
	„ всѣхъ словъ . . .	15, 13, 15, 13, 18	74
г. В.	Повторен. тотчасъ по прочт.	42, 39, 42, 40 . . .	163
	„ всѣхъ словъ . . .	12, 17, 13, 13 . . .	55
г. Рн.	Повторен. тотчасъ по прочт.	41, 44	85
	„ всѣхъ словъ . . .	15, 16	31
г. С.	Повторен. тотчасъ по прочт.	43, 38, 44, 31 . .	156
	„ всѣхъ словъ . . .	26, 18, 17, 18 . .	79
г. Н.	Повторен. тотчасъ по прочт.	37, 33, 38, 38, 37	183
	„ всѣхъ словъ . . .	15, 13, 13, 13, 18	74
Общее.	Повторен. тотчасъ по прочт.	Изъ 980 словъ.	888
	„ всѣхъ словъ . . .		313

Изъ всѣхъ этихъ опытовъ можно сдѣлать слѣдующій выводъ: отношеніе количествъ словъ, воспроизводимыхъ при повтореніи тотчасъ по воспріятіи ихъ, къ количеству словъ, удерживаемыхъ въ памяти, колеблется въ предѣлѣ отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$.

IV.

Авторами было замѣчено, что изъ каждой серіи лучше всего запоминаются слова начальныя и конечныя, среднія же запоминаются въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Таблица IV.

	35-ю учениками было забыто:								
	1-е слово	2-е	3-е	4-е	5-е	6-е	7-е	8-е	9-е
Изъ серіи въ 5 словъ.	1	2	2	16	1	—	—	—	—
” ” ” 6 ”	2	1	17	17	5	5	—	—	—
” ” ” 7 ”	1	7	17	4*)	20	5	7	—	—
” ” ” 8 ”	1	5	13	21	22	21	11	5	—
” ” ” 9 ”	6	10	19	17	14	12	23	13	1

Первыя слова запоминаются лучше другихъ, по объясненію авторовъ, потому что они воспринимаются со всей напряженностью вниманія, существующей у даннаго лица, затѣмъ эта напряженность падаетъ и среднія слова запоминаются хуже, послѣднія же—вслѣдствіе наибольшей близости акта воспріятія ихъ къ акту воспроизведенія.

V.

Вліяніе смысла словъ на устѣйность запоминанія ихъ. Въ таблицѣ IV 3-ю серію составляли слѣдующія 7 словъ:

Jaquette. Argent. Wagon. Pupitre. Oiseau. Table. Mouton
 удержано: 24 раза 6 9 23 7 10 8

Слово „pupitre“, несмотря на невыгодное положеніе въ серединѣ серіи, было удержано въ памяти почти столько же, сколько и первое слово. Это обстоятельство, какъ бы противорѣчащее общему положенію, высказанному въ IV главѣ, авторы объясняютъ вліяніемъ смысла этого слова, которое обозначаетъ названіе того стола, на которомъ писали ученики. Чтобы провѣрить замѣченный фактъ, авторы произвели въ 4-хъ классахъ другой школы слѣдующій опытъ: предложено было записать обычнымъ порядкомъ серію въ 6 словъ, въ которой слово „pupitre“ занимало самое невыгодное, 4-е мѣсто. Результатъ выраженъ въ слѣдующей таблицѣ:

*) Это слово „pupitre“ представляетъ исключеніе. См. ниже: Вліяніе смысла словъ.

	Jaquette.	Argent.	Wagon.	Pupitre.	Oiseau.	Table.
1-й кл. (33 уч.) удержано 32 раза	23	24	33	24	33	
2-й " (35 ") "	29	25	18	35	13	29
3-й " (32 ") "	32	27	14	32	18	31
4-й " (32 ") "	30	23	25	30	15	29

что совпадает съ полученнымъ раньше результатомъ.

Подобные же опыты были произведены и въ лабораторіи. Участвовавшія въ опытахъ лица свидѣтельствуютъ, что послѣднія слова серіи записываются по памяти соотвѣтствующаго имъ звука, тогда какъ первыя—по памяти того образа, который имъ соотвѣтствуетъ, т.-е. первыя слова вызываютъ у слушающаго соотвѣтствующіе имъ образы и запоминаются по значенію, къ концу же серіи, при извѣстной быстротѣ чтенія, слушающій утомляется, образы, вызываемые словами не достигаютъ достаточной ясности, путаются или вовсе не возникаютъ, и слова запоминаются только какъ звуки.

Такимъ образомъ оказывается возможнымъ различать *память словъ по значенію* или *память образовъ* и *память по звуку*; соотвѣтственно этому и ошибки въ подобныхъ опытахъ, т.-е. замѣны одного слова другимъ, новымъ, распадаются на двѣ группы: замѣны или ошибки по созвучію и по аналогіи значенія. Такъ какъ слово, воспринятое какъ звукъ и вызвавшее соотвѣтствующій образъ, естественно дольше сохранится въ памяти, чѣмъ слово, воспринятое только какъ звукъ, то ошибки по созвучію должны преобладать въ воспроизведеніяхъ тотчасъ по воспріятію, а ошибки или замѣны по аналогіи значенія—въ воспроизведеніи повторномъ, что и выразилось въ таблицѣ соотвѣтствующей подобнымъ опытамъ:

При воспроизведеніи тотчасъ по воспріятію было поставлено:

Barbillard	вмѣсто	Barbiche	Dignité	вмѣсто	Timidite
Mystique	"	Mutisme	Angle	"	Ange
Langitude	"	Longitude	Fleur	"	Fleuve
Faveur	"	Saveur	Chèvre	"	Poussière
Ouille	"	Grenouille	Crosse	"	Noce
Anesthésie	"	Analgésie	Cuisse	"	Cuistre
Beauté	"	Bonté	Tranche	"	Manche
Psychologie	"	Physiologie	Infirmerie	"	Infirmière
Ecrevisse	"	Crabe	Chemise	"	Brise

При повторномъ произведеніи всѣхъ словъ:

Malaga	вмѣсто	Madére	Fourmi	вмѣсто	Insecte
Voiture	»	Carosse	Voiture	»	Landau
Balbutiement	»	Barbillard	Vitrine	»	Devanture
Aiguille	»	Epingle	Moulin	»	Desmoulins
Amorce	»	Capsule	Poulailler	»	Bassecour

Желая изслѣдовать вопросъ о томъ, какія слова скорѣе и прочнѣе запоминаются,—тѣ ли, которыя легче воспринимаются, или тѣ, которыя воспринимаются съ бѣльшимъ напряженіемъ вниманія, какъ, на примѣръ, слова иностранныя, авторы ввели въ нѣкоторыя, предлагаемыя для запоминанія, серіи иностранныя слова на ряду съ французскими.

Оказалось, что общее количество удержанныхъ въ памяти словъ уменьшилось и иностранныхъ словъ было удержано больше, чѣмъ французскихъ

г. С. запомнилъ 4 фр. слова и 11 англійскихъ

г. В. " 3 " " " 7 "

г. Р. " 3 " " " 11 "

Лицу, которое знало языки: французскій, русскій, англійскій и нѣмецкій, прочитано было 49 словъ въ 7 серіяхъ, причемъ въ каждую серію входили слова всѣхъ четырехъ означенныхъ языковъ, всего было 13 словъ русскихъ и по 12 на остальныхъ трехъ языкахъ.

Удержано при немедленномъ воспроизведе- деніи:	при повторномъ воспроизведеніи:
русскихъ словъ 8	5
французскихъ словъ 7	3
нѣмецкихъ " 7	4
англійскихъ " 10	8
32	20

Больше всего удержано въ памяти англійскихъ словъ. Англійскій языкъ былъ менѣе всѣхъ другихъ извѣстенъ въ этомъ случаѣ, слѣдовательно надо думать, что предпочтительнѣе запоминаются слова, представляющія большую трудность для запоминанія; трудность пробуждаетъ и усиливаетъ вниманіе. Интересно замѣтить, что всѣ участвовавшіе въ опытѣ предполагали, что они запомнятъ французскихъ словъ больше, чѣмъ иностранныхъ

VI.

Ошибки памяти. Различаютъ 2 рода ошибокъ памяти: забывчивость и замѣну одного понятія другимъ. При опытахъ въ школахъ авторы встрѣчали чаще ошибки перваго рода. Тридцати ученикамъ предложено было заучить 1215 словъ.

Было забыто. . .	130	„
„ замѣнено.	31	„

т.-е. этими учениками въ четыре раза больше было забыто словъ, чѣмъ замѣнено. На основаніи этого опыта авторы не считаютъ еще возможнымъ обобщать это правило, замѣчая, что полученное отношеніе колеблется въ зависимости отъ возраста и условий опыта. Подобные опыты со взрослыми дали слѣдующій результатъ: на 130 забытыхъ словъ приходится только 5 замѣнъ. Сопоставленіе данныхъ опытовъ въ школахъ и опытовъ въ лабораторіи позволяетъ думать, что возрастъ участвующихъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ измѣненіе условий опыта.

Ошибки по забывчивости. Здѣсь можно различать два случая: забывается названіе или забывается самое понятіе обозначаемое словомъ. Первый изъ нихъ заключается, конечно, и во второмъ. Если забыто только названіе, то при прочтеніи новаго списка словъ, въ который включены и забыты слова, послѣднія узнаются. При соотвѣтствующемъ опытѣ, оказалось, узнано 100 словъ и не узнано 6 словъ.

Замѣна словъ. Здѣсь можно различать 5 группъ: I) Замѣна слова другимъ, рифмующимъ съ первымъ, наприм.: *jaquette* вмѣсто *serviette* или *voilette*, *couteau* вмѣсто *bâteau*, или рифмующимъ съ какимъ-нибудь изъ удержанныхъ въ памяти словъ. II) Замѣна по созвучію *feuille* вмѣсто *fleur*. III) Замѣна по сходству значеній *chaise* или *bureau* вмѣсто *table*. IV) Замѣна словомъ, имѣвшимъ мѣсто въ предыдущей серіи, и V) Замѣны случайныя. Опыты, произведенные въ лабораторіи, дали подобный же результатъ, причѣмъ случайныя замѣны почти отсутствовали.

VII.

Процессъ припоминанія. Авторы считаютъ этотъ вопросъ наименѣе изученнымъ и извѣстнымъ, такъ какъ каждая система и каждая школа предрѣшала его а priori. Нѣкоторые психологи

видятъ главный механизмъ этого процесса въ ассоціаціи идей по смежности и по сходству.

Опыты же авторовъ заставляютъ предполагать существованіе другого психическаго процесса, который не можетъ быть истолкованъ ассоціаціей идей по смежности или по сходству. Каждое лице, припоминая прослушанныя 49 словъ, дѣлаетъ нѣкоторое особое усиліе, въ которомъ авторы и просили участвовавшихъ отдать себѣ отчетъ. Полученные отвѣты даютъ возможность установить слѣдующія слагающія этого процесса: I—воспроизведеніе (возсозданіе) въ памяти звукового образа, II—воспроизведеніе слова по аналогіи съ другимъ, уже присутствующимъ въ сознаніи, III—воспроизведеніе вслѣдствіе ассоціаціи по смежности, IV—воспроизведеніе автоматическое безъ всякаго отношенія къ другимъ словамъ и окружающимъ условіямъ и V—воспроизведеніе того или другого слова въ связи съ сознательнымъ воспроизведеніемъ всей обстановки опыта. Можно предположить, что направленіе вниманія играетъ въ этомъ процессѣ первенствующую роль.

А. Касаткинъ, студ. ест.

25. Опыты съ прикосновеніемъ къ кожѣ въ одной точкѣ.

T a w n e y. The Perception of Two Points not the Space Threshold. Princeton Contrib. to Psychology. Vol. I, 1896.

Опыты, описанныя въ названной статьѣ, были предприняты ея авторомъ въ связи съ опытами по опредѣленію вліянія упражненія на воспріятіе двухъ точекъ прикосновенія. Какъ извѣстно, тонкость нашего осязанія опредѣляется разстояніемъ, на которомъ два прикосновенія не сливаются въ одно, но воспринимаются какъ отдѣльныя. Опыты опредѣленія для разныхъ частей тѣла наименьшаго разстоянія двухъ точекъ прикосновенія, воспринимаемыхъ какъ отдѣльныя, или такъ называемаго *пространственнаго порога осязанія*, производились въ большемъ количествѣ со временъ перваго изслѣдователя этой области Вебера. Но эта работа оказалась не совсѣмъ легкой въ виду затрудненія, куда отнести случаи невѣрнаго воспріятія, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ порогу осязанія. Tawney обратилъ вниманіе на то, что прежніе изслѣдователи увеличивали затрудненіе тѣмъ, что требовали отъ изслѣдуемыхъ лицъ простыхъ отвѣтовъ, наприм. «двѣ точки», «болѣе, чѣмъ одна точка», «неясно», «одна простая точка»,—и

рѣшилъ при своихъ опытахъ не требовать отвѣтовъ по заранѣе опредѣленнымъ формуламъ, а подробно допрашивать изслѣдуемыхъ лицъ относительно пространственнаго характера испытываемаго прикосновенія. Tawney приводитъ, въ видѣ двухъ таблицъ, результаты своихъ опытовъ надъ шестью лицами. Въ первой таблицѣ сгруппированы 667 случаевъ, въ которыхъ чувствовалось одно прикосновеніе, тогда какъ, въ дѣйствительности, прикосновеніе производилось то въ одной точкѣ, то въ двухъ на разстояніи меньшемъ порога осязанія, то въ двухъ около порога осязанія и, наконецъ, въ двухъ на разстояніи большемъ порога осязанія. Отвѣты, которые при этомъ были получены, таковы: «небольшое», «острое» или «точечное», «среднее», «крѣпкое» или «хорошее», «широкое», «тупое» или «пространственное (extended)» и «линейное». Слово «хорошее» употреблялось почти всѣми и имѣло смыслъ—«средней величины», «крупное», «массивное (solid)», «легко распознаваемое».

Таблица I.

	Раздраженіе.				Отвѣты.			
	Ислѣдуемая лица:	Одна точка.	Двѣ точки менѣе порога осязанія.	Двѣ точки около порога осязанія.	Двѣ точки болѣе порога осязанія.	Небольшое, острое, точечное.	Среднее, хорошее, крѣпкое.	Широкое, массивное, протяженное.
Ar.	12	—	—	—	2	7	1	2
	—	84	—	—	11	30	3	40
	—	—	58	—	—	20	11	27
	—	—	—	13	—	1	3	9
H.	45	—	—	—	23	5	12	5
	—	27	—	—	6	6	11	4
	—	—	3	—	—	1	2	—
St.	26	—	—	—	7	6	2	11
	—	22	—	—	3	3	6	10
	—	—	3	—	—	—	—	3
A. M.	3	—	—	—	3	—	—	—
	—	39	—	—	10	2	27	—
	—	—	20	—	—	11	10	—
	—	30	—	—	10	10	8	2
	—	—	84	—	7	17	10	56
Hef.	—	—	—	—	4	6	9	58
	—	—	77	—	—	1	2	18
	—	—	—	21	—	—	—	—
	56	—	—	—	15	15	17	9
T.	—	22	—	—	12	2	4	4
	—	—	—	—	—	2	1	1
	—	—	4	—	—	2	3	—
	—	—	—	8	—	4	—	—

Во второй таблицѣ классифицированы 1063 опыта, когда чувствовались и описывались два прикосновения. Опыты эти могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы: въ одной обѣ точки прикосновения чувствовались какъ одинаковыя, а въ другой — какъ разныя. Отвѣты были такіе же, какъ приведенные въ первой таблицѣ.

Таблица II.

Исслѣдуемая лица	Раздраженіе.	Два прикосновения чувствуются какъ одинаковыя.				Два прикосновения чувствуются какъ разныя.		
		Небольшія, острая, точечныя.	Среднія, круглыя, хорошія.	Широкія, тупыя.	Линія, двѣ точки, сослѣдственныя линіей	Одна большая, другая маленькая.	Одна продолговатая, другая круглая.	Двѣ несходныя точки, сослѣд. линіей.
Аг.	Въ одной точкѣ.	—	—	—	—	1	—	—
	Въ 2-хъ на разстояніи меньшемъ порога осязанія.	10	5	2	1	20	10	5
	Въ 2-хъ на разстояніи около порога осязанія.	15	12	5	6	26	16	3
St.	Въ 2-хъ на разстояніи большемъ порога осязанія.	25	20	15	1	2	—	—
	Въ одной точкѣ.	28	25	6	23	8	5	2
	Въ 2-хъ на разстояніи меньшемъ порога осязанія.	31	20	13	30	11	4	4
A.M.	Въ 2-хъ на разстояніи около порога осязанія.	5	5	6	5	1	1	1
	Въ 2-хъ на разстояніи большемъ порога осязанія.	7	9	13	3	2	1	—
	Въ одной точкѣ.	5	1	—	—	2	—	—
H.	Въ 2-хъ на разстояніи меньшемъ порога осязанія.	3	—	—	—	7	—	—
	Въ 2-хъ на разстояніи около порога осязанія.	6	7	4	1	3	4	—
	Въ 2-хъ на разстояніи большемъ порога осязанія.	5	22	1	—	7	—	—
Ta.	Въ одной точкѣ.	22	22	10	8	1	—	—
	Въ 2-хъ на разстояніи меньшемъ порога осязанія.	7	5	1	2	20	5	10
	Въ 2-хъ на разстояніи около порога осязанія.	4	3	1	5	25	3	16
Ta.	Въ 2-хъ на разстояніи большемъ порога осязанія.	23	19	7	2	2	—	—
	Въ одной точкѣ.	50	21	1	27	38	4	6
	Въ 2-хъ на разстояніи меньшемъ порога осязанія.	7	2	—	—	6	1	—
Ta.	Въ 2-хъ на разстояніи около порога осязанія.	4	1	—	2	2	—	—
	Въ 2-хъ на разстояніи большемъ порога осязанія.	61	32	4	15	15	—	5

На основаніи этихъ опытовъ Tawney считаетъ возможнымъ прийти къ слѣдующимъ выводамъ:

Опыты показываютъ, что воспріятіе двухъ точекъ происходитъ при условіяхъ слишкомъ разнообразныхъ, чтобы можно было считать его за первичное осязательное воспріятіе пространственности.

Такъ называемаго «пространственного порога осязанія» не существуетъ, потому что нѣтъ осязательнаго ощущенія, которое бы не обладало уже пространственнымъ характеромъ, даже если оно производится концомъ иглы. Воспріятіе прикосновенія, произведеннаго даже только въ одной точкѣ, по мнѣнію автора, имѣетъ уже въ себѣ данныя для образованія идеи трехъ измѣреній посредствомъ сравненія съ другими точечными прикосновеніями, т.-е. посредствомъ обыкновеннаго процесса отождествленія и различенія, которому подлежатъ всѣ наши ощущенія.

Пространственный порогъ ощущенія является извѣстнымъ моментомъ ощущеній, когда пространственность или протяженность впервые входитъ въ сознаніе; что же касается пространственнаго порога (Raumschwelle) Вебера и Фехнера, то онъ является, по мнѣнію автора, моментомъ, когда входятъ въ сознаніе ощущенія двухъ одновременныхъ прикосновеній, что является значительно позднѣе и при болѣе разнообразныхъ условіяхъ; короче сказать, это не есть вовсе «пространственный порогъ». Стараясь его найти, изслѣдователи опредѣляли въ сущности тонкость локализации (Feinheit des Ortsinnes).

Таковы главнѣйшіе выводы, къ которымъ пришелъ Tawney. Онъ видитъ въ нихъ подтвержденіе нативистической теоріи воспріятія пространства, которая утверждаетъ, что пространственность есть качество ощущенія, въ противоположность генетической теоріи, которая видитъ въ воспріятіи пространства результатъ сложенія различныхъ ощущеній.

Мы не будемъ входить въ подробное обсужденіе вопроса, убѣдительно ли въ этомъ отношеніи опыты Tawney; по нашему мнѣнію, имъ можно дать и другое толкованіе; мы приведемъ только результаты провѣрки опытовъ Tawney, хотя и должны при этомъ оговориться, что въ дальнѣйшемъ мы имѣемъ въ виду скорѣе обратить вниманіе на нѣкоторыя стороны, упущенныя

Тавнеу изъ виду, чѣмъ высказать какія-нибудь вполне определенныя заключенія.

Прежде всего является вопросъ, возможно ли произвести такое прикосновеніе, которое бы чувствовалось какъ прикосновеніе въ одной точкѣ. Тавнеу пользовался для своихъ опытовъ циркулемъ съ костяными остріями. Давленіе на кожу производилось вѣсомъ циркуля. Иногда, кажется, Тавнеу пользовался для произведенія прикосновенія и иглой. Но, если мы будемъ опускать осторожно иглу на ниткѣ на кожу, то замѣтимъ, что въ большинствѣ случаевъ никакого ощущенія не получается (если исключить шекотаніе отъ прикосновенія къ волоскамъ, покрывающимъ кожу). Въ большинствѣ случаевъ ощущеніе получается только тогда, когда иглой производится надавливаніе, благодаря которому происходитъ опусканіе кожи. Но въ этомъ случаѣ, очевидно, захватывается не одинъ осязательный элементъ, а нѣсколько, между тѣмъ какъ прикосновеніе, воспринимаемое какъ точка, должно, разумѣется, захватывать только одно осязательное тѣльце. Такимъ образомъ, является вопросъ, котораго не коснулся Тавнеу, — объ отношеніи величины опускающагося при прикосновеніи участка кожи къ величинѣ порога осязанія, такъ какъ опускающійся участокъ кожи на кисти руки больше пространственнаго порога осязанія. Далѣе мы замѣчаемъ, что лица, изслѣдованныя Тавнеу, во многихъ случаяхъ при прикосновеніи въ одной точкѣ чувствовали, что прикосновеніе занимаетъ на кожѣ какъ бы линію (см. табл. I послѣдній столбецъ, первая для cadaго лица цифры и табл. II, предпослѣдній столбецъ). При этомъ Тавнеу не обратилъ вниманія на одно существенное обстоятельство. Если мы прикоснемся иглой къ кожѣ, то почувствуемъ два послѣдовательныхъ ощущенія: ощущеніе прикосновенія и затѣмъ немного болѣзненнаго укола. Дѣлая опыты съ нѣсколькими лицами, мы замѣтили, что у всѣхъ мѣста прикосновенія и укола кажутся различными, но здѣсь мы встрѣчаемся съ индивидуальными различіями: нѣкоторымъ лицамъ мѣсто ощущенія боли кажется находящимся какъ разъ подъ мѣстомъ прикосновенія, какъ бы уходящимъ въ глубь; у другихъ оно проецируется въ сторону — направо, налево, взадъ или впередъ. Напротивъ, ни у кого не было получено линейнаго ощущенія прикосновенія при прикосновеніи концомъ иглы. Въ виду этого является предположеніе: не было ли такого же проецированія боли въ сторону и въ случаяхъ, приводимыхъ Тавнеу?

Если мы сравнимъ ощущение прикосновения съ ощущеніемъ боли по ихъ величинѣ, то первое кажется всегда занимающимъ нѣкоторое пространство, а второе точнымъ. (Только въ одномъ случаѣ изслѣдуемое лице, дама, сказала, что ощущение прикосновения казалось ей занимающимъ только одну точку, а ощущение боли значительно большимъ,—величиной съ булавочную головку.) При этомъ ощущение прикосновения кажется какъ бы сходящимся, въ видѣ воронки, въ одну точку ощущения боли. Если прикосновение иглой продолжается, то замѣчается какъ бы разрастаніе боли во всѣ стороны.

Эта сравнительно большая величина ощущения прикосновения, сравнительно съ ощущеніемъ боли, можетъ имѣть слѣдующее вѣроятное физиологическое объясненіе:

Кожа, какъ показано на рисункѣ 54, состоитъ изъ рогового слоя *a* кожицы (epidermis), и собственно кожи (corium) *c*; верхняя часть собственно кожи носитъ названіе Мальпигіева слоя *b*, подъ которымъ находится сосочковый слой *d*.

На рисункѣ видны также

потовыя железы *e*, скопленіе жира въ подкожной клѣтчаткѣ *f*, и нервы, вѣтвящіяся въ кожѣ *g*, которые оканчиваются осязательными тѣльцами въ сосочкахъ; *h*—кровеносные сосуды кожи съ вѣтвями капилляровъ, идущими къ сосочкамъ. Кромѣ окончанія въ осязательныхъ сосочкахъ, существуютъ многочисленныя свободныя окончанія нервныхъ развѣтвленій, количество которыхъ очень велико.

При прикосновеніи, напримѣръ, въ точкѣ *A*, когда кожа вдавливается, испытываютъ давленіе многіе осязательные элементы; когда же остріе входитъ далѣе, то испытываетъ давленіе преимущественно одинъ ближайшій нервный элементъ, вслѣдствіе чего присоединяю-

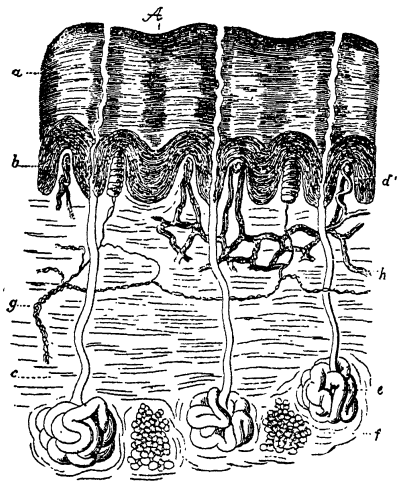

Рис. 54.

щеся къ осязательному болевое ощущеніе (которое послѣ прикосновенія уже не отдѣлимо отъ перваго) носитъ точечный характеръ. Что касается проецированія боли въ сторону отъ прикосновенія, то оно, можетъ-быть, происходитъ или отъ особенности въ расположеніи нервныхъ окончаній, или отъ особенности механическихъ свойствъ кожи.

Итакъ, какъ будто, можно заключить, вмѣстѣ съ Tawney, что простого точечнаго осязательнаго ощущенія нѣтъ и что болевое ощущеніе оказывается болѣе простымъ, потому что является въ указанныхъ случаяхъ точечнымъ. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что въ настоящее время нельзя рѣшить вопросъ въ сторону нативистической теоріи пространства. Дѣло въ томъ, что пока еще неизвѣстно съ точностью, слѣдуетъ ли признать для ощущенія боли существованіе особыхъ нервовъ, или слѣдуетъ думать, что ощущеніе боли имѣетъ центральное происхожденіе, являясь слѣдствіемъ интенсивности осязательнаго ощущенія. Если мы признаемъ второе, то, очевидно, что мы можемъ имѣть осязательное ощущеніе точечнаго характера; если же мы примемъ первое предположеніе, то и оно не рѣшаетъ вопроса въ пользу нативистической теоріи, потому что Tawney не сдѣлалъ полнаго анализа осязательнаго воспріятія, который могъ бы указать въ данномъ случаѣ роль предварительно приобрѣтенныхъ ассоціацій.

Мы, съ своей стороны, не будемъ стараться рѣшить вопросъ о воспріятіи пространства въ ту или другую сторону, для чего потребовалось бы полное обозрѣніе всего сдѣланнаго по этому вопросу; нашею задачею было отмѣтить работу Tawney, указать на ея нѣкоторую неполноту и тѣмъ вызвать на дальнѣйшее изслѣдованіе предмета.

А. Бѣлинъ.

26. Чувствительность женщины по Ottolenghi.

Ottolenghi: La sensibilité de la femme. Rev. scient. 1896, № 13.

Чувствительность женщины была уже предметомъ изслѣдованій, но большая часть изъ нихъ основывается на слишкомъ незначительномъ числѣ опытовъ, не позволяющихъ прийти къ какимъ-либо точнымъ выводамъ. Въ то время какъ Серджи ¹⁾, Ломброзо ²⁾, Ферэ ³⁾, Гавелокъ Элли ⁴⁾ и Патрикъ ⁵⁾ считаютъ

¹⁾ Sergi: Archives de psychiatrie, 1893. ²⁾ Lombroso: La Donna delinquente, 1894. ³⁾ Féré: Pathologie des émotions, 1892. ⁴⁾ Havelock Ellis: Mann und Weib, 1894. ⁵⁾ Patrick: Popular Science Monthly, Juin 1895.

женщину менѣ чувствительной, нежели мужчину, Гальтонъ ¹⁾, наоборотъ, находить, что она болѣе чувствительна; Мантегацца ²⁾ присоединяется къ мнѣнію Гальтона, признавая въ женщинѣ болѣе высокую, чѣмъ въ мужчинѣ, степень выносливости къ физической боли; наконецъ, Фулье ³⁾ утверждаетъ, что женщина чувствительнѣе мужчины, не основывая, впрочемъ, своего взгляда на какомъ-либо опытѣ.

Ottolenghi изучалъ чувствительность у 400 мужчинъ и нашелъ, что общая чувствительность и, еще болѣе, чувствительность къ боли измѣняются въ зависимости отъ возраста ⁴⁾ и отъ общественнаго положенія ⁵⁾, какъ на это было уже указано Рише ⁶⁾. Затѣмъ онъ повторилъ свои опыты надъ 681 женщиной, среди ученицъ сіенскихъ учительскихъ семинарій, консерваторій, различныхъ учрежденій и въ особенности института глухо-нѣмыхъ. Къ опытамъ также были привлечены многія дамы, дѣвицы, ремесленницы и крестьянки всѣхъ возрастовъ, живущія въ Сіенѣ. Наблюденія производились, какъ и надъ мужчинами, при помощи фарадимера Эдельмана, прикладываемого къ верхней (тыльной) части предварительно смоченной кисти руки. Опыты производились лѣтомъ и осенью и всегда надъ обѣими руками, при положеніи электрода на уровнѣ нижней трети 2, 3 и 4 пястныхъ костей. Для выясненія степени общей чувствительности, постепенно увеличивалось напряженіе тока до тѣхъ поръ, пока субъектъ не обнаруживалъ возникновенія ощущенія (легкаго шекотанія); напряженіе тока затѣмъ постепенно повышалось до момента возбужденія боли, проявляющейся въ выраженіи лица; *тупою*, какъ и въ опытахъ надъ мужчинами, считалась такая чувствительность, которая возбуждается токомъ напряженія свыше 30 вольтъ и *слабою* всякая чувствительность, проявляющаяся при напряженіи тока отъ 20 до 30 вольтъ; чувствительность, возбуждаемая токомъ отъ 15 до 20 вольтъ напряженія, считалась *среднею*,

1) Galton: La sensibilité comparée de l'homme et de la femme. Nature, 10 mai 1894. 2) Mantegazza: Fisiologia della donna, 1893. 3) Fouillée: Tempérament et Caractère, 1895. 4) Ottolenghi: La sensibilità e l'età (Journal de l'Académie de médecine de Turin, 1894). 5) Ottolenghi: Communication au III Congrès international des médecins (Rome, 1894). Sur l'application du faradimètre d'Edelmann. 6) Ch. Richet: l'Homme et l'Intelligence, 1894.

и, наконецъ, *высокою* считалась всякая чувствительность, пробуждаемая токомъ напряженностью менѣе 15 вольтъ.

Слѣдующія двѣ таблицы (рис. 55 и 56) заключаютъ въ себѣ выраженные въ процентныхъ отношеніяхъ данныя, характеризующія тупую и высокую чувствительность какъ въ отношеніи общей, такъ и болевой чувствительности. Для удобства сравненія, цифры, полученныя изъ опытовъ надъ мужчинами, показаны ря-

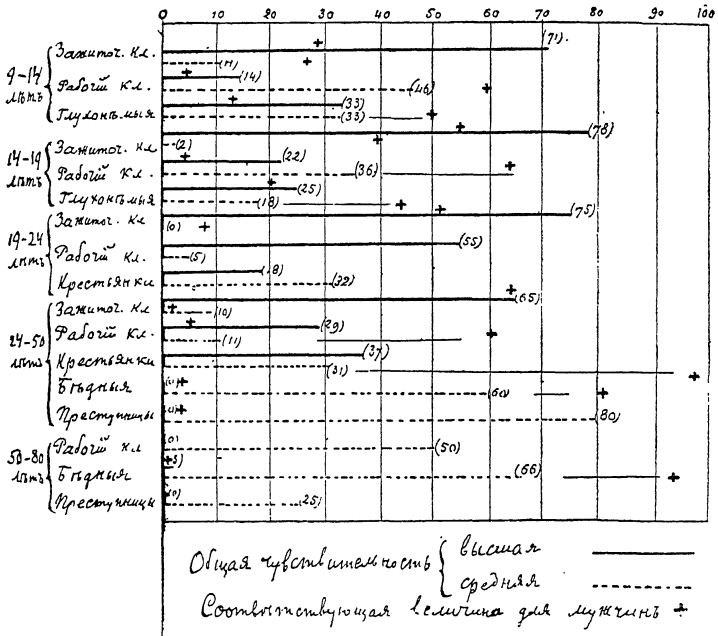

Рис. 55.

домъ, въ скобкахъ. Эти данныя изображаются въ видѣ двухъ графическихъ линій (тонкой и широкой), относящихся одна къ общей, другая къ болевой чувствительности.

У женщинъ встрѣчаются, какъ и у мужчинъ, всѣ степени чувствительности къ боли; но опыты надъ женщинами выяснили особенное проявленіе чувствительности, которое у мужчинъ встрѣчалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ тотъ моментъ, когда токъ вызываетъ ощущеніе, хотя и непріятное, но еще не

болевое, субъекты, охотно, впрочемъ, согласившіеся подвергнуться опытамъ, быстро отдергиваютъ руку. Это движеніе, происходящее, быть можетъ, отъ нѣкотораго рода самовнушенія, представляетъ собой преувеличеніе, такъ какъ боли еще нѣтъ, о чемъ свидѣтельствуетъ выраженіе лица, не проявляющее ни

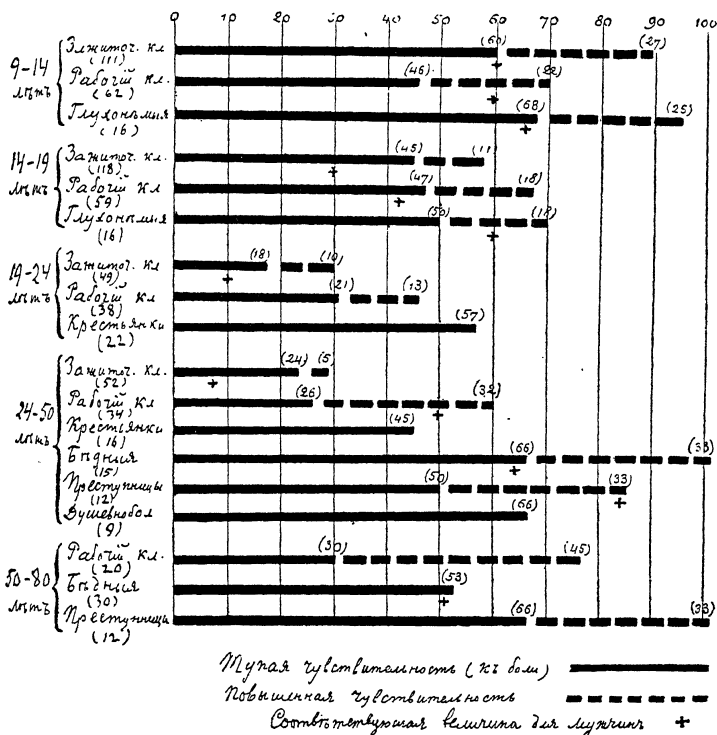

Рис. 56.

малѣйшаго признака страданія. Эта преувеличенная возбудимость, констатированная уже Sergi и Lombroso, отмѣчалась отдѣльно; въ разныхъ группахъ субъектовъ она нисколько не совпадаетъ съ видоизмѣненіями дѣйствительной чувствительности и чаще всего сопутствуетъ тупой чувствительности.

Чувствительность къ боли у женщины, какъ и у мужчины, зависитъ отъ возраста, общественнаго положенія и вырожденія.

Въ юномъ возрастѣ она мало развита во всѣхъ общественныхъ классахъ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ; у дѣвочекъ-подростковъ тупая чувствительность встрѣчается въ три раза чаще, нежели у женщинъ; потомъ чувствительность какъ бы постепенно повышается приблизительно до 24 лѣтъ, когда она, повидимому, достигаетъ своего максимума.

Общественное положеніе начинаетъ оказывать влияніе не ранѣе какъ съ 19 лѣтъ и выражается рѣшительно лишь послѣ 24 лѣтъ. Женщины ремесленныхъ классовъ менѣе чувствительны къ боли, чѣмъ женщины достаточныхъ классовъ; но онѣ чувствительнѣе крестьянокъ, которыя даютъ наибольшій процентъ тупости, причемъ у послѣднихъ не встрѣчается преувеличенной возбудимости. Сравненіе полученныхъ данныхъ ясно показываетъ, что *женщина менѣе чувствительна къ боли, нежели мужчина*. Это заключеніе, согласное съ мнѣніями Sergi, Lombroso, Féré и др., проявляется съ еще большею очевидностью, когда кругъ сравненія ограничивается средою достаточныхъ классовъ и возрастомъ отъ 24 до 50 лѣтъ; при этихъ условіяхъ, дѣйствительно, отмѣчается фактъ, что женщины даютъ въ три раза болѣе случаевъ тупой чувствительности, чѣмъ мужчины.

Не слѣдуетъ, однако, смѣшивать болевой чувствительности съ выносливостью по отношенію къ боли. Выносливость къ боли очень измѣнчива у обоихъ половъ, у женщинъ она измѣнчивѣе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ она болѣе велика, что объясняется, съ одной стороны, ихъ меньшею чувствительностью, а съ другой, большимъ влияніемъ на нихъ внушенія. Внушеніе и самовнушеніе (дѣйствіе эмоціи, примѣра, подражанія и т. п.) имѣютъ большое влияніе на чувствительность женщинъ къ боли. Онѣ въ состояніи вызывать у себя и преувеличенную возбудимость, и полную потерю чувствительности.

Вліяніе это ясно обнаруживается при разсмотрѣніи отдѣльныхъ группъ наблюдаемыхъ субъектовъ. Такъ, въ одной группѣ дѣвочекъ-сиротъ вслѣдъ за однимъ случаемъ преувеличенной возбудимости послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ такого же характера. То же самое наблюдалось въ группѣ ремесленницъ.

Наоборотъ, въ одномъ женскомъ пансіонѣ одна изъ ученицъ обнаружила большую выносливость къ ощущаемой ею боли, и вслѣдъ за ней десять другихъ, не желая отстать отъ нея, вынесли, — не безъ дѣйствительнаго страданія, — максимумъ напряже-

Итогъ наблюдений.

Исследованныя женщины.		Чувствительность къ боли.			Общая чувствительность.		
Возрастъ.	Число.	Общественное положеніе.		Преувели- ченная воз- будимость.	Слабая. У мужчинъ.	Высокая. У мужчинъ.	
		Тупая. У мужчинъ.	0/0				0/0
Отъ 9—15 л.	{ 111 62 16	Достаточная.	0/0	0/0	0/0	0/0	
		Ремесленницы	60,36	27,03	11,01	71,74	(27, 5)
		Глухо-нѣмая	46,77	22,58	46,77	14,51	(4, 0)
" 14—19 "	{ 111 59 16	Достаточная.	68,75	25,00	33,30	33,33	(13, 6)
		Ремесленницы	45,70	11,01	1,68	78,81	(55, 5)
		Глухо-нѣмая	47,46	18,04	36,20	22,41	(4, 16)
" 19—24 "	{ 49 38 22	Достаточная.	50,00	18,75	24,97	25,00	(20, 00)
		Ремесленницы	18,36	10,20	0	75,51	(52, 67)
		Крестьянки.	31,57	13,15	5,26	55,26	—
" 24—50 "	{ 52 34 16 15 12 9	Достаточная.	57,14	0, 0	31,82	18,18	—
		Ремесленницы	26,41	3,85	7,68	65,38	(66, 43)
		Крестьянки.	26,47	32,35	11,76	29,41	(5, 0)
		Бѣдная	45,95	0, 0	31,25	37,50	—
		Преступницы.	66,66	33,33	60,60	0	(0)
		Душевнобольныя.	50,00	33,33	80,60	0	(0)
" 50—80 "	{ 20 30 10	Ремесленницы	66,66	0, 0	?	?	—
		Бѣдная	30,00	45,00	50	0	—
		Преступницы.	53,33	33,30	66,66	0	—
Всего.	681	45,51	17,32	21,88	46,40	(19,72)	

нія фарадимера (230 вольтъ). Никогда не замѣчалось такихъ фактовъ въ средѣ мужчинъ; тѣ изъ нихъ, надъ которыми производились опыты, ни разу не могли вынести дѣйствія болѣе 10 лишнихъ вольтъ сравнительно съ своей нормальной выносливостью къ боли.

Общая чувствительность также измѣняется сообразно съ возрастомъ и общественнымъ положеніемъ; но измѣненіе это происходитъ въ другомъ направленіи.

У женщинъ достаточнаго класса общая чувствительность остается почти одна и та же во всѣхъ возрастахъ; у ремесленницъ, наоборотъ, чувствительность, слабо проявляющаяся въ дѣтствѣ, усиливается до 19-лѣтняго и даже до 24-лѣтняго возраста. Съ наступленіемъ старости чувствительность вообще понижается. Однако, болѣе высокая общая чувствительность замѣчается у дамы сравнительно съ ремесленницей и у ремесленницы сравнительно съ крестьянкой. Наконецъ, на чувствительность оказываетъ замѣтное вліяніе вырожденіе.

Чувствительность развивается быстрѣе у женщины, чѣмъ у мужчины; но съ 19-лѣтняго возраста ея развитіе идетъ у нихъ параллельно.

Въ ремесленномъ классѣ общая чувствительность всегда болѣе развита у женщины, чѣмъ у мужчины.

Такимъ образомъ, общая чувствительность (ощущеніе прикосновенія) болѣе велико у женщины, чѣмъ у мужчины, но чувствительность къ боли у нея слабѣе. Въ этомъ отношеніи женщина лучше мужчины вооружена для борьбы за существованіе, и, сверхъ того, ея преувеличенная возбудимость служить ей орудіемъ защиты. Эти качества, по мнѣнію Ottolenghi, даютъ ей силу переносить тяжесть семейной жизни и страданія, свойственныя ея полу; этимъ же онъ объясняетъ и большую долговѣчность женщины.

Ц. Балталонъ.

27. Способы изслѣдованія памяти зрительныхъ воспріятій по Baldwin'у, Shaw и Warren'у.

J. Mark. Baldwin and W. J. Sham Memory for Square-Size. H. C. Warren and. W. I. Shaw: Further Experiments on Memory for Square-Size. Princeton contributions to psychology. Vol. I. 1895.

J. M. Baldwin и W. J. Shaw производили опыты по тремъ методамъ.

I. Методъ выбора. Былъ нарисованъ одинъ прямоугольникъ (нормальный, въ 150 квадрат. милл.) на классной доскѣ и показанъ передъ большой аудиторіей; спустя опредѣленное время, было показано одновременно нѣсколько прямоугольниковъ различной величины, и слушатели были приглашены показать тотъ прямоугольникъ, который казался имъ равной величины съ нормальнымъ. Прямоугольники были отъ 130 до 120 мм., различаясь на 20 мм., и промежутки времени были 10, 20 и 40 минутъ.

Участвующихъ было 225 лицъ, изъ которыхъ 50 были дамы.

II. Методъ тождества. Сперва показанъ былъ нормальный прямоугольникъ, а послѣ него другой, и участвующія лица были приглашены сказать, казался ли имъ послѣдній больше, равенъ или меньше нормальнаго. Промежутки времени были тѣ же, что и раньше, и второй прямоугольникъ на 20 мм. былъ больше нормальнаго.

Въ обоихъ рядахъ опытовъ былъ употребленъ методъ вѣрныхъ и ложныхъ случаевъ, причемъ результаты были замѣчательно сходны. Цыфры показываютъ въ процентахъ число вѣрныхъ случаевъ.

	I. Методъ выбора	II. Методъ тождества.
10 мин.	64,1	87,6
20 »	59,3	82,7
40 »	36,4	58,5

На чертежѣ (рис. 57) получаются *кривыя памяти*, параллель-

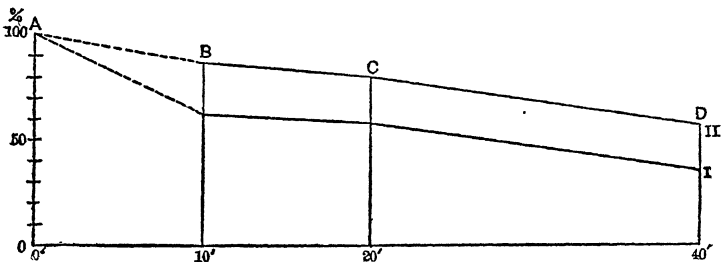

Рис. 57.

ными, на основаніи опытовъ, причемъ степень вѣрности памяти при второмъ методѣ выше, чѣмъ при первомъ.

Въ каждомъ случаѣ происходитъ сперва быстрое паденіе внизъ, потомъ слѣдуетъ періодъ постепеннаго пониженія и, наконецъ, другое быстрое паденіе. Причина скорого паденія должна лежать, по мнѣнію авторовъ, въ условіяхъ опыта. Непосредственно послѣ того, какъ былъ показанъ нормальный прямоугольникъ, участвующія лица обращали вниманіе на лекцію, а слѣдовательно происходило быстрое отвлеченіе вниманія отъ образа воспоминанія, что въ то же время и уменьшало значительно его ясность. Этому могла способствовать и усталость, происходящая отъ постоянного вниманія.

III. Методъ воспроизведенія. Нормальный прямоугольникъ былъ показанъ какъ прежде, и спустя опредѣленный промежутокъ времени, участвующихъ лицъ просили нарисовать на бумагѣ прямоугольникъ той же самой величины. Нормальный былъ въ 170 квадр. мм. Воспроизведенные прямоугольники были почти всегда слишкомъ малы, ихъ средняя величина спустя 20 мин. равнялась 146 мм. и спустя 40 мин.—146,4 мм. Этотъ результатъ былъ довольно неожиданнымъ, потому что другіе ряды опытовъ показали склонность образовъ воспоминанія увеличиваться относительно оригинала. Авторы приписываютъ это двумъ факторамъ: 1) Мышцы руки были утомлены отъ непрерывнаго писанія, и это обстоятельство производило впечатлѣніе большей фигуры, чѣмъ она была въ дѣйствительности. 2) Бумага, на которой воспроизводилась фигура, была немного больше въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ нормальная фигура, и фигура, примыкающая къ краямъ бумаги, казалась очень большой, потому что она занимала почти всю поверхность бумаги. Отсюда и происходило стремленіе рисовать прямоугольникъ слишкомъ малымъ.

При «методѣ выбора», источникомъ ошибокъ можетъ быть, какъ замѣтили авторы, вліяніе одновременнаго контраста. Чтобы изслѣдовать это вліяніе, Н. С. Warren и W. J. Shaw произвели слѣдующіе опыты: десять прямоугольниковъ, величиной отъ 100 до 190 мм., были нарисованы въ послѣдовательномъ порядкѣ на большомъ листѣ бумаги; на другомъ листѣ такихъ же размѣровъ былъ нарисованъ только одинъ прямоугольникъ, и оба листа были помѣщены въ различныхъ комнатахъ. Испытуемыя лица сперва смотрѣли на нормальный прямоугольникъ и затѣмъ, придя въ другую комнату, отмѣчали тотъ прямоугольникъ, ко-

торый казался равнымъ первому. Въ одномъ случаѣ величина нормального прямоугольника была 120 mm., въ другомъ 170 mm. Въ каждомъ случаѣ было замѣчено «притяженіе къ центру ряда», такъ какъ при нормальномъ прямоугольникѣ въ 120 mm. средняя величина была 123,3, а при 170 mm. — 165 mm.

На основаніи этого Н. G. Warren и W. J. Shaw произвели дополнительные опыты надъ памятью, примѣняя нѣсколько отличный методъ, представляющій комбинацію методовъ выбора и тождества. Непосредственною цѣлью было опредѣлить «порогъ», т.е. ту конечную ощутимую разницу между нормальнымъ и указаннымъ прямоугольникомъ, спустя извѣстный періодъ времени. Въ каждомъ опытѣ сперва былъ показанъ нормальный прямоугольникъ и, спустя извѣстный промежутокъ, другой прямоугольникъ, близкій къ «порогу», или самый крайній, полученный изъ предшествующихъ опытовъ; опыты продолжались до тѣхъ поръ, пока не былъ найденъ «порогъ». Когда прямоугольники были показаны въ непосредственной послѣдовательности (промежутокъ времени = 0), то «порогъ» для прямоугольниковъ величиной около 150 mm. былъ равенъ 3 mm. Съ увеличеніемъ промежутка времени было найдено, что получается значительная разница въ зависимости отъ того, будетъ ли второй прямоугольникъ больше или меньше. Для промежутка въ 10 минутъ «порогъ» былъ равенъ 8 mm., если второй прямоугольникъ былъ меньше, и въ то же время онъ былъ равенъ 5 mm., если второй былъ больше; для 20 минутъ немного менѣе 8 mm., если второй былъ меньше; и менѣе чѣмъ нуль (минусъ количества), если второй былъ больше, то-есть, когда показывали два прямоугольника одинаковой величины (исключая 20 минутъ), то второй казался меньше болѣе чѣмъ 50-ти лицамъ изъ ста, (63-мъ изъ ста).

Что этотъ результатъ не былъ случайнымъ, доказывается, по мнѣнію авторовъ, существеннымъ сходствомъ всѣхъ опытовъ, отмѣченныхъ въ одномъ и томъ же направленіи; условія же не допускали возможности умысла. Въ девяти отдѣльныхъ случаяхъ были произведены полныя серіи опытовъ (въ таблицѣ отмѣчены буквой *a*), при участіи однихъ и тѣхъ же лицъ (студентовъ факультета, числомъ около 50) при промежуткѣ въ 10 минутъ.

Промежутокъ врем. и располож.	Разница между I (нормальн.) и II.						
	20 mm.	12 mm.	10 mm.	8 mm.	5 mm.	3 mm.	0 mm
0 мин. II <или> I.	—	—	95 (c)	87 (c)	63 (c)	4 mm=59 2 mm=44 (c)	85= (c)
10 мин. II < I	—	—	—	—	50 (a)	—	— —
10 мин. II > I.	87 (d)	—	70 (a)	53 (a)	—	—	
20 мин. II < I	—	—	75 (b)	94 (a)	75 (a)	65 (a)	63 < 24 = 13 > (a)
20 мин. II > I	82 (d)	82 (a)	37 (b)	67 (a)	—	—	

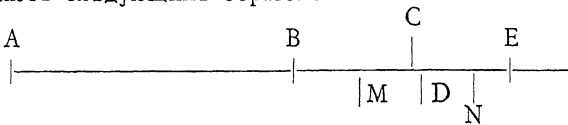
Цифры показываютъ въ % число вѣрныхъ случаевъ, исключая графы 0 mm, гдѣ обозначены дѣйствительно полученные цифры. Нормальный прямоугольникъ былъ въ 150 mm.

Кромѣ того, эта таблица показываетъ результаты двухъ опытовъ (обозначены буквой b), произведенныхъ при участіи студентовъ 2-хъ курсовъ другого факультета (числомъ 50 и 65), гдѣ воспользовались прямоугольниками въ 150 и 160 mm при промежуткѣ въ 20 минутъ, причемъ нормальнымъ былъ въ первомъ случаѣ меньшій, во второмъ большій прямоугольникъ. Въ этомъ случаѣ отсутствіе навыка увеличило «порогъ», но и здѣсь обнаружена была однородная разница, зависящая отъ порядка расположенія. Цифры, обозначенныя знакомъ c, показываютъ результаты опытовъ надъ прямоугольниками, непосредственно слѣдующими одинъ за другимъ (промежутокъ=0 мин.); опыты производились при участіи постоянно различного состава лицъ. Цифры, обозначенныя d, взяты изъ прежнихъ опытовъ надъ памятью по методу тождества.

На основаніи этихъ результатовъ авторы приходятъ къ выводу, что въ числѣ факторовъ, вліяющихъ на образъ воспоминанія, есть такой, при которомъ образъ воспоминанія имѣетъ склонность становиться больше вмѣстѣ съ увеличеніемъ промежутка времени. Таблица даетъ три случая, гдѣ представляется полное

сходство между увеличивающимися и уменьшающимися рядами:
 1) При неопытных наблюдателях (см. b) увеличение на 10 mm было замѣчено только въ 37% спустя 20 минутъ, между тѣмъ какъ эта же величина при уменьшеніи была замѣчена въ 75%.
 2) При опытныхъ наблюдателяхъ (см. a) увеличение на 8 mm было отмѣчено въ 67% и тоже самое при уменьшеніи въ 94%.
 3) При тѣхъ же наблюдателяхъ (a), послѣ значительнаго навыка, при равныхъ прямоугольникахъ, 63% высказали, что второй прямоугольникъ меньше, 24%—что онъ равенъ и 13%—что онъ больше.

Авторы объясняютъ это «преувеличеніе» (exaggeration) образа воспоминанія на основаніи Веберовскаго закона, принимая его, однако, въ измѣненномъ видѣ, именно, что увеличеніе ощущенія происходитъ менѣе быстро, чѣмъ увеличеніе раздраженія. Допустивъ такое предположеніе, полученные результаты они объясняютъ слѣдующимъ образомъ:

Пусть будетъ AC нормальнымъ раздраженіемъ, а AB и AE едва замѣтно различающіяся отъ него раздраженія, тогда $\frac{AC}{AB} = \frac{AE}{AC} = r$, нѣкоторой постоянной величинѣ для цѣлаго ряда, согласно закону Вебера; а $CE > BC$. Центральное возбужденіе образа воспоминанія въ этомъ случаѣ можетъ быть равнымъ нѣкоторой величинѣ $> AB$ и $< AE$, и какое-нибудь изображеніе между этими предѣлами можетъ казаться по величинѣ одинаковымъ съ нимъ. Такъ какъ нѣтъ объективнаго раздѣленія раздраженій, то дѣйствительныя изображенія будутъ стремиться размѣщаться согласно теоріи вѣроятностей, одинаково между B и E; но изображенія вокругъ B и E, какъ слишкомъ малыя и слишкомъ большія, будутъ отбрасываться, притомъ по направленію къ C все въ меньшей мѣрѣ. Если образы воспоминанія становятся неясными, то, во всякомъ случаѣ, воображаемыя изображенія будутъ отбрасываться тѣмъ рѣже, чѣмъ они ближе къ C, и, наконецъ, между точками M и N не будетъ отброшено ни одного изображенія. Такъ какъ теперь величины распределяются рав-

номѣрно между M и N , и ни одна не отбрасывается, то ихъ средняя будетъ выражать функцію образа воспоминанія; другими словами, точка D , находясь на срединѣ между M и N , составляетъ базисъ распознаванія, потому что AD есть средняя величина изъ углѣввшихъ изображеній. Но такъ какъ CN всегда больше MC , то точка D будетъ всегда лежать за C , т.-е. $AD > AC$.

И. Цѣликовъ, студ. ест.

28. Психометрическія измѣренія у собаки по Weyer'у.

E. M. Weyer: Some experiments on the reaction-time of a dog. Stud. from the Yale Psychol. Labor. Vol. III.

Авторъ задался цѣлью опредѣлить время простой реакціи и реакціи съ распознаваніемъ и выборомъ у собаки.

При опредѣленіи времени простой реакціи Weyer пользовался обычнымъ графическимъ методомъ. Нажиманіе клавиши замыкало электрической токъ и вызывало электрическое раздраженіе въ передней ногѣ собаки, производя одновременно отмѣтку искрой на вращавшемся цилиндрѣ. Отдергиваніе лапы подъ влияніемъ раздраженія производило при помощи помѣщавшагося надъ ней рычага другую отмѣтку на цилиндрѣ. Полученные результаты выражаются слѣдующими цифрами:

- средняя = 89—86с

средн. варіація для отдѣльнаго опыта = 19

” ” ” серіи въ 21 опытъ = 4.

Изъ сравненія этихъ цифръ съ цифрами Kries'a и Auerbach'a (111 с при раздраженіи руки) оказывается, что простая реакція на электрическое раздраженіе у собаки короче на 22 с, средняя же варіація для собаки совпадаетъ съ средней варіаціей неопытнаго въ подобныхъ опытахъ человѣка.

Попытка усложнить реакцію, введя распознаваніе и выборъ, встрѣтила значительныя затрудненія. Первое затрудненіе состояло въ отысканіи способа побудить животное различать и дѣлать выборъ. Для этого около регистрирующаго аппарата на полу ставились 2 телефона, и любой изъ нихъ можно было заставить звучать при помощи электрическаго тока. Черезъ нѣкоторое время послѣ появленія звука въ телефонѣ, собакѣ давали кусокъ мяса; она привыкала къ этому и начинала тщательно сторожить моментъ появленія звука и быстро поворачивала

голову при его появленіи, всегда, конечно, по направленію звучащаго телефона. Чтобы собака не ждала звука предпочтительно въ томъ или другомъ телефонѣ, прямо передъ ней и какъ разъ между телефонами помѣщался человекъ съ кускомъ мяса, на который естественно и смотрѣла собака.

Слѣдующая трудность состояла въ приспособленіи ключей, которые, замыкая токъ, отмѣчали бы моментъ движенія собаки въ направленіи звука. Съ этою цѣлью на голову собаки надѣвался особый намордникъ, къ которому и привинчивался ключъ. Одинъ ключъ состоялъ изъ небольшой гири, укрѣпленной на упругомъ металлическомъ стержнѣ, который былъ окруженъ металлическимъ же кольцомъ, не соприкасавшимся со стержнемъ. Въ моментъ движенія кольцо и стержень приходили въ соприкосновеніе и замыкали токъ. Другой ключъ состоялъ изъ маленькаго шара, помѣщавшагося на днѣ цилиндра. Скатываясь въ моментъ движенія собаки въ уголъ цилиндра, этотъ шарикъ приводилъ въ соприкосновеніе внутреннюю поверхность цилиндра и металлическій изолированный кружокъ, помѣщавшійся на днѣ его, и это соприкосновеніе замыкало токъ. Ни одинъ изъ этихъ ключей авторъ не находитъ удовлетворительнымъ; тѣмъ не менѣе имъ было произведено нѣсколько опытовъ, результатовъ которыхъ онъ не сообщаетъ.

А. Касатнинъ, студ. ест.

29. О физиологическомъ дѣйствіи переменныхъ токовъ высокаго напряженія по L. Guttman'у.

L. Guttman описалъ въ *Electric Power* слѣдующее рѣдкое наблюденіе, перепечатанное затѣмъ въ *Electricien* и *Revue Scientifique* (1895, 3 août), откуда я и заимствую его:

„Подъ моимъ руководствомъ находятся многочисленныя рабочіе, производящія работу съ проводниками переменныхъ токовъ, и я пытался получить отъ тѣхъ, которые подвергались ударамъ, свѣдѣнія относительно того, что они при этомъ испытывали, но изъ отвѣтовъ, которые я получалъ, нельзя было вывести никакого заключенія, кромѣ того, что люди, пораженные переменнымъ токомъ, всегда считаютъ время прикосновенія гораздо длиннѣе, чѣмъ оно было. Неточность ихъ утверженій доказывается свидѣтельствомъ окружающихъ. Человекъ, пораженный токомъ, скажетъ, что прикосновеніе длилось десять минутъ, тогда какъ вре-

мя прикосновенія не превосходило нѣсколькихъ секундъ, самое большее—полминуты.

Моя лабораторія помѣщалась въ первомъ этажѣ фабрики и отдѣлялась низкою перегородкой отъ главной мастерской, гдѣ 40—50 человѣкъ точили, стучали, подпиливали и проч.

Динамо-машина находилась въ нижнемъ этажѣ. Коммутаторъ, проводившій токъ по специальному проводу въ мою лабораторію, находился между лабораторіей и комнатою, гдѣ помѣщались трансформаторы. Окончивъ работу, я открылъ коммутаторъ и вернулся въ лабораторію, гдѣ небрежно разъединялъ контакты, не предполагая, чтобы кто-нибудь могъ замкнуть коммутаторъ, что однако случилось. Схвативъ одною рукою первичный проводъ трансформатора, а другою проводникъ, я ввелъ себя самого въ цѣпь тока высокаго напряженія, который лишилъ меня возможности двинуться и бросить проволоки.

Одно мгновеніе я былъ оглушенъ; какъ только прошелъ этотъ моментъ безсознательности, я оказался не въ состояніи ни дышать, ни позвать, ни двинуться: я былъ пригнута, пригвожденъ къ мѣсту. Шумъ мастерской мнѣ казался очень слабымъ; мнѣ казалось, что я превратился въ камень, во что то тяжелое и безчувственное; удары молота, столь громкіе обыкновенно, казалось, замирали въ дали. Я былъ неспособенъ сознать свое положеніе и думать объ опасности, которой подвергался. Все, что я могу вспомнить, кромѣ слабости ударовъ молота, это то, что я чувствовалъ въ рукахъ толчки, какъ бы отъ трясенія моихъ рукъ сильнымъ человѣкомъ, сжавшимъ ихъ въ своихъ рукахъ. Я чувствовалъ толчки тока, какъ будто они медленно подкатывались, совершенно такъ, какъ подкатываются большія волны, постепенно исчезающія на прибрежномъ пескѣ.

Вдругъ я почувствовалъ жженіе въ рукахъ, и контактъ, очевидно, пересталъ быть полнымъ. Токъ прервался, я отскочилъ назадъ движеніемъ совершенно безсознательнымъ, которое явилось результатомъ расслабленія мышцъ. Я выпрямился, и проволоки упали на полъ.

Я былъ свободенъ и послѣ глубокаго вздоха почувствовалъ жаръ и слабость въ членахъ, какую испытываютъ послѣ сильнаго и внезапнаго волненія. Несмотря на это, я продолжалъ работать, чувствуя стыдъ, что попался такимъ образомъ. Сила тока равнялась отъ 1100 до 1150 вольтъ.

Я долженъ допустить, что токъ былъ довольно слабъ, и условія для меня довольно благоприятныя, если я могъ вспомнить мои ощущенія, но думаю, что былъ близокъ къ той границѣ, за которой я утратилъ бы всякое воспоминаніе. Я не могъ ни дышать, ни кричать, ни двинуться, я былъ неспособенъ думать о чемъ бы то ни было, кромѣ того, что испытывалъ, и никакая мысль, даже боязнь умереть, или сознаніе моего положенія—не возникала у меня ни на одинъ моментъ. Всѣ подобныя идеи совершенно отсутствовали.

Впослѣдствіи я ставилъ себѣ вопросъ: не могъ ли бы я считать удары, такъ какъ толчки мнѣ казались столь ясными, столь отчетливыми, похожими на катящееся движеніе, начинающееся въ кистяхъ и поднимающееся вверхъ по рукамъ, причемъ, казалось, такіе большіе промежутки раздѣляли эти толчки другъ отъ друга?

Вначалѣ мнѣ казалось, что я могъ бы сдѣлать это, но потомъ я пришелъ къ заключенію, что испытывать, отчетливо ощущать каждый толчокъ—это одно, а вспомнить и сосчитать—это совсѣмъ другое, и это было бы невозможно подъ влияніемъ тока.

Странный фактъ, что люди думаютъ, будто они находились подъ влияніемъ тока болѣе продолжительное время, чѣмъ это было въ дѣйствительности, можетъ быть объясненъ слѣдующимъ образомъ: очевидно, если можно ясно различить каждый толчокъ, мозгъ можетъ сосчитать въ минуту 16000 перемѣнъ направленія тока динамо-машинны. Поэтому четверть минуты означаетъ, что мысленно сосчитывается 4000 толчковъ и никто не подумаетъ, что необходимое для этого время можетъ быть меньше 5 минутъ. То обстоятельство, что люди дѣлали такой ошибочный расчетъ, ясно показываетъ, что они не сохраняли сознанія и мозгъ ихъ былъ временно парализованъ въ какой-нибудь части.

Поэтому то заключеніе, что смерть при казни посредствомъ электричества безболѣзненна, такъ какъ электричество проходитъ съ такою быстротой, что нервы не успѣваютъ передавать болевыя ощущенія, мнѣ кажется ошибочнымъ, такъ какъ я думаю, что число перемѣнъ тока втрое большее, чѣмъ употребляемое теперь, можетъ еще ясно различаться мозгомъ».

Таково интересное наблюденіе Guttman'a. Тотъ фактъ, что сильныя перемѣнные токи, дающіе до 16000 ударовъ въ минуту, могутъ производить рядъ ощущеній, отмѣчается впервые, и его

важное значеніе по отношенію къ смертной казни посредствомъ сильныхъ переменныхъ токовъ Guttman оцѣнилъ по справедливости. Если прибавить къ этому, что смерть подъ вліяніемъ электрическаго тока нерѣдко бываетъ только кажущейся и, напримеръ, въ 1895 году *) былъ возвращенъ къ жизни рабочій, получившій ударъ тока въ 2—3000 вольтъ (для казни считается достаточнымъ токъ въ 1.000 вольтъ), то будетъ совершенно очевидно, что примѣненіе электричества для казни есть результатъ печальнаго недоразумѣнія.

Что касается, однако, предположенія Guttman'a, что мозгъ можетъ ясно различать 16000 ударовъ въ минуту, то оно требуетъ еще доказательства. Что Guttman ощущалъ отдѣльные удары, это не вызываетъ сомнѣнія. Но что онъ ощущалъ каждый ударъ въ отдѣльности, это вопросъ. Правда, быстроту распространенія возбужденія по нервамъ, которую обыкновенно считаютъ въ 32—62 метра въ секунду, на основаніи моихъ опытовъ съ кратчайшею реакціей (стр. 70), можно считать отъ 200 до 500, даже до 1000 метровъ въ секунду, т.-е. почти равную быстротѣ распространенія звука, откуда слѣдуетъ, что до мозга могутъ дойти съ поверхности тѣла отъ 500 до 1000 отдѣльныхъ возбужденій въ секунду, т.-е. гораздо болѣе, чѣмъ предполагаетъ Guttman. Однако, отсюда еще не слѣдуетъ, что всѣ дошедшія до мозга возбужденія будутъ въ отдѣльности восприняты сознаниемъ. Звукъ камертона въ 200 колебаній въ секунду воспринимается нами какъ тонъ, и мы не различаемъ уже отдѣльныхъ ударовъ; искры, смѣняющія одна другую черезъ 0,01 секунды, даютъ намъ ощущеніе непрерывнаго свѣта; электрическое раздраженіе кожи переменными токами около 100 перерывовъ въ секунду ощущается нами какъ непрерывная боль. Сознаніе отражаетъ въ себѣ лишь часть происходящаго въ дѣйствительности въ нервной системѣ процесса, и, если не представляется затрудненія допустить передачу 16000 толчковъ въ минуту, то требуется объяснить, почему они не сливаются въ одно ощущеніе, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Мнѣ кажется возможнымъ лишь слѣдующее объясненіе: если мы будемъ раздражать слабыми индукціонными ударами съ правильными промежутками двигательный нервъ, то каждый отдѣльный ударъ не вызоветъ никакого сокращенія мышцы. Если же уда-

*) Rev. Scient. 1895. Tome IV, p. 217.

ры будут слѣдовать другъ за другомъ, то наконецъ мышца сдѣлаетъ судорожное движеніе сокращенія и вновь придетъ въ состояніе покоя и т. д.,—слѣдовательно, отдѣльные удары, недостаточные для сокращенія мышцы, суммировались и нѣсколько отдѣльныхъ ударовъ какъ бы слились въ единичномъ эффектѣ. Тоже, мнѣ кажется, происходило въ мозгу Guttman'a. Потрясенная сильнымъ токомъ нервная система притупилась и, воспримчивость ея къ послѣдующему ряду ударовъ стала въ то же отношеніе, какъ въ нормальномъ состояніи бываетъ по отношенію къ слабымъ токамъ, что обусловило возникновеніе явленія суммированія ударовъ въ одномъ ощущеніи. Поэтому ощущенія не сливались въ одно, а происходили, какъ бы нарастая, что такъ поразительно въ описанныхъ Guttman'омъ ощущеніяхъ. Другими словами, я полагаю, что Guttman ощущалъ не каждый ударъ въ отдѣльности, а извѣстную сумму ударовъ воспринималъ какъ отдѣльное ощущеніе. Равнымъ образомъ, и тотъ фактъ, что время прикосновенія кажется большимъ, достаточно объясняется общимъ нарушеніемъ психическаго процесса безъ всякаго отношенія къ количеству испытанныхъ ощущеній.

А. Токарскій.

Книги, полученныя въ лабораторіи:

Mary Whiton Calkins: Association. An essay analitic and experimental. The Psychol. Review: Monograph Supplement. 1896. C. F. Hodge and H. A. Aikins. The daily life of a protozoan. Amer. Jour. of Psychol. Vol. VI. M. A. Raffalovich: Uranisme et unisexualité. Étude sur différentes manifestations de l'instinct sexuel. Bibl. de criminologie du Dr. A. Lacassagne. Lyon—Paris, 1896. G. Rossolimo: Le clonographe. Appareil pour enregistrer les hyperkinèses de la tête et des extrémités. Nouv. Iconor. de la Salp. 1896. S. Soukhanov: Contribution à l'étude des changements du système nerveux central dans la polynévrite. Arch. de Neurol. 1896. Th. Ziehen: Ueber Messungen der Associationsgeschwindigkeit bei Geisteskranken, namentlich bei circulärem Irresein. Neurol. Centralbl. 1896.

„Annali di freniatria e scienze affini“ del R. Manicomio di Torino. Direttore A. Marro. Vol. VI, fasc. I. „Minor Studies from the Psychological Laboratory of Wellesley College“, communicated by Mary Whiton Calkins. I—III. „Studies from the Yale Psychological Laboratory“, edited by Edward W. Scripture, Vol. I. 1892—1893; Vol. II, 1894; Vol. III, 1895. „Wellesley College Psychological Studies“, directed by Mary Whiton Calkins. № I. 1895.

„Вопросы философіи и психологій“, журн. изд. Моск. Психол. Общ., кн. 32, 1896. „Труды Московскаго Психологическаго Общества“. Вып. II—IV.

І. Ф. Гербартъ: Психологія. Пер. А. Нечаева, съ пред. проф. А. Введенскаго. В. А. Гольцевъ. Объ искусствѣ. М. 1890. Вопросы дня и жизни. М. 1893. Н. Я. Гротъ: Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ С.-Пб. 1879—1880. Къ вопросу о реформѣ логики. Лейпцигъ, 1882. Ж. Жуберъ: Основы ученія объ электричествѣ. Пер. под. ред. проф. А. Столѣтова. М. 1892. А. А. Корниловъ: Методика и планъ изслѣдованія болѣзней нервной системы. М.

1893. **Л. М. Лопатинъ:** Положительныя задачи философіи. Часть I. Область умозрительныхъ вопросовъ. М. 1886. Часть II: Законъ причинной связи, какъ основа умозрительнаго знанія дѣйствительности. М. 1891. **Э. Марей:** Механика животнаго организма. С.-Пб. 1875. **В. А. Муратовъ:** Интеллектуальныя функціи головного мозга. Казань, 1896. **И. Г. Оршанскій:** Законы наследственности. Харьковъ, 1896. **Г. И. Прибытковъ:** О ходѣ волоконъ зрительныхъ нервовъ и о мѣстѣ ихъ окончанія въ подкорковыхъ центрахъ. М. 1895. **Г. И. Россолимо.** Значеніе сосудовъ при одновременномъ заболѣваніи зрительныхъ и глазодвигательныхъ центровъ въ мозговомъ стволѣ. Изъ сбор. посв. проф. А. Фохту. М. 1896. Къ исходамъ трепанациі при опухоляхъ мозга. Изъ сбор. посв. проф. А. Фохту. М. 1896. **Ф. Е. Рыбановъ:** Маньяновскій симптомъ хроническаго кокаинизма. Изъ Мед. Обозр. 1896. Сборникъ статей, посвященный проф. А. Б. Фохту. М. 1896. **В. П. Сербскій:** Судебная психопатологія. Вып. I. Законодательство о душевнобольныхъ. М. 1896. **И. А. Синорскій:** Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства. С.-Пб. 1884. Физиологія нравственныхъ страданій. Кіевъ, 1890. Черты изъ психологіи славянъ. Кіевъ, 1895. **А. Г. Столтѣтовъ:** Введеніе въ акустику и оптику. М. 1895. **С. А. Сухановъ:** Къ вопросу о полиневритическихъ психозахъ. Изъ Арх. Псих. 1896. Новое направленіе въ біологіи и патологіи нервной клѣтки. Науч. Обозр. 1896, № 19. **И. Сѣченовъ:** Психологическіе этюды. С.-Пб. 1893. **Д. А. Тимофеевъ:** Объ окончаніяхъ нервовъ въ мужскихъ половыхъ органахъ млекопитающихъ и человѣка. Казань. 1896. **С. Н. Успенскій:** Патолого - анатомическія измѣненія нѣкоторыхъ периферическихъ нервныхъ узловъ, при голоданіи. С.-Пб. 1896. **В. Ф. Чинъ:** Объемъ сознанія у здоровыхъ и душевнобольныхъ. Изъ Арх. Псих. 1887. Широта воспріятія у душевнобольныхъ. Изъ Арх. Псих. 1890. **Ф. Шнейдеръ:** О памяти активныхъ движеній. Юрьевъ, 1894.

Я обращаюсь ко всѣмъ авторамъ психологическихъ изслѣдованій, равно какъ ко всѣмъ институтамъ и лабораторіямъ, гдѣ такія изслѣдованія производятся, съ покорной просьбой не отказать въ присылкѣ своихъ работъ, трудовъ и отчетовъ.

Адресъ: Москва, Дѣвичье Поле, Психіатрическая Клиника, А. А. Токарскому.

А. Токарскій.

Москва, май 1896 г.